

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Л. И. Рублева

**ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
XVIII–XIX ВЕКОВ**

Учебное пособие

Южно-Сахалинск
Издательство СахГУ
2012

УДК 070(470)«17/18»(075.8)
ББК 76.003я73
Р82

Печатается по решению учебно-методического совета
Сахалинского государственного университета, 2012 г.

Р82 **Рублева, Л. И. История отечественной журналистики XVIII–XIX веков : учебное пособие / Л. И. Рублева. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2012. – 328 с. ISBN 978-5-88811-424-7**

Учебное пособие представляет собою системное изложение материалов по дисциплине «История отечественной журналистики XVIII–XIX веков». В основе системы занятий – работа студента-журналиста с материалами теоретических и методических источников под руководством преподавателя, позволяющая использовать приобретенную совокупность знаний, умений и навыков в профессиональной журналисткой деятельности.

Учебное пособие «История отечественной журналистики XVIII–XIX веков» предназначено для студентов-журналистов, а также для всех, кто интересуется историей русской культуры, проблемами профессиональной деятельности работников СМИ.

УДК 070(470)«17/18»(075.8)
ББК 76.003я73

ISBN 978-5-88811-424-7

© Рублева Л. И., 2012
© Сахалинский государственный университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.....	4
РАЗДЕЛ 1. ЖУРНАЛИСТИКА XVIII ВЕКА	
Журналистика петровского времени (1702–1725 годы).....	6
Журналистика 1730–1750-х годов.....	16
Журналистика 1760-х годов.....	50
Журналистика 1770–1780-х годов.....	63
Журналистика 1790-х годов.....	119
Контрольные вопросы по разделу «Журналистика XVIII века»...	158
РАЗДЕЛ 2. ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	
Журналистика 1800–1810-х годов.....	160
Журналистика времени декабристского движения (1812–1825 годы).....	200
Журналистика конца 1820–1830-х годов.....	219
Журналистика 1840–1850-х годов.....	273
Вопросы для самопроверки.....	289
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	290
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	296
СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	316

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Дисциплина «История отечественной журналистики XVIII–XIX веков» входит в качестве составной части в систему теоретической и практической подготовки журналистов по направлению подготовки (специальности) «журналистика». Она связана с циклом общественных наук, историей России, историей отечественной литературы и литературной критики XVIII–XIX веков, историей зарубежной печати. Изучение дисциплины нацелено не только на получение культурно-исторических знаний, но и на их реализацию в практической профессиональной деятельности. История журналистики включает в себя ряд категорий: типы изданий, читательская аудитория, личность журналиста, литературный контекст и др. Этим определяются цели и задачи дисциплины.

Цель дисциплины «История отечественной журналистики XVIII–XIX веков» – изучить особенности развития русской периодической печати со времени ее возникновения в начале XVIII века и до середины XIX века.

Среди задач – выявление значения отечественной печати в культурном наследии прошлого, изучение исторического пути развития отечественной журналистики, творчества талантливых публицистов, их профессионального опыта, знакомство с журналами и газетами как специальными видами печатной продукции, изучение организации и состава изданий, деятельности редакторов, издателей и сотрудников, определение роли отечественной журналистики в создании общечеловеческих ценностей. Решение задач будет способствовать повышению профессионального уровня будущих журналистов.

Отечественная периодика сформировалась на протяжении трех столетий в систему, включающую в себя столичные и провинциальные, официальные и частные, легальные и нелегальные издания различных направлений и типов. Периодика всегда испытывала влияние государственных, политических, религиозных, различных общественных институтов, учреждений и в свою очередь воздействовала на них, формировала и отражала общественное мнение. История прессы неразрывно связана с судьбой народа, его борьбой за свободу, национальную независимость, гражданские права.

На страницах периодических изданий увидели свет произведения выдающихся и малоизвестных писателей, ученых, публицистов, политических и культурных деятелей, служителей церкви. Видные

представители отечественной прессы высказывали свои взгляды на роль и место журналистики в обществе, на гласность и свободу слова, делились творческим опытом.

В результате освоения основной образовательной программы «Журналистика», изучения дисциплины «История отечественной журналистики XVIII–XIX веков» выпускник вуза должен обладать: общекультурными и профессиональными компетенциями, то есть «готовностью уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, способностью понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, место человека в историческом процессе, политической организации общества, использовать это знание в профессиональной деятельности»¹. Он должен обладать культурой мышления; готовностью к таким видам профессиональной деятельности, как авторская – создавать материалы для различных СМИ; редакторская – приводить материалы, предназначенные для публикации, в соответствие с профессиональными стандартами, форматами, стилями и др.

Формирование профессиональных компетенций невозможно без знания основных этапов и процессов развития отечественной литературы и журналистики, понимания значения журналистского опыта прошлого для практики современных СМИ.

¹ *Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки 031300 «журналистика». – М., 2009. – С. 6–7.*

РАЗДЕЛ 1

ЖУРНАЛИСТИКА XVIII ВЕКА

Журналистика петровского времени (1702–1725 годы)

Крупнейшие преобразования в России начала XVIII столетия были подготовлены всем ходом истории и связаны с деятельностью Петра I², который разрушал устоявшийся быт, насаждал новые обычаи и порядки, что вызывало недовольство бояр и попытки отпора с их стороны. Стремясь как можно скорее ввести Россию в круг западноевропейских государств, преодолеть отсталость боярско-феодалного уклада русской жизни, царь нередко без разбору заимствовал иностранные образцы, заставлял русских людей «перенимать» их, активно вербовал на службу иностранцев. В Россию проникало много нужного, но и нередко вредного. Парадоксальность ситуации состояла в том, что это «чужестранное» требовало уважения к себе только по одной причине своего происхождения. Раболепие перед Западом в годы петровского царствования начало пускаться корни в дворянском, а затем и буржуазном обществе. К сожалению, во многом оно жизнеспособно и до сих пор.

Заметим, что в исторической науке и общественном мнении оценки личности Петра I и его роли в истории России диаметрально

² *Петр I Великий (Петр Алексеевич (1672–1725)) – последний царь всея Руси из династии Романовых (с 1682 г.) и первый Император Всероссийский (с 1721 г.). Петр был провозглашен царем в 10-летнем возрасте, стал править самостоятельно с 1689 г. С юных лет проявляя интерес к наукам и заграничному образу жизни, первым из русских царей совершил длительное путешествие в страны Западной Европы (1697–1698 гг.). По возвращении в 1698 г. развернул масштабные реформы российского государства и общественного уклада. Одним из главных достижений Петра стало расширение территорий России в Прибалтийском регионе после победы в Великой Северной войне, что позволило ему принять в 1721 г. титул первого императора Российской империи.*

противоположны: в официальной российской историографии Петра принято считать одним из наиболее выдающихся государственных деятелей, определивших направление развития России в XVIII веке. Однако многие историки, в том числе Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский и другие, высказывали резко критические оценки.

Петр I понимал, что на готовность иноземцев помочь своими знаниями положиться нельзя, необходимо было создавать кадры отечественных специалистов. Заграничные командировки составляли при этом только часть просветительской программы царя. Гораздо важнее было поставить дело светского образования в России. В Москве начали открываться первые школы: сначала навигационная, переведенная позднее в Петербург (Морская академия). Затем начались занятия в инженерной и артиллерийской школах, откуда выходили офицеры армии и флота. В хирургической школе проходили подготовку будущие врачи. Арифметику и геометрию изучали в цифирных школах, куда принимались не только дворяне, но и дети солдат, приказных, посадских людей, служителей церкви.

В 20-е годы царь был принят в члены Парижской академии наук. Вслед за этим был объявлен указ о «приискании из русских, кто учен и к тому склонность имеет», чтобы «науки в лучший цвет привести». В 1724 г. по распоряжению Петра I была создана Петербургская академия наук³ по образцу западноевропейских академий. В отличие от них, автономных, российская академия в большей степени зависит от государства. В ее задачи входило ведение исследовательской работы и обучение студентов. Первыми учеными и педагогами в Российской академии наук были европейцы. Недостаток в русских ученых определил приглашение на службу лучших зарубежных ученых, в том числе Г. В. Лейбница, Х. Вольфа, Л. Эйлера и других. Петр I мечтал, чтобы ученые выбирались из славянского народа, «дабы могли удобнее русских учить».

Первыми печатными материалами были наставления и руководства по кораблестроению, навигации, артиллерии, фортификации, архитектуре, переведенные с иностранных языков. Не ограничиваясь чисто практическими целями, Петр I уделял много внимания научным изданиям, приказывая переводить политические рассуждения, трактаты по

³ *1724–1917 гг. – Петербургская академия наук. 1917–1925 гг. – Российская академия наук, 1925–1991 гг. – Академия наук СССР. С 1991 г. – Российская академия наук.*

юриспруденции, сочинения по истории, географии, мифологии и т. д. По свидетельству современников и потомков, уже за первые десять лет существования Петербургской академии было сделано так много, что российской науке удалось подняться на высоту, до которой академии Парижская и Лондонская добрались за 60 лет упорного труда⁴.

Следующим шагом в создании светской литературы и культуры стала реформа алфавита. Взамен существовавшей в России церковнославянской азбуки в 1708 г. был составлен и введен новый «гражданский» шрифт. Этот шрифт с некоторыми видоизменениями используется и сейчас. Петр I внимательно следил за тем, как издаются русские книги. Он требовал простоты изложения и ясности мысли за счет отказа от буквальной точности передачи оригинала с тем, чтобы, «выразив» текст, излагать его на своем языке «внятно», используя не высокие слова «словенские», а простой русский язык.

Журналистика в России возникла также по указу Петра I и предназначалась для пропаганды и разъяснения его новаторских реформ. Формирующееся российское общество еще не нуждалось в регулярном и оперативном обмене информацией через периодическую печать. Достаточно было деловой переписки. Научная общественность также еще не ощутила потребности в издании своего журнала, как это уже имело место в Европе⁵.

⁴ Копелевич, Ю. Х. *Основание Петербургской академии наук* / Ю. Х. Копелевич. – Л., 1977 ; *Петербургская академия наук в истории академий мира : материалы междунар. конф. : в 4 т.* – СПб., 1999 ; *Соболева, Е. В. Борьба за реорганизацию Петербургской академии наук в середине XIX века* / Е. В. Соболева. – Л. : Наука, 1971. – 199 с. ; *Артемяева, Т. В. Философия в Петербургской академии наук XVIII века* / Т. В. Артемяева. – СПб., 1999. – 182 с. ; *Хартанович, М. Ф. Ученое сословие России: Императорская академия наук второй четверти XIX в.* / М. Ф. Хартанович. – СПб., 1999 ; *Летопись Российской академии наук.* – СПб., 2000–2002. – Т. 1–2 и др.

⁵ Первые печатные газеты в Европе появляются в XVI–XVII вв. Древнейшей считается газета «Relatio», выходившая еженедельно в Страсбурге с 1609 года. Слово «газета» имеет итальянское происхождение. «Gazzetta» – название мелкой монеты, составлявшей цену письменного сообщения о какой-либо торговой новости. В Венеции – городе, являвшемся в XVI веке одним из центров мировой торговли, собирались известия со всех сторон света. Предприимчивые писцы размножали от руки эти сообщения и продавали их деловым людям, требуя за каждый экземпляр «gazzetta». Постепенно наименование цены перешло и на само рукописное сообщение. Поэтому первые печатные органы сразу называли газетами (см. подробнее: Шамин, С. М. *Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати* / С. М. Шамин. – М. ; СПб., 2011. – 348 с.).

И, тем не менее, в начале XVIII века в России появились первые печатные издания. На первых порах они были мало заметны, однако постепенно развились в значительную силу общественной жизни. Около полувека правительство России при посредничестве Академии наук держало в своих руках монополию на прессу и лишь в конце пятидесятих годов XVIII века появилось первое частное издание.

До появления петровских «Ведомостей» Московское государство газет не знало. При царском дворе существовал обычай переводить и переписывать новости из немецких, голландских, польских, шведских газет с 1600 г. Сохранились рукописные выпуски, создававшиеся по типу «Ньюз-леттерз», начиная с 1621 г. В них говорилось о сражениях, взятии городов, о приемах послов, о подписании государственных договоров, о прибытии кораблей с товарами, появлениях комет, наводнений и т. д. Они поступали в Посольский приказ, где дьяки и подьячие по своему усмотрению выбирали известия, занося их в русском переводе на узкие длинные клеенные листы бумаги, исписанные столбцом сверху вниз. Так составлялась первая российская газета. Газета выходила без постоянного названия⁶, но в «Переписной книге царя Алексея Михайловича» (1676) названа «Куранты о всяких вестях». Редакционный коллектив (переводчики, правщики, переписчики) назывался «курантельщиками».

Предположительно слово «куранты»⁷ не позже 1649 г. стало обозначать столбцы с вестями, так как это слово входило в название нескольких голландских газет XVII века (в деловой письменности иностранные газеты называются также «печатные вестовые письма»)⁸. В 1665 г. по царскому указу между голландцем Яном ван Сведенном⁹ и приказом тайных дел был заключен договор, по которому голландский предприниматель обязался организовать почту и раз в две недели доставлять газеты в Москву¹⁰. С конца 1660-х гг. царь и бояре познакомились с курантами уже

⁶ Заголовок подробно описывал содержание, например «перевод с вестовой немецкой тетради, что делалось во Устреи и в Польше и в Шлежи и в Францовой и в Голанской и в Агленской и в Итальянской и в Угорской земле и в иных местах нынешнего году февраля с первого числа».

⁷ «Куранты» от французского слова «courant» – «текущий».

⁸ *Вести-куранты. 1600–1639 гг.* / под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1972. – С. 15.

⁹ *Вести-куранты, 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. : Русские тексты.* – Ч. 1. – М., 2009.

¹⁰ Шамин, С. М. *К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия* / С. М. Шамин // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* – 2007. – № 2 (28). – С. 44.

два раза в неделю. Окончательно выпуск «Курантов» был упорядочен боярином Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокиным¹¹, а затем его преемником боярином А. С. Матвеевым¹².

Артамон Матвеев много сделал для европеизации России рубежа XVII–XVIII вв. Им была организована типография при Посольском приказе, собрана огромная библиотека, из дворовых людей он создал первую театральную труппу и забавлял царя Алексея Михайловича театральными постановками. По свидетельству современников, он написал несколько литературных работ: «Историю русских государей, славных в ратных победах, в лицах» и «Историю избрания и венчания на царство Михаила Федоровича». Во время Стрелецкого бунта он был убит на глазах царской семьи¹³.

Газета «Куранты» печаталась для очень ограниченного круга читателей – царя и его приближенных. Газета читалась царю вслух¹⁴. Ее «выпускали» дьяки и подьячие Посольского приказа в нескольких экземплярах два-четыре раза в месяц. Для массовой аудитории она не предназначалась, выпуск был окружен тайной. Сегодня есть возможность ознакомиться с первой рукописной газетой, так как сохранившиеся материалы изданы Академией наук.

О характере и содержании статей «Курантов» можно составить свое мнение, познакомившись с несколькими заметками:

«Вести из Мейланта¹⁵ августа 26 числа¹⁶. К городу Трино французские люди двояжды приступали, только с нарочитою потерей назад отошли, и стреляли они с четырех роскатов¹⁷ и 24 пушек;

¹¹ Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (1605–1680) – занимал должность Великих государственных посольских дел и государственной печати оберегателя, управляющего Посольским приказом. Был известным военачальником и дипломатом. За подписание мирных договоров с Курляндией и Швецией царь Алексей Михайлович пожаловал ему чин думного дворянина и боярское достоинство.

¹² Матвеев Артамон Сергеевич (1625–1682) – возглавлял Посольский приказ после смерти А. Л. Ордина-Нащокина. Считался одним из первых русских «западников». Он ответственен за создание «Царского титулярника», справочника по монархам и другим первым лицам разных стран эпохи и по русской истории.

¹³ Рогожин, Н. М. Артамон Матвеев // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / под ред. Е. В. Чистяковой; сост. Н. М. Рогожин. – М.: Международные отношения, 1989. – С. 146–179.

¹⁴ Сохранилась помета: «государю чтено и боярам».

¹⁵ Милана.

¹⁶ 1643 г.

¹⁷ Так называли батареи.

а под городом Понтестуром еще по сию пору жестокова приступа не бывало. А здешной владетель ныне нежданно из города Павиа к городу Навара к мотру¹⁸ поехал» [Кур-1643].

* * *

«Марта в 31 день¹⁹ в Питцерском уезде недалеко от Гданска²⁰ видели две дивные птицы, которых поперед сего здесь не видали, желтоносые, да белые хвосты и ноги; а летали высоко гораздо и меж собою почали дратца и битца крылами и носами и ногами схватывались и с великим криком обе на землю упали; а одно птицу мужики убили, а другую в Польшу королевскому величеству живую послали; а такое птичное побоище высоко было под небесы, что крык сперва долго слышали, покамест птиц не увидели; а что такая притча окажет, и то даем умным людям рассудить» [Кур-1656].

Таким образом, в «Курантах» затронуты проблемы формирования образа России в Европе и подготовлены условия создания первой русской газеты «Ведомости», о которой мечтал Петр I.

Петр I лично знакомился с иностранными газетами и не нуждался в том, чтобы подьячие собирали и переводили для него заграничные известия. Ему нужна была собственная печатная газета, способная держать определенные круги читателей в курсе правительственной политики, оповещать о военных действиях, новостях русской и заграничной жизни. Петр I желал с помощью печатного слова пропагандировать свои военные и хозяйственные начинания, придавать им популярность.

С этой целью 15 декабря 1702 г. он подписал указ о печатании первой российской газеты «Ведомости»²¹ для «извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях» всех русских людей. Газета должна была «продаваться в мир по надлежащей цене» всем желающим. Как происходил сбор информации? Государственные учреждения (приказы) обязывали присылать сообщения о своей деятельности в Монастырский приказ, начальник которого И. А. Мусин-

¹⁸ То есть набору.

¹⁹ 1665 г.

²⁰ Данциг

²¹ «Санкт-Петербургские ведомости» (до 1728 г. – «Вьдомости», с 1728 по 1914 г. – «С.-Петербургскія Вьдомости», с 1914 по 1917 г. – «Петроградскія Вьдомости») – ежедневная газета Санкт-Петербурга. До 1917 г. именовалась «литературно-политической газетой».

Пушкин все собранные сведения немедленно отправлял на «Печатный Двор». 16 декабря этот указ был напечатан, а уже 17 декабря появился в свет первый номер новой газеты «Ведомости».

«Ведомости» были государственным изданием, предназначенным для пропаганды внешней и внутренней политики России. Это существенно отличается от путей формирования западной печати, где первые газеты возникали в основном как частная инициатива и служили торгово-коммерческим целям. Первый номер в печатном виде не сохранился, видимо, потому что носил пробный характер и был оттиснут в небольшом количестве экземпляров. Он известен по рукописным копиям. Через десять дней, 27 декабря, вышел следующий номер газеты, имевший особое название «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебургом чинилось сентября с 26 числа в 1702 году». Текст его содержал описание осады Нотебурга.

До нас дошел номер от 2 января 1703 г., в котором была следующая информация:

«Повелением его величества школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили.

В математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют.

На Москве ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человек.

Из Персиды пишут: Индийский царь послал в дарах великому государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем.

Из Казани пишут: На реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль московскому государству» (1703, январь, № 3)²².

Довольно лаконичный текст полон глубокого смысла. Здесь особое внимание обращается на достижения просвещения в России петровского времени. С особой гордостью перечисляются природные богатства и военная мощь страны, которую уважают даже правители других стран. Сообщение о большом количестве медной руды, найденной в Казани, должно было уменьшить растущее недовольство населения переплавкой церковных колоколов на пушки. Газета была

обращена только к грамотным читателям, которых было немного. Но Петр I и те, кто создавали газету, были уверены в распространении просвещения на большую часть общества.

Петр I нередко сам принимал участие в подготовке, редактировании и отборе материалов для газеты. Он отбирал материалы к очередным номерам, снабжал газету поступающими к нему документами, передавал для печати свои письма и редактировал порой целые номера. Некоторые из сохранившихся корректурных оттисков «Ведомостей» выправлены рукой Петра I и свидетельствуют, что он очень заботился о ясности текста. По его указанию редакция «Ведомостей» вслед за иностранным термином, вводившимся в употребление, часто помещала его русский перевод: «...хотя неприятель подкопом наших некую часть и подорвал, однако ж солдатом тем утешить не мог, потом в другую, старую крепость неприятель вбежал и бил шамад (сдачу), дабы окорд (договор) или хотя бы пардон (милость) получить» (1704 г., 22 августа, № 22). Среди важнейших тем на первом месте была Северная война, в которой участвовал сам царь.

Первым редактором был назначен справщик и директор московской типографии (печатного двора) Федор Поликарпов²³ – литературно образованный человек, писавший стихи, например, «Приветство стихотворное патриарху Адриану на Рождество Христово» (1694). Он готовил материалы газеты, переводил и обрабатывал переводы из иностранной печати, которые поставляли чиновники Посольского приказа, добывал известия из других ведомств и канцелярий, следил за расположением заметок в номере, вел корректуру, покупал материалы, составлял ведомость о доходах, заведовал служащими и рабочими. Был энергичным исполнителем воли Петра I в деле книжного просвещения. Первая русская газета выходила под разными названиями – «Ведомости Московского государства», «Ведомости Московские», «Российские ведомости».

Тираж был непостоянным – от нескольких десятков до нескольких тысяч экземпляров. Данные, например, за 1708 г. показывают, что отдельные номера «Ведомостей» печатались в количестве 150, 200, 400, 700 и даже 1000 экземпляров, а в 1724 г. тираж снизился до 30 экземпляров. Известие о Полтавской битве, принесшей славу России, было

²³ Поликарпов-Орлов Федор (чаще Поликарпов Федор Поликарпович) (ок. 1670–1731) – русский писатель, переводчик, педагог, издатель, ученый, определивший развитие филологии и журналистики в XVIII в.

²² Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. – М. : Л., 1952. – С. 43.

отпечатано в количестве 2500 экземпляров и разошлось целиком, но ряд номеров не находил распространения и оставался на «Печатном Дворе». Периодичность также еще не установилась: в 1703 г. – 39 номеров, в 1705-м – 46, а в 1718-м – один. С 1715 г. «Ведомости» начинают выходить и в Петербурге. А с 1719 г. – только в Петербурге.

В царском указе от 11 апреля 1720 г. было сказано:

«Понеже его царское величество указал в типографию давать ведомости публичные (общественные известия), також и к министрам о всем давать здешнем, то к тому определяется переводчик Яков Синявич, который те ведомости, по данному ему образцу, сочинять и в посылку к министрам, и в отдание потребного в печать исправлять и старание в том прилагать имеет. И когда изготovit, показывать советникам и стараться ему проведывать о таких публичных ведомостях».

На Якова Синявича была возложена обязанность сообщать сведения, имеющие общественный характер. Раньше «проведывание ведомостей» часто считалось нежелательным, иногда преступным, а теперь оно, правда с ограничениями, получает правительственную санкцию. Этим было положено начало отделу хроники и внутренней корреспонденции. И действительно, с этого времени в газете появляется гораздо больше известий о торговле, промышленности, придворной жизни, информация об ассамблеях, гуляниях и празднествах, сообщений о различных происшествиях, но все-таки несколько случайного характера. Несомненно, это был значительный шаг вперед в развитии газеты. Ее правильному изданию особенно вредил излишний контроль, видный, между прочим, и из указа от 11 апреля. В 1727 г. главная столичная типография была закрыта, издание «Ведомостей» перешло к Академии наук, и возможно, что Синявич в это время прекратил свою репортерскую деятельность. Важной фигурой в газете был переводчик, готовивший переводы материалов из иностранных газет для публикации в «Ведомостях». В Петербурге во главе газеты встал переводчик Б. Волков.

В информационных заметках «Ведомостей» можно увидеть будущие контуры газетных жанров. Например, в июльском номере за 1719 г. было помещено подробное описание празднования дня Петра и Павла в Петербурге, изложенное на 22 страницах. Первую половину этого отчета занимает пересказ проповеди митрополита Стефана Яворского, восхвалявшего Петра I как полководца, создателя флота и государственного деятеля. Этот газетный материал представляет собой один из ранних образцов публицистики в русской печати. Вто-

рая половина содержит рассказ о самом празднике, и в нем можно заметить возникновение будущих жанров репортажа, газетного отчета, составленного очевидцем.

Автор описывает «гульбу в вертограде царском, иде же все чувства насладились». Он подробно перечисляет, чем были поражены участники гулянья:

«Зрение, видящи неизреченную красоту различных деревьев, в линию и перспективу расположенных и фонтанами украшенных, тут же и речная устремления, веселящая и град и огород царский. Благоухание от благовонных цветов имущее свою сладость. Слышание от мусикийских и трубных и пушечных гласов... Последи же по западе солнца были преизрядные фейерверки, и огня, в гору летущего и по водам плавающего было изобильно» (1719, июль).

Газета скорее напоминала брошюру или тетрадь в восьмую долю листа. С № 3 за 1711 г. первая полоса (страница) газеты получает гравюру, на которой изображены вид Петербурга с Невой и Петропавловской крепостью и летящий Меркурий с трубой и жезлом – кадуцеем. Количество страниц в разных номерах было различным – от 2 до 22. Главное содержание – информационные материалы и официальные сообщения. Тематика выступлений широкая – от политических новостей до устройства лодки. Газета продавалась и стоила от одной до четырех денег. Деньгой называлось полкопейки, и цена эта для своего времени была значительной. Деньги вообще были дороги: три деньги за свой труд получал в день наборщик «Ведомостей». Особым спросом газета не пользовалась. Перестала издаваться через два года после смерти Петра I. В это время начинается реакция против петровских преобразований, делается попытка возвращения к «старине». Многие из того, что было создано, разрушается, что было начато – консервируется. Но повернуть Россию назад стало уже невозможно. Реформированное Петром I государство продолжало крепнуть и развиваться.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. – М. ; Л., 1952.
2. Ворошилов, В. В. История журналистики России / В. В. Ворошилов. – СПб., 1999.
3. Гуковский, Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. – М., 1999.

4. 1702–2002. Из века в век. Из истории русской журналистики / под ред. проф. Б. И. Есина. – М., 2002.
5. Есин, Б. И. История русской журналистики (1703–1917) / Б. И. Есин. – М., 2000.
6. Ивлев, Д. Д. История русской журналистики XVIII – начала XX в. / Д. Д. Ивлев. – М., 2004.
7. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / под ред. проф. А. В. Западова. – 3-е изд. – М., 1973.
8. История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003.
9. Татаринова, Л. Е. Русская литература и журналистика XVIII в. : учебник / Л. Е. Татаринова. – М., 2001.
10. Томсинский, С. М. Первая печатная газета в России (1702–1727) / С. М. Томсинский. – Пермь, 1959.
11. Шамин, С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати / С. М. Шамин. – М. ; СПб. : «Альянс-Архео», 2011.

ТЕКСТЫ:

1. Куранты, Ведомости, Санкт-Петербургские ведомости // Русская литература. 1700–1775 : хрестоматия / сост. В. А. Западов. – М. : Просвещение, 1979.
2. Западов, А. В. «Ведомости». В сб. : Русская проза XVIII века / А. В. Западов, Г. П. Макогоненко. – Т. 1. – М. ; Л., 1950.
3. История русской журналистики : хрестоматия / сост. Б. И. Есин. – М., 1991.
4. История российской журналистики. XVIII век : хрестоматия / Авт.-сост. А. Г. Алтунян. – Ч. 1. – М., 2002.
5. Отечественная журналистика XVIII–XIX веков. Тексты. – Екатеринбург, 2001.
6. Русская журналистика XVIII–XIX веков. Тексты. – М., 1986.

Журналистика 1730–1750-х годов

Реформы Петра I способствовали распространению просвещения в России. С этой целью царь учредил 8 февраля 1724 г. первое высшее научное учреждение – Российскую академию наук в Петербурге. Одной

из первых задач было найти соотечественников, кто «учен и тому склонность имеет». Кроме того, царь велел переводить книги по юриспруденции. Принятие в 1721 г. в Парижскую академию окончательно убедило Петра в необходимости открытия Российской академии наук, которая существенно отличалась от зарубежных аналогов. Она была государственным учреждением; ее члены, получая жалованье, должны были обеспечивать научно-техническое обслуживание государства. Академия соединила функции научного исследования и обучения, имея в своем составе университет и гимназию. При этом каждый академик должен был составить учебное руководство в пользу учащегося юношества и каждый день по часу заниматься публичным преподаванием своего предмета. Академик должен был подготовить одного или двух воспитанников, которые бы со временем могли заступить на его место. Петр высказал желание, «чтобы такие были выбираемы из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить». На содержание академии было выделено 24 912 рублей «из таможенных и лицензных доходов, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга».

«**Санкт-Петербургские ведомости**» (1727–1917) – первая газета, которую стала издавать Академия наук в качестве правительственного органа. Она стала центром интеллектуальной и культурной жизни России на протяжении почти двух веков. В течение 1727 г. «Санкт-Петербургские ведомости» выходили на немецком языке – «*Sankt-Peterburgische Zeitung*». До сегодняшнего дня сохранились эти номера, которые делались по немецкому образцу. С 1728 г. газета стала выходить на русском языке.

Издателем и редактором газеты был *Г. Ф. Миллер*²⁴. Он приехал в Россию из Германии в 1725 г., был зачислен студентом Академии наук и одновременно начал преподавать латинский язык, историю и географию в академической гимназии. Русифицированный вариант – *Федор Иванович Миллер* – российский историограф немецкого происхождения. Действительный член Академии наук и художеств (адъюнк с 1725 г., профессор истории с 1730 г.), вице-секретарь

²⁴ *Герхард Фридрих Миллер (1705–1783 г.) – родился в Герфорде (Вестфалия). Его отец, Томас Миллер, был ректором местной гимназии, происходил из пасторской семьи из города Зёст. Мать, Анна Мария Бодэ, была дочерью профессора права и восточных языков, позже также и теологии в г. Минден (Вестфалия) Герарда Бодэ. Дядя по материнской линии, Генрих фон Бодэ, был профессором права в Рингелн и Галле и принадлежал к имперскому дворянству, имея чин имперского надворного советника.*

Академии наук и художеств (1728–1730), конференц-секретарь Императорской академии наук и художеств (1754–1765), действительный статский советник. Руководитель самой большой в истории экспедиции – I Академической экспедиции, суммарно в которой участвовало около трех тысяч человек.

Г. Миллер занимался «Ведомостями» с 1728 по 1730 г. Он подбирал материалы для каждого номера газеты, переводил иностранные известия, читал корректуру и следил за выпуском номеров в свет. Первый номер «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1728 г. был отпечатан на четырех страницах в четвертую долю листа, остальные выходили в таком же формате. На первой странице под заголовком газеты помещался виньет с изображением двуглавого орла с цепью ордена Андрея Первозванного. Ниже следовала дата издания. Содержанием номера явились известия из Гамбурга, Лондона, Вены, Берлина, Рима, Парижа и других европейских городов, а также придворная хроника – сообщения о поздравлениях государя с новым годом, о производстве в чинах и награждениях.

Газета приобрела удивительную для России регулярность: в 1727 г. была *еженедельной*, а с 1728 г. стала выходить *два раза в неделю* – по вторникам и пятницам (в 1729 г. – во вторник и субботу; в 1730 г. и далее – по понедельникам и четвергам). Выход приурочивался к почтовым дням – когда из Петербурга отправлялась корреспонденция в провинцию. Тираж составлял от 30 до 4 тысяч экземпляров. За год собиралось 104–105 номеров. Кроме того, она имела «Супplement» (добавление, дополнение – перевод с лат.) – 12 номеров, в которых печатались разнообразные дополнительные материалы. Например, парламентская речь английского короля, манифест короля шведского, указы об изъятии гривенников 1726 и 1727 гг., о вывозе товаров в Ригу и Ревель и др. В течение года было издано в качестве приложений четыре реляции – о въезде Петра II в Москву, о его коронации и о похоронах царевны Анны Петровны.

Основные жанры газетных материалов – информационные заметки, письмо, в некоторых материалах можно найти элементы зарисовки, репортажа. Многие материалы заимствованы из иностранных источников. На страницах газеты нет ни политического анализа, ни политического очерка, а только информация, официальная хроника, освещение деятельности Академии наук, объявление о театральных представлениях. Особое место занимают сообщения о готовящихся к печати и вышедших в свет книгах.

Главные фигуры в газете – редактор и переводчик. Последний переводил немецкое издание на русский язык (обе версии суще-

ствовали параллельно). И он встречал немало трудностей при переводе иностранных терминов, незнакомых читающей аудитории. Поэтому к русскому изданию почти сразу раз *ежемесячно* стали выпускать «**Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях**» (1728–1742), которые были своеобразным справочным словарем для читателя газеты. Но довольно быстро «лексикон» превратился в нечто иное – ежемесячное издание журнального типа, где печатались научно-популярные статьи, стихи и прочее. А пояснения терминов стали давать прямо на страницах газеты.

«Примечания» выходили на двух языках – немецком и русском объемом от четырех до восьми страниц. В течение первого года они появлялись раз в месяц, а с 1729 г. прилагаются к каждому номеру газеты два раза в неделю. Выпуски их именуются «частями». Многие его статьи были продолжением или дополнением к информации, уже опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях». Для того, чтобы читателю была понятна эта связь, на полях печаталась ссылка на номер газеты. Позднее тематика публикаций в журнале расширяется и лишь отчасти оказывается связанной с содержанием газеты. Например, здесь могут печатать стихи поэта, о котором упоминается в информации «Санкт-Петербургских ведомостей», или стихи на аналогичную газетной публикации тему. Затем в журнале появляется проза. Литературная линия журнала постепенно крепнет. И уже в 1741 г. здесь печатаются переводные и оригинальные оды М. Ломоносова, оригинальный текст античных поэтов и силлабические переводы, серии статей по истории и теории драматического и поэтического искусства и т. д.

Статьи «Примечаний» за тринадцать лет их существования поражают разносторонностью и широтой тематического охвата. Так, в 1729 г. наряду с известием о состоянии инквизиции в Венеции (ч. 15) помещается очерк «Борьба волось в Гишпании и Португалии, или О битве с волами», то есть о бое быков (ч. 19). Вслед за серией статей об открытии Америки (ч. 29–31) поставлена статья «О Перпетуо Мобиле, непременном или непрестанном движении» (ч. 56). В части 87-й помещены «Стихи или вирши акцизного секретаря Ганкена в Польше», части 95–101 заняты обширной статьей «О полагании руки французского короля на больных, или О излечении желез прикосновением», части 88–91 заполнены статьей «О прибывании большой воды в Неве» и т. д. В последующие годы это разнообразие содержания еще увеличилось. Появились крупные статьи на естественнонаучные темы, практические рецепты, медицинские рекомендации,

описания иллюминаций и многое другое. В нем была помещена первая печатная рецензия на русском языке на книгу по экономическим вопросам.

В «Примечаниях» было опубликовано несколько статей по вопросам литературы и искусства: «О позорищных играх или комедиях и трагедиях» (1733, ч. 44–46), «Историческое описание театрального действия, которое называется опера» академика Я. Штелина (1738, ч. 17–21, 33–34, 34–49) – первое опубликованное в России сочинение о музыке, «О немых комедиантах у древних» академика Ф. Штрубе де Пирмон (1739, ч. 87), «О бардах или первых стихотворцах у древних немцев» Я. Штелина²⁵ (1740, ч. 1–2) и другие. Заметим, что появление в русской печати статей, в которых затрагивались темы истории и теории искусства, имело положительное значение, было полезно для читателей, однако нельзя не заметить полного равнодушия редакции к русскому искусству и литературе. Журнал пользовался спросом. Дважды он переиздавался в сокращенном виде – в 1765–1766 гг. и в 1787–1791 гг.

В октябре 1742 г. Академия наук прекратила издание «Примечаний», но читательский интерес к ним не охладел. В 1765 г. в Москве, вероятно Г. Миллером, был издан сборник, составленный из 25 перепечатанных отсюда статей, и вслед за ним вышло еще несколько изданий такого же типа.

По тем или иным причинам назначались редакторы, вносившие новизну в организацию материала газеты. Так, с января 1776 по декабрь 1782 г. «главное смотрение» над газетой поручено И. Ф. Богдановичу²⁶, поэту и автору известной поэмы «Душенька»²⁷. В обязан-

²⁵ Якоб Штелин – известный историк российских искусств и собиратель «анекдотов» из жизни Петра Великого.

²⁶ Богданович Ипполит Федорович (1743–1803) – поэт, драматург, журналист. Принимал участие в журнале «Полезное увеселение», где печатал свои стихи разных жанров: сказки, стансы, эклоги, идиллии, эпиграммы и др. Также печатался в «Невинных упражнениях». В 1775–76 гг. издает журнал «Собрание новостей». В 1783 г. был избран членом Российской академии и в этом же году по велению императрицы стал готовить к изданию сборник «Русские пословицы» (издан в 1785 г. в трех частях).

²⁷ В 1778 г. вышла в свет первая часть поэмы «Душенька» под названием «Душенькины похождения». В 1783 г. поэма напечатана полностью под заглавием «Душенька, древняя повесть в вольных стихах», имевшая благосклонное внимание императрицы Екатерины II.

ности его входило: «Выбирать и вносить в российские ведомости как политические новости благопристойные к сведению, так и все известия о новых, к человеческому роду полезных, в науках изобретениях...». И. Богданович не ограничился официальной хроникой: он внес в газету немало новшеств. Прежде всего, расширил тематику газетных объявлений: там стали систематически появляться анонсы новых изданий, а с 1778 г. стали печататься сведения о погоде.

С назначением в январе 1836 г. редактором А. Н. Очкина – переводчика, критика и цензора, газета начала превращаться из собрания новостей и объявлений в серьезное общественно-политическое издание. В ней начинают печататься очерки, рассказы, переводы, а среди авторов появляются В. А. Жуковский, В. И. Даль, П. А. Вяземский и другие. Преобразования имели успех коммерческий и читательский: тираж вырос до весомой тогда отметки в 4000 экземпляров.

В 1847 г. Академия наук сдала газету «Санкт-Петербургские ведомости» в аренду. Так было выгодно всем: академия получала вперед твердую плату, арендатор же получал большие права – а доход теперь зависел всецело от его успехов. Первыми арендаторами газеты стали известный издатель и книгопродавец М. Д. Ольхин и редактор А. Н. Очкин, взявшийся за дело с новыми силами. Об этом свидетельствует одобрительный отзыв взыскательного В. Г. Белинского: «Теперь “Санкт-Петербургские ведомости” так далеко оставили за собой все другие издания одного с ними рода, что сделали невозможным всякое сравнение между собою и ими. Нельзя надивиться довольно богатству и полноте внутренних известий в каждом номере...».

С «Санкт-Петербургскими ведомостями» связан важный этап участия в русской периодической печати М. В. Ломоносова²⁸. В 1748 г. канцелярия Академии наук назначила несколько переводчиков для того, чтобы выбирать сообщения из иностранных изданий, а редактуру иностранных известий возложила на М. Ломоносова (1748–1751 гг.).

В сущности, Ломоносов стал первым русским редактором «Ведомостей», ибо из восьми полос каждого номера газеты не менее пяти-шести занимали иностранные известия, остальные заполнялись объявлениями. Русские новости – преимущественно придворная хроника – обычно получали очень ограниченное место, представляя собой две-три заметки, появившиеся далеко не в каждом номере.

²⁸ Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – поэт, ученый-энциклопедист, общественный деятель. Работал в Академии наук с 1741 по 1765 г.

При всей своей занятости Ломоносов с полной ответственностью отнесся к новому поручению и принялся руководить подбором иностранной информации, внимательно редактируя тексты. Общий хроникальный характер заметок «Ведомостей» от этого не изменился – редактор имел дело с переводами, ничего не сочинял сам, а только отбирал и правил²⁹. Известия о войне за Нидерланды, о морских столкновениях между Англией и Испанией, о семейной жизни владетельных особ – королей, герцогов и маркграфов, сведения о землетрясениях, бурях и пожарах постоянно печатаются при Ломоносове, как было и до него. Но нельзя не заметить увеличения числа заметок, касающихся не военных, а светских новостей, научных сообщений, сведений об открытиях иностранных ученых. Меняется и манера письма, она делается более ясной, доступной, даже появляются просторечия. Фраза становится короткой, энергичной, четкой по мысли, удобной для чтения вслух.

Ломоносов сыграл особую роль в формировании российской журналистики. В «**Рассуждении об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенном для поддержания свободы философии**» (1755) выступил с требованием объективного разбора сочинений, разработал своеобразный этический кодекс деятельности журналиста. О каких же «обязанностях журналистов» идет речь? При каких обстоятельствах появилось это «рассуждение»?

В 1750 г. Академия наук приступила к изданию на латинском языке «Новых комментариев», которые имели хвалебные отзывы в европейских журналах. Неблагоприятной оценке подвергались только исследования Ломоносова. Так, например, в 1752 г. во второй части «*Commentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis*» появилась статья о диссертации некоего Арнольда, в которой опровергалась теория теплоты, созданная Ломоносовым. Травля начинала принимать систематический характер. Сегодня уже не требует доказательств научная достоверность открытий Ломоносова, опережающих свое время нередко на десятки лет. Его теория теплоты, названная Арнольдом неверной, легла в основу современных нам физических представлений. Кроме того, его изыскания, посвященные упругой силе воздуха, также

вызвавшие необдуманные отзывы некоторых европейских «журналистов», прославили российскую науку XVIII столетия и Ломоносова как создателя кинетической теории газового состояния.

Ломоносов формально выступает в защиту своих научных трудов. Однако выдающийся русский ученый исходит, прежде всего, из широкого понимания задач журналистики, способствующей знакомству читателей с независимым и свободным научным мнением. Все это и обусловило появление «рассуждения» Ломоносова, решившего ответить своим зарубежным противникам. Свое возражение он переслал знаменитому математику Л. Эйлеру, который был знаком с научными идеями Ломоносова и одобрял их. Л. Эйлер перевел текст с латыни на французский язык и поместил в журнал «*Nouvelle Bibliothèque Germanique ou Histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse et Pays du Nord*», A. Amsterdam, 1755, t.sizieme. Seconde Partie». По желанию Ломоносова его подписи не было.

Одним из основных вопросов публикации был вопрос о чистоте научной полемики. Он имел для него не только профессиональный, но и нравственный характер. В контексте своей просветительской деятельности выдающийся русский ученый придавал этому вопросу большое общественное значение. Михаил Васильевич анализирует одну из сторон деятельности журналистов, представлявшуюся ему наиболее ответственной и серьезной, – участие их в распространении научных знаний, в оценке работы ученых.

Он убежден в том, что академики еще до того, как их работы будут опубликованы, должны рассматривать научные открытия в своем кругу, «не позволяя примешивать заблуждение к истине и выдавать простые предположения за доказательство, а старое – за новое»³⁰. В свою очередь, «назначение журналов состоит в том, чтобы представлять вполне точные и вполне верные рефераты выходящих в свет произведений, присовокупляя в некоторых случаях добросовестные суждения то по существу вопроса, то по поводу отдельных моментов выполнения. Цель и польза извлечений заключается в максимально быстром распространении в ученом мире сведений о новых книгах».

Ломоносов считает полезным для журналистов высказывать суждения об излагаемых предметах, но предупреждает о необходимой

²⁹ Инструкция определяла строго: «...в писанин от всякого умствования и предосудительных экспрессий удерживаться; особливо что к предосуждению России или ее союзников касается, в Ведомости не вносить».

³⁰ Здесь и далее используются фрагменты «рассуждения» в переводе Я. К. Грота (Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. – М. : Л., 1952. – С. 78–80).

осторожности и справедливости при вынесении оценок: «Силы и добрая воля – вот что от них требуется. Силы – чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их план; воля – для того, чтобы иметь в виду одну только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти».

Этих важнейших качеств он не находит в европейской журналистике. Авторы публикуемых статей и отчетов слишком часто судят неверно, руководствуясь личными и групповыми соображениями, гоняясь за денежной подачкой, расхваливая дурные сочинения и порицая удачные. «Ученый, проницательный, справедливый и скромный журналист стал чем-то вроде феникса», – с горечью замечает Ломоносов.

Ученый приводит примеры недобросовестного и поверхностного изложения в лейпцигском журнале сути его работ и показывает, какую опасность для науки может представить «невежественный или несправедливый критик». Он защищает право исследователя выводить общие законы на основании опытов, а не предположений. Внимательно и с редкой для него терпеливостью ученый разъясняет ошибки рецензента, доказывая справедливость своих воззрений на «вращательное движение частиц» как причину возникновения теплоты. Оговариваясь, что он «отнюдь не намерен давать уроки физики судье», он, тем не менее, дает их, пересыпая текст язвительными замечаниями.

В заключение статьи формулируются семь правил, которые должен «затвердить как лейпцигский журналист, так и все, подобные ему».

«1. Кто берется сообщить публике содержание новых сочинений, должен наперед взвесить свои силы, ибо он предпринимает труд тяжелый и весьма сложный, которого цель не в том, чтобы передавать вещи известные и истины общие, но чтоб уметь схватить новое и существенное в сочинениях, принадлежащих иногда людям самым гениальным. Говорить о них неверно и нерассудительно – значит подвергать себя презрению и посмеянию, значит уподобляться карлу, который захотел бы поднять на своих плечах горы.

2. Чтоб быть в состоянии произвести приговор искренний и справедливый, надобно освободить свой ум от всякого предрассудка, от всякого предубеждения и не требовать, чтобы авторы, которых мы беремся судить, рабски подчинялись идеям, господствующим над нами, считая и без того этих писателей нашими врагами, с которыми мы призваны вести открытую войну.

3. Сочинения, о которых отдается отчет, должны быть разделены на два разряда: к первому принадлежат сочинения одного автора, писавшего их как частное лицо; к второму – труды, издаваемые целыми корпорациями с общего согласия, по тщательном их рассмотрении. И те и другие заслуживают, конечно, всякого внимания и уважения со стороны критика. Нет такого сочинения, которое не требовало бы соблюдения естественных законов справедливости и приличия. Нельзя, однако ж, не согласиться, что нужно вдвое более осторожности, когда дело идет о сочинениях, уже носящих на себе печать уважительного одобрения. Просмотренных и признанных достойными издания от лиц, которых совокупные знания естественно превосходят сведения журналиста, и прежде, нежели он решится указывать недостатки и осуждать, он должен неоднократно взвесить то, что намерен сказать, для того чтоб быть в состоянии поддержать и оправдать свои слова, если в том встретится надобность. Так как сочинения этого рода бывают обыкновенно тщательно обработаны и предметы в них рассматриваются систематически, то малейшие пропуски или неточности могут подать повод к опрометчивым суждениям, которые уже и сами по себе постыдны, но становятся такими еще более, когда в них ясно высказываются небрежность, невежество, поспешность, дух партий и недобросовестность.

4. Журналист не должен торопиться порицать гипотезы. Они позволительны в предметах философских, и это даже единственный путь, которым величайшие люди успели открыть истины самые важные. Это как бы порывы, доставляющие им возможность достигнуть знаний, до которых умы низкие и пресмыкающиеся в пыли никогда добраться не могут.

5. Особенно же пусть журналист запомнит, что всего бесчестнее для него красть у кого-либо из своих собратьев высказываемые им мысли и суждения и присваивать их себе, как будто бы он сам придумал их, тогда, как ему едва известны заглавия книг, которые он уничтожает. Так бывает часто с наглым рецензентом, который отваживается делать извлечения из сочинений физических и медицинских.

6. Журналисту позволяется опровергать то, что по его мнению заслуживает того в новых сочинениях, хотя это вовсе не настоящее его дело и не прямое его призвание. Но кто уже раз берется за то, должен вполне ознакомиться с мыслями автора, разобрать все его доказательства и противопоставить им действительные возражения и основательные доводы, прежде, нежели он присвоит себе право осуждать другого. Одни сомнения и произвольные во-

просы не дают этого права, ибо нет такого невежды, который не мог бы предложить гораздо более вопросов, нежели сколько самый сведущий человек в состоянии разрешить. Журналист не должен особенно воображать, что непонятное и необъяснимое для него, таково же и для автора, который мог иметь свои причины к тому, чтобы сократить или опустить некоторые обстоятельства.

7. Наконец, он никогда не должен иметь слишком высокого мнения о своем превосходстве, о своем авторитете и о достоинстве своих суждений. Выполняемое им дело само по себе уже неприятно для самолюбия тех, кого он затрагивает: было бы с его стороны очень неблагоприятно оскорблять их намеренно и вынуждать к обнаружению его бессилия».

В своей статье Ломоносов борется за право исследователей высказывать научные взгляды, не боясь нападок со стороны невежественных рецензентов. Он стремится обеспечить свободную борьбу мнений в науке, широкую публикацию новых сочинений и возлагает на плечи журналистов обязанность освещать эти работы для читательской аудитории. Журналист должен быть первым распространителем знаний, науки, просвещения, считает ученый. Вот зачем ему необходимы эрудиция, умение понимать и оценивать прочитанное, но больше всего – добросовестное отношение к делу.

Характеристики зарубежных журналистов, выступавших против передовой науки, разбросанные в статье, подчеркивают их низкий общественно-моральный уровень и определяют недостатки журналов – «жалких компиляций», где авторы искажают сказанное другими. Ломоносов испытал журнальные нападки и с осуждением говорил о нравах западноевропейской прессы.

Не был он удовлетворен и состоянием журналистики в России, порицал редакцию «Ежемесячных сочинений» и спорил с Г. Миллером. В мае 1758 г. Ломоносов предложил Академии наук издавать новый еженедельный орган – «Санкт-Петербургские ведомости о делах ученых людей». На страницах этого журнала профессора должны были излагать содержание написанных ими книг и диссертаций, делая общим достоянием научные открытия. Намечались также отдел хроники научной жизни в соседних государствах, библиография иностранной научной литературы. Однако проект не был поддержан.

Заслуживают внимания и другие работы Ломоносова, касающиеся теории и практики литературного и журналистского творчества: «Краткое руководство к красноречию» (1748); «О нынешнем состоянии словесных наук в России» (1756), «Разговор с Анакреоном»

(1756), «Предисловие о пользе книг церковных в русском языке» (1757) и другие.

В 1759 г. Ломоносов выступил с планом издания «Российских ведомостей», в которых сообщалось бы о «внутреннем состоянии государства, в чем где избыток или недостаток: например плодородия хлебов или недороду, о вывозе и привозах товару или припасов» и т. д. В новом замысле выражено желание с помощью печати связать в единое целое различные области русского государства, облегчить торгово-промышленные связи в стране, помочь развитию внутреннего рынка. Проект был передан в Сенат, дальнейших действий не последовало.

Не дожидаясь ответа по поводу «Российских ведомостей», Ломоносов вновь написал в канцелярию Академии наук о своих соображениях по поводу издававшихся ею «Комментариев». Он настойчиво добивался публикации трудов академии, руководствуясь интересами науки, охраняя приоритет русских исследователей, предложил издавать на русском языке раз в четыре месяца авторефераты диссертаций, подготовленных петербургскими учеными, ибо «новые изобретения остаются без объявления в свете, и нередко в других академиях те же выходят прежде здешних». И на этот проект опять-таки никакого ответа не было. Многочисленным идеям Ломоносова в области русской журналистики не суждено было претвориться в жизнь. Великий ученый выдвигал перед научной периодикой такие задачи, которые в ту пору были для нее невыполнимы. Но заслуживают высокого уважения его постоянный интерес к журналистике, попытки принять активное участие в ее развитии.

Немалый труд, который вкладывал Ломоносов в руководство изданием «Санкт-Петербургских ведомостей», отнимал у него время от научных занятий, и потому в марте 1751 г. он просил об увольнении от этой обязанности. Академия наук передала редактирование И. Тауберту³¹.

«Московские ведомости» (1756–1917) – вторая газета в России, издававшаяся также по инициативе Ломоносова. До 1842 г. выходила *два раза в неделю* на восьми страницах, затем три раза, с 1859 г. – ежедневно. До 1909 г. принадлежала Московскому университету. До середины XIX века была самой крупной газетой в России. Ломоно-

³¹ В 1914 г. газета была переименована в «Петроградские ведомости», закрыта в 1917 г.

сов стремился организовать в России высшую школу – университет. К тому времени у него появились и реальные возможности осуществления этого. Он произвел большое впечатление на фаворита императрицы П. И. Шувалова, которому настойчиво внушал мысль о создании в Москве университета, и по его инициативе и плану это высшее учебное заведение было открыто 7 мая 1755 г. Вскоре Ломоносов добился для университета привилегии содержать собственную типографию, указ был подписан 5 марта 1756 г.

Открытие университета и типографии обогатило русскую периодическую печать новым изданием: 26 апреля 1756 г. вышел первый номер газеты «Московские ведомости», органа Московского университета. На первой странице был изображен двуглавый орел, который был единственным графическим изображением. «Московские ведомости» достаточно долго оставались единственной периодической газетой Москвы.

Первыми редакторами были профессор словесности А. А. Барсов³² и профессор словесности Н. Н. Поповский³³ (ученик Ломоносова), затем профессор С. П. Шевырев, профессор медицины П. Д. Ве-

³² Барсов Антон Алексеевич (1730–1791) – ученый, философ, журналист. В восемь лет поступил в Славяно-греко-латинскую академию (всех принимали с 12 лет). В 1753 г. по окончании Санкт-Петербургского университета Барсов получил звание магистра философии и свободных наук. Он продолжал изучать философию и языки, занимался переводами научных трудов, преподавал в академическом университете математику. В 1755 г. по приглашению И. И. Шувалова Барсов перешел в Московский университет. Сначала он читал лекции по алгебре, но в 1761 г. был назначен ординарным профессором кафедры красноречия и до 1791 г. читал курсы грамматики, риторики и поэзии, причем практическая направленность занятий постоянно увеличивалась. В 1771 г. Барсов был избран секретарем Вольного Российского собрания при Московском университете, которое занималось исправлением и обогащением русского языка, а также составлением словарей. В 1789 г. его избирают председателем появившегося Общества любителей учености, затем почетным членом Латинского общества в Йене. Он принимал участие, хотя и недолго, в работе над Словарем Академии Российской.

³³ Поповский Николай Никитич – поэт, ритор, переводчик. Получил образование в Славяно-греко-латинской академии. После блестящего окончания Петербургского университета был оставлен преподавателем. С целью укрепления научно-педагогических кадров открытого в 1755 г. университета в Москве был назначен ректором гимназии при вузе. По воспоминаниям Н. И. Новикова, он «был человек острый, ученый и совершенно искусный в стихотворстве».

ньяминов и профессор красноречия и истории Х. А. Чеботарев. В газете помещалось много иностранных известий из Рима, Бреста, Вены, Лондона. С точки зрения современности их можно отнести к рубрике «на заметку». Большой объем материала перепечатывался из «Петербургских ведомостей», печатались высочайшие указы, официальные сообщения, военные новости. Вскоре большой официальный раздел газеты привел ее к упадку. Тираж газеты в то время составлял около 600 экземпляров.

Четко прослеживается «университетский» уклон в отборе материала. Здесь публикуются материалы о жизни и деятельности Московского университета, его профессоров и студентов на разных факультетах, о научных разработках ученых, о торжественных актах, о выходе новых книг. Так, в № 49 (от 11 октября 1756 г.) сообщается: «Е. и. в. изволила указать для умножения драматических сочинений, кои на российском языке при самом начале справедливую хвалу от всех имели, установить Российский театр, коего дирекция поручена бригадиру Сумарокову».

Печатались сведения о новых преподаваемых курсах, лекциях, диссертациях, успеваемости студентов. Газета следила за успеваемостью студентов, печатала списки награжденных за успехи в науках и переводимых с курса на курс. Так, в № 2 прилагалось «Прибавление», в котором давался отчет о торжествах 25–26 апреля по поводу коронации Елизаветы и здесь указано, что «прилежнейшим студентам и обеих гимназий лучшим ученикам выданы были за успехи золотые и серебряные медали». Эта информация имеет историко-литературный интерес – среди награжденных студентов названа фамилия Дмитрия Аничкова, известного впоследствии профессора Московского университета, а среди учеников гимназии – Григория Потемкина, Дениса Фонвизина³⁴ и др. Кроме того, в «Московских ведомостях» помещались объявления о купле-продаже, подрядах, велась придворная хроника. Доход от них поступал в казну Московского университета.

В научных публикациях прослеживается явная «просветительская» направленность. Они не перепечатывались из «Санкт-Петербургских ведомостей», а составлялись силами своих сотрудников. Здесь сообщают сведения о привитии оспы («инокуляции») в

³⁴ Можно предположить, что об этой медали идет речь в «Чистосердечном признании о делах и помышлениях» Д. И. Фонвизина. – Л. Р.

Париже, рассказывается о причинах землетрясений, подробно приводится речь известного адвоката на заседании парижского парламента против трех религиозных книг, которые он рекомендовал «разодрать и сжечь». Книжные новинки и другие существенные литературные события тоже находили отражение на страницах «Московских ведомостей». Почти в каждом номере помещались краткие сообщения о заседаниях Академии наук и ее деятельности.

«Примечания к Ведомостям» продолжали пользоваться вниманием читателей, комплекты издания целиком разошлись из академической типографии. Интересный факт: в ответ на просьбу П. И. Шувалова достать ему экземпляр «Примечаний» М. В. Ломоносов в письме 3 января 1754 г. сообщил, что не может этого сделать: «...затем, что их помалу было печатано и не по мере Российского государства, а особливо ныне, узнав наш народ пользу наук, больше такие книги хранит для их редкости».

В 1779–1789 гг. Н. И. Новиков³⁵ арендовал по просьбе куратора Московского университета М. М. Хераскова типографию и газету учебного заведения. Предложение приехавшего в 1778 г. в Петербург Хераскова принять в «содержание» университетскую типографию не могло не увлечь Новикова. «Что касается до собственного моего побуждения к сему, – писал он впоследствии, – то, признаваясь искренне, скажу, что хотя любовь к литературе и великое в сем подвиге участие имела, но главнейшее побуждение было, конечно, гордость и корыстолюбие; ибо я видел, что типография была в крайне худом состоянии, и я, по знанию моему, надеялся в скором времени ее поправить и тем себя высказать»³⁶. Роль будущего законодателя литературного вкуса и крупного предпринимателя-мецената, несомненно, льстила самолюбию Новикова. Как известно, в этот период борьбы с вольнодумством было запрещено создавать новые печатные издания, а можно было только перекупать или арендовать уже существующие. Новиков в буквальном смысле «вдыхает» в газету новую

³⁵ Новиков Николай Иванович (1744–1818) – журналист, литературный критик, прозаик, книгоиздатель. Начал заниматься журналистикой в 1769 г. В журнале «Трутенъ» и др. провозгласил сатиру на конкретных носителей нравственного и социального зла. В 1772 г. впервые в России опубликовал «Опыт исторического словаря о российских писателях», дав портреты 315 авторов. Каждая четвертая книга в России XVIII в. издана Новиковым.

³⁶ Мартынов, И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков / И. Ф. Мартынов. – М.: изд-во «Книга», 1981. – С. 48.

жизнь. Начинают печататься статьи, касающиеся разных сфер жизни. В газете можно было найти материалы из провинции, все новинки литературной сферы. Новиков начал выпускать и выдавать бесплатно к «Ведомостям» приложение для детей «Детское чтение для сердца и разума».

Также расширяется корреспондентская сеть, появился отдел «Провинциальная жизнь», укрепляются внутренние связи по стране с провинциальной интеллигенцией и купцами, торгующими книгами, используя их как корреспондентов. Поэтому его издание славилось своими материалами о внутренней жизни страны, распространялось по предварительной подписке или продавалось в книжных магазинах. «Московские ведомости» при Новикове пережили настоящий расцвет, отличались остротой постановки вопросов и интересной подачей новостей. Тираж газеты возрастает до 4 000 экземпляров (небывалый для того времени). Однако в 1788 г., еще до окончания срока аренды, Новиков оставил газету.

Формально поводом для этого послужила публикация статьи об истории ордена иезуитов, в которой высказывалось неодобрение их притязаний на политическую власть. Императрица Екатерина II покровительствовала этому монашескому ордену и была недовольна публикацией. Статья была запрещена. Была аналогичная история и с несколькими номерами «Прибавлений» – из-за статьи о влиянии наук на образ мыслей и нравы людей. В итоге Екатерина II решила не продлять договор аренды с Новиковым. Травля издателя закончилась его арестом и заключением в Петропавловскую крепость.

Первое время после ухода Новикова «Московские ведомости» мало изменились. Это особенно видно в номерах периода Великой французской революции. С 1825 г. издание перешло к П. И. Шаликову. В 1842–1847 гг. (по другим сведениям, после 1848-го) редактором был Е. Ф. Корш (1842–1848). При нем газета стала выходить три раза в неделю, увеличился объем культурной хроники и литературных публикаций. В 1847–1849 гг. редактором газеты был И. Дмитриев, в 1849–1851 гг. – В. Хлопов. Во второй половине XIX в. редакторами были В. Ф. Корш (1856), актер М. П. Щепкин (1862). С 1863 г. редакторами и арендаторами были М. Н. Катков, П. М. Леонтьев и другие.

Первое столетие газета «Московские ведомости» была скорее бюллетенем новостей и сборником правительственных постановлений, хотя периодически ее передавали частным арендаторам, которые пытались превратить издание в литературно-художественное. Заметным явлением в общественной жизни газета стала с 1863-го,

когда ее возглавил М. Н. Катков³⁷ (собственно, газету он возглавлял и в 1850–1855 гг., но тогда в ней нельзя было помещать публицистические статьи). Под его руководством «Московские ведомости» стали газетой правомонархического направления, при этом не превратившись в правительственный официоз. Напротив, периодически издание вступало в конфликт с министрами и влиятельными сановниками, в силу ряда обстоятельств выступавшими против традиционных истинно русских охранительных начал. В результате «Московские ведомости» стали чем-то большим, чем газета.

Публицист Н. П. Гиляров-Платонов писал о значении газеты: «“Московские ведомости” образовали своего рода департамент, в котором обсуждались и готовились к решению важнейшие вопросы по внутренней и внешней политике, – департамент не официальный, с голосом независимым и не властным, но к звукам которого нельзя было остаться глухим и которого сила удваивалась настойчивым повторением раз поставленных положений и беспощадной полемикой с противниками, кто бы они ни были и где бы ни стояли, – в рядах ли публицистики, на верхних ли ступенях государственной иерархии»³⁸.

«Московские ведомости» при М. Н. Каткове стали интеллектуальным центром правоконсервативных сил, выполняя те функции, которые в других странах выполняли политические партии. Позиция газеты, поддерживавшей царя против царских министров, часто приводила к конфликтам. При нем газета имела в общей сложности 11 цензурных взысканий. Наличие материалов оппозиционного характера в газете Каткова вместе с «Санкт-Петербургскими ведомостями» способствовало развитию русской журналистики и подготовило почву в XIX веке для появления большого количества интересных периодических изданий.

Журналы Академии наук. В 1755–1796 гг. Академия наук была не только центром научного развития России, но и средоточием культурной, литературной и, говоря в целом, творческой мысли. В том числе

³⁷ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – журналист, публицист, издатель, литературный критик, основоположник политической журналистики. Дебютировал в печати в 1838 г. в журнале «Московский наблюдатель». Редактировал «Московские ведомости» (1851) и «Русский вестник» (1856). В эпоху «великих реформ» занимает консервативно-оппозиционную позицию к политике Александра II. Имел сильное влияние на политику правительства, а также врагов в обществе из-за своей непримиримости.

³⁸ Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / отв. редактор О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2008.

и журналистики. Поэтому не удивительно, что в эти годы она издавала несколько научно-популярных и литературных так называемых «толстых» журналов. «Толстый» журнал – очень характерное для России явление. Он традиционно будет популярен в России на протяжении всех трех веков развития журналистики. Обычно он содержал литературные, публицистические, научно-популярные и другие материалы, рассматривались экономические темы, проблемы искусства, развитие торговли. Это придавало журналу энциклопедический характер и соответствовало вкусу читающей публики. Кроме того, *такое содержание и почти книжный объем (более десяти печатных листов, то есть 220 страниц) позволяли обходить цензуру, ибо предварительной цензуре подлежали лишь издания меньшего объема.*

Выпускались специальные *научные журналы*: «Комментарии Петербургской Академии наук», «Труды Петербургской Академии наук» и др. Академия также выпускала *научно-популярные и литературные издания*: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764), «Академические известия» (1779–1791) и «Новые ежемесячные сочинения» (1786–1796). Все издания стремились к популяризации науки среди русских читателей, а также способствовали объединению лучших литературных сил для служения добру и общественному благу.

Самое заметное издание – **«Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764)**, первый в России научно-популярный и литературный журнал, издававшийся Императорской Петербургской академией наук (с 1758 г. – «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», с 1763 г. – «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах»). Выходил журнал *ежемесячно*. Нумерация страниц в пределах полугода была сквозной, что позволяло затем их брошюровать для библиотеки в полугодовые тома (две части в год). Формат журнала был в восьмую часть листа, что сегодня равно примерно листу А5.

Первый номер «Ежемесячных сочинений» увидел свет в январе 1755 г. Редактором был назначен Г. Миллер. Первоначально журнал печатался в количестве 2000 экз. Подписчиков оказалось меньше. В первые три года их было 600–700, после подписного года продавалось еще 500–700 экземпляров.

Обложка номеров выглядела так: в верхней части – название журнала, ниже название месяца и год издания, затем – эмблема. Эмблема – виньетка с изображением двуглавого орла с распростертыми крыльями, держащего в лапах лавровую ветвь. В верхней части эмблемы помещено солнце, освещающее европейскую часть Северного полушария, то

есть Россию, с вензелем императрицы Елизаветы Петровны³⁹. В лучах солнца – девиз журнала: «Для всех». Эмблема повторялась в январском и июльском номерах. В остальных заменялась виньеткой-украшением.

Названий рубрики не имели. Публикации обозначались римскими цифрами. С течением времени появились разделы – «наука», «изящная словесность», «критика», «смесь»⁴⁰. Здесь печатались статьи о торговле и экономике, литературе и искусстве. Значительное место занимают исторические статьи. В основном журнал заполнялся переводными материалами и по отделу наук, и по отделу литературы. Много было переводов из Вольтера, из зарубежных сатирических журналов. На страницах «Ежемесячных сочинений» публиковались тексты А. Сумарокова, В. К. Тредиаковского, М. М. Хераскова, И. П. Елагина и др.

Необходимо напомнить, что инициатива в создании первого научно-популярного академического журнала принадлежит Ломоносову, который первым указал, что следует его выпускать «повсемесечно, или по всякую четверть или треть года, дабы одна или две материи содержались в книжке, и в меньшем формате». Враждебное отношение Г. Миллера к М. Ломоносову не позволило последнему сотрудничать в журнале. Девиз на титульном листе «Для всех» и программа журнала анонсировали адаптацию серьезных теоретических рассуждений к особенностям восприятия широких слоев аудитории. Уже в первой книжке появился повод для полемики. Здесь было опубликовано стихотворение «Правда ненависть рождает»⁴¹:

Какая красота теперь себя являет?

Какою святостью мой разум восхищает?

Коль светел и коль чист от ней блистает луч,

³⁹ Любопытна история появления в феврале 1759 г. в «Ежемесячных сочинениях» произведения Алексея Ржевского «Сонет, или мадригал, Либере Саке, актрисе итальянского вольного театра», в котором воспевались красота и талант балерины. Стихотворение вызвало гнев императрицы Елизаветы Петровны, считавшей себя первой красавицей и ревниво относящейся к похвалам в адрес других женщин. Редактор Г. Ф. Миллер был наказан, а сонет вместе с другими сочинениями унтер-офицера конного полка А. Ржевского был вырван из журнала и уничтожен.

⁴⁰ Современный исследователь журнала после изучения материалов предлагает свою рубрику: «философско-литературный», «географо-экономико-исторический», «натуральная история» (Готовцева, А. Г. Журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» в российском историко-культурном контексте середины XVIII века / А. Г. Готовцева. – М., 2005. – С. 6).

⁴¹ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». 1755, январь, без подп. На авторство Ломоносова указал Л. Б. Модзалевский в статье «Литературная полемика Ломоносова и Тредиаковского в “Ежемесячных сочинениях” 1755 года» // XVIII век. – М.; Л., 1959. – Сб. 4. – С. 45–65.

Дерзает против бурь, дерзает против туч?
Богиня по всему и тишину приводит,
Во чреве носит плод, и с оным к нам приходит.
И час уж наступил, и время ей родить,
Прекрасное дитя нам, смертным, подарить.
Но коль ужасное чудовище родилось!
Зубами заскрипев, на мать устремилось.
Не так свирепствует презлобной крокодил,
Которого питал в себе великий Нил.
Не так несытой волк на паству нападает,
Как правду ненависть рожденная терзает.

О, Правда, ты наш свет, ты солнечной восход;
Возможно ль, чтоб тобой рожден был сей урод?
Ты дочь всевышнего, ты добрых дел царица.
Но полон скверны плод! Бессчастлива роженица!

1754(?)⁴²

Полемическим отзывом на него стало стихотворение В. Тредиаковского «Услужливость – друзей, истина – ненависть рождает»⁴³, появившееся в апрельской книжке журнала «Ежемесячные сочинения». Тредиаковский нападает на Ломоносова, упрекая его в рабелепии. Правильно понять суть полемики двух академиков-поэтов можно лишь с учетом общественно-политической обстановки в Академии наук в 1755 г.

Г. Н. Теплов⁴⁴, Г. Ф. Миллер, В. К. Тредиаковский⁴⁵ и др. добились отращения М. В. Ломоносова от дел, его «уязвления». Для

⁴² Ломоносов, М. В. Избранные произведения. Библиотека поэта. Большая серия / М. В. Ломоносов. – Л., 1986. – С. 456–457.

⁴³ Модзалевский, Л. Б. Литературная полемика Ломоносова и Тредиаковского в «Ежемесячных сочинениях» 1755 года / Л. Б. Модзалевский // XVIII век – М.; Л., 1959. – Сб. 4. – С. 60–65.

⁴⁴ Теплов Григорий Николаевич (1717–1779) – переводчик, писатель, теоретик литературы. Разночинец, сын придворного истопника. По семейной легенде его отцом был Ф. Прокопович. Президент Академии наук К. Г. Разумовский передоверил Теплову управлять академиками. Неуживчивый, подозрительный, самолюбивый Теплов конфликтовал с Миллером (разжаловал из академиков в адъюнкты), Ломоносовым (запретил ему посещать собрания Академии, за что последний подал императрице рапорт, прося избавить «от Теплова ига»), Тредиаковским (публично «ляля матом» и грозил «шапою заколоть») и др.

⁴⁵ Тредиаковский Василий Кириллович (1703–1769) – поэт, переводчик, теоретик литературы. Является реформатором русской системы стихосложения, в 1730 г. написал первый русский роман «Езда в остров любви» в прозе и стихах, в романе в стихах «Тилемахида» впервые использовал нерифмованный гекзаметр.

М. В. Ломоносова, по мнению В. К. Тредиаковского, «Правда» – государственное и патриотическое дело, требующее услужливости и приводящее к раболепию. Себя В. К. Тредиаковский относил к честным и бескорыстным людям, любящих «Правду», но не способных на раболепие. Он был не прав. Михаил Ломоносов был вынужден обращаться с просьбами к императрице. Но делал он это не для себя, а для развития науки. За это его не любили многие академики. Для нас это пример слияния публицистики и поэтической формы в полемическом тексте, столь характерный для русской публицистики.

Активная полемика велась авторами отдела истории. Печатались произведения В. К. Татищева, Т. Гербера и др. Большая часть исторических статей в «Ежемесячных сочинениях» были написаны Г. Миллером. Интересен факт полемики, связанный с публикацией в трех книжках за 1762 г. его статьи «Опыт новейшей истории в России». Материал представлял, бесспорно, немалый интерес, так как был основан на изучении солидных источников. Однако вызвал негодование поверхностным уровнем оценок, высокомерным отношением к русской истории и культуре.

Многие авторы выразили негодование. Так, например, М. Ломоносов писал, что Г. Миллер «больше всего высматривает пятна на одежде российского тела, проходя многие истинные ее украшения. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего замечания, что Г. Ф. Миллер пишет и печатает на немецком языке смутные времена Годунова – самую мрачную часть российской истории, из чего иностранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе. Или нет других известий и для российских, где бы по последней мере и добро с худом в равновесии видеть можно было?»⁴⁶.

Здесь Ломоносов выступил против одного из полемических приемов – акцентуации, отбора, интеллектуального «просеивания!» фактов. Он указывает, что Миллеру был сделан «от гг. конференц-министров ... за некоторые в ... (его) сочинениях о российской истории находящиеся непристойности... жестокий выговор с приказанием, чтобы впредь такие... умения напечатаны не были»⁴⁷. Таким образом, небольшой полемический фрагмент продемонстрировал и еще одну черту полемики – серьезное воздействие ее на обществен-

⁴⁶ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». 1762, май, без подп.

⁴⁷ Там же.

ное мнение. А в русской журналистике появился один из первых образцов научной публицистики.

Журнал знакомил своих читателей с новейшими экономическими учениями зарубежных экономистов – печатались статьи «меркантилистского и монетарного» характера. Был в журнале и свой экономист – П. И. Рычков, который писал в основном о российском сельском хозяйстве, критиковал организацию хозяйствования в дворянских имениях, требовал изменений в ведении земледельческого хозяйства.

С января 1763 г. был введен отдел «Известий о ученых делах», имеющий историко-литературный интерес, где печатались рецензии на театральные постановки и новые книги. Объем материалов уступал статьям «по части экономии и коммерции». Это скорее короткие аннотации, дававшие возможность читателю составить первое впечатление о какой-либо «ученой» книге или художественном произведении. Так, например, представляет интерес заметка о первом издании «Сатир» А. Д. Кантемира⁴⁸: «Любителям стихотворства немалая оказана услуга тем, что сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира, которые перед тем токмо письменные имелись у охотников, с историческими самим покойным автором сочиненными примечаниями и с кратким описанием его жизни, при Академии Наук в печать изданы.

Стихотворство его, хотя с нынешним стихов сложением не сходствует, но тем больше изобилует остроумными и высокими мыслями и чистым нравоучением, чего ради оные его сатиры уже и давно с письменного экземпляра на французский язык переведены и в Париже напечатаны были. Да еще и с французского прозаического перевода переложил оные на немецкие стихи знатной прусской стихотворец королевской генерал-адъютант и подполковник барон фон-Шпилькер. А оба переводы верно и искусно деланы и от всех знающих с великою похвалою приняты. Описание жизни князя Антиоха Кантемира находится также при французском и немецком переводе, но с некоторыми излишествами и несправедливыми рассуждениями, что здесь исправлено»⁴⁹.

⁴⁸ Кантемир Антиох Дмитриевич (1709–1744) – поэт, дипломат. Написал восемь (авторство девятой спорно) сатир, ряд од, поэм, филологическую работу по стихосложению «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» (1742).

⁴⁹ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». 1763, февраль, без подп.

Сатиры занимают особое место в литературном наследии Кантемира. Написанные за рубежом⁵⁰, они тесно связаны с российской действительностью, самобытны и оригинальны. Это отметил одним из первых В. Г. Белинский: «Первый светский писатель был сатирик Кантемир. Несмотря на подражание латинским сатирикам и Буало, он умел остаться оригинальным, потому, потому что был верен натуре и писал с нее»⁵¹. Судьба сатир Кантемира также горька и незавидна, как и его поэтическая известность. При жизни поэта они ходили по России в списках, не были изданы. Первую известность получили в Европе, переведенные на французский и немецкий языки. В России впервые изданы И. С. Барковым по поручению Академической канцелярии только в 1762 г., о чем и говорится в «Ежемесячных сочинениях».

Драгоценную часть «Ежемесячных сочинений» составляют статьи о литературе и искусстве. С инициалами В. К. Тредиаковского в июньском номере за 1755 г. опубликовано важное для изучения российской версификации рассуждение «О древнем, среднем и новом стихотворении российском». Упомянутые здесь поэты и материалы «среднего русского стихотворения» стали основой не только «Опыта словаря исторического» (1772), изданного Н. И. Новиковым, но и многих исследований вплоть до середины XIX в.

Анонимно в майском номере была опубликована статья «О качествах стихотворца рассуждение»⁵², а в июльском – «Рассуждение о начале стихотворства», вызвавшие полемику.

В первой из названных статей Г. Н. Теплов развивал мысль о том, что литература должна воспитывать читателей, быть серьезной и поучающей. Стихотворство в ней изображалось в соответствии с установками поэтики классицизма сложной наукой, пройти которую писателю совершенно необходимо. Теплов метил в дворянских

⁵⁰ А. Д. Кантемир в 1731 г. был назначен российским послом в Англию, где шесть лет представлял интересы России (1732–1738), затем был направлен во Францию (1738–1744) в качестве чрезвычайного посла, где скончался от болезни желудка.

⁵¹ Белинский, В. Г. Соч. – Т. 8. – С. 346.

⁵² Долгое время ошибочно авторство приписывалось М. В. Ломоносову, сегодня доказана принадлежность статей Г. Н. Теплову (Берков, П. Н. Анонимная статья Ломоносова / П. Н. Берков // XVIII век. – Сб. – Вып. 1. – М.: изд-во АН СССР, 1935); Модзалевский, Б. Л. Ломоносов и «О качествах стихотворства рассуждение» / Б. Л. Модзалевский // Литературное творчество М. В. Ломоносова. – М.; Л., 1962. – С. 133–162; Курилов, А. С. Литературоведение в России XVIII века / А. С. Курилов. – М., 1981. – С. 229–233 и др.

поэтов, а, скорее всего, в своего противника А. Сумарокова. Он язвительно осуждал авторов, которые «без науки и в худых рифмах» пишут салонные стихи, не имеющие гражданского значения, но воображают себя «добрыми писателями». Он доказывал, что не всякий знаток версификации может считаться поэтом. Поэт – это особое состояние души, для которой характерны высокий полет фантазии и образное видение мира. Талант и высокая образованность – главные признаки истинного таланта. Заканчивалось «Рассуждение о начале стихотворства» цитатой из Цицерона: «В безделицах я стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу, перстом измеряющего людские пороки»⁵³.

В 60-е годы первый журнал Академии наук, немало содействовавший сплочению литературных сил России, в последние годы снизил содержательность своих материалов. В это время возникли журналы, издаваемые частными лицами, которые печатались в своих изданиях. Наступал новый период в истории русской печати. В 1764 г. «Ежемесячные сочинения» были закрыты. Это совпало с отъездом Миллера в Москву. В истории Петербургской академии наук важное место занимает Екатерина Романовна Дашкова⁵⁴, фаворитка императрицы Екатерины, ставшая первой женщиной в мире, управлявшей Академией наук с 1783 по 1794 г. По предложению Е. Р. Дашковой в 1783 г. была учреждена Императорская Российская академия, главной целью которой было исследование русского языка.

Екатерина Дашкова в своей деятельности выражала уверенность, что науки не будут составлять монополию академии, но «присвоены будучи всему отечеству и вкоренившись, процветать будут». С этой целью по ее инициативе были организованы при академии публичные лекции (ежегодно, в течение четырех летних месяцев), имевшие большой успех и привлекавшие большое число слушателей. Она увеличила число студентов-стипендиатов академии с 17 до 50 и воспитанников академии художеств – с 21 до 40. В продолжение 11 лет

⁵³ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». 1755, февраль.

⁵⁴ Дашкова Екатерина Романовна (1743–1810) – мемуарист, драматург, поэт, публицист, переводчик. Одна из самых образованных женщин России. Встречалась с Вольтером, Д. Дидро, А. Смитом. Возглавляла Российскую академию, редактировала «Собеседник любителей русского слова», «Новые ежемесячные сочинения», «Российский Феатр». В XIX веке сотрудничала в журналах «Друг просвещения», «Вестник Европы», «Русский вестник» и др. Написала в 1805–06 гг. «Записки» – лучший портрет XVIII столетия в жанре мемуаров.

ее директорства академическая гимназия проявляла свою деятельность не только на бумаге. Несколько молодых людей отправлены были для довершения образования в Геттинген.

Учреждение так называемого «переводческого департамента» (взамен «собраний переводчиков» или «российского собрания») имело целью доставить русскому обществу возможность читать лучшие произведения иностранных литератур на родном языке. В это именно время и появился целый ряд переводов, по преимуществу с классических языков.

По почину Дашковой был основан журнал «Собеседник любителей российского слова», выходивший в 1783 и 1784 гг. (16 книжек) и носивший сатирическо-публицистический характер. В нем участвовали известные авторы: Г. Р. Державин, М. М. Херасков, В. В. Капнист, Д. И. Фонвизин, И. Ф. Богданович, Я. Б. Княжнин. Здесь помещены были «Записки о русской истории» императрицы Екатерины, ее же «Были и небылицы», ответы на вопросы Д. И. Фонвизина, «Фелица» Г. Р. Державина. Самой Е. Р. Дашковой принадлежит надпись в стихах к портрету Екатерины и сатирическое «Послание к слову: так».

Другое более серьезное издание – «Новые ежемесячные сочинения» начато было в 1786 г. и продолжилось до 1796 г. При Дашковой начата новая серия мемуаров академии под заголовком «Nova acta acad. scientiarum petropolitanae» (с 1783 г.). По ее предложению издавался сборник при академии – «Российский Театр».

Главным научным предприятием Российской академии было издание «Толкового словаря русского языка». В этом коллективном труде Дашковой принадлежат собирание слов на буквы «ц», «ш», «щ», дополнения ко многим другим буквам; она также много трудилась над объяснением слов (преимущественно обозначающих нравственные качества). 29 ноября 1783 г. на заседании Российской академии Дашкова предложила использовать печатную букву «ё». На академическом заседании Екатерина Романовна спросила у Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, Я. Б. Княжнина и прочих присутствовавших, правомерно ли писать «юлка» и не разумнее ли заменить диграф «ю» на одну литеру «ё».

К числу крупнейших просветительских начинаний, осуществленных Дашковой в Академии наук, следует отнести организацию общедоступных публичных лекций. Эти лекции, проводимые лучшими учеными того времени, несли свет знаний в русское общество, были направлены на воспитание интереса к знаниям, на разъяснение целей и задач науки, на приобщение широких слоев русского общества к достижениям мировой и отечественной на-

уки. Они способствовали распространению научных знаний и удовлетворению потребности в получении их теми в первую очередь, кто по возрасту или по другим причинам не имел возможности посещать учебные заведения или хотел завершить свое образование. Они сыграли важную роль в развитии культуры и распространении просвещения.

25 марта 1784 г. княгиня представила Екатерине II доклад, в котором говорилось: «...чтение лекций на российском языке не только для студентов и гимназических учеников, но и для всех посторонних слушателей, кои допускаемы будут, кажется мне тем паче полезным, что науки перенесутся на наш язык и просвещение распространится»⁵⁵. «Публичные наставления» были открыты в 1785 г. и проходили до 1802 г. Академические лекции читались только на русском языке, в летнее время – с мая по сентябрь – по два часа два раза в неделю и охватывали широкий круг предметов. Начались занятия лекциями по математике и химии, в 1786 г. добавилась естественная история, в 1793 г. – физика, в 1794 г. вместо химии преподавали минералогию, а в последующие годы их читали параллельно. Лекторами выступали почти все русские академики и адъюнкты: С. Е. Гурьев, Я. Д. Захаров, С. К. Котельников, Н. Я. Озерецковский, В. М. Севергин, Н. П. Соколов. О лекциях заранее сообщалось в «Санкт-Петербургских ведомостях» с указанием, когда и где будут проводиться чтения; специально отпечатанные объявления рассылались во все учебные заведения Петербурга и расклеивались на улицах города.

Сбережение многих академических сумм, умелое экономическое управление академией – несомненная заслуга Дашковой. Лучшей оценкой ее может служить то, что в 1801 г., по вступлении на престол императора Александра I, члены Российской академии единогласно решили пригласить Дашкову снова занять председательское кресло в академии, но княгиня отказалась от этого предложения.

Петербургские и московские частные журналы. Частные журналы рождались в период перехода от салонных методов литературной деятельности к публичным. Многочисленные литературные кружки и салоны, объединявшие дворянскую образованную молодежь, позволяли ей вести рукописное распространение своих произведений, издавать журналы.

⁵⁵ РГИА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 35. Л. 11.

«Трудолюбивая пчела» (1759) – первый частный литературный ежемесячный журнал. В декабре 1758 г. А. П. Сумароков⁵⁶ подал прошение в Канцелярию Академии наук, в котором сообщал о намерении «издавать помесечно журнал для услуги народной». В январе 1759 г. в Санкт-Петербурге в академической типографии вышел первый номер, его цензорами были академики. В обращении к читателям издатель так объяснил название журнала: «...чтоб читатели, обучаясь и упражняясь... наподобие трудолюбивых пчел, то только... собирали, что знание их умножит, нравоучение им подаст и благополучия их причиною быть может»⁵⁷. Жанровый состав журнала определяли очерки, эклоги, элегии, эпиграммы, притчи, фельетоны и др. Тираж составлял 1200 экземпляров. В 1780 г., уже после смерти А. П. Сумарокова, Академией наук вновь напечатано в Санкт-Петербурге второе издание журнала без перемен, страница в страницу.

В «Трудолюбивой пчеле» А. П. Сумароков выступил не один; он был окружен друзьями и единомышленниками. Тут и его приятель Г. В. Козицкий⁵⁸, филолог, впоследствии статс-секретарь Екатерины II, бывший часто посредником между поэтом и императрицей; тут и их общий друг М. Н. Мотонис; тут и драматург и переводчик И. А. Дмитревский⁵⁹ – из ярославских актеров, связанный с А. П.

⁵⁶ Сумароков Александр Петрович (1717–1777) – поэт (любовная лирика, стансы, идиллии, эклоги, сонеты, рондо, мадригалы), драматург (автор девяти трагедий и 12 комедий, директор и режиссер первого русского театра), журналист (издавал первый частный журнал «Трудолюбивая пчела»), теоретик литературы (в трактатах «О русском языке» и «О русском стихотворстве» изложил основы русского классицизма).

⁵⁷ Трудолюбивая пчела. – 1759, январь. – С. 33.

⁵⁸ Козицкий Григорий Васильевич (1724–1775) – русский писатель и журналист украинского происхождения, кабинет-секретарь Екатерины II (1768–1774), помогавший ей в издании журнала «Всякая всячина». В 1756 г. прибыл в Санкт-Петербург, где работал под руководством М. В. Ломоносова, преподавал в Академической гимназии. После смерти М. В. Ломоносова занимался разбором его бумаг, перевел некоторые из них на латынь. Печатался в журналах «Ежемесячное сочинение», «Трудолюбивая пчела», «Всякая всячина».

⁵⁹ См.: Дмитревский Иван Афанасьевич (1734–1821) – выдающийся актер, драматург, переводчик, театральный педагог, театральный режиссер. Был популярен благодаря комическим операм «Танюша, или Счастливая встреча» и «Смотр невест в гулянье 1-го мая», опере «Добрая девка», стихотворениям, блестящим переводам «Антигоны», «Армиды» М. Колтеллини, «Четырем временам года» С. Томсона; См.: Куликова, К. Ф. Стародум, или Друг честных людей // Куликова К. Ф. Российского театра первые актеры. – Л., 1991. – С. 60–130.

Сумароковым по театру; за ними идут молодые литераторы, перешедшие в «Пчелу» вслед за А. П. Сумароковым из «Ежемесячных сочинений»: А. А. Нартов, С. В. Нарышкин, А. А. Ржевский; за ними ряд других: И. Полетика, В. Крамаренков, Е. Сумарокова (дочь А. П. Сумарокова), А. Аблесимов (секретарь А. П. Сумарокова), В. Нарышкин, Л. Лобысевич, А. В. Нарышкин, С. Глебов, Ф. Геннингер. Участие каждого из них в журнале было невелико; переводы, одно-два стихотворения; но в совокупности это была целая группа литераторов.

Большая часть материала принадлежала самому издателю⁶⁰. А. П. Сумароков слегка касается некоторых основ крепостного права, например, полной зависимости крестьян от помещиков («Продавать людей как скотину не должно»), но чаще рассуждает о благородстве и жестокосердии, истинном достоинстве и порочности («Честь наша не в титулах состоит, тот сиятельный, кто сердцем и разумом сияет, тот превосходительный, который других людей достоинством превосходит, и тот боярин, который болеет об отечестве»), выражает озабоченность судьбою русского театра.

В письме «О достоинстве» (1759 г., май) А. П. Сумароков утверждает, что чины, богатство и знатность не составляют еще достоинств человека: «Справедливо ли говорится вместо “человек, имеющий великий чин” и вместо “человек знатного рода” – честный человек? Из сего следует, что все крестьяне бесчестные люди, а это неправда; земледелие не воровство, не грабительство, но почтенное упражнение».

Свои положительные идеалы издатель изобразил в социальной утопии «Сон – счастливое общество»: государь – «великий человек... ничего, служащего пользе общества, не забывает, а о собственной пользе кроме истинной своей славы никогда не думает»; религия «есть основание всего народного благополучия»; всем управляет Государственный совет; законы в стране основаны на «естественном праве людей» быть равными – «не имеют там люди ни благородства, ни подлордства и преимуществуют по чинам, данным им по их достоинствам, и столько же права крестьянской имеет сын быть великим господином, сколько сын первого вельможи» (1759, декабрь, с. 738–747).

Журнал просуществовал только один год и закрылся вследствие недовольства цензора Попова и некоторых членов академии недостаточным количеством финансовых средств у А. П. Сумарокова. Изда-

⁶⁰ Из 130 опубликованных за год в журнале стихотворений более 100 принадлежат А. П. Сумарокову.

ние журнала оставило горький след в его душе. Свои переживания он излил в последнем номере в стихотворении «Расставание с музами»:

Для множества причин
Противно имя мне писателя и чин;
С Парнасса нисхожу, схожу противу воли
Во время пущего я жара моего,
И не взойду по смерть я боле на него;
Судьба моей той доли.
Прощайте, музы, навсегда!
Я более писать не буду никогда (1759, декабрь).

В той же книжке журнала Сумароков демонстративно поместил письмо «К издателю “Трудолюбивой пчелы”», которое, вероятно, должно было подчеркнуть, что он, Сумароков, не одинок, что давление на него вызовет отклик в целой группе дворянства:

«Государь мой! Благодарность всех любящих словесные науки и особливо российский язык, которого вы силу и красоту в разных Ваших сочинениях к общей пользе и удовольствию открыли, и что еще и ныне новыми Вашими изданиями их удовольствие продолжаете, оставляя способы и правила Вам подражать, заставляет меня к Вам сие писать письмо...». Далее идут похвалы Сумарокову и исчисление его заслуг: «Желательно, чтоб и протчие Ваши нравочительные сочинения такой же успех имели, а особливо те, где Вы в Ваших периодических изданиях говорите о лихоимстве, вреднейшем зле государства... Я пишу Вам сие от некоторого общества, которых благородные мысли ответственны знатности их и благождению: они так ненавидят порок лихоимства, как гонителей оного почитают...» (1759, декабрь).

Последние строки особенно важны. Это письмо можно рассматривать как послание от некоего «общества», какого-то кружка, организации. Характер ее обозначен ясно: это люди знатные, благородные и культивирующие «благородство мысли». Значит, это письмо может служить прямым доказательством того, что группа, литературным учителем которой был А. П. Сумароков, в конце 1759 г. могла иметь нечто вроде организационного оформления. Что это было за «общество» – неизвестно; был ли это литературный кружок при кадетском корпусе или же группа, начавшая через месяц издавать «Полезное увеселение» и имевшая центр в Москве, или иная какая-нибудь – общий тип ее направления не может вызывать сомнений.

«Трудолюбивая пчела» была первым журналом в России, издававшимся одним лицом. Начавшее выходить одновременно с нею

«Праздное время, в пользу употребленное» было также частным изданием, хотя и печаталось при кадетском корпусе, но издавалось оно группой литераторов.

Это был также первый журнал в России, целиком посвященный литературе. С точки зрения идеологической, политической и чисто литературной журнал Сумарокова представлял картину единства направления, также еще неизвестную до него русскую молодую журналистику XVIII века. С самого начала издания Сумароков заявил о своей политической ориентации, посвятив издание жене наследника престола Екатерине Алексеевне. Известно, что Екатерина была в это время в опале, находилась на подозрении у Елизаветы Петровны и вокруг нее собирались все фрондирующие, оппозиционные по отношению ко двору и даже либеральные интеллигенты из столичных дворян.

С первых же номеров журнала выясняется лицо и программа: острая, смелая борьба против «подьячих», против придворно-правительственной верхушки, против откупщиков. Сумароков не только поучал «вообще», но бил в определенные цели, нападал на определенных лиц. Его острые, ядовитые и необычайно живые статьи в журнале начинали собою традицию русской сатирической публицистики, достигшей славных побед в творчестве И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Сумароков заполнял свой журнал в значительной степени своими собственными произведениями. Попутно он разъяснял принципы своих стилистических требований, бранил неугодных ему писателей, поучал своих сторонников, говорил о языке, страстно и резко браня неуместные заимствования, поучая правильности и чистоте русской речи. И тут же он обучал дворян культурному быту, человеческим нравам и т. д. В своих литературно-критических статьях Сумароков полемизировал с Тредиаковским, Ломоносовым, заботясь о русской литературе. Он верил в силу слова, отстаивал ясность мысли и простоту чувств. Именно поэтому считал, что «великолепие» торжественного стиля Ломоносова лишено естественности и строгой логичности. Вот пример одного из его рассуждений: «“Возлюбленная тишина, блаженство сел, градов ограда”. Градов ограда сказать не можно. Можно молвить, селения ограда, а не ограда града; град от того и имя свое имеет, что огражден. Я не знаю, сверх того, что за ограда града тишина...». Сумароков имел вздорный характер, который портил его отношения с окружающими. Также он имел талант, который нельзя было не признать. Белинский писал: «Сумароков был совсем не плохой поэт для своего времени, на которое поэтому он не мог не иметь сильного влияния. Он знал хорошо французский

и немецкий языки, был хорошо воспитан и образован в духе времени; и будь у него немного побольше вкуса, немного поменьше самолюбия да владей он русским языком хоть так хорошо, как владел им Ломоносов, – то при своем жизненном и общественном направлении он решительно затмил бы всех писателей своего времени!».

«Праздное время, в пользу употребленное» (1759–1760) – еженедельный журнал, издававшийся с января 1759 г. в Санкт-Петербурге группой выпускников и преподавателей Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. В первый год издания тираж составлял 600 экземпляров, во второй – 400. Редактировал издание преподаватель корпуса П. Пастухов, часто печатавший в журнале свои переводы.

В шляхетном корпусе⁶¹, основанном в 1732 г., всегда были сильные литературные интересы. Из его стен вышли такие видные русские писатели, как А. П. Сумароков, М. М. Херасков, и кроме них И. П. Елагин, А. А. Нартов, С. А. Порошин, братья П. и И. Мелиссино и многие другие. Нет ничего удивительного в том, что после крупного успеха первого русского журнала «Ежемесячные сочинения» молодые литераторы-кадеты решили выступить со своим изданием.

Решение издавать журнал возникло у его организаторов, по видимому, стихийно, ибо какой-либо четкой программы в материалах «Праздного времени», по крайней мере, на протяжении 1759 г. не прослеживается. Этот журнал значительно уступал «Трудолюбивой пчеле» по своей содержательной насыщенности, но в литературном отношении оставался безликим. Тематика публикаций чаще морально-нравственная, нежели обличительная: «о благодеяниях», «об успокоении совести», «о чести», «о неблагодарности». Печатаются «разговоры в царстве мертвых» великих мудрецов древности, а также исторические статьи.

подавляющая часть публикаций журнала, особенно в первый год издания, состояла из переводов. Источниками служили сатирико-нравоучительные европейские периодические издания, такие, как английский «Зритель», немецкий «Патриот», французские «Эко-

⁶¹ Это было закрытое высшее учебное заведение для особо одаренных дворянских детей, где готовились кадры для военной, статской и придворной службы. В «рыцарской академии», как часто именовали корпус, обучали русскому языку, французскому, немецкому, итальянскому языкам, истории, фортификации, математике. Важное место занимало искусство светского общения, обучение хорошему манерам, танцам и фехтованию. Кадеты привлекались к проведению придворных праздников, выполняли обязанности пажей.

номические новости», журнал «Датский магазин» и др. Некоторые материалы были переведены с итальянского и латинского языков. По идейной и стилевой направленности журнал «Праздное время» можно считать предшественником «Всякой всячины».

О какой-либо строго выдержанной системе расположения материалов в пределах отдельных номеров «Праздного времени» также не приходится говорить. Чаще всего номер складывался из двух публикаций без какой-либо дифференциации материалов по тематическому или жанровому принципу. Иногда весь номер отводился для публикации какого-либо одного переведенного произведения с продолжением его печатания в следующих номерах. Так, например, обстоит дело с помещением в четырех номерах за декабрь 1759 г. и в одном номере за январь 1760 г. переведенной с французского языка повести С. В. Сен-Реала «История о дон Карлосе», а также сатирических циклов Г. В. Рабенера, переведенных с немецкого языка и регулярно появлявшихся в «Праздном времени» за 1760 г.

В материалах журнала выражена екатерининская позиция: сатира должна касаться порока, а не лиц. Чаще других критиковались высокомерие, сребролюбие и сластолюбие. Содержательную направленность журнала определяет тема воспитания. Учитывая, что издание «Праздного времени» осуществлялось силами преподавателей учебного заведения, такая ориентация в выборе переводных материалов была вполне естественна. Так, уже в одном из первых номеров было помещено «Рассуждение об учении» (1759, февраль), где утверждалась польза для юношества приобщения к наукам. Сразу два материала, посвященных этой проблеме, были опубликованы в следующем номере. Это коротенькое эссе «О действиях доброго и худого воспитания» и своеобразная подборка учебных рекомендаций, так и называвшаяся – «Правила для учащегося». Характерно, что наряду с мыслью о важности изучения древних языков выдвигается сумароковское требование «чисто и правильно говорить на природном языке» (1759, март). Не исключено, что данный материал, имевший чисто прикладной характер, был оригинальным, а не переводным. Многие представители культуры высоко оценивали филологические достоинства А. П. Сумарокова. Так, например, А. С. Пушкин в одной из статей заметил: «Сумароков прекрасно знал по-русски (лучше, нежели Ломоносов)».

В одном из августовских номеров появляется переведенное из немецкого журнала «Письмо», посвященное проблеме воспитания нравственным примером, а в номере от 9 октября было помещено также переведенное с немецкого языка «Размышление женщины о

воспитании дочерей». Все эти материалы, связанные темой воспитания, вписывались в общий контекст журнала, определявший его облик на протяжении 1759 г.

Журнал несколько оживился в 1760 г., когда в нем начинает печататься А. П. Сумароков после закрытия его «Трудолюбивой пчелы». В его эпиграммах, притчах («Осел во львовой коже» и др.), речах и песнях, прозаических произведениях выражалось недовольство предпочтением иностранных, а не русских авторов и нравов.

Обстоятельное освещение идеи незлобивой, «человеколюбивой» сатиры встречаем в статье «Письмо о позволении сатир». Статья являлась переводом одноименного теоретического трактата немецкого сатирика Г. В. Рабенера. Автор удачно использует эпистолярную форму, предлагая читателю ответы своего корреспондента на поступившие вопросы: «Почитает ли он (автор) сатиры положительными и, что при сочинении оных особливо соблюдать должно?» В ответе подчеркивалась нравоучительная функция сатиры: «Наставление должно быть всегда главным намерением сатиры... Делая пороки смешными, уязвляем мы людей в самое чувствительное место», вызывая этим «омерзение к тем привычкам, кои делают их смешными у людей разумных». Он называет три главных порока, искажающих человеческую природу, которые должны быть основными объектами сатиры: «честолюбие, сребролюбие и сластолюбие».

Касается Г. В. Рабнер в трактате и методов сатирического обличения. Не поучение, а скрытый под личиной иносказания живой показ пагубности порока составляет силу сатиры. Наиболее успешно эта наглядность назидательного примера достигается в басне: «Если б я Гарпаксу сказал: Как тебе не стыдно, сребролюбцу... Подумай, Гарпакс, что ты делаешь? Скупость есть начало всему злу, и те, кои желают быть богатыми, впадают в искушение и сети... Он бы только позевал, в сем бы состояла вся польза моего учения. Расскажи же ему басню о больной собаке, которая при смерти своей только тем и беспокоилась и мучилась, что не смогла сглотать спрятанных ею костей прежде своей смерти... Гарпакс постыдится и почувствует, по крайней мере, внутреннее обличение, что страсть его безумна» (1760, апрель).

В определении границ допустимости обличения сатирой конкретных лиц Г. В. Рабнер, в сущности, занимал двойственную позицию, исходя из убеждения, что изображаемые пороки всегда имеют в жизни подлинных носителей, черты которых неизбежно отражаются в сатирических произведениях.

Характерно, что в том же номере журнала издатели поместили

«Ответ на прежнее письмо», автор которого полностью присоединился к идеям трактата Г. В. Рабенера относительно возможности конкретного живого изображения обличаемых в сатире пороков и их носителей. Журнал был закрыт в конце 1760 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Березина, В. Г. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759) / В. Г. Березина, А. П. Журнал // Вопросы журналистики. – Вып. II. – Кн. 2. – Л., 1960.
2. Берков, П. Н. А. П. Сумароков / П. Н. Берков. – Л. ; М., 1949.
3. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. – М. ; Л., 1952.
4. Берков, П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750–1765. – М. ; Л., 1936.
5. Ворошилов, В. В. История журналистики России / В. В. Ворошилов. – СПб., 1999.
6. Гуковский, Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. – М., 1999.
7. Есин, Б. И. История русской журналистики (1703–1917) / Б. И. Есин. – М., 2000.
8. Есин, Б. И. Русская дореволюционная газета / Б. И. Есин. – М., 1971.
9. Запов, А. В. М. В. Ломоносов и журналистика / М. В. Запов. – М., 1961.
10. Запов, А. В. Забытая слава. Историческая повесть / М. В. Запов. – М., 1965.
11. Запов, А. В. Русская журналистика XVIII века / М. В. Запов. – М., 1964.
12. Запов, А. В. Поэты XVIII века: А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков / М. В. Запов. – М., 1984.
13. Ивлев, Д. Д. История русской журналистики XVIII – начала XX в. / Д. Д. Ивлев. – М., 2004.
14. 1702–2002. Из века в век. Из истории русской журналистики / под ред. проф. Б. И. Есина. – М., 2002.
15. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / под ред. проф. А. В. Запов. – М., 1973.
16. История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003.
17. Морозов, А. Михаил Васильевич Ломоносов / А. Морозов. – Л., 1952.

18. Очерки по истории русской журналистики и критики : в 2 т. – Т. 1. – Л., 1950.

19. Татаринова, Л. Е. Русская литература и журналистика XVIII в. / Л. Е. Татаринова : учебник. – М., 2001.

20. Федоров, В. И. История русской литературы XVIII века / В. И. Федоров. – М., 1990.

21. Шамрай, Д. Д. К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова / Д. Д. Шамрай, П. Н. Берков // XVIII век. – Вып. 5.

ТЕКСТЫ:

1. Ломоносов, М. В. Рассуждение об обязанностях журналистов / М. В. Ломоносов // Избранные соч. : в 2 т. – Л. : Наука, 1986. – Т. 1. – С. 217–225 ; Полн. собр. соч. – М. ; Л., 1950. – Т. 3.

2. Сумароков, А. П. Статьи / А. П. Сумароков // Русская проза XVIII века. – М. ; Л., 1950. – Т. 1. – С. 65–76.

3. История русской журналистики : хрестоматия / сост. Б. И. Есин. – М., 1991.

4. История российской журналистики. XVIII век : хрестоматия / авт.-сост. А. Г. Алтунян. – Ч. 1. – М., 2002.

5. Русская журналистика XVIII–XIX веков. Тексты. – М., 1986.

Журналистика 1760-х годов

Еще одна группа литературных журналов издавалась при Московском университете известным литературным и общественным деятелем, писателем М. М. Херасковым⁶², его учениками и соратни-

⁶² Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807) – поэт (сочинял оды, эпистолы, сонеты, эпиграммы и др.), прозаик (романы «Кадм и Гармония», «Нума Помпилий»), драматург («Венецианская монахиня», «Освобожденная Москва», «Друг несчастных», «Гонимые»), журналист («Вечера»). Автор бессмертной «Россияды». Редактор «Полезного увеселения», «Свободных часов». Как ректор Московского университета добился преподавания ряда дисциплин на русском языке. В его литературном салоне собиралась талантливая молодежь. Декабрист Н. Тургенев называл его «командиром русских стихотворцев», «старостой русской литературы».

ками. Вокруг Хераскова создалась многочисленная – свыше тридцати человек – группа молодых литераторов, по преимуществу поэтов, произведениями которых заполнялись страницы университетских изданий. Не все эти люди учились в университете или служили в его системе, но все были связаны с Херасковым лично и в той или иной степени испытывали его влияние. Он стал признанным учителем этой образованной дворянской молодежи.

Группа Хераскова не имела четкой политической программы, не задавалась планами государственных преобразований, но общие установки в литературном творчестве членов кружка, несомненно, заметны. Они заключались в попытке создания общества независимых дворян, отделявших себя от третьесословных элементов и далеких от правительственных кругов. Ясно дают себя знать и масонские интересы кружка, в особенности его руководителя Хераскова. Темы личного усовершенствования, мира и дружбы между людьми, религиозные мотивы характеризуют лирику молодых поэтов – его воспитанников.

«Полезное увеселение» (1760–1764) – наиболее значительный литературный журнал из этой группы. Он выходил с января 1760 по июнь 1762 г. Первые два года как *еженедельный*, затем как *ежемесячный*. Среди известных всем авторов – Денис и Павел Фонвизины, А. Ржевский, И. Богданович, А. Нартов и др. Главная задача – защита добродетели, литературное образование и увеселение публики. Основная идея заключалась в размежевании дворянской, то есть подлинной, культуры с примитивной культурой мещан. М. Херасков дает наставление молодым поэтам:

Ты пенем своим невеж увеселишь
И грубость их сердец, как Амфион, смягчишь,
Когда так станешь петь, для утешенья россов,
Как Сумароков пел и так как Ломоносов,
Великие творцы, отечеству хвала,
И праведную честь им слава воздала...
Разжженные сердца парнасским жаром, пойте,
Лишь только голос свой по правилам муз стройте.
Младым россиянам уже примеры есть,
Каким путем себя на верх парнасский вест⁶³.

«Полезное увеселение» продолжает борьбу А. Сумарокова с М. Ломоносовым за «простоту», «ясность» и «вразумительность».

⁶³ *Полезное увеселение*. – М., 1760. – № 3. – С. 196.

Но сама борьба исходит в данном случае из несколько других оснований. Для А. Сумарокова борьба с М. Ломоносовым – это борьба против культуры «урода из сама подла рода, которого пахать произвела природа», борьба такого же характера, какую он вел против народных «игрищ», то есть борьба за дворянскую эстетику как таковую. Для Хераскова же и его группы смысл борьбы заключался в другом: благодаря этой борьбе происходило размежевание между дворянской, то есть, с точки зрения «Полезного увеселения», подлинной, культурой и архаической примитивной культурой «просвирен», которые, по словам А. Ржевского, восторгаются М. Ломоносовым «за непонятность», то есть культурой мещанской.

В программной статье «О чтении книг» (1760, с. 3) М. Херасков пишет: «Несмысленной подьячей с охотой читает книги, которые писаны без мыслей; купец удивляется, по их наречию, виршам, сочиненным таким же невежею, каков сам он; однако, они не читатели». Для более правильного понимания этой точки зрения следует привести цитату из статьи, по-видимому, тоже М. Хераскова – «Рассуждение о слове „a la Bourgeois*4» (Свободные часы, 1763, ч. I, с. 177–180): «Сказать кому: ты говоришь a la Bourgeois, так то значит: ты говоришь по мещански, то есть как сапожник, или несмысленной подьячей; кому сказать: ты живешь a la Bourgeois, значит: ты живешь подло, как извозчик или пирожник» (с. 178). В этом размежевании, в этом отделении дворянской культуры от мещанской и заключался смысл эстетической позиции «Полезного увеселения».

В изобличении порока редакция не преуспела, потому во второй год издания от этой идеи отказалась и стала прославлять добродетель с помощью положительных примеров. Обращает на себя внимание также принципиальный отказ от сатиры, объявленный «Полезным увеселением». Херасков считает, что сатира не способна исправлять людей и может лишь ожесточить их. Необходимы другие меры, и прежде всего – каждый человек должен стремиться к личному усовершенствованию.

Журнал был сугубо литературным, причем преобладали стихи пессимистического толка. Один из любимых мотивов – бренность жизни, выраженный в стихотворении «Прошедшее»:

Все тщета в подлунном мире.
Исключенья смертным нет,
В лаврах, рубище, порфире,
Всем должно оставить свет.
...Что такое есть – родиться?

Что есть наше житие?
Шаг ступить – и возвратиться
В прежнее небытие⁶⁴.

После восшествия Екатерины II на престол и убийства Петра III, на которого журналисты делали ставку, издание перестало выходить. Подводя итоги первого года издания журнала в № 1 за 1761 г., Херасков писал, что все авторы «Полезного увеселения» имели своей целью защищать добродетель, преследовать пороки и увеселять общество. Но желаемых результатов они не достигли: «порок обличен мало». Почему это произошло? «Или сила сочинений развратные сердца слаба поразить была, или вредные страсти так утвердели, что их ничто поколебать не может». Но автор не отчаивается: «Пускай же гибнут пороки в своем неистовстве, пускай их злоба самих их терзает, пускай истина и обличение им не чувствительны и мы в сем намерении неудачны; то, по крайней мере, прославляя по нашей возможности добродетель и сделав удовольствие ее любителям, пользу и увеселение обществу принести могли»⁶⁵.

Осуждение пороков, таким образом, редакция отвергла и приняла в новом издательском году прославлять добродетель с помощью положительных примеров. В этом высказывании бросается в глаза наивная и горячая вера издателей журнала в силу печатного слова. Похоже, что им действительно казалось, будто печатные обличения могут исправлять нравы дворянского общества. Журнал, несомненно, подвергался разным нападкам, и неоднократное варьирование темы о клеветниках это подтверждает. В одной из «Прибасок» Хераскова (Полезное увеселение, 1761, август, с. 71) говорится, что клевета таскается.

Под видом старух, стариков,
Под видом святош, дураков,
Под видом ученых людей,
Купцов, петиметров, судей,
Невинных поставить стремится в вине,
И, может быть, сети сплетает и мне.

⁶⁴ Херасков, М. М. Избранные произведения / М. М. Херасков. – М. : Л., 1961 // Библиотека поэта. Большая серия. – С. 5–56. Стихотворение было прочитано на заседании литературного кружка. Впервые появилось на страницах «Вестника Европы в 1806 г., ч. 26, март, № 6, с. 104.

⁶⁵ Полезное увеселение. – М., 1761. – № 1. – С. 19.

В этом журнале В. Г. Рубан⁶⁶ в 1761 г. напечатал свой первый литературный труд – перевод с латинского «Папирия, римского отрока, остроумные вымыслы и молчание», в 1769 г. по призыву императрицы он начнет издавать журнал «Ни то ни се».

При быстрой смене правителей на российском престоле в 1761–1762 гг. группа «Полезного увеселения» пожелала иметь время для размышлений и выбора позиции. На июньском номере 1762 г., что совпало с восшествием на престол Екатерины II, издание журнала прекратилось.

«Свободные часы» (1763) – журнал пришел на смену закрывшемуся «Полезному увеселению». Выходил *ежемесячно*, многие материалы были посвящены новой императрице Екатерине II, что четко обосновывало политические симпатии. Главная задача – пропаганда законности воцарения Екатерины II. Она в свою очередь отблагодарила Хераскова, сделав директором Московского университета. Печатались стихи и статьи о древних историках, мадригалы, элегии. Пессимистический тон журнала смягчается, но рассуждения о бренности мира все равно ведутся постоянно. На страницах издания авторы живо откликаются на злободневные политические события, нападают на петиметров, откупщиков и подьячих.

На страницах «Свободных часов» печатаются оды в честь Екатерины II и ее сына Павла, журнал приобретает официальный тон. Настроение авторов заметно улучшается, исчезают «кладбищенские мотивы», столь заметные в «Полезном увеселении», однако рассуждения о суетности мира не прекращаются. На протяжении пяти первых номеров в журнале идут переводные очерки о древних историках – Геродоте, Фукидиде, Ксенофонте, Полибии, затем публикуются «Превращения» Овидия в переводе В. Майкова и ряд других произведений. Оригинальные стихи не выходили из рамок малых жанров – элегии, притчи, эпиграммы, анакреонтической оды.

Заметной фигурой журналов кружка Хераскова был поэт и прозаик Алексей Ржевский⁶⁷. Как последователь А. Сумарокова А. Ржев-

ский в своих стихах и прозе особенное внимание уделял сатирическим жанрам (эпиграмма, стихотворная сказка, притча и др.). В многочисленных баснях А. Ржевский разрабатывает особый тип сказа с установкой на рассказчика, отделенного от сюжета и являющегося существенным компонентом басенного стиля. В «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. Новикова отмечено, что стихи А. Ржевского «весьма хороши и изъясняют остроту его разума и способность к стихотворству. Стихотворство его чисто, слог текущ и приятен, мысли остры, а изображения сильны и свободны». Ведущей темой следует считать критику галломанов, петиметров, подьячих.

Вполне солидарен Ржевский с Сумароковым и в широком использовании в басне просторечных, нарочито грубых выражений, пословиц и фольклорных речений. Его теоретические понятия о поэтическом стиле совершенно совпадают с сумароковскими: «Незнающим невообразимый труд, чтоб украсить стихи приличными к материи расположением, чистым и правильным языком, избранными и пристойными словами, плавным стопосложением, что великую приятность делает в стихах»⁶⁸. Но, кроме этих требований внешнего порядка, он предъявляет к поэзии еще ряд более существенных требований. Поэзия невозможна без «живого изображения, точного чувствования, ясного рассуждения, правильного заключения, приятного изобретения, естественная простоты, что всего прекраснее во стихотворстве»⁶⁹.

В 1761–1763 гг. в журналах М. Хераскова А. Ржевский опубликовал прозаический цикл «Письма к наборщикам», посвященный проблемам художественного творчества и современному состоянию отечественной культуры. В «Четвертом письме к наборщику» А. Ржевский пародирует стилистику од М. Ломоносова, так же, как это ранее делал А. Сумароков во «вздорных одах»: «От сладостного моего гласа порядок природы мятется. Феб с пламенныя колесницы, остановя светозарных коней, гласу моему внимати, преклоня венчанную главу, ухо протягает; планеты вспять, оставя пути свои, стремятся; бледно-видная луна радостные слезы испускает; ревут бурные моря, угрюмая пучина трепещет, льют воды к вершинам

⁶⁶ С 1769 г. В. Рубан начал издавать свой еженедельный журнал «Ни то ни се»; в 1771 г. В. Рубан издавал журнал «Трудолюбивый муравей», еще менее замечательный.

⁶⁷ Ржевский Алексей Андреевич (1737–1804) – поэт, драматург, прозаик, журналист. Публиковался в журналах: «Ежемесячные сочинения», «Трудолюбивая пчела», «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Вечера». В этих изданиях вышло более 200 сонетов, стансов, элегий, притч, мадригалов, эпиграмм, загадок, критических статей.

⁶⁸ Свободные часы. – М., 1763. – № 5. – С. 298.

⁶⁹ Там же.

дерзкие реки; стал таять вечный лед, и среди лютыя зимы майская приятность наступает...»⁷⁰.

Однако в своей поэтической практике А. Ржевский с большой смелостью и творческой независимостью синтезирует в стихах изобразительные средства А. Сумарокова и М. Ломоносова. Так, прием антитезы, применявшийся А. Сумароковым в песнях и трагедиях, А. Ржевский дополнил частым употреблением оксюморона, характерного для ломоносовского одического стиля. Затем он перешел к созданию стихотворений, в которых организующим элементом становились одно какое-либо слово и производные от него формы. Примеров такого построения А. Ржевский у А. Сумарокова найти не мог, зато именно так были построены все переложения псалмов М. Ломоносова и многие его оды. А. Ржевского занимает создание в малых, по самой своей природе бессюжетных стихотворных жанрах (элегия, идиллия, станс, загадка) новых способов скрепления словесного материала, основанных на самой структуре слова.

Сложная, подчеркнутая повторением поэтических приемов и их элементов, эта система построения переносила в малые стихотворные жанры этическую конфликтность сумароковских трагедий и сложную метафоричность од М. Ломоносова. Однако, употребляя некоторые приемы ломоносовской стилистики, А. Ржевский подчинял их в пределах целого стихотворения строго симметрическому расположению.

Ему приписывается также статья «О московском наречии» (ч. I, с. 67–75), где автор пишет о произношении русской речи середины XVIII в. и анализирует новые тенденции в литературном произношении. Он призывает признать за норму речь московского образованного дворянства. Написанная в полушутливом тоне, обычно свойственном прозаическим произведениям А. Ржевского, эта статья дает исследователям некоторые небезразличные для истории литературного языка факты. Автор утверждает, что «перемена языка, которая столь чувствительною для старинных книг зделалась, не дале простирается, как до одних только разговоров. Язык, которым пишут знающие по-русски, отличен от славянского, а тот, которым говорит Москва и целая почти Россия, отличен от наших писем и от произношения, которое в оных употребляется» (с. 69).

Отличительной особенностью живой речи своего времени автор считает то, что «в новом языке нашем, названном московским, все почти гласные и согласные буквы переменяются одна в другую» (там же). Касаясь, например, перехода «е» в «ё» под ударением, аноним пишет: «Сие превращение “е” в “ю”, нимало не повреждая силы и важности слов российских, делает их нежными и приятными, в самом деле тотчас можно услышать некоторую сладость в языке нынешнего времени; например, не лучше ли сказать вместо “орел несет елку” – “ориол несиот иолку”» (с. 70).

Отмечая более или менее прочную устойчивость звука «и», автор указывает, что и он переменяется, «а особливо когда пред собою “ь” встречает, например, “в известии” говорится “в ызвестии”» (с. 71). Интересно суждение автора о русских гласных: «Буквы “я”, “ю”, “ы” суть двугласные и составлены “я” из “ИА”, “ю” из “иу”, “ы” из “ьи”; произносятся они так же, как и пишутся, с тою только разностию, что, когда из них стоит которая в одном слоге с гласною или при окончании слова, то произносится чисто и звонко, напр., “сильная”, “моя”, “вею”, а после согласных “я” при конце слова отзывается как “а”, а “ю” как “у”; например, “с корня”, “видя”, “люблю”, “зрю” и пр.» (с. 73–74).

В заключение статьи автор отвечает на возможный вопрос: «Для чего и не писать так, как мы говорим?» (с. 75):

«Такая вольность будет уже безмерно велика, и, наконец, не останется и следов древнего языка нашего. Мы отменили старое наречие в разговорах наших, отменим его в письмах, потом наведем в свой язык чужестранных слов, наконец, вовсе по-русски позабыть можем, что очень жалко, и такого убийства с природным своим языком ни один еще народ не делал, хотя уже и так конечным истреблением наш язык угрожается. Впрочем, лучше свой стараться исправить, нежели чужой предпочесть своему, в том больше чести народу и славы языку, и думать о том похвально и нужно» (с. 75).

Журнал «Свободные часы» выходил недолго. Его издание было прекращено по решению издателя. Многие члены кружка продолжали свою литературную деятельность и в последующие годы. Так, через девять лет, в 1772 г., в Петербурге М. Херасков пытался объединить прежних друзей в журнале «Вечера»⁷¹.

⁷⁰ *Свободные часы*. – М., 1763. – № 6. – С. 367–368.

⁷¹ «Вечера» – журнал выходил в Санкт-Петербурге с января 1772 по январь 1773 г. Издатель не известен. Среди авторов были члены литературного кружка М. М. Хераскова, которого считают издателем. Тираж 500 экземпляров.

«Невинное упражнение» (1763) – журнал выходил *ежемесячно* (с января по июнь) в университетской типографии. Принято считать, что издавал журнал один из сотрудников «Полезного увеселения» – И. Ф. Богданович. Но он в автобиографии указал, что «употреблен был к соучаствованию», а покровительствовала изданию и фактически редактировала его княгиня Екатерина Дашкова. Главная задача журнала была сформулирована в «Письме к читателю»:

«Всяк знает, что нет ни одного сочинения, которое бы в том или другом не приносило читателям пользы, лишь бы сочинено было разумно. Всякий читатель догадаться может, к чему тут слово “разумно” сказано; есть ли же кто не догадается, то тем для него хуже, а мы без дальнего такому изъяснения только в заключение скажем, что наше сочинение есть смешение забавного с полезным» (1763, январь, с. 3–4).

Основу содержания составляли переводы и оригинальные произведения (оды, эпиграммы, элегии, басни, мадригалы). Здесь печатались перевод Дашковой из Гельвеция «Об источнике страстей» (№ 1, 2) и «Об эпическом стихотворстве» (№ 1–4), нашумевшая поэма Вольтера «На разрушение Лиссабона» (№ 4), статья «Об эпическом стихосложении».

В оригинальных произведениях можно найти рассуждения о счастье, дружбе, об умеренности в потребностях. Культ умеренности и дружбы, рационализм и эмпиризм – вот главные темы этих публикаций. Журнал не касается злободневных тем, в частности, политики. Осторожное отношение к сатире и даже отказ от нее звучит с его страниц. Вышло всего шесть книжек журнала. Был закрыт по решению издателя, так как основные подписчики и императорский двор уехали в Санкт-Петербург.

«Доброе намерение» (1764) – *ежемесячный* журнал, издававшийся бывшим студентом Московского университета, обучавшимся «разным наукам и языкам» и притом очень успешно, закончившим

курс в 1763 г. с золотой медалью, – В. Д. Санковским⁷². Первое из дошедших до нас печатных его произведений – нравоучительные стихи «Несчастье надо сносить терпеливо», напечатанное в 1760 г. во втором томе журнала Хераскова «Полезное увеселение». Положив этим произведением начало своей деятельности, Санковский стал очень усердным вкладчиком журналов Хераскова. Редкий номер выходил без его произведений. Стансы, стихи любовные и шуточные, переводы из Овидия и Сенеки – этими произведениями радовал публику молодой писатель.

В 1763 г. он был сотрудником еще одного журнала Хераскова – «Свободные часы». Здесь встречаются повести Санковского, элегии и несколько переводов из Винченция Фабриция. Все эти произведения написаны тяжелым стихом, хотя порой и отличаются несо-

звания исправлял протоколистскую, а потом и секретарскую» должности. Занятий литературой он, впрочем, не бросил. Неизвестно, сочинял ли он в это время стихи, так как ни отдельного издания его творений нет, ни в каком журнале он более не сотрудничал, по крайней мере, гласно, – переводами же классиков несомненно занимался по-прежнему: в 1769 г. он напечатал в Москве перевод одной песни «Энеиды», а в 1772 г. в Петербурге перевод другой песни. Существует мнение, что именно его за эти переводы осмеял Новиков в своем «Трутне»; насколько такое мнение верно, трудно сказать. В 1779 г. с открытием Ярославского наместничества Санковский был приглашен генерал-губернатором А. П. Мельгуновым занять в Ярославле должность секретаря Приказа общественного призрения. В 1783 г. он получил чин титулярного советника. Исполнял обязанности личного секретаря генерал-губернатора. К этому времени относятся его занятия педагогикой: в главной Ярославской народной школе он «преподавал Закон Божий и историю российскую, а также всеобщую». Он вошел в кружок, собранный А. П. Мельгуновым. Выдающимся делом этого кружка было издание первого в России провинциального журнала «Уединенный пошехонец» – органа местного просвещения. Редактором этого издания был, по всей вероятности, Санковский; во всяком случае очень большое участие в этом журнале он несомненно принимал. С 1787 г. «Уединенный пошехонец» был переименован в «Ежемесячное сочинение, издаваемое в Ярославле».

В 1788 г. скончался А. П. Мельгунов. С переменной начальства служебное положение Санковского оказалось непрочным, а потому через месяц после смерти Мельгунова он подал прошение об увольнении его в отставку, «имея – по его словам – в своем здоровье, а наипаче в зрении, крайнюю слабость». Слабость зрения не помешала, однако, Санковскому служить в захолустном Яренске, а затем, вероятно, сделаться судьей в Угличской нижней земской расправе. Впрочем, речь шла и о необходимости содержать семью. Вероятно, в Угличе он и кончил свою жизнь в начале XIX столетия.

⁷² Санковский Василий Демьянович (1741–18??) – русский поэт, прозаик, журналист. Сведений о его жизни немного. Родился в Малороссии. В 1763 г. окончил Московский университет. Участвовал с Херасковым в издании «Полезного увеселения» и «Свободных часов». В 1765 г. журнальная деятельность Санковского на время прекратилась. Он поступил на службу «с обер-офицерским чином» в камер-коллегию переводчиком, где «сверх сего

мненным чувством. Гораздо важнее оригинальных произведений его переводы классических писателей: благодаря хорошему знанию древних языков Санковский этими переводами принес несомненную пользу современникам.

В собственном журнале «Доброе намерение» он поместил немало притч, стихов, а также несколько переводов из Овидия и Боккаччо («Ивана Бокация, славного флорентинца»). В подготовке журнала участвовали молодые литераторы-разночинцы А. Вершицкий, В. Рубан, А. Костровский, М. Пермский и другие, связанные с Московским университетом. Так, например, Михаил Пермский⁷³ после возвращения из Лондона, где он служил дьячком в посольской церкви, с 1760 г. продолжил в Московском университете, одновременно преподавая там английский язык. В период пребывания в университете он и публиковался в журнале. В мае 1763 г. в журнале «Свободные часы» были опубликованы первое произведение М. Пермского «Елегия» в жанре пародии, затем переводы из английских журналов «Зритель» («The Spectator») и «Болтун» («The Tatler»). Кроме того, его переводы из «Зрителя» и «Всеобщего журнала» («Universal Magazine»), а также переводы с латинского языка публиковались в журнале «Доброе намерение». После окончания университета с 1765 г. служил преподавателем английского языка в Морском кадетском корпусе.

Журнал публиковал занимательную прозу, новеллы, романы, что среди образованной дворянской молодежи считалось низко-сортным чтением. Они отдавали предпочтение трагедии и оде. Здесь печатались переводы «Превращений» Овидия, отрывки из английского сатирического журнала «Зритель». Новым является включение в журнал анекдотов, вроде переведенной из Мазуччо новеллы «Приключения некоторого чужестранца в Париже» или «Остроумного ответа англичанки неаполитанскому купцу против любовного предложения»⁷⁴. Также новым оказывается язык прозаиков журнала. Это не салонная, изящная проза А. Ржевского и

⁷³ Пермский Михаил (1741–1770) – происходил из духовенства, обучался в Александро-Невской лавре, откуда был отправлен на учебу в Лондон.

⁷⁴ Влюбившийся в добродетельную англичанку итальянец утверждает, что, так как он целовал туфлю папы римского, то его поцелуй способен исцелить болезни. Он предлагает излечить даму от прыщика. Дама верит в целебную силу его поцелуя, но сожалеет, что рядом нет старого кучера, страдающего наружным почечуем (кожным заболеванием). Лучшие излечить его.

не строгая и упорядоченная риторическая речь М. Хераскова. Это язык представителей третьего сословия.

«Собрание лучших сочинений» (1762) – полное название этого ежеквартального журнала – «Собрание лучших сочинений к расширению знания и к произведению удовольствия, или Сменная библиотека о разных физических, экономических, а также до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах». В России это первое ежеквартальное (трехмесячное) издание. Его издателем был профессор Московского университета по кафедре всеобщей и ученой истории И. Г. Рейхель⁷⁵. Одним из его учеников был Д. Фонвизин, который активно участвовал в работе журнала, публиковал в нем переводы «Нравоучительных басен» Гольберга, «Сифа» Террасона, немецких авторов.

Главную задачу издатель видел в отборе произведений европейских авторов, которые переводились, чтобы доставить читателям удовольствие и принести пользу. В журнале предполагались отделы физики, экономики или домостроительства, нравоучения и политической истории. Главное внимание уделялось экономическим, хозяйственным и коммерческим вопросам. Например, в «Политическом рассуждении о коммерции» говорится: «Коммерция и мануфактуры

⁷⁵ Рейхель Иоганн Готфрид (1712–1778) – профессор всеобщей и ученой истории, секретарь Конференции и первый библиотекарь Московского университета, ординарный член Собрании свободных искусств в Лейпциге и магистр Лейпцигского университета, был выписан из Лейпцига через академика Г. Ф. Миллера, прибыл в Москву 21 июля 1757 г. Рейхелю поручено читать курс немецкой словесности (грамматика немецкого языка, правила немецкого красноречия), а также «историю философическую и литеральную». В 1758 г. он читал правила немецкого слога, учил писать письма, краткие речи и разговоры на немецком языке и особо преподавал правила исторического слога, сопровождая их историческими и географическими примечаниями. Ввиду крайне скромного вознаграждения от университета Рейхель вынужден был искать заработка на стороне и поступил домашним учителем в один богатый частный дом. Кроме того, с самого начала службы при университете Рейхелю была поручена должность университетского библиотекаря. В 1761 г. он был наконец сделан экстраординарным профессором и с тех пор постоянно читал курс всеобщей истории. При этом некоторое время Р. продолжал читать и немецкую словесность, пока этот предмет не отошел к особому лектору, Гельтергофу; для студентов же, приходивших в библиотеку, Рейхель излагал особо историю литературы (histoire litteraire). Преподавание всеобщей истории он любил соединять с историей ученой, а позднее к новой истории присоединял всегда статистическое обозрение новых европейских государств.

столь надобны к приращению государства, как дождь и солнечное сияние древам и растениям... Купец есть дух государства, потому что торг движение свое от него имеет, а прочие посредством торгу необходимые для жизни своей потребности получают... Торг должен иметь свободу» (1762, ч. II, с. 233–278).

Можно было прочесть о том, какую пользу физика приносит экономике, о новых опытах по окрашиванию красного вина, о мануфактур-коллегиях, о политических аспектах коммерции. Многие из этих статей были написаны самим Рейхелем. Значительная часть публикаций – переводы, которые делали также другие авторы: А. Воронцов, Я. Дашков, А. Корсаков и другие. Немало места уделялось вопросам теории и истории литературы. Издание содержало разнообразные материалы, в том числе переводы из иностранных сатирических изданий. Хотя журнал не приносил особой прибыли и издавался на субсидии книготорговца Вевера, но был любопытен для нескольких поколений читателей. В 1787 г. Новиков выпустил второе издание «Собрания лучших сочинений».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. – М. ; Л., 1952.
2. Ворошилов, В. В. История журналистики России / В. В. Ворошилов. – СПб., 1999.
3. Гуковский, Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. – М., 1999.
4. Есин, Б. И. История русской журналистики (1703–1917) / Б. И. Есин. – М., 2000.
5. Запов, А. В. Русская журналистика XVIII века / А. В. Запов. – М., 1964.
6. Иванов, В. Ф. Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней / В. Ф. Иванов. – М., 2001.
7. Ивлев, Д. Д. История русской журналистики XVIII – начала XX в. / Д. Д. Ивлев. – М., 2004.
8. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / под ред. проф. А. В. Запов. – 3-е изд. – М., 1973.
9. История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003.
10. Новиков, В. И. Масонство и русская культура / В. И. Новиков. – М., 1998.
11. Очерки по истории русской журналистики и критики : в 2 т. – Т. 1. – Л., 1950.

12. Татаринова, Л. Е. Русская литература и журналистика XVIII в. : учебник / Л. Е. Татаринова. – 3-е изд. – М., 2001.

ТЕКСТЫ:

1. История русской журналистики : хрестоматия / сост. Б. И. Есин. – М., 1991.
2. История российской журналистики. XVIII век : хрестоматия / авт.-сост. А. Г. Алтунян. – Ч. 1. – М., 2002.
3. Русская журналистика XVIII–XIX веков. Тексты. – М., 1986.
4. Русская проза XVIII века / под ред.: Г. П. Макогоненко и А. В. Запов. – Т. 2. – М., 1950.

Журналистика 1770–1780-х годов

Отечественная литература и журналистика в эпоху Екатерины II, как и в целом в XVIII веке, еще продолжала заниматься переводами иностранных источников. В произведениях А. Сумарокова, М. Хераскова, И. Богдановича и других русских писателей той эпохи еще много прямых заимствований у французских, английских, итальянских и иных писателей, что не могло не тормозить создание самобытной национальной литературы.

«Официальная» литература эпохи Екатерины II может быть представлена такими именами, как Д. Фонвизин, А. Сумароков, Г. Державин. «Неофициальная» же литература – именами А. Н. Адищева, Н. Новикова, Ф. В. Кречетова, чье творчество было подвергнуто запрету, а авторы – репрессиям. Подобной же участи подвергся и ряд других менее известных авторов, например, Я. Княжнин, чья историческая драма «Вадим Новгородский» была также запрещена, а весь тираж сожжен. Политика императрицы, состоявшая, с одной стороны, в своеобразном личном «руководстве» литературным творчеством, а с другой стороны, жесткая цензура и репрессии в отношении неудобных писателей не способствовали развитию отечественной литературы.

Это касалось как отдельных произведений, так и литературных журналов. В течение ее царствования появилось несколько журналов, но ни один из них, за исключением журнала «Всякая всячина», издаваемого самой Екатериной II, не смог долго просуществовать. Причина

состояла в том, что издатели журналов «считали себя вправе критиковать, между тем как Фелица считала их обязанными восторгаться»⁷⁶.

Ярким примером этого является закрытие в 1770 г. журнала Н. Новикова «Трутень» вследствие того, что в нем поднимались острые социальные темы (произвол помещиков в отношении крестьян, повальная коррупция среди чиновников и др.). Той же участи подверглись «Санкт-Петербургский вестник», просуществовавший лишь немногим более двух лет, и другие журналы.

Такая же политика проводилась в отношении издаваемых книг – не только в стране, но и за рубежом, касавшихся России и императорской политики. Так, например, резкой критике со стороны Екатерины II подверглась выпущенная в 1768 г. французским астрономом Шаппом д'Отрошем (Chappe d'Auteroche) книга о его поездке в Россию, в которой он писал о царившем среди чиновников взяточничестве и о торговле людьми. Также интересна «История России» Левэка (L'Evesque), изданная в 1782 г. во Франции, в которой было слишком мало похвалы в адрес императрицы.

Остракизму подвергались не только «вредные» произведения, но и деятельность просветителей. В частности, раздражение императрицы вызывала издательская деятельность Новикова, которая велась с большим размахом. Установлено, что из 2685 книг, изданных за 1781–1790 гг. в России, 748 книг, то есть 28 %, было опубликовано Новиковым⁷⁷.

Известно, что в 1785 г. Екатерина II поручила архиепископу Платону выяснить, нет ли чего «вредного» в книгах, выпускаемых Новиковым. Тот изучил изданные им книги, которые большей частью выпускались в целях народного просвещения, и в конце концов так и не нашел в них «ничего предосудительного с точки зрения веры и интересов государства». Тем не менее уже через год были закрыты новиковские масонские ложи, запрещен ряд его книг, а еще через несколько лет он и сам был репрессирован. Как пишет Н. И. Павленко, «состава преступления убедительно сформулировать не удалось, и Новиков без суда, личным указом Екатерины II от 1 мая 1792 был заточен в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет. Указ объявлял его государственным преступником, шарлатаном, наживавшимся за счет обмана доверчивых людей»⁷⁸.

Очень похожа судьба А. Радищева, чья книга была обвинена в том, что она «наполнена вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к власти уважение...»⁷⁹. Автор был приговорен к смертной казни четвертованием (после помилования заменена десятилетней ссылкой в Тобольск). Очевидно, что и в «деле Новикова», и в «деле Радищева» определенную роль сыграло уязвленное самолюбие Екатерины, привыкшей к лести и не выносившей людей, осмеливавшихся высказывать свои критические суждения, идущие вразрез с ее собственными.

Новый период в развитии отечественной литературы и журналистики наступил в начале 70-х гг. Придя на трон, Екатерина II выбрала политику умеренного либерализма. Следствием этого следует считать объявление об учреждении Комиссии для составления нового Уложения (1767–1768), то есть нового свода законов страны, которые не пересматривались со времен Алексея Михайловича. Екатерина II попыталась создать видимость того, что положение дел в стране, по крайней мере, в части законодательства, может быть предано гласному обсуждению.

Предложенные реформы исходили из желания сохранить самодержавие, крепостничество, сословность и другие основы монархического государственного управления; возвысить дворянство; уберечь Россию от влияния европейских революционных идей и политического опыта; усилить свою личную власть, полученную незаконно в результате убийства императора; подчинить себе всю систему государственного управления.

Екатерина II старалась казаться просвещенной царицей, матушкой-императрицей для русских подданных. Она переписывалась с французскими энциклопедистами, поощряла активность дворянского общественного мнения, интерес к политическим идеям, предоставляла возможность желающим высказываться в Комиссиях, печатных изданиях, сама публиковалась⁸⁰ в журнале «Всякая всячина».

⁷⁹ Павленко, Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – М., 2006. – С. 279–281.

⁸⁰ Екатерина II, урожденная София-Августа-Фредерика-Анхальт-Цербстская (1729–1796) – российская императрица, драматург (написала 25 комедий, исторических драм, комических опер, интермедий), журналист («Всякая всячина», «Собеседник любителей российского слова»), публицист («Наказ», «Записки касательно российской истории»), переводчик. Екатерина пришла к власти в ходе дворцового переворота. Екатерининская эпоха ознаменовалась максимальным укреплением крепостного и всесторонним расширением привилегий дворянства. Границы Российской империи были значительно раздвинуты на запад (разделы

⁷⁶ Павленко, Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – М., 2006. – С. 205.

⁷⁷ Там же. – С. 282.

⁷⁸ Там же. – С. 282–284.

на», одно время даже окружала себя образованными государственными деятелями, велела со 2 марта 1768 г. подписываться в челобитных «верноподданный» вместо традиционного «раб».

В Комиссию было избрано 564 депутата, из них 28 – от государственных учреждений, 161 – от дворянства, 206 – от городов, 57 – от казачества, 112 – от податных крестьян. В число последних входили депутаты от пахотных солдат, однодворцев, черносошных крестьян – людей лично свободных, хотя и трудившихся на земле. На заседаниях впервые гласно было заявлено о бедственном состоянии крепостных крестьян, раздались требования ограничить власть помещиков, предоставить какие-то права крепостным. Ряд русских писателей, в том числе Н. Новиков, М. Попов, А. Аблесимов, Г. Державин и другие, участвовали в работе Комиссии в качестве секретарей, и то, что они слышали там, глубоко им запомнилось. Даже в тех крайне суженных пределах, которые ей были отведены. Никакого решения Комиссия выносить не могла, но споры, разгоревшиеся в ней, показали Екатерине II, что дальнейшая игра в либерализм может быть для нее опасна. Взгляды были высказаны, столкновение сторон обозначилось ясно, опыт созыва депутатов следовало прекратить. И в декабре 1768 г., под предлогом начавшейся войны с Турцией и возвращения офицеров в полки, а чиновников на службу, императрица приказала окончить заседания Комиссии. Тем не менее Комиссия сыграла заметную роль в развитии русской общественной мысли, отечественной журналистики.

Потерпев неудачу в попытке повести за собой Комиссию, Екатерина II решила выступить на поприще журналистики для того, чтобы руководить общественным мнением и укрепить имидж «просвещенной императрицы». Она захотела использовать печатные органы для изложения своих взглядов на управление страной, разъясняла свою политику, свой взгляд на неурядицы в стране, проповедовала теорию социального равновесия (каждый должен довольствоваться своим положением). Поэто-

Речи Посполитой) и на юг (присоединение Новороссии). Система государственного управления впервые со времени Петра I подвергнута реформированию. В культурном отношении Россия окончательно вошла в число великих европейских держав, чему немало способствовала сама императрица, увлекавшаяся литературной деятельностью, собиравшая шедевры живописи, состоявшая в переписке с французскими просветителями. В целом политика Екатерины и ее реформы вписываются в русло просвещенного абсолютизма XVIII века.

му, несмотря на сатирическую форму, периодическое издание должно было преследовать вполне серьезные политические цели.

В первой половине 1769 г. появились сразу восемь сатирических журналов: «**Всякая всячина**» – со 2 января, «**И то и се**» – с 21 января, «**Ни то ни се**» – с 20 февраля, «**Полезное с приятным**» – с 24 февраля, «**Поденщина**» – с 28 февраля, «**Смесь**» – с 1 апреля, «**Трутьень**» – с 1 мая, «**Адская почта**» – с 1 июля.

Тиражи изданий были различны и непостоянны. «Всякая всячина» вышла первый раз в количестве 1692 экземпляров, следующие двенадцать имели тираж 1500, затем он снизился до 1000, а последние шесть номеров печатались по 600 экземпляров. Число читателей «Всякой всячины» неуклонно падало. Зато тираж «Трутьень» возрастал. Первые двенадцать номеров (листов), печатавшиеся в количестве 626 экземпляров, через три месяца потребовали переиздания и были выпущены вторым тиснением по 500–700 экземпляров каждый. Начиная с 13-го листа «Трутьень» имел тираж 1240 экземпляров до конца 1769 г. Журналы «И то и се», «Ни то ни се», «Смесь» печатались в количестве 600, «Поденщина» – 500 экземпляров.

В журнальных материалах уже меньше схематизма и абстрактности в описании пороков, чем это было в печатных изданиях середины XVIII в., слышны нападки на поведение придворных и императрицы. Таким образом, очевидно, что отечественная журналистика в 70–80-е годы вошла в сложный и интересный период своей истории.

«**Всякая всячина**» (1769–1770). Как это ни парадоксально, но именно императрица инициировала издание первого в России *еже-недельного* сатирического журнала, номера которого состояли из нескольких листков форматом в половину ширины страницы школьной тетради. Образцом служил английский журнал «Зритель»⁸¹, читате-

⁸¹ В 1711 г. появился самый удачный журнал в творческом наследии Аддисона и Стиля – «*The Spectator*» («Зритель»). Аддисон и Стиль разработали целую галерею масок, членов небольшого клуба, которые собирались, чтобы порассуждать на самые замысловатые темы из области политики, литературы, философии, театра, светской жизни и т. д.

Подлинной удачей стал образ «Зрителя» – сэра Роджера де Коверли, добропорядочного провинциального джентльмена, английского чудака, с любопытством глядявавшего на окружающий мир: «Так и живу я на свете, скорее как Зритель, созерцающий человечество, чем как один из его представителей; таким образом, я стал прозорливым государственным деятелем, военным, торговцем и ремесленником, никогда не вмешиваясь в практическую сторону

лями которого были многие русские дворяне, в том числе и молодая Екатерина II. Императрица была не только идейным вдохновителем, но и автором, активным участником издания, которое выходило под ее негласной редакцией. Фактически редактировал материалы журнала ее кабинет-секретарь Г. В. Козицкий. Он же готовил к печати и произведения самой Екатерины II, которые даже после обработки сохраняли нерусский характер.

«Всякая всячина» объявила себя «бабушкой» русских журналов, призванной воспитывать не только читателей, но и учить журналистов тому, что можно критиковать, а какие темы трогать нельзя. О чем же заговорили новые журналы, что составляло предмет их интересов, по каким вопросам проходили споры между ними, велась полемика? Что именно они могут высмеивать и чего касаться нельзя, что должно быть объектом журнальной сатиры, в каких размерах эта сатира вообще допустима в печатных изданиях?

В первом обращении к читателям некий издатель убеждал читателей благосклонно отнестись к журналу: «Всякая всячина всегда с нами пребывала, но ни который год не мог похвалиться, иметь оную напечатанную. До сих пор она была в действиях, во словах, в мыслях, и везде оказывалась; но ныне она положена на бумагу и увидит свет. О, коль сей год отличен от прошедших! Происхождения были во свете все те же; нового ничего нет; но ныне оные можно будет читать. День, гонимый днем, уже с собою в вечное забытие не вовлечет здесь записанных достопамятных происшествий. Достойны быть поздравлены все те, кои дожили до сего отличного дня, в который они, может статься, увидят себя не только снаружи в зеркале, но еще и внутренние свои достоинства,

жизни. Теоретически я прекрасно знаю роль мужа или отца и замечаю ошибки в экономике, деловой жизни и развлечениях других лучше, чем те, кто всем этим занят, – так сторонний наблюдатель замечает пятна, которые нередко ускользают от тех, кто замешан в деле. Короче говоря, я во всех сторонах своей жизни оставался наблюдателем, и эту роль я намерен продолжать и здесь».

Тираж «The Spectator» вырос до 14000 экз., читатели в Европе и колониях с нетерпением ждали каждого нового выпуска. Но Аддисон и Стиль оказались верными избранной издательской стратегии, и когда интерес к «The Spectator» достиг максимальных пределов, они предпочли сменить литературные маски. «The Spectator» просуществовал два года – всего вышло 555 номеров, в последнем номере было объявлено о неожиданной женитьбе одного из персонажей и о скоростной кончине другого. Вместо «The Spectator» в 1713 г. появились новая маска и новый журнал «The Guardian» («Опекун»).

начертанные пером. О, коль счастливо самолюбие ваше в сей день, когда ему новый способ приискался смеяться над пороками других и любоваться собою» (1769, с. 2).

«Всякая всячина» сообщила, что она стоит за сатиру в «улыбательном духе», которая не затрагивает отдельных лиц и конкретных недостатков государственно-политического строя России, а выступает лишь против пороков, не называя никого персонально. Императрица не хотела терпеть никакой критики, не желала слушать советов. Если и были недостатки в управлении Россией, то все они относились за счет предыдущих царствований, а нынешнее, по ее мнению, этих недостатков не имеет.

Журналистам рекомендовалось не затрагивать недостатков русской жизни. Запрещены жалобы на чиновников-подьячих, часто исходившие из уст русских писателей и журналистов:

«Подьячих не можно и не должно перевести. Не подьячие и их должности суть вредны; но статья может, что тот или другой из них бессовестен. Они менее других исключены из пословицы, которая говорит, что нет рода без уroda, для того, что они, более многих, подвержены искушению. Подлежит еще и то вопросу: если бы менее было около них искушателей, не умилился ли бы тогда и на них жалоба. Но чтоб удовольствовать писателя вышепоставленные грамоты в его требовании, как перевести обычай, чтоб подьячие не приводили никого в изнеможение, в ответ ему скажу, что сие весьма легко. Не обижайте никого; кто же вас обижает, с тем полюбовно миритесь без подьячих, сдерживайте слово и избегайте всякого рода хлопот» (1769, с. 160).

Сама «Всякая всячина» вовсе не желала касаться общественных пороков, предпочитая говорить иногда о человеческих «слабостях»: «1) Никогда не называть слабости пороком. 2) Хранить во всех случаях человеколюбие. 3) Не думать, чтоб люден совершенных найти можно было. 4) Просить бога, чтоб нам дал дух кротости в снисхождении. 5) Впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит. 6) Никому не думать, что он один весь свет может исправить»⁸².

А что же возмущало саму «Всякую всячину»? Журнал выступает с критикой некоторых казавшихся ему возмутительными фактов: «Многие молодые девушки, – с осуждением писала «Всякая всячина», – чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кла-

⁸² *Всякая всячина. – № 19. – С. 34.*

дут; через что подымают юбку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего» (1769, с. 156).

При этом «Всякая всячина» не упускает случая утвердить свою точку зрения на существенные вопросы современности, используя прозрачные иносказания. В 22-м номере редакция напечатала сказку о том, как некие портные шили мужику новый кафтан, ибо из старого владелец вырос. Добрый приказчик созвал портных, выбрали покрой, решили кроить в запас; между тем мужик дрожит от холода на дворе. Но когда приступили к работе, «вошли четыре мальчика, коих хозяева недавно взяли с улицы, где они с голода и с холода помирали». Им приказали помогать портным, однако дело только замедлилось, так как, хотя «сии мальчики умели грамоте, но были весьма дерзки и нахальны: зачали прыгать и шуметь» (1769, с. 166). Мальчики выкрикивали свои требования, критиковали портных и не поддавались благоразумным уговорам.

Статья эта не окончена, продолжения не последовало. Очевидно, что в этой весьма прозрачной аллегории «Всякая всячина» выражала свое недовольство работой Комиссии по составлению Нового уложения. «Мужику» – населению России – затеяли шить новый кафтан, то есть приводить в порядок законы, а дерзкие мальчики (читай: группа сочувствовавших крестьянству депутатов) сорвали полезную деятельность «портных», которую они начали по указанию самой императрицы. «Мужик» остался без кафтана, он продолжает мерзнуть, но в этом вина не правительства, а добровольных народных заступников, утверждала «Всякая всячина», и надо негодовать против них, а не против государственной власти. В журнале придерживались точки зрения, что высмеивать надо пороки и человеческие слабости, а не их носителей. Поэтому сатира в журнале была безличной, сатирой «на порок», а не «на лицо».

Кроме помещения в журнал статей самой Екатерины II в нем участвовали многие известные литераторы – А. В. Храповицкий, граф А. П. Шувалов, И. П. Елагин, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин и другие. Многие выступали, как это было принято, под псевдонимами.

О появлении нового журнала не было сообщено заранее. Не было и подписки. Поэтому, вероятно, первый номер журнала распространялся бесплатно, последующие – продавались. Это было написано на титульном листе первого номера: «Сии листом бью челом; а следующие впредь изволь покупать». Условия подписки на «Всякую всячину» были опубликованы 6 января в № 2 «Санкт-Петербургских ведомостей». Имена издателя, редактора и сотрудников журнала объявлены не были, большинство статей анонимно либо опубликовано

под псевдонимами или инициалами (реальными или условными). В части расписок фактора типографии Академии наук, где печаталась «Всякая всячина», указано, что деньги за издание журнала вносил Г. В. Козицкий. Через его посредство обращались с прошениями к императрице Н. Новиков, А. Сумароков, М. Попов и другие писатели, получавшие от Екатерины II значительные суммы на свои издания. В «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новиков писал о Козицком: «Слог его чист, важен, плодovit и приятен; по сему-то некоторые и заключают, что “Всякая всячина”, еженедельное сочинение 1769 г., приобретенное толикою похвалу, есть произведение его пера». Многочисленные ошибки в тексте исключают вопрос об авторстве Козицкого.

В 1863 г. П. П. Пекарский, разбирая бумаги кабинета Екатерины II, обнаружил черновики четырех небольших статей из «Всякой всячины», написанных рукой самой императрицы. Так впервые обнаружилось, что определенную роль в издании журнала играла сама Екатерина. Последующие поколения исследователей из этого частного факта сделали ряд далеко идущих выводов: Екатерине стали приписывать чуть ли не большинство опубликованных во «Всякой всячине» материалов, ей, а не Г. В. Козицкому, отвели роль главного редактора и издателя журнала и т. п. Утверждалось, что издатели и сотрудники других журналов знали об участии Екатерины во «Всякой всячине», и любой выпад М. Д. Чулкова, В. Г. Рубана, Ф. А. Эмина, Н. И. Новикова, направленный против «Всякой всячины», стал истолковываться как выступление лично против императрицы.

Все это, безусловно, не соответствует истине. Екатерина действительно играла руководящую идейную роль в журнале и сама сотрудничала в нем, однако современники об этом не знали. Не только писатели XVIII в., но и крупнейшие историки литературы и библиографы начала XIX в. (Евгений Болховитинов, В. Г. Анастасевич, Д. И. Хвостов и др.), все исследователи сатирических журналов 1769 г., вплоть до А. Н. Афанасьева и Н. А. Добролюбова, даже не подозревали о личном участии Екатерины во «Всякой всячине». Но издатели прогрессивных журналов 1769 г. прекрасно понимали, что «Всякая всячина» – издание официальное, проправительственное, «политическое» (Ф. А. Эмин). Это было ясно и по именам известных сотрудников (Г. В. Козицкий, И. П. Елагин, В. И. Лукин и др.), и по активной защите журналом В. Петрова и В. Лукина – литераторов, которых поддерживало правительство, и по яростным нападкам на Сумарокова, нелюбимого императрицей и ее приближенными (особенно И. П. Елагиным), и по характеру материалов, разъяснявших

политику правительства по тому или иному вопросу (см., например, сказку о мужичке и кафтане).

Поэтому борьба просветительских сатирических журналов Н. И. Новикова и Ф. А. Эмина («Трутень», «Смесь», «Адская почта») против «Всякой всячины» была борьбой против правительственной, екатерининской политики в области литературы и общественной мысли, и это для судеб русской литературы имело неизмеримо более принципиальный, глубокий и серьезный смысл, чем мнимые нападки на личность государыни.

Публикации журнала вызвали живой отклик у просвещенной публики, и не всегда ожидаемый. Многие материалы стали отправной точкой разгоравшихся дискуссий, в том числе и в частных журналах Новикова. За первый год было выпущено 52 номера «Всякой всячины». Тираж колебался от 500 до 1500 экземпляров. В последнем номере 1769 г. было объявлено об издании приложения к нему – «Барышек Всякия всячины», куда должны были войти «излишки материалов, подготовленных для основного издания», «Барышек» вышел в 1770 г. 18 раз. В основном в нем печатали переводы из античных, преимущественно латинских, авторов.

«И то и се» (1769) – еженедельный сатирический журнал, над которым «трудился один без всякой себе помощи» М. Д. Чулков⁸³. Он первым откликнулся на призыв «Всякой всячины» осмеивать пороки и распространять здравые идеи. Даже название определенным образом повторяет издание «старшей сестрицы», как Чулков ее называет. Он воспроизводит почти полностью первую страницу журнала императрицы, сопровождая своим комментарием: «Строками служу, бумагой бью челом, а обою вообще извольте покупать, купив же, считайте за подарок, для того, что неольшова оною стоит». Правда, в одном из номеров он намекает на преклонный возраст «Всякой всячины» и упрекает ее в ненависти к людям. Но в целом не отступает от установки на «улыбательную сатиру».

⁸³ Чулков Михаил Дмитриевич (1743–1792) – прозаик, этнограф, журналист, экономист, поэт, драматург. Разночинец, выслужил дворянство. Во многом благодаря ему утвердился новый тип писателя и новое отношение к литературной деятельности, ориентированной на массового читателя. Издавал журналы: «И то и се», «Парнасский щепетильник». Развивал различные прозаические жанры. Имел успех как автор оригинального русского романа «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины».

Достоинством Чулкова-журналиста следует считать стремление понять «порочного» героя, увидеть в нем человека, «жертву обстоятельств». Верно замечено, что «Чулков одним из первых попытался взглянуть на подъячего, мелкого чиновника вне рамок сатиры, дать в журнале “нейтральные” (без идеализации, но и без сарказма) портреты приказных. Он попробовал беспристрастно разобраться в самом механизме должностного поведения, сложившемся в чиновничьем мире, дать первые очерки социальной психологии, явить внутреннюю дифференциацию служебных отношений чиновников (деление на “секретарей” и “копиистов”) и ею подспудно объяснить драму существования “маленького человека”»⁸⁴.

В своем журнале Чулков вступает в непринужденную беседу с читателем, балагурит, рассказывает о себе, сыплет шутками, пословицами, сатирическими намеками. «Поздравление с новым годом», открывающее первый номер журнала «Ни то ни се», характерно для фельетонной манеры Чулкова-журналиста:

«Тысяча семьсот шестьдесят восьмой год был не крепостной, но вольный, он прошел по своему желанию, и никто не осмелился его остановить, следовательно, мы поклонились и домой возвратились; будет с нас и того.

Господин читатель! Как тебе кажется это начало, хорошо ль я говорил или дурно? Но ты молчишь и мне не отвечаешь; так я тебя больше и спрашивать не стану, а буду один упражняться в моем намерении во удовольствие твое по пословице: свой ум – царь в голове; я же голову имею собственную; следовательно, и разум в ней не купленный.

Имею я уста пространные, голос громкий и произношение речей весьма твердое, природу обыкновенную, а тело тяжелое, да и такое, которое не могут поднять ветры; итак, пушу я голос мой во все концы пространная России и поздравлю всех моих одноземцев с тем торжественным днем, в который начался новый, тысяча семьсот шестьдесят девятый год и в который сменила девятая цифра осмую. Чего ж я пожелаю при сем моем поздравлении? Благополучия; кажется, что не ошибся; да и нельзя, ибо еще с малых лет научился я быть разумен и политичен. Хотя это и неправда, а походит на очевидную ложь; однако надеюсь,

⁸⁴ Сапожков, С. В. Чулков Михаил Дмитриевич / С. В. Сапожков // Русские писатели, XVIII век : биобиблиографический словарь. – М. : Просвещение, 2002. – С. 216.

что для такой радости простят мне сию погрешность. Разве для того только она извинения не достойна, что в самом начале года прихватил я на душу такую небылицу и прибавил к старым моим грехам золотника два-три походу... *Охота смертная, да участь горькая* (здесь и далее курсив автора).

Сей лист, или сие первое издание, сочинял я три года с половиною и истратил для переписок на одну только бумагу все оставшееся мне после покойного отца моего имение, прибавил еще к тому годовое мне жалование, однако и того не достало; итак, чтоб в последний раз переписать его набело, занял я листок у искреннего моего друга и сущего приятеля, который, конечно, не оставляет меня в таких нуждах, и думаю, хотя попрошу я и полдести, так он мне поверит только под расписку, ибо он держится сей пословицы: *Денежка-де всегда счет любит*.

По сему описанию кажется мне, будто бы я похожу на изрядного простофилю и как будто уже во мне нет никакой надежды к продолжению принятого мною намерения; однако, господин читатель, уверяю тебя, что ты получишь в следующую неделю другой листок и в целый год все, но порядку, ежели не станешь жалеть денег, а мы люди непричудливые, не гоняемся за золотом и серебром, примем от тебя и медью и докажем тебе, что мы благосклонны в то время, когда нам дают деньги. Начал я за здоровье, а свел за упокой, чем и доказал ясно, что я пишу и то и се; итак, примолвим одну пословицу и останемся до времени с покоем. *Первый блин всегда бывает комом*» (1769, с. 3).

Чулкову был свойственен интерес к фольклору, в произведениях отчетливо проявились национальные тенденции. В журнале давались описания различных народных обрядов, традиций, суеверий, описание крестин, святочных гаданий и т. д. Борьба с классицизмом привела к реабилитации прозы (бытовая повесть, рассказ, очерк). Мироззрение Чулкова политически расплывчато, он избегает социальных обобщений и обходит сатиру. Активно используется форма письма.

«**Ни то ни се**» (1769) – ежемесячный журнал, издававшийся В. Г. Рубаном⁸⁵, тираж которого составлял 600 экземпляров, расходившихся плохо. В 1771 г. журнал вышел вторым изданием.

⁸⁵ Рубан Василий Григорьевич (1742–1795) – поэт, прозаик, переводчик, журналист. Получил образование в Славяно-греко-латинской академии и разночинной гимназии при Московском университете. В студенчестве дружил с Д. Фонвизинным, И. Богдановичем, М. Чулковым. После завершения образования был

Василий Рубан был литератором, жившим на средства знатных людей, которым он преподносил хвалебные стихи. По мнению современников, это было довольно бесцветное издание, заполненное преимущественно переводными материалами. На его страницах не было сатиры, издатель неоднократно заявлял об отрицательном отношении к сатире и неодобрительно высказался по поводу «усопших своих собратьев», сатирических журналов 1769–1770 гг., которым приходилось «выдерживать карантин в типографиях» (см. объявление о выходе журнала и письмо «Услужница ваша»). В некоторых материалах чувствуется отсутствие художественного вкуса, избыточность тяжеловесные и неправильные обороты речи. Более того, издатель мог признаться:

определен переводчиком с турецкого языка в Коллегию иностранных дел, затем личным секретарем князя Г. А. Потемкина. Пробовал себя во многих журналах, но везде терпел финансовые неудачи. Особо ценятся его труды по подготовке к печати и издание ценных историко-литературных памятников: «Устав ратных и пушечных дел царя Алексея Михайловича» (1777), «Хождение Трифона Коробейникова» (1783) и др. Особого успеха он добился в жанре стихотворной надписи.

Затем он издал: «Поход боярина и большого полку воеводы А. С. Шеина к Азову» (Санкт-Петербург, 1773), «Устав ратных, пушечных и других дел, составленный в 1607 и 1621 году Онисимом Михайловым» (Санкт-Петербург. – Ч. I. – 1777; ч. 2. – 1781), «Пешеходца Василия Григоровича Барского путешествие к св. местам и т. д.» (Санкт-Петербург. – 1778. – 2-е изд. – 1785), «Землеописания Малой России» (Санкт-Петербург, 1777), «Краткую летопись Малой России с 1506 по 1776 год» (Санкт-Петербург, 1777); «Начертание, подающее понятие о достохвальном царствовании Петра Великого» (Санкт-Петербург, 1778), «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год» (Санкт-Петербург, 1779; составлено Г. Богдановым по архивным документам и до сих пор представляет драгоценную справочную книгу, благодаря обилию исторического материала; украшено множеством гравюр зданий, ныне не существующих), «Описание императорского столичного города Москвы» (Санкт-Петербург, 1782), «Изъяснение по полосам губерний, наместничеств и областей всей Российской империи» (Санкт-Петербург, 1785), «Любопытные месяцесловы» на 1775, 1776, 1778 и 1780 годы (кроме календарных сведений – летопись исторических событий, статьи по географии, астрономии, генеалогические таблицы российских государей и т. д.), «Дорожник чужеземный и российский» (Санкт-Петербург, 1777), «Всеобщий и совершенный гонец и путеводитель» (Санкт-Петербург, 1791. – 3-е изд. – 1808), «Историческую табель владетельных великих князей, царей и императоров всероссийских» (Санкт-Петербург, 1782), «Российский царский памятник, содержащий краткое описание жизни российских государей» (Санкт-Петербург, 1783. – 6-е изд.), «Краткий степенник владетельных великих князей, императоров и императриц всероссийских» (1786).

«Мы будем не первые отягощать свет бесполезными сочинениями: между множеством ослов и мы вислоухими быть не покраснеем».

Журнал представлял собой смесь стихов и прозы, сочинений и переводов. Рассмотрение материалов может оказаться полезным для понимания особенностей подносных текстов. Литературовед Л. Гинзбург в статье «Неизданные стихотворения В. Рубана»⁸⁶ обращает внимание исследователей на возможность изучить его стихотворения, подаренные покровителям. Литература века Просвещения была по преимуществу дворянской. Писатели не считали постыдным искать милости и покровительства у людей, которых почитали себе равными, и подносить свои сочинения вельможе, в надежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными камнями.

В деятельности писателей XVIII в. на некой «высшей» ступени стояли темы столь официальные, что в их пределах и воспеваемый, и воспеваящий теряли личные признаки, превращаясь в абстракцию монарха, вельможи, полководца, как и в абстракцию пиита. Абстракции и стали по преимуществу достоянием печати и потомства. Те же ступени поэтической лестницы, на которых социальное раболепство неприкрыто сменялось личным угодничеством, обычно скрывались в быту. Тем существеннее для малоисследованного вопроса о вельможном меценатстве XVIII в. рукописное наследие коллежского секретаря и сочинителя Василия Рубана. Наряду с черновиками и списками его печатавшихся од, переводов и надписей они содержат большое количество подносных стихотворений – откровенный разговор о подачке за восхваление и о восхвалении за подачку.

Л. Гинзбург также приводит в качестве примера Ломоносова, который наполнил свои торжественные оды высокопарной хвалой; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем; он в какой-то придворной идиллии воспевает графа К. Разумовского под именем Полидора; он стихами поздравляет графа Орлова с возвращением его из Финляндии. Расстояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя равенством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину он мог быть им равным). Формально Ломоносов был статским советником и дворянином. Но писатели из рядов поместного дворянства, с их исконным

⁸⁶ XVIII век. – Вып. 1. – М.; Л., 1935. – С. 411–432.

классовым сознанием, с их враждебностью к представителям самодержавия противопоставляются исследовательницей представителям высшего сословия. Так было в случае с Василием Рубаном.

В программной статье первого номера журнала «Ни то ни се» четко слышится полемическая позиция по отношению ко «Всякой всячине». Но не это, а, скорее, отсутствие читателей стало причиной закрытия журнала на двадцатом номере.

Кроме названного журнала Василий Рубан во второй половине 1771 г. издавал *еженедельный* журнал «Трудолюбивый муравей», выходивший в Санкт-Петербурге в восьмую долю листа в количестве 26 номеров. Основная задача журнала – дать занимательное чтение, что определило выбор текстов – анекдоты («побаски»), шутки и т. п. Основное место занимают переводы произведений античных (Гораций, Лукиан, Теофраст) и западных писателей. Заметно преимущество произведений Вольтера (№ 9–11, 17, 23). Опубликовано также несколько похвальных стихов, надписей и мадригалов, посвященных Екатерине II и ее приближенным. В некоторых статьях сообщаются географические и исторические сведения о Валахии и Молдавии (№ 7), о городах Крыма (№ 8), о старинном русском платье (№ 13).

В издании Василия Рубана принимали участие: И. Ванслов, Дм. Грузинский, П. Долгорукий, С. Домашнев, В. Майков, И. Мошков, М. Спиридов и др. Материалы за подписью «Т. М.», «М. Т.» принадлежат издателю, как и статьи, подписанные буквой «Р». В 1772–1773 гг. он издал две книжки сборника под заглавием «Старина и Новизна» по типу альманаха со статьями и материалами по русской истории. Это издание выгодно отличается от прежних его журналов. Он также публиковал свои стихи в журналах «Собрание новостей» (1779), «Утренний свет» (1780), «Растущий виноград» (1791–1796).

«Полезное с приятным» (1769) – журнал задумывался как *полумесечное (двухнедельное)* издание, но через два номера периодичность стала *еженедельной*. Хотя наименование «полумесечный» оставалось до прекращения издания. За журнал отвечали преподаватели Сухопутного шляхетского кадетского корпуса И. Румянцев и И. А. де Тейльс. Всего журнал выходил около четырех месяцев (с 13 февраля по 25 июня 1769 г.), к тому же нерегулярно.

Общее направление журнала – проблемы воспитания, что отражало специфику интересов издателей – преподавателей элитарного учебного заведения. Его состав определяли в основном переводные материалы, в частности, из английского «Зрителя» или из немецкой «Юношеской библиотеки». Дидактические установки в этих материалах сочетались с легкой нравоучительной сатирой. Таковы

переводные статьи «О воспитании», «О науках», «О ревности», «Об обхождении и избрании друзей». Другой ряд материалов развивал темы «осуждения пороков». Это были статьи «О скупости», «О злословии», «О зависти», «О любви и волокитстве» и т. д.

В полемику журнал не вступал, но материалы сатирического характера, подчиненные осмыслению некоторых сторон российской жизни, на его страницах появлялись. Таковы «Письма Фомы Стародурова», в которых поднимались вопросы домашнего воспитания. Высмеивание невежества помещенных дворян сочетается в письмах с изображением богача, скупающегося пригласить в дом учителей. В статье «О путешествиях в чужие края» критиковалось бездумное увлечение европейской модой, что было основано на реальных фактах российской действительности.

По своему типу «Полезное с приятным» в чем-то напоминал журнал «Праздное время, в пользу употребленное», издававшийся также в стенах Сухопутного шляхетного корпуса старшим поколением преподавателей. Устарелость подобного типа периодических изданий, сочетавших установку на познавательность с дидактической направленностью, на рубеже 1760-х гг. была очевидной. Поэтому серьезным явлением в развитии журналистики этого периода такое издание стать не могло. К тому же в июне 1769 г. умер один из издателей – И. Ф. Румянцев, что также способствовало прекращению издания.

Главная цель выражена в названии. Печатались подлинные и мнимые переводы, также отклики на таковые в других изданиях. Вопросы русской жизни журнал не касался и не имел сатирической направленности. Чаще смеялись над леностью, трусостью, лицемерием, страстью дворян «к ябеде» и др. Так, например, в «Письмах Фомы Стародурова» показаны скупость и невежество русского помещика, жалеющего денег на приглашение учителей. Есть в журнале стихи и басни («Лев и Козерог» и др.).

Издание не имело особого успеха. Тираж уменьшался от номера к номеру – с 600 до 334 экземпляров. Вышло 12 номеров журнала. Из-за смерти одного из издателей выпуск его был прекращен.

«Поденщина» (1769) – еженедельный листок, состоящий из четырех страничек текста, выходивший с 28 февраля по 4 апреля 1769 г. в течение пяти недель, наполненный случайным разнородным материалом. Первые номера были разом выпущены вперед на неделю, а затем каждый день стали появляться номера «Поденщины». Иногда публиковались интересные заметки из провинциального быта и остроумные реплики на выступления других журналов. Его издатель – офицер

В. Тузов – фигура малоизвестная в литературных кругах. Возможно, что он увлекся новой литературной модой, выступил на издательском поприще, не представляя себе, насколько сложны и ответственны обязанности журналиста, и через месяц бросил надоевшую игру. Впрочем, иногда здесь можно встретить кое-какие наблюдения над провинциальным бытом и полемические реплики в адрес журнала «И то и се», издатель которого М. Д. Чулков с насмешкой отзывался о «Поденщине».

Издание полно сведений о «русских приметах», рассуждений о происхождении слов («счастье» от слова «ясти», «нищета» – от «нечего щипать») и других курьезов, автором которых является сам издатель. Но есть и интересные переводы, заимствованные произведения («О смехе», «О живописстве», «Об архитектуре», «О музыке»). Просветительский и развлекательный характер издания несомненен. Тираж листка – 600 экземпляров.

«Смесь» (1769) – еженедельный журнал издавался с 1 апреля до конца года. До сих пор неизвестно, кто был издателем этого журнала. В. П. Семенников называл издателем Ф. А. Эмина⁸⁷; П. Н. Берков предполагал, что «Смесь» мог издавать Лука Сичкарев, поэт, переводчик, преподаватель в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Приводимые им доказательства любопытны⁸⁸.

В журнале публиковались переводы из французских журналов 1710–1720 гг., статьи полемического и сатирического характера. Переводы издатель хорошо приспособлял к конкретностям русского быта, так что они звучали вполне злободневно. Сатирические материалы «Смеси» были направлены против недостатков дворянского сословия, в них высмеивались пороки духовенства, чиновничества. Издатель не раз с большим участием говорит о тяжелой судьбе простого народа и относится к нему с большой симпатией. Журнал, например, предлагал своим читателям решить задачу: «Кто полезнее обществу, простой ли мещанин, у которого на фабрике работают около двухсот человек и, получая за то деньги, исправляют свои надобности, или превосходительный Надмен, коего все достоинства в

⁸⁷ Эмин Федор Александрович (1735–1770) – писатель, журналист, историк. С 1763 по 1770 г. написал и издал больше десятка сочинений и переводов: «Любовный вертоград», «Непостоянная Фортуна», «Письма Эрнеста и Доравры» и др. Издавал журналы «Смесь» и «Адская почта».

⁸⁸ Очерки по истории русской журналистики и критики : в 2 т. – Т. 1. – Л., 1950. – С. 67–68.

том и состоят, что на своем веку застрелил 6 диких уток и затравил 120 зайцев?»⁸⁹. Всем своим содержанием журнал «Смесь» осуждал «превосходительных Надменов» и говорил о сочувствии к людям незнатным и трудолюбивым.

Особенно сильно эти мысли выражены в статье «Речь о существе простого народа»⁹⁰. Автор в форме сатирической пародии ставит вопрос о различиях между крестьянами и «благородными». Говорят, что крестьяне очень много работают, равняясь тем с лошадьми или волами, поэтому напрасно искать у них разум, с помощью которого «благородные» живут в великолепных домах, спят в мягких постелях, питаются хорошей пищей.

«Можно ли считать крестьян разумными людьми?» – задается ироническим вопросом автор и сообщает, что в поисках ответа он обратился к анатомисту, который доказал ему: «Простой народ есть создание, одаренное разумом, хотя князья и бояре уверяют противное». Доброе желание автора помочь несправедливо обижаемому простому человеку ясно дает себя знать в заключительных строках статьи: «Пусть народ погружен в незнании; но я сие говорю богатым и знатным, утесняющим человечество в подобном себе создании»⁹¹.

«Адская почта» (1769) – ежесемейный сатирический журнал, выходивший с июля по декабрь 1769 г. Издатель журнала Ф. А. Эмин выпустил шесть книжек, составленных в виде переписки двух бесов – «Хромононого» и «Кривого». В конце каждой книжки помещались «Ведомости из Ада», сатирические известия о прибывающих в ад и т. п. В материалах постоянно звучат выпады против А. П. Сумарокова, В. И. Лукина, В. Г. Рубана, М. М. Хераскова и других деятелей. В журнальной полемике издание поддерживало «Трутень» и «Смесь» и полемизировало со «Всею всячиной», выбрав «сатиру на лицо». В письмах можно найти известные анекдоты и литературные реминисценции того времени. Но более всего – это реальные события петербургской жизни.

Персонажи, выведенные под условными именами Злорада, Кашея, Стозмей, при сравнительной малонаселенности Петербурга и хорошей бытовой осведомленности читателей имели в реальной жизни своих прототипов. Все это было узнаваемо для современни-

ков и потому интересно. Поэтому нередко какой-нибудь Стозмей и его любовница Прекраса, упоминающиеся в «Трутне» (лист 26-й, августа 11-го дня), появлялись в журнале «Смесь» (лист 20-й, август) и в «Адской почте» (лист 22-й, ноябрь, с. 315).

В этой связи представляет интерес комментарий А. Н. Афанасьева к материалу «Разговор Меркурия с издателем “Смеси”» (лист 21-й), о котором упоминает П. Н. Берков⁹². Меркурий обращается к собеседнику с вопросом, не хочет ли он посмотреть «новых песен с изображением Пегаса». Издатель «Смеси» замечает, что книжку видел, но не понял, для чего здесь приплетен Пегас. Меркурий поясняет: «Ты видишь, что Пегас сердит и шибит с себя сего писателя».

Намек на М. М. Хераскова понятен, если вспомнить, что в 1769 г. этот поэт издал свои стихотворения под названием «Философические оды, или Песни Михайла Хераскова» с изображением Пегаса на обложке. Намек также повторяется упоминанием Пегаса в том же контексте в сентябрьской книжке *«Адской почты»*: «Я слышал, Асмодей, что и Никанор стихотворцем называется. Вот как свет с часа на час чистится»⁹³. Прежде подьячие грамоте не знали, а ныне они стихотворствуют⁹⁴. Скоро уже челобитны будут писаться в стихах... Никанор теперь и в сочинителях не последнее имеет место. Он силится всползти на самый верх Парнаса. Но Пегас заднею ногою его оттуда шибит»⁹⁵. Итак, он вступил теперь в службу ябеды»⁹⁶. Таким образом, адресные сатирические намеки легко прочитывались читателями.

«Адская почта» напоминает больше литературное произведение, чем журнал. В нем используется жанр сатирических писем, весьма популярных в Европе особенно после публикации в 1721 г. «Персидских писем» Ш. Монтескье. В публикациях выражается положительное отношение к купечеству, которое «есть душа государства»,

⁸⁹ *Смесь*. – 1769. – Декабрь. – Л. 40. – С. 318.

⁹⁰ *Там же*. – Л. 27. – С. 120.

⁹¹ *Там же*. – Л. 33. – С. 27.

⁹² *Очерки по истории русской журналистики и критики* : в 2 т. – Т. 1 – Л., 1950. – С. 48.

⁹³ *Перифраз любимого изречения М. М. Хераскова о необходимости «чистить» язык, разум, стихотворство. Также это встречается на страницах его журналов «Полезное увеселение», «Свободные часы», анекдотах.*

⁹⁴ *М. М. Херасков был директором Московского университета, то есть чиновником, подьячим.*

⁹⁵ *Слухи о предполагаемом переезде М. М. Хераскова в Москву и переход в службу Сената.*

⁹⁶ *Адская почта*. – 1769. – Сентябрь. – С. 74.

заметно сочувствие к низшему сословию. Но в целом издатель признает неизбежность феодально-дворянского режима.

В полемике между «Всякой всячиной» и «Трутнем» Эмин решительно принял сторону Новикова. Он упрекал «Всякую всячину» в том, что она «справедливости принадлежащие вещи» называет злонравием, и, осуждая эту тактику, писал: «Знай, что от всезнающего времени ничто укрыться не может. Оно когда-нибудь пожрет и твою слабую политику. Когда твои политические белила и румяна сойдут, тогда настоящее бытие твоих мыслей всем видным соделается»⁹⁷. Это и стало, вероятно, причиной закрытия журнала.

«Парнасский щепетильник» (1770) – еженедельный журнал М. Д. Чулкова. Вышло восемь номеров, причем содержание последнего номера носит случайный характер. В названии звучит ирония по поводу литературных модников. Щепетильник – это торговец модными галантерейными товарами. В названии же речь о литературном товаре. Автор использует принцип аукциона для представления новых стихотворений. Кроме того, здесь публиковались статьи на исторические и экономические темы.

После закрытия всех предыдущих журналов это издание старалось убедить власть в своей лояльности, издатель обещал публиковать все, что не будет подозрительным или противно нежному слуху. Здесь еще меньше откликов на современную жизнь, чем в других изданиях. Чулков продолжает публикацию статей о фольклоре, начатых в «И том и сем». Печатались переводы из классиков, исторические статьи. Но и в этом цензура нашла нечто подозрительное. Чулкову пришлось обращаться к невинным темам. Журнал может оцениваться по-разному: при сравнении с новиковскими журналами возникает ощущение отсутствия оригинальности. Однако, принимая во внимание личное участие императрицы и ее приближенных в уничтожении сатиры, можно положительно оценить использование скрытой сатиры даже в переводах.

Сатирическая журналистика Н. И. Новикова представляет собой особое явление в российской периодике. Это были первые издания, на страницах которых затрагивались проблемы крепостного права и другие острые вопросы, содержались материалы о политике и экономике, детском воспитании и женской моде.

«Трутень» (1769–1770) – первый еженедельный сатирический журнал Новикова, известный своей острой полемикой со «Всякой

всячиной» по всем вопросам, но особенно благодаря критическим публикациям на крестьянскую тему. Противопоставление господ и крепостных, помещиков и крестьян подчеркнуто в эпиграфе из притчи Сумарокова, украшавшем титульный лист «Трутеня»: «Они работают, а вы их труд ядите». Не менее красноречиво и название журнала. Оно символизирует некий собирательный образ издателя «Всякой всячины» – представителя господствующего дворянского слоя общества, который живет праздно и богато, используя труд других. Прямо, как настоящий трутень. Называя себя бездельником, живущим за счет других, издатель журнала тяготится этим и желает быть полезным людям.

В предисловии Новиков критически оценивает три рода служебной деятельности, предстоящие дворянину, – военную, гражданскую и придворную, особенно сурово отзываясь о последней. Нежелание подличать и раболепствовать заставляет автора вообще отказаться от государственной службы.

Необычайно важен вопрос, который ставит себе автор: «К чему же потребен я в обществе?». Одним из первых в русской литературе спросил себя об этом дворянский интеллигент Николай Новиков и ответил на него наиболее достойным образом: «Без пользы в свете жить тягчить лишь только землю, сказал славный российский стихотворец. Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением, но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреодолимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу моим согражданам»⁹⁸. Отвергнув жизнь ради служебной карьеры, Новиков находит для себя возможным только один вид деятельности – издание трудов своих сограждан, «особливо сатирических, критических и прочих ко исправлению нравов служащих», ибо намерение его – исправлять нравы.

В первом же номере Новиков обнародовал свои взгляды на сатиру, отличающиеся от программы «Всякой всячины»: «Критика, написанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного».

Выступления журнала были по-настоящему смелы и злободневны. В основе публикаций лежит естественное чувство гуманности

⁹⁷ *Адская почта. – 1769. – Сентябрь. – С. 77.*

⁹⁸ *Трутень. – 1769. – Л. 1.*

к простым людям, за которых никто не решается вступиться. Это определило читательский успех издания. Тираж каждого номера составлял от 750 до 1240 экземпляров. Издание приносило доход, так как продавалось в пять раз дороже своей себестоимости. Это уникальный случай в тогдашней журналистике.

Во втором листе «Трутня», вышедшем 5 мая, Новиков поместил письмо дяди к племяннику с рекомендацией поступить в «приказную службу», то есть стать чиновником. «Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам ненаживна, так ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешнем времени против прежнего не придет и десятой доли, но со всем тем годов в десяток можно нажать хорошую деревеньку». Это письмо, в котором говорилось о процветании в судах взятков, не понравилось «Всякой всячине». В ответ она поместила письмо Афиногена Перочинова, осудившего критику и сатиру вообще.

Однако этого редакции показалось мало, и потому письмо было усилено таким постскриптом: «Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить»⁹⁹.

В этих строках ясно слышится начальственный гневный окрик, и принадлежать он мог только Екатерине II. Этот тон она всегда применяла в спорах с непокорными литераторами и также заговорила позже с Д. Фонвизиным, отвечая в «Собеседнике» на его вопросы, обращенные к автору «Былей и небылиц».

Программа уничтожения журнальной сатиры, предложенная «Всякой всячиной» с помощью письма Афиногена Перочинова, вызвала резкую отповедь Н. И. Новикова. За подписью «Правдулюбов», который затем стал постоянным псевдонимом издателя, Новиков писал:

«Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к тому человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны, и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее называть пороколюбием. По моему мнению больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным снисходит, или (сказать по-русски) потакает...»¹⁰⁰.

Далее Новиков высмеивает попытку «Всякой всячины» разграничить «слабости» и «пороки». Он пишет:

«Любить деньги есть та же слабость, почему слабому человеку простительно брать взятки и побогачаться грабежами... словом сказать, я как в слабости, так и в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по-моему, все одно, а беззаконие – дело другое»¹⁰¹.

«Всякая всячина» в № 23 обвинила Правдулюбова в жестокости по отношению к ближним: «Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь». Новиков в VIII листе «Трутня» ответил:

«Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительские рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разумеет не может, а сия вина многим нашим писателям свойственна».

Издатель сделал вид, что не знает, с кем переписывается и спорит. Дерзость эта дорого будет стоить Новикову. Он широко использует различные жанры, в том числе жанр письма, в котором якобы от имени читателя задает сотрудникам журнала злободневный или интересный вопрос, требующий ответа. Это и служит поводом для выступления на страницах издания. Эти простодушные письма позволяли ему писать о взяточничестве, процветающем в различных ведомствах среди чиновников, о жестокостях помещиков по отношению к крестьянам, о безысходности крестьянской жизни.

Неподдельный интерес в обществе вызвали «Копии с крестьянских отписок» – переписка барина со старостой принадлежащей ему деревни, опубликованные в нескольких номерах. Писательское умение Новикова сказалось здесь в драматическом эпизоде с Филаткой, в безысходности тона крестьянского письма, в жестокости параграфов помещичьего указа.

Староста докладывает барину о деревенских делах. Недоимки велики: «крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился», был падеж скота. Неплательщиков секут на сходе, но денег от этого у них не прибавляется. Деревню разоряет соседний помещик Нахрапцев – «землю отрезал по самые гумна, некуда и курицы

⁹⁹ *Всякая всячина*. – № 19. – С. 35.

¹⁰⁰ *Трутень*. – Л. V. – 26 мая.

¹⁰¹ *Трутень*. – Л. V. – 26 мая.

выпустить». «С Филаткой, государь, как поволит?» – спрашивает староста. Он лето прохворал, хлеба не сеял, работать в доме некому, лошади пали, что с ним делать?» (лист XXVI).

Затем в листе XXX Новиков опубликовал письмо крестьянина Филатки господину и копию с помещичьего указа, отправленного в деревню. Впервые в литературе перед читателем раскрывается правдивая во всех деталях и страшная в своей простоте картина крестьянской жизни:

«Робята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем, пришло пойти по миру, буде ты, государь, не жалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь, хотя бы мне мало-помалу исправиться и быть опять твоей милости тяглым крестьянином». Он обращается к барину, называет отцом, умоляет: «Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не жалишься?».

Помещик не пожелал прийти на помощь своему крепостному. Зато это сделали крестьяне, которые купили на свои деньги ему корову, чтобы не умереть с голода ребятишек. Новиков приводит этот пример народной взаимопомощи, показывая, насколько гуманнее ведут себя простые люди, как человечно они относятся друг к другу.

Он высмеивает модников, щеголих, праздных людей и пишет с симпатией о разночинцах, имеющих моральные принципы и способность трудиться, о трудолюбивых крестьянах. Он критикует распространенный подход, когда должности из трех кандидатов получает не самый способный и знающий, а самый родовитый и знатный.

Социальная сатира Новикова вызывала недовольство при дворе, и в 1770 г. издателю пришлось сбавить критический накал выступлений. Об этом хорошо говорил новый эпиграф журнала: «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много». Он сообщал о вынужденности такой перемены и напечатал несколько писем читателей, недовольных ослаблением сатиры.

В заключительном 53-м листе Новиков писал: «Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельства мои и ваша обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение тому причиною». К своему концу «Трутень» пришел, если можно так сказать, и естественным путем: он был создан Новиковым для противодействия «Всякой всячины», для того чтобы противопоставить ее рассуждениям о «милосердии» к крепостным крестьянам истинную картину их состояния. После закрытия «Всякой всячины» и ощу-

щения сложности противостояния прекратилось издание «Трутня». Хотя борьба с пороками и желание исправления нравов общества не оставляли Новикова.

«Пустомеля» (1770) – новый *ежемесячный* сатирический журнал, который стал издаваться после закрытия «Трутня» с июня 1770 г. Новиков скрылся под именем фон Фока. Вышло всего два номера. В первом номере сатирическая линия прослеживается в выпадах против Хераскова, Чулкова, Лукина, Петрова. Издатель критикует и «Российскую универсальную грамматику», первый вариант знаменитого «Письмовника» Н. Курганова. В частности, он высказывается против некоторых содержащихся там анекдотов. Интересен раздел «Ведомости». Как отметил П. Н. Берков, Новиков помещал произведения «не только критического, но и положительного характера. Словно он хотел дать своим читателям, в противовес галерее отрицательных персонажей, также и образы героев положительных»¹⁰².

В повести «Историческое приключение» рассказывается о воспитании Добросерда, образованного дворянина, впервые дается положительная программа воспитания и образования в национальном русском духе. Это своеобразный эскиз его педагогической программы, высказанной затем в других изданиях Новикова – «Прибавлениях к Московским ведомостям» и «Детском чтении для сердца и разума». Кроме того, увидели свет первые в истории русской журналистики профессиональные театральные рецензии – об игре выдающегося актера И. Дмитриевского и о постановке трагедии Сумарокова «Синав и Трувор».

Второй номер «Пустомели» стал последним. В нем Новиков поместил «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну», перевод с китайского А. Л. Леонтьева. В этом материале говорилось о долге и обязанностях государя и вельможи, и при чтении его невольно возникали сопоставления с тем, что происходило в России. А дальше Новиков напечатал стихотворную сатиру Фонвизина «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке»¹⁰³, которое

¹⁰² Берков, П. Н. *История русской журналистики XVIII века* / П. Н. Берков. – М. : Л., 1952. – С. 273.

¹⁰³ Текст написан после пребывания автора (1763–1764 гг.) в кружке молодого князя Ф. А. Козловского, «русского вольтерьянца». По воспоминаниям Д. И. Фонвизина, «лучшее препровождение времени состояло в богохулении и кощунстве» // Д. И. Фонвизин. *Собр. соч.* : в 2 т. – Т. 2. – М. : Л., 1959. – С. 95.

хоть и выглядело внешне как безобидное подражание «Посланию к моему садовнику» Н. Буало, но было насыщено специфическими русскими реалиями. Это делало зависимость этой философской социально-обличительной сатиры от иностранного источника ослабленной.

В. Г. Белинский, оценивая «Послание...» Д. И. Фонвизина, заметил, что это небольшое стихотворение «переживет все толстые поэмы того времени»¹⁰⁴. Главный вопрос стихотворения – «На что сей создан свет?» – позволяет актуализировать важную проблему смысла бытия, божественной оправданности мира, в котором есть место злу и несправедливости. Философский вопрос обращен к простым людям – слугам. В ответе каждого из них дается оценка общественного устройства. Для крепостного дядьки Шумилова – незыблемость рабства, для конюха Ваньки – всеобщая суета, глупость и обман, для лакея Петрушки мир – ловкая игра, где надо всех обыграть. Но самое необычное в том, что Бог – такой же ловкий игрок, зло шутящий над человеком. Здесь можно было усмотреть выражение безбожия и «дух вольнодумства». Видимо, этих материалов оказалось достаточно, чтобы прекратить издание «Пустомели».

«Живописец» (1772) – еженедельный сатирический журнал, напоминающий «Трутень». Журнал хорошо был принят читателями. Первая часть имела тираж 636 экземпляров, вторая – 758. Небывалый читательский успех: номера журнала еще продолжали выходить, а уже первая часть была напечатана повторно. Это было большим успехом журнала.

Главное содержание журнала составляли просветительские идеи и крестьянская тема. Свои выступления в журнале Новиков постарался связать с новыми литературными опытами императрицы¹⁰⁵, которая теперь стала писать нравоучительные пьесы. В творческом наследии императрицы наибольшей известностью пользуется цикл «ярославских» комедий, якобы созданных провинциальным автором, живущим на Волге. Здесь нашло отражение обсуждение русским

обществом момента передачи власти от матери-регентши ее шестнадцатилетнему сыну Павлу I. В 1771–1772 гг. были созданы и поставлены на сцене придворного театра пять комедий императрицы: «О, время!», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Передняя знатного боярина», «Госпожа Вестникова с семьею» и «Невеста невидимка». Здесь в гротескно-карикатурном виде представлены политические оппоненты императрицы, не желающие воспринимать ее просветительских идей, тоскующие по елизаветинскому времени, распускающие нелепые слухи о Екатерине II. Некоторые сатирические образы комедий имели портретное сходство с принцем Генрихом Прусским, французским экономистом Мерсье де ла Ривьером, русским ученым С. Е. Десницким.

Современниками особо выделялась пьеса «О, время!», являющаяся вольным переложением пьесы Х.-Ф. Геллерта «Богомолка». В этой веселой пьесе осмеивались пороки русского дворянства. Она вызвала симпатию зрителей и имела доброжелательную критику в журнале Новикова «Трутень». Воздавая похвалы театральным прозам пера Екатерины II, Новиков пишет о своем видении поставленных в них проблем – что порочный человек во всяком звании равного презрения достоин, критикует развратные поступки и закоренелые плохие обычаи. Словом, рассуждает об общественных недостатках по-своему, несколько иначе, не совсем так, как это могла бы сделать императрица. Она приняла похвалы за чистую монету.

На страницах журнала публиковались и хвалебные «дежурные» статьи, и поздравительные стихи придворных поэтов. Но между ними появлялись и резкие статьи, разоблачающие дворянские нравы, рисующие тяжелый быт крестьян, их нужды и горе. Новиков часто использует форму диалога Собеседника и Издателя о современном состоянии литературы и журналистики. Критике подвергаются современные литераторы – Невпопад, Кривотолк и Нравоучитель, пишущие трагедии, комедии и пастушеские идиллии. Под этими масками легко угадываются Лукин, Чулков и Херасков. Такой стиль изложения весьма характерен для журнала. Он интересен и легок для восприятия.

Ряд публикаций были особенно острыми. В пятом листе журнала Новиков поместил «Отрывок путешествия в*** И*** Т***», где рисуются картины крестьянской жизни и праздное времяпрепровождение дворян. Текст был сопровожден примечаниями издателя: «Сие сатирическое сочинение под названием путешествия в*** получил я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах.

¹⁰⁴ Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья первая // В. Г. Белинский. ПСС. – М., 1955. – Т. 7. – С. 119.

¹⁰⁵ В начале 70-х годов императрица обратилась к драматургии. Она написала более 20 комедий, исторических драм, комических опер, интермедий. Семь пьес остались незавершенными. – См.: Сочинения Екатерины II / сост., вступ. ст. О. Н. Михайлова. – М., 1990. – 384 с.

Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою нациею, то не осмелился бы читателя моего попотчевать с этого блюда, потому, что оно приготовлено очень солено и для нежных вкусов благородных невежд горьковато»¹⁰⁶.

Путешественник за три дня поездки не нашел ничего достойного: «Бедность и рабство повсюду встречались со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали речение». Он всюду спрашивал о причинах крестьянской бедности и «всегда находил, что помещики их сами тому были виною». Перед глазами читателя встает деревня Разоренная. Развалившиеся хижины, крытые соломой, теснятся друг к другу. Всюду бедность и грязь. Людей не видно: они на барщине, работают в поле. В избе, куда заходит путешественник, он видит трех младенцев, оставленных без всякого присмотра, и спешит оказать им помощь. Дурной воздух причиняет приезжему обморок. Приходя в себя, он просит воды, но пить ее не может «по причине худого запаха». Лучшей воды нет во всей деревне»¹⁰⁷.

В своей статье «Русская сатира в век Екатерины» Н. А. Добролюбов особо выделил этот «Отрывок», поразивший его антикрепостническим духом. Невысоко оценивая в целом сатирические выпады журналов XVIII в., которые не выступали против коренной причины всех бед русской жизни – самодержавия, а критиковали по мелочам, он писал: «Гораздо далее всех обличителей того времени ушел г. И. Т., которого “Отрывок из Путешествия” напечатан в “Живописце”. В его описаниях слышится уже ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе».

Приводя далее обширные цитаты из «Отрывка», Добролюбов замечает: «Тирада эта очень резка, и, кажется, тогдашнее благочиние вообще строго посмотрело на эту статью. Некоторых мест из нее даже нельзя было напечатать»¹⁰⁸. Критик находит, что «Отрывок» гораздо глубже, чем остальные материалы «Живописца», ставит проблему крепостного права, видя в нем «источник зол в народе». Он считает, что в этой статье «бросается сильное сомнение на законность самого принципа крепостных отношений»¹⁰⁹. Никакие другие

материалы сатирических изданий 1769–1774 гг. этого вопроса не пытались затрагивать.

Именно так поняли «Отрывок» и современные читатели. И прежде, чем продолжать печатание «Отрывка», Новиков счел необходимым предварить его некоторыми пояснениями. В 13-м листе «Живописца» появилась статья «Английская прогулка», в которой излагалась беседа издателя с одним доброжелательным читателем. Новиков стремится разъяснить, что в «Отрывке» автор вовсе не желал огорчить «целый дворянский корпус». Он имел в виду только тех помещиков, которые дворянскую власть употребляют во зло и тем самым вредят не только своим крестьянам, но и всему государству.

Передавая затем слова собеседника, Новиков напоминает об английской грубости, которую в России именуют «благородною великостью духа», и предлагает считать «Отрывок» «в английском вкусе написанным: там дворяне критикуются так же, как и простолюдины». Отсюда и идет название этой статьи.

Вслед за «Английской прогулкой» в другом номере «Живописца» Новиков напечатал продолжение «Отрывка путешествия». Начало его написано в характерной для изданий XVIII в. манере перечисления обычных сатирических персонажей – богачей, судей, подьячих, шеголих, ревнивых супругов и любовников, игроков, купцов, врачей, с описанием, кто как заканчивает свой день, проведенный без всяких трудов, в забавах и обманах ближнего. Всем им противопоставлена иная категория людей, на защиту которых выступил «Живописец», – честных, но угнетенных земледельцев, крепостных мужиков. Лишь к ночи «крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали».

Путешественник долго размышляет о бедственном состоянии крестьян, а на следующее утро решает ехать в деревню Благополучную: «Хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике той деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных»¹¹⁰. Но он так и не побывал в этой счастливой деревне. В третьем издании «Живописца» 1775 г. под текстом «Отрывка» было приписано: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сея книги». Четвертое издание, вышедшее в 1781 г., разумеется, не имело обе-

¹⁰⁶ Живописец. – Л. 5.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Добролюбов, Н. А. ПСС / Н. А. Добролюбов. – М. : ГИХЛ, 1935. – Т. 2. – С. 170.

¹⁰⁹ Там же. – С. 174.

¹¹⁰ Живописец. – Л. 14.

щанного продолжения. Его вообще не существовало, как не было в России деревень Благополучных. Для смягчения впечатления от этой публикации Новиков помещает разъяснения, что сатиру не должны принимать на свой счет добропорядочные помещики.

В следующем номере издатель поместил сатирическое «Письмо уездного дворянина его сыну»¹¹¹, подкреплявшее основные мысли «Отрывка», сопроводив его благодарственным письмом архиепископа Амвросия Подобедова Г. Г. Орлову, на чей счет относились заслуги прекращения чумы в Москве 1771 г. Г. Г. Орлов был фаворитом императрицы, и хотя время его «случая» уже истекло, в обществе он продолжал считаться наиболее близким к ней лицом.

В письме уездного дворянина Трифона Панкратьевича его сыну Фалалею перед читателем раскрываются картины быта провинциальных помещиков, и ему становится ясно, какие ничтожные и корыстные люди владеют в России деревнями и крестьянскими «душами». Жалок и страшен этот дворянин, занявшийся своим поместьем после того, как его отрешили от службы за взятки. Лишенный возможности обирать просителей, он грабит своих мужиков, жалуясь, что с них «хоть кожу сдери, так немного прибыли». Уездный дворянин с ненавистью пишет о том, что в соседней деревне, которой владеет Г. Г. Орлов, мужики живут богаче иного дворянина и платят барину по полтора рубля с души, а с них надобно брать бы по тридцать. Эти строки «Письма» рассчитаны на императрицу и должны были ей понравиться – она любила хвалить свое царствование. Но, печатая перечень мнимых обид Трифона, Новиков сумел показать и другое – он открыл в нем крепостника, взяточника, невежду, врага культуры и просвещения. Типичный представитель «дворянского корпуса» был выгашен на страницы «Живописца» и почувствовал себя там очень неважно: он не привык, чтобы на него показывали пальцами и смеялись. А именно в этом и была его цель.

«Письмо уездного дворянина» имело свое продолжение. В 23-м и 24-м листах «Живописца» были напечатаны письма к Фалалею от его отца, матери и дяди, якобы препровожденные адресатом издателю журнала. В этом превосходном, мастерски отделанном цикле П. Н. Берков, опираясь на работы других исследователей, автором писем называет Д. И. Фонвизина¹¹². Читатель видит созданные по-

истине незабываемые картины дворянского быта XVIII столетия и талантливо очерченные зловещие фигуры алчных крепостников-помещиков. Это круг скотининых и простаковых, борьбу с которыми повели просвещенные дворяне, хотя и проиграли ее: реакционный потемкинский режим, утвердившийся в стране после крестьянской войны 1773–1775 гг., сделал ставку именно на дикое и злое провинциальное дворянство, ставшее крепкой опорой престола.

По своему весу и художественному воплощению крестьянская тема получила в «Живописце» наиболее важное место. Следом за ней идет тема просвещения и борьбы с галломанией и бескультурьем дворянского общества, которая очень занимала Новикова. Он считал, что от того, какое воспитание получают будущие владельцы крепостных имений, молодые дворяне, зависит чрезвычайно многое. Хорошо воспитанные и просвещенные люди не станут безудержно мучить крестьян, облагать их бессовестными поборами, брать взятки в судах, уклоняться от выполнения воинского долга. Дворяне, не прошедшие разумного воспитания, будут дурными слугами государства.

Сатирические характеристики врагов просвещения открывают журнал «Живописец». Выступающие в листе четвертом Щеголиха и Волокита считают, что для них науки исчерпываются умением нравиться и быть одетыми по моде. А в листе девятом напечатано письмо Щеголихи, в котором Новиков пародировал жаргон светских модников с его характерной чертой – включением в русскую речь французских слов и выражений. Щеголиха просит издателя «Живописца» собрать и напечатать «Модный женский словарь», обещая за это «до смерти захвалить». Новиков выполняет просьбу и в следующем, десятом, листе публикует сатирический «Опыт модного словаря щегольского наречия», поместив в нем некоторые слова на две первые буквы алфавита.

Печатались в журнале и сатирические стихи, к примеру, «Похвала учебной палке», осуждавшая офицеров, которые избивают своих солдат, направленная против палочной дисциплины, насаждавшейся в русской армии.

В журнале печатались помимо Н. Новикова Е. Дашкова, П. Потемкин, В. Рубан, Д. Фонвизин, А. Радищев, М. Сушкова, А. Фомин, Ф. Каржавин и другие. Начиная с третьего номера «Живописец» представлял собой книгу из двух частей, а не журнал, разделенный на листы. В 1773 г. журнал был закрыт.

«Кошелек» (1774) – новый еженедельный сатирический журнал, который должен был прославлять древние российские добродетели и в первую очередь – национальное достоинство, порицать дворянскую галломанию, космополитизм. Вышло девять номеров журнала.

¹¹¹ *Живописец*. – Л. 15.

¹¹² Берков, П. Н. *История русской журналистики XVIII века* / П. Н. Берков. – М. : Л., 1952. – С. 290.

Его название связано с любимым предметом из обихода модников – «кошельком» – кожаным или тафтовым мешком, куда укладывалась коса парика. Поэтому смысл заголовка должен был разъясняться читателям в первом номере в статье «Превращение русского кошелька во французский», но она не была опубликована. Идея же Новикова состояла в том, что погоня за иностранной модой разоряет дворян, портит их нравы и приносит вред России.

В первом номере «Кошелька» помещена беседа корыстолюбивого француза с русским, а затем с защищающим «российские добродетели» немцем. Здесь печатается ода А. Д. Байбакова по случаю победы над турецким флотом и взятия крепости Бендеры в 1770 г. Далее опубликована анонимная одноактная идиллическая пьеса из крестьянского быта «Народное игрище», в которой рассказывается о добрейшем барине, который живет душа в душу со своими крепостными, заботится о них, учит грамоте, и они платят ему взаимностью. Скорее всего, автором пьесы являлся кто-то из придворных, и Новиков был вынужден опубликовать ее, ибо в стране в это время шла крестьянская война.

Кроме этого на страницах журнала появляются и материалы под рубриками «Ведомости», «Известия», публикуются фельетоны, сатирические портреты конкретных людей, чьи имена не называются, но легко угадываются. Новиков составляет сатирические словари и сатирические рецепты. Эти жанры помогают ему высмеивать не абстрактные пороки, а поражать порок сатирой «на лица». Все материалы в журналах Новикова написаны понятным простым и естественным языком, близким к разговорной литературной речи.

Издательская и просветительская деятельность Н. И. Новикова. После закрытия последнего сатирического журнала Новиков активно занялся изданием просветительских периодических журналов, отражающих его желание способствовать моральному совершенствованию людей, их личному освобождению от пороков, и как результат – исправлению общества в целом. Главный лейтмотив всех этих изданий таков: каждый должен заботиться о своем нравственном перерождении, активно действовать на пользу другим людям. Кроме того, на характер этих журналов, на их тематику накладывал отпечаток тот факт, что в 1775 г. Новиков вступил в ложу масонов. Это дало ему новые средства и возможности для издательской просветительской деятельности.

В апреле 1779 г. Новиков взял в аренду сроком на десять лет типографию Московского университета. Эту возможность предоставил ему директор университета Херасков, с которым Новиков дружил

как писатель и, кроме того, был связан по масонской организации.

Издательские дела в Московском университете шли плохо, газета «Московские ведомости» расходилась тиражом 500–600 экземпляров, книг почти не печаталось. Новиков энергично принялся обновлять оборудование типографии, увеличил шрифтовое хозяйство, набрал новых работников и в очень короткое время развернул огромную издательскую деятельность. Через пять лет бывшая убыточной университетская типография превратилась в мощное полиграфическое предприятие, выпускавшее журналы и книги, общее число которых к 1785 г. дошло до четырехсот! Для продажи печатной продукции были открыты книжные лавки в Москве, а в другие города – Петербург, Киев, Смоленск, Тамбов, Тверь, Ярославль – книги отпускались купцам на комиссию. Таким образом, широкая организация книжной торговли, проведенная Новиковым, позволила быстро доставлять книги читателю в далекие уголки российского государства.

Новиков вел дело не один. В конце 1779 г. вокруг него сформировалось «Дружеское ученое общество», целью которого было издание и распространение учебных книг. Причем к моменту торжественного открытия «Общества» уже было роздано по семинариям книг на 3000 рублей. В его деятельности приняли участие видные московские масоны: князя Трубецкие, князь Черкасский, И. П. Тургенев, профессор И. Г. Шварц и др. Все они внесли денежные средства в фонд общества, что вместе с доходами от издательских предприятий составило крупную сумму: годовой доход, как указывал на следствии Новиков, в 1784 г. составлял свыше 40 000 рублей.

Кроме издания книг у «Общества» была и филантропическая задача – при университете на его средства были открыты семинарии: Педагогическая, Переводческая и Филологическая, принявшие несколько десятков студентов. Всех объединило желание «уметь распорядиться праздное время»: совместными усилиями «подкрепить себя взаимною помощью, дабы тем удобнее труд и упражнение свободного нашего времени обратить в пользу и к сведению многих». Бахтияров рассказывает о любопытном факте: «В одном из заседаний Новиков говорил речь, по случаю бывшего тогда в Москве голода, о неслыханной дороговизне съестных припасов. Бедствия неимущего класса были описаны им столь красноречиво, что все собрание было тронуту до глубины души. Тогда в толпе слушателей встал человек, подошел к оратору и прошептал ему что-то на ухо. Это был богач Г. М. Походяшин. Под впечатлением речи Новикова, он тут же отдал на помощь бедным все свое состояние, простирившееся около мил-

лиона. По другим известиям, богатство Походяшина простиралось до 3 миллионов рублей»¹¹³.

В 1784 г. взамен «Дружеского ученого общества» была создана «Типографическая компания», участники которой были пайщиками издательского дела и вложили в него немалые деньги. 30 тыс. рублей дал А. М. Кутузов, 20 тыс. – братья Лопухины, 10 тыс. – братья князя Трубецкие, по 5 тыс. – А. Тургенев, М. Д. Чулков и И. Ладыженский, на 80 тыс. рублей внесли книг Н. И. Новиков с братом по оценке 25 коп. с рубля продажной цены. Новая компания приобрела несколько домов, основала крупную типографию на двадцать печатных станков, открыла в Москве на Никольской улице аптеку, расширила продажу книг¹¹⁴. Сочинения для бедных продавали по самой низкой цене. Если кто-нибудь приносил к Н. И. Новикову как издателю книгу, которую тот считал вредной, то книга покупалась, а затем сжигалась. «Роспись книгам, печатавшимся в университетской типографии Новикова», свидетельствует о 455 изданиях.

Один за другим из типографии Новикова выходили журналы – «Утренний свет» (1777–1780), «Московское ежемесячное издание» (1781), «Вечерняя заря» (1782), «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785), печаталась газета «Московские ведомости» с разнообразными приложениями, тираж которой достиг 4000 экземпляров – цифры для XVIII столетия весьма значительной. В этих изданиях сотрудничали многие русские писатели и большое число переводчиков. Новиков создал крупный коллектив литераторов, силы которого он направлял на содействие просвещению русских людей, распространял культуру, знания и снабжал множеством практических наставлений и рецептов.

Одной из важнейших задач Новиков считал борьбу против преклонения дворянства перед всем иностранным, за национальные основы русской культуры. Одновременно с сатирическими журналами он выпустил ряд исторических изданий. Среди них книга «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), а также «Древняя российская вивлиофика».

¹¹³ Бахтияров, А. А. История книги на Руси / А. А. Бахтияров. – СПб. : изд-во Ф. Павленкова, 1890. – 284 с. – Режим доступа : <http://maxbooks.ru/bakhtiarov/obshchestvo.htm>

¹¹⁴ Западов, А. В. История русской журналистики XVIII–XIX веков / А. В. Западов. – М., 1966. – С. 78.

«Древняя российская вивлиофика» (1773–1775) – ежемесячное издание памятников русской истории¹¹⁵, вышедшее в десяти частях. Оно было нацелено против дворян «полуфранцузов», как называл их Новиков, которые преклонялись перед Западом и презирали своих соотечественников. Новиков сознавал необходимость в издании исторических памятников палеографической точности, свода разноречий, составления алфавитных указателей и т. п., иногда прилагал эти приемы при пользовании несколькими списками (например, в «Идеографии»). Полное название издания – «Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: Российския посольства в другие государства, редкия грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних российских стихотворцев».

Материал для своих изданий памятников старины Новиков черпал из древлехранилищ частных, церковных, а также государственных, доступ к которым был разрешен ему императрицей в 1773 г. Новиков сам составил себе собрание рукописей исторического содержания. Много материалов доставляли ему Миллер, князь Щербатов, Бантыш-Каменский и другие, также Екатерина II, поддержавшая издание «Вивлиофики» щедрыми субсидиями. Впервые опубликованы: ярлыки ордынских ханов русским митрополитам, договорные грамоты Великого Новгорода с тверскими и московскими великими князьями XIII–XVI вв., духовные и др. грамоты великих и удельных князей, статейные списки и описания посольств в разные страны, записки об истории Сибири, родословные знатных боярских родов, описания путешествий митрополита Исидора во Флоренцию, сказание о С. Т. Разине и др.¹¹⁶. Она до сих пор не утратила научного значения.

«Санкт-Петербургские ученые ведомости» (1777) – первый в России еженедельный журнал критической библиографии. Издавался раз в неделю и был рассчитан на западноевропейскую аудиторию, в

¹¹⁵ В это же время выходят «Древняя Российская Идеография» – описание московского государства, составленное при царе Федоре Алексеевиче, и другие исторические материалы. Новиков первым издал «Скифскую историю» А. И. Лызова.

¹¹⁶ В 1788–91 гг. вышло улучшенное второе издание в 20 частях. Особую ценность здесь представляют описания Сибири, Нерчинских рудников, земли войска Донского, города Перми. Здесь опубликованы летописцы, «Сказание о взятии Азова» и др. Это новый этап в развитии русской археографии и источниковедения.

глазах которой Екатерина II желала слыть просвещенной и справедливой правительницей. Он реализовывал идею, высказанную в свое время М. В. Ломоносовым. Было выпущено 22 номера. Кроме сведений о напечатанных книгах и критического рассмотрения их, здесь печатались портреты со стихотворными надписями и биографии русских писателей и художников. Задача журнала определялась как прославление успехов отечественных ученых и освещение распространения наук в России. Журнал придерживался крайней умеренности в критическом разборе книг и не допускал сатиры «на лицо», то есть конкретных авторов, что было новым в позиции Новикова. Особое значение придавалось правописанию, что было важно, так как шло становление русского литературного языка и вырабатывалось единообразие правописания.

«Утренний свет» (1777–1780) – это нравственно-религиозное *ежемесячное* издание с философским уклоном. Читателям предлагалось не только принимать на веру, но и размышлять над своими религиозными воззрениями и основаниями веры. Такой подход был результатом членства Новикова в масонской ложе. Новикова привлекала в масонстве, главным образом, его нравственная и тесно с ней связанная просветительская сторона, чему, собственно, и была посвящена вся его последующая деятельность. Что же касается масонского влияния на нее, то оно сказалось сначала в усилении морализаторского, нравоучительного элемента в его публикациях, а затем и в появлении на страницах его изданий – прежде всего это журнал «Утренний свет», большого числа переводов сочинений европейских мистиков и поэтов: Якова Беме, Юнга, Паскаля и др. Журнал вел борьбу с материалистическими и рационалистическими философскими системами и пропагандировал идеалистические идеи античных и европейских философов. Главные жанры публикаций – прозаические статьи, стихотворения, пьески и анекдоты. Наиболее интересен философский раздел журнала.

Тезис «познай самого себя», характерный для учения масонов, выдвигается на первый план в журнале «Утренний свет», он сыграл важную роль в развитии русской литературы. Именно отсюда ведет начало сентиментализм, достигший наибольшего расцвета в творчестве Н. М. Карамзина. Ученик московских масонов, он воспринял их методику работы над собой, стал необычайно внимательно относиться к собственным наблюдениям, переживаниям, чувствам и, воспроизводя их на бумаге, получил необычайный эффект. То, что еще лишь намечалось у М. М. Хераскова, бывшего масоном, как можно думать с уверенностью, уже в конце пятидесятих годов, что

начинало складываться у М. Н. Муравьева, отчетливо прозвучало в «Утреннем свете» Новикова и превратилось в творческий метод у Карамзина.

Журнал «Утренний свет» заявил о намерении возвести на величественный престол униженную добродетель и представить порок во всей его наготе. Неверно думать, что Новиков в своих изданиях восьмидесятих годов совсем отказывается от сатиры. Но в отличие от прежних лет он обещает пользоваться бичом сатиры с тем, «чтоб давать восчувствовать сие наказание единым токмо порокам, а не особам, поелику они суть человеки»: нужно стараться быть человеколюбивым и личностей не касаться (с. XV–XVI).

Цель издания во многом та же, что и в журналах сатирических, – воспитание «человечества» в людях. В «Рассуждении на Новый год», помещенном в январской книжке «Утреннего света» (1778 г.), издатель обращался к читателям с пожеланием совершенствовать «добродетель, разум и волю» с тем, чтобы «сделаться лучшими». Отказ от прямой сатиры в пользу философствования и нравоучения, сознание несправимости пороков приводили к тому, что Новиков обращался теперь, прежде всего, к тем, кто готов идти по пути добра. Он по-прежнему писал о нужности «врачевания» пороков, но понимал, что «такой самолюбец», «кто о себе самом безрассудно воображает, что ему и не можно быть лучшим», читать журнал этот не станет.

Особое внимание отводилось самосовершенствованию – практической деятельности по улучшению жизни в целом, что давало человеку чувство счастья: «Добродетельный человек не может быть несчастлив... он пребудет на высочайшей степени достоинства человеческого». Но цель работы над собой – не замыкаться в самом себе, а, главное – применять результаты совершенствования в жизни. Нужно, чтобы люди «учинились достойнейшими, нежели прежде были» по отношению друг к другу – «наставники для слушателей, родители для чад, мужья для жен, а жены для мужей, друзья для друзей» («Рассуждение на Новый год»). Исправление воли и характера, распространение разума в отношении отдельных людей приносят в конечном счете благо всему отечеству. Поэтому Новиков особенное внимание уделял детскому воспитанию: «Дети наши должны образованы быть счастливыми людьми и полезными гражданами» («О воспитании и наставлении детей»).

Новиков как издатель «Утреннего света» объединил читателей любовью к Просвещению. Подписчики журнала, которые были в каждом городе, собирали пожертвования на бедных и высылали в редакцию журнала. Деньги, получаемые издателем, шли на откры-

тие и содержание двух училищ для мальчиков и девочек – Екатерининского и Александровского. Рассчитано каждое было на 30–40 человек, как платных, так и бесплатных учеников. Училища эти просуществовали до 1781–1782 гг. и финансировались после закрытия «Утреннего света» за счет доходов Новикова от издания других масонских журналов: «Московское издание» и «Вечерняя заря». В обоих училищах в 1779 г. обучалось в общей сложности 93 ученика, что по тем временам не так уж и мало.

В нескольких номерах «Утреннего света» печатались отчеты об успехах учащих, публиковались письма жертвователей. Внезапно выяснилось, что Новиков сумел создать крупное благотворительное общество, правда, не имевшее определенного устава и членства, но от этого действовавшее отнюдь не хуже. Такая гражданская самодеятельность пришлась совсем не по вкусу императрице Екатерине II, и она, отпуская средства на издание «Древней российской вивлиофики», теперь распорядилась не выписывать для себя «Утренний свет» и ничем не помогала новым училищам.

Круг авторов был достаточно широк. Журнал выходил в течение трех лет. Пользовался спросом, так что обычного тиража – 1000 экземпляров – не хватало и приходилось выпускать дополнительные тиражи. Журнал издавался с благотворительной целью: доходы шли на организацию и содержание школ для неимущих граждан.

«Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» (1779) – этот журнал можно считать первым изданием, адресованным женской аудитории. Впервые в русском названии журнала мы встречаем слово «*модный*». История модных журналов в Европе начинается еще в XVII веке, но в России они появляются лишь с момента разрешения деятельности частных издателей, в конце XVIII века. В журнале публиковались произведения приятные, забавные, занимательные. В том числе и переводы. Это были анекдоты, загадки, песни, эпиграммы, шарады. Было выпущено 12 номеров, с приложением картинки к каждому – «Щеголиха на гулянье», «Раскрытые прелести», «Чепец победы» и т. д. Эти картинки можно рассматривать как окно в мир европейской моды, что помогало осмеять нелепые наряды модниц.

В обращении издателя к читательницам было сказано о желании «доставить прекрасному полу в свободные часы приятное чтение, почему и будут в оном помещаться только такие сочинения или переводы, кои приятны или забавны». Литературный журнал адресовался женщинам, основной задачей его было дать легкое и нравоучительное чтение.

Печатались произведения: В. И. Майкова, Я. Б. Княжнина, А. П. Сумарокова и др. Поэзия представлена в основном любовной лирикой в разнообразных жанрах. Эпиграммы и притчи (среди них многие принадлежат Сумарокову) имеют отвлеченно-морализующий характер. Значительное место в поэзии занимают переводы: четыре книги «Метаморфоз» Овидия в переводе Майкова (ч. 3, кн. 1 и др.), «Первая ода» Анакреона (ч. 2, кн. 1) и анакреонтические стихи в переводе с немецкого, четыре идиллии Геснера, басня Лафонтена «Кружка» (ч. 2, кн. 1).

Проза почти вся состоит из переводов, тематика довольно пестра: отрывок из «Лузиады» Камюенса (ч. 2, кн. 3), нравоучительная «Повесть о Евгении, или Торжество добродетели над честолюбием» (ч. 1, кн. 1) и т. д. Страницы часто заполнялись анекдотами, идиллиями, эклогами, песнями, эпиграммами, загадками. Тираж не известен.

Необходимо заметить, что пройдет немало времени, прежде чем женщин из аристократических семейств порадует появление в 1827 г. «Дамского журнала». Публикации новинок парижской моды, размещение первых цветных иллюстраций – вот, что нужно было светским львицам. «Листок для светских людей», выходящий в Санкт-Петербурге, в 1843 г. писал: «Наш листок выписывал картинки прямо из Парижа, картинки большого формата, исполненные с совершенством, отпечатанные на лучшей атласистой бумаге – одним словом, достойные быть вставленными в рамку, под стекло».

В конце 50-х гг. XIX в. появится более тридцати изданий, посвященных дамской тематике: «Меркурий мод», «Вестник парижской моды», «Московский телеграф» с публикациями приложений о модных новинках из Парижа и др. Эти журналы могут смело считаться прародителями современных журналов для женщин. В них наряду с воспитательными и образовательными темами все большее место отводится курсам женского рукоделия с рисунками в тексте, раскрашенными узорами в приложении и выкройками. Различные возрастные категории могли найти интересующие их инструкции по шитью и вышивке. Особо любимыми за крупные листы цветных картинок с выкройками и вышивками был журнал «Сандрильона» и «Дамский альбом рукодельных работ».

«Московское ежемесячное издание» (1781) – общественно-политический и литературный журнал, выходивший ежемесячно в Москве, «в пользу заведенных в Санкт-Петербурге Екатерининского и Александровского училищ», заключающий в себе «собрание разных лучших статей, касающихся до нравоучения, политической и ученой истории, до философических и словесных наук и друг. по-

лезных знаний»¹¹⁷, и служивший продолжением «Утреннего света». Однако были и новые отделы: политический, исторический и географический. Вышло три части.

Издание по содержанию напоминает другие издания Новикова. Политическую остроту имели два «письма», опубликованные в августовской книжке журнала, – «О льстецах и о всех людях вообще» и «О государях». В первом из них говорилось, что «счастлив тот, кто не знает знатных, и еще счастливее, когда незнаем ими»¹¹⁸; во втором определялись качества, необходимые государю, причем слова о любовных страстях, мешающих монархам порядочно править, звучали намеком на поведение Екатерины II. Сделать государя великим могут только премудрость и правосудие. Тираж издания не известен.

«Городская и деревенская библиотека» (1782–1786) – новое сатирическое издание Новикова, в котором продолжают традиции «Трутня». Полное название – **«Городская и деревенская библиотека, или Забавы и удовольствие разума и сердца в праздное время, содержащая в себе как истории и повести нравоучительные и забавные, так и приключения веселые, печальные, смешные и удивительные»**. Сборник выходил в Москве в течение пяти лет, нерегулярно. Вышло 12 частей.

В сборнике печатались переводы зарубежных авторов, чаще французских. Переводчиками были В. А. Левшин, А. и С. Голицыны, П. П. Сумароков, В. Протопопов, А. Малиновский и др. В основном это приключенческие и биографические повести о жизни и деяниях полководцев, знатных особ, церковников, простых людей. Встречаются небольшие нравоучительные повести и на русские сюжеты.

Важное место занимали пословицы, причем по теме каждой пословицы создавался сатирический рассказ о возможном ее происхождении: «Битому псу только плеть покажи», «Малого пожалеешь, да большее потеряешь», «замок для дурака, а печать для умного» и др. Сама же пословица служила заголовком. Основу сюжетов рассказов составляли намеки на реальные события придворной жизни. Например, по поводу пословицы «зиме и лету перемены нету». В русской литературе сюжет о девушке, покинутой своим возлюбленным, стал особенно популярен в 1790–1800-е гг., после повести Карамзина «Бедная Лиза» (1791 г.). Не исключено, что одним из источников по-

вести могла быть эта пословица. Известно, что Карамзин с огромным уважением относился к Новикову, был редактором его журнала «Детское чтение». Он помогал семье издателя после его смерти и был одним из немногих, кто осмелился вслух говорить о милости: после ареста Новикова в апреле 1792 г. в майском номере карамзинского «Московского журнала» была опубликована гражданственно смелая ода «К милости». Поэт призывает всемогущую императрицу хранить верность идеалам добра, милосердия и законности; она будет славна лишь до тех пор, «доколе права не забудет, / С которым человек рожден»¹¹⁹.

Пословица «седина в бороду, а бес в ребро» была без объяснений понятна современникам. Этот рассказ направлен непосредственно против Екатерины II, неоднократно менявшей фаворитов. В тексте несколько сюжетов. Один из них о старухе, имеющей взрослую дочь и при этом влюбляющуюся в «двадцатилетнего молодчика», которому она «щедро платит за купленные ласки» и ради которого «опустошает мешки казенные», – все это может служить подтверждением известных сегодня фактов: Г. Г. Орлов был на пять лет моложе императрицы, Г. А. Потемкин – на десять, а последний фаворит – П. А. Зубов – на тридцать восемь лет. Эти пословицы вызывали не только недовольство императрицы и ее приближенных, но и проблемы с цензурой. Тираж журнала не известен.

«Вечерняя заря» (1782) – *ежемесячный* религиозно-мистический журнал, изданный в пользу заведенных в Санкт-Петербурге Екатерининского и Александровского училищ. В первом номере было указано, что будут напечатаны лучшие места из древних и новейших писателей, открывающие человеку путь к познанию бога, самого себя и своих должностей. Они были представлены как в нравоучениях, так и в примерах, то есть небольших историях, повестях, анекдотах и других сочинениях стихами и прозой. Периодическое издание было продолжением «Утреннего света». Вышло три части (12 номеров).

Авторы журнала проповедовали личное самосовершенствование, христианское смирение, принятие существующего миропорядка, отказ от политической борьбы, проявление общественной активности в форме частной благотворительности. Многие годы считалось, что это журнал Новикова. Но, по мнению Беркова, Новиков не мог быть издате-

¹¹⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб., 1890–1907. – С. 245.

¹¹⁸ Там же. – С. 247.

¹¹⁹ Карамзин, Н. М. Полное собрание стихотворений / Н. М. Карамзин. – М. : Л., 1966. – С. 111.

лем и редактором¹²⁰. Он издавался масонами в противовес новиковским изданиям. Редактировал «Вечернюю зарю» профессор И. Г. Шварц¹²¹.

В этом журнале, продолжающем линию «Утреннего света», значительно усиливается мистическая и религиозно-нравственная тематика, появляются переложения молитв, толкования текстов евангелия, проповеди, поучения. Помещен ряд статей на теософские темы (напр., «Философское рассуждение о троице в человеке», ч. 1) и др. Большое место занимает специальная масонская литература – изложение древнеегипетских учений о смерти и воскрешении и др. (ч. 2). В журнале последовательно проводится отрицание сатиры, проповедуется снисхождение к порокам и т. д. Занимательное чтение представлено анекдотами из жизни великих людей (ч. 1), восточными легендами (ч. 2). Имеется отдел чтения для детей (ч. 3). В основном номера «Вечерней зари» заполнялись переводами.

В журнале печатались: М. И. Антоновский, Л. Я. Давыдовский, А. Ф. Лабзин, Л. М. Максимович, А. В. Могилянский, П. А. Пельский и др.

«Покоящийся трудолюбец» (1784–1785) – религиозно-нравственный журнал, приписываемый Новикову. Выходил два раза в год – периодическое издание, «закрывающее в себе богословские, философские, нравоучительные, исторические и всякого рода как

¹²⁰ Берков, П. Н. *История русской журналистики XVIII века* / П. Н. Берков. – М. : Л., 1952. – С. 410–411.

¹²¹ Шварц Иван Григорьевич (1751–1784) – педагог и просветитель, выдающийся деятель русского масонства, близкий друг и сподвижник Н. И. Новикова. Приехал в Россию после знакомства в Германии с главой русского масонства князем Н. С. Гагариным. В 1779 г. переехал в Москву из Могилева и благодаря помощи М. М. Хераскова получил место лектора немецкого языка в университете. В 1780 г. – профессор немецкого языка и литературы. Первым в России прочитал курс «эстетики». Предлагал изменить российскую систему воспитания: создать общество, цель которого была в распространении правил разумного воспитания. Во-первых, необходимо через типографическое предприятие Н. И. Новикова переводить и издавать полезные книги; во-вторых, надо стараться привлечь в Россию иностранцев, действительно способных воспитывать русское юношество; в-третьих, надо воспитывать учителей из русских. Московское общество, в короткое время успевшее узнать и полюбить И. И. Шварца, восторгалось проектом, но относилось к нему с недоверием. Много сделал для России. Умер от переутомления и фанатизма. В И. Г. Шварце как бы олицетворялось новое европейское влияние на наше молодое общество, искавшее истинной науки и жизни, согласованной с идеалами братства вольных каменщиков.

важные, так и забавные материи, к пользе и удовольствию любопытных читателей, состоящие из подлинных сочинений на русском языке и переводов с лучших иностранных писателей в стихах и прозе».

Служило продолжением «Утреннего света», «Московского ежемесячного издания» и «Вечерней зари», но уже меньше было связи с мистикой. Кроме того, издание отличается хорошим подбором литературных произведений. Часть материалов была развлекательной: анекдоты, эпиграммы, загадки, небольшие повести. В журнале преобладала сатира, проникнутая негодованием. Она направлена на те же пороки, которые осмеивал Новиков в предшествовавших своих сатирических изданиях – «Трутне» и «Живописце», но здесь она вышла из тесной сферы национальности и коснулась заблуждений, общих для всей Европы, такова, например, статья «Новая логика»¹²².

Религиозный элемент особенно усиливается к концу издания. Для поэтических произведений, опубликованных в «П. т.», характерны сентиментальность, воспевание прелестей сельской жизни. Предромантические веяния выразились в переводе «Кладбища» Грея (прозой, ч. 4). Литературная позиция журнала излагается в «Письме к издателям» (ч. 1). Основное, что нужно писателю, утверждается в «Письме», – это «дарование, благоразумие и добронравие». Автор статьи резко высказывается против сатириков и критиков.

Участвовали в качестве авторов студенты Московского университета А. А. Антонский, М. А. Антонский, Я. И. Благодаров, И. В. Голубовский, К. П. Келембет, К. В. Мисловский, П. Молчанов, В. С. Подшивалов, П. А. Сохацкий и др.

В «Покоящемся трудолюбце», завершившем журнальную деятельность Новикова, как и в двух предшествовавших его изданиях, печатались статьи публицистического характера, в которых обсуждались важные вопросы русской действительности.

«Прибавление к Московским ведомостям», «Детское чтение для сердца и разума», «Магазин натуральных историй», «Экономический магазин» – эти журналы являются приложением к газете «Московские ведомости», которую арендовал Новиков. Он сделал ее популярной, перестроив ее структуру, создав новые отделы, организовав корреспондентскую сеть. Созданные им приложения к газете пользовались большим вниманием читающей публики. Наиболее

¹²² Покоящийся трудолюбец. – Ч. II. – С. 195–214.

ярким из них был «Экономический магазин», содержащий полезные сельским жителям советы, рецепты и наставления.

«Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и небесполезных городским и деревенским жителям вещей». В пользу российских домостроителей и других любопытных людей образом журнала издаваемый, журнал выходил в Москве в 1780–1789 гг., два раза в неделю. Вышло 40 частей. Приложение к «Московским ведомостям». Издатель – Н. Новиков. Редактор – А. Т. Болотов¹²³.

Андрей Тимофеевич был очень известным и уважаемым ученым и публицистом. Болотова избрали членом Вольного экономического общества и продолжали печатать присылаемые им статьи, которых впоследствии набралось столько, что могла бы составиться целая сельскохозяйственная энциклопедия. Из всех отраслей сельского хозяйства Болотов особенно любил садоводство, занимаясь в своем имени разведением садов. Накупив по естествознанию и сельскому хозяйству много книг еще в Пруссии, он год от году увеличивал свой книжный запас, с течением времени у него составила замечательная библиотека.

Когда понадобился опытный сельский хозяин для управления Киясовской волостью (в Серпуховском уезде), купленной императрицей Екатериною II, то князь С. В. Гагарин по рекомендации Вольного экономического общества предложил Болотову сначала описать эту волость, а затем принять на себя и управление ею. Болотов более 23-х лет управлял собственными волостями императрицы, сначала

только Киясовской, а потом также Богородицкой (Тульской губернии) и Бобриковской. За труды по управлению Болотов был удостоен Высочайшего благоволения и награжден чином коллежского асессора.

В это время Болотов приступил к изданию своих сочинений, как оригинальных, так и переводных. Так как Вольное экономическое общество не могло поместить в «Трудах» всех сочинений Болотова, то он стал издавать свой сельскохозяйственный еженедельный журнал «Сельской житель. Экономическое в пользу сельских жителей служащее издание», который издавался в 1776 и 1779 гг. В 1780 г. Новиков, издававший тогда «Московские ведомости», предложил Болотову для каждого номера газеты составлять по одному печатному листу под названием «Экономический магазин». Болотов с удовольствием принял это предложение и сотрудничал с «Московскими ведомостями» в течение десяти лет, с 1780 по 1790 гг., опубликовав там около 4000 статей. Единственным постоянным помощником Болотова был его сын, который занимался переписыванием набело. Из десятилетнего издания «Экономического магазина» составила целая энциклопедия в 40 томов. В заглавии этого сочинения говорилось, что оно есть «собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до всяких нужных и неизбежных городским и деревенским жителям вещей».

В 1771 г. Болотов опубликовал в «Экономическом магазине» статью «Ботанические примечания о классах трав», в которой изложил систему растительного мира согласно классам Линнеевской системы. Эта статья считается первым российским трудом по систематике растений.

Андрей Тимофеевич Болотов знаменит благодаря своему много-томному труду, который он писал около тридцати лет, с 1789 по 1816 г. Это труд – его «Записки», носящие название «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Он ярко изобразил внутренний быт русского общества за все XVIII столетие, начиная с 1738 г., касаясь самых разных его сторон. Эти «Записки» – главнейший из материалов по истории русского быта; они дают подробные сведения о домашнем и общественном воспитании русских дворян, сведения об их провинциальной и столичной, домашней и общественной жизни, об их военной и домашней службе. Кроме того, «Записки» дают понятие о состоянии сельского хозяйства, русской литературы, науки и книжной торговли и доволь-

¹²³ Болотов Андрей Тимофеевич (1738–1833) – русский писатель, мемуарист, философ-моралист, ученый, ботаник и лесовод, один из основателей агрономии и помологии в России. По различным руководствам иностранных авторов Болотов изучал теоретически все отрасли сельского хозяйства, начал записывать и свои наблюдения. Он занимался также различными этическими и педагогическими вопросами, издал книги по этике, философии и педагогике.

Болотов завязал отношения с только что основанным Вольным экономическим обществом. Последнее приглашало сельских хозяев отвечать на разные сельскохозяйственные вопросы, и Болотов воспользовался этим. Он написал на заданные вопросы ответы, которые с одобрением были приняты и помещены в «Трудах» общества.

но подробно говорят об участии России в войне с Фридрихом II и о войнах Екатерины с турками, поляками и шведами.

В «Записках» много важного о биографии государственных и общественных российских деятелях с 1740 по 1793 г. Также рассказывается о правительственных распоряжениях восьми царствований, с Петра I до Екатерины II, причем сообщается немало подробностей о русском дворе времен Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II. Таким образом, помимо важного автобиографического значения, «Записки» представляют драгоценнейшее достояние русской исторической литературы. Этот памятник XVIII столетия долгое время находился в рукописи, в семейном архиве потомков Болотова.

В 1839 году появляются первые небольшие отрывки из «Записок» в «Сыне Отечества», книга 8-я и 9-я, но переделанные и исправленные. Затем в «Отечественных записках» 1850 и 1854 гг. в томах 69–78-м появляются сначала первые четыре части «Записок» Болотова (всего 29 частей), а после того пятая и шестая части, но как и раньше, в исправленном виде, с опущением многих рассуждений. В 1858 и 1860 гг. в «Библиотеке для чтения» тоже печатаются некоторые отрывки из 7-й, 8-й и 9-й частей «Записок» без переделок, но с пропусками в десятки страниц. Наконец в 1870 г., в первый год издания «Русской старины», в приложении к ней, а затем в отдельном издании «Записки» Болотова появились впервые почти целиком, без всяких изменений. В отдельном издании «Записки» разбиты на четыре обширных тома: в первый входит I–VII части, с 1738 по 1760 г.; второй – части VIII–XIV, с 1760–1771 г.; третий – части XV–XXI, с 1771 по 1784 г.; и четвертый – части XXII–XXIX, с 1785 по 1795 г. Это не остановило появление новых дополнений, публикуемых по мере их обнаружения.

Журнал «Экономический магазин» пользовался большим успехом у читателей. Здесь публиковались практические советы по ведению хозяйства в виде статей и рецептов. Типичные заголовки: «О спайке стекла»; «О способе делать лен лучшим к пряже»; «О возобновлении старых яблоней»; «О посеве грибов»; «О лекарстве от горла» (ч. 1).

Статьи печатались без подписи. Основными авторами были: А. Т. Болотов, П. А. Болотов. В журнале принимали участие В. А. Левшин, И. П. Щербатов, М. Бороздин и др.

«Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) был первым детским журналом и издавался *еженедельно*. Выходил в течение пяти лет. Это было просветительское издание. Содержание было связано с общественно-педагогической и литературной деятельностью Новикова. В нем он старался восполнить пробел в детской литерату-

ре, сделать так, чтобы детям было что читать. Имел постоянные рубрики («Ребята и зверята», «Поэзия детям», «История из истории», «Жила-была сказка» и другие). Любителям иностранной литературы пришлось по душе рубрика «У нас в гостях». Содержание отличалось богатством и разнообразием. Кроме нравоучительных повестей, рассказов, театральных пьес, сюда входили статьи научного содержания по физике, астрономии, географии, статьи из древней истории, биографии и изречения мудрецов древности. При этом журнал имел собственное направление, основанное на любви и гуманизме. Оно сформировалось под воздействием людей, которых Новиков привлек к сотрудничеству. Среди них были начинающие литераторы, преподаватели Московского благородного пансиона А. Прокопович-Антонский и В. Подшивалов. Исторические, естественнонаучные статьи, нравоучительные письма, религиозные материалы, короткие повести, моральные и другие пьесы – вот круг произведений, публикуемых в журнале.

Главную задачу журнала Новиков видел в том, чтобы воспитать, сформировать взгляды молодого культурного дворянина, горячо любящего Отечество, желающего заниматься чтением и образованием. Еще одной задачей является создание женской культуры, воспитание женщины – матери и хозяйки – читательницей. Для этого он создает прекрасную библиотеку для женского чтения. Крестьянский вопрос тоже находит место в журнале. Обсуждается проблема отношения к государю. Примечателен язык журнала. Он соответствует возрасту читателей-детей. Здесь нет ни славянизмов, ни запутанных грамматических конструкций. Пользовался популярностью.

В 1787–1789 гг. Карамзин¹²⁴ принимал участие в редактировании журнала «Детское чтение для сердца и разума», сильно отличающегося от новиковского. Здесь исчезают исторические и естественнонаучные статьи, маленькие пьески, библейские тексты. Основу журнала составляют большие переводные повести Карамзина и нравоучительные сказки. Карамзин перевел цикл повестей французской

¹²⁴ Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – поэт, прозаик, журналист, литературный критик, переводчик, историк. Журналистика занимает особое место в его творчестве: в 1787–1789 гг. редактировал журнал «Детское чтение для сердца и разума»; в 1791–1792 гг. издавал «Московский журнал»; в 1794–1795 гг. издал два выпуска альманаха «Аглая»; в 1796–1799 гг. – альманах «Аониды»; в 1802–1803 гг. издает журнал «Вестник Европы».

писательницы С.-Ф. Жанлис «Деревенские вечера», отрывки из философского трактата Ш. Бонне «Созерцатель природы» и др. Помещены прозаический этюд «Прогулка», сентиментальная повесть «Евгений и Юлия» и др. Журнал отходит от решения педагогических задач, а подчиняется литературным интересам Карамзина и А. Петрова, хотя продолжает играть важную роль. К работе в журнале Н. М. Карамзин подходил серьезно и опубликовал в нем немало значительных своих поэтических произведений. Тираж издания не известен.

Журнал Новикова выдержал испытание временем. Чистые, нравственные правила, изложенные увлекательным для того времени языком, незаметно проникали в душу читателей и постепенно дали иной, совершенно новый колорит всему обществу. С. Аксаков в воспоминаниях отмечал: «В детском уме моем (после знакомства с этим журналом) произошел совершенный переворот, и для меня открылся новый мир. Многие явления в природе, на которые я смотрел бессмысленно, хотя и с любопытством, получили для меня смысл, значение и стали еще любопытнее». Через 60 лет после появления «Детского чтения» В. Г. Белинский воскликнул: «Бедные дети! Мы были счастливее вас: мы имели “Детское чтение” Новикова». Спрос на журнал был настолько велик, что даже после его закрытия отдельные номера перепечатывались и продавались отдельными книгами.

«Санкт-Петербургский вестник» (1771–1778) – журнал, выходивший *ежемесячно* с января 1778 по июнь 1781 г., редактором был Г. Л. Брайко¹²⁵ вместе с Я. Б. Княжнинным и Б. Ф. Арндтом. Это интересное и новое явление в журналистике последней четверти XVIII в. Г. Л. Брайко ставил своей целью не только печатать литературные произведения или научные статьи, но и снабжать читателей разнообразной информацией. В первом номере в традиционном для журналов того времени обращении издателей к читателю определена основная задача издания: «Две причины вознесли Англию на степень величия в словесных науках и споспешествовали ей удержаться на оной. Первая есть свобода мыслить. Вторая причина сей степени величия, на которую вознеслись словесные науки в Англии, есть переводы книг». Русские журналисты стремились следовать ев-

ропейцам в просвещении сограждан.

Каждая книжка журнала состояла из двух частей. В первой помещались «мелкие сочинения для увеселительного чтения», оригинальные или переводные, критические заметки о новых книгах, научные известия, сообщения о фактах русской истории. Второй раздел назывался «политическим». Здесь публиковались императорские указы, придворная хроника, сведения о произведенных в чины, награжденных, распоряжения столичного губернатора и т. д. В журнале активно пропагандировались конституционные идеи, печатались призывы облегчить участь крестьян. Кроме того, в критико-библиографическом отделе печатались иностранные известия и аннотации на некоторые вновь выходящие французские и немецкие книги.

Перу Г. Л. Брайко принадлежат переводы из «Диалогов Диогена» К.-М. Виланда, идейно близких ему ненавистью к деспотизму и роскоши, апологией умеренности, верой в торжество «здорового смысла». Им созвучны рассуждение «О домашнем благосостоянии» (пер. с фр.) и философские идиллии «Ирин» Э.-Х. Клейста и «Вечность» А. Галлера. Таким образом, «Санкт-Петербургский вестник» держал своего читателя в курсе злободневных событий внутри страны и за ее рубежом и предоставлял ему занимательный материал для чтения.

В литературном отношении журнал напоминал «Трудолюбивую пчелу» А. Сумарокова. Не случайно, по-видимому, в первом номере была помещена «Сокращенная повесть о жизни и писаниях Сумарокова». Редактор Г. Л. Брайко сумел привлечь к участию в своем издании ряд талантливых писателей – Г. Р. Державина, В. В. Капниста, Я. Б. Княжнина, И. И. Хемницера и публиковал их новые произведения, причем имел из-за этого цензурные неприятности. Так, например, в ноябрьской книжке 1780 г. он поместил написанное Г. Р. Державиным переложение 81-го псалма – оду «Властителям и судиям». Стихи эти показались царскому двору чересчур смелыми, в них слышалась угроза властям. Тираж «Вестника» был задержан, стихи Г. Р. Державина вырывались из каждой книжки, и лист затем перепечатывали без них. Не понравилась властям и публикация «Сатиры I» А. Д. Кантемира.

Н. А. Добролюбов отметил, что «Санкт-Петербургский вестник» значительно превосходил остальные журналы 1770-х гг. «Этот журнал, – писал он, – менее обнаруживающий склонности к отвлеченным, бесплодным умствованиям, больше вникавший в жизнь и лучше ее понимающий, нежели остальная журнальная братия, скоро овладел общим вниманием и продолжался непрерывно в течение почти четырех лет, – явление очень редкое в то время».

¹²⁵ Брайко Григорий Леонтьевич (1740–1793) – переводчик, журналист, просветитель. За отрицание политики деспотизма журнал был закрыт, редактор отправлен в почетную ссылку в Венецию, в 1789 г. был помилован и переведен послом в Вену.

«Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в прозе и стихах некоторых российских писателей» (1783–1784), выходил *ежемесячно* в Петербурге с июня 1783 по сентябрь 1784 г. Выпускала его Академия наук, пост директора которой занимала княгиня Е. Р. Дашкова. Всего было издано шестнадцать частей. Тираж каждой части составлял 1812 экземпляров. «Собеседник» был нужен Екатерине II, чтобы в 80-е гг. опять воздействовать на умы печатным словом, как это было в конце 60-х годов. Однако попытки ощутимого успеха не имели.

Императрицу тревожил рост оппозиционных настроений среди дворянства, в борьбе с которыми потребовалось отставить от службы руководителя Иностранной коллегии Н. И. Панина и его секретаря Д. И. Фонвизина. Следовало разъяснить значение устойчивой и неограниченной монархической власти, вновь подчеркнуть достоинства русской государыни Екатерины II. Несмотря на сильный напор императрицы, «Собеседник» не целиком поддался ее влиянию. Произошло это потому, что к участию в журнале были привлечены все или почти все лучшие современные писатели, за исключением ненавистного Екатерине II Новикова. Честные люди и русские патриоты, они не могли перейти в разряд наемных одописцев, говорили о недостатках общества и вносили в журнал сатирический элемент.

Крестьянский вопрос не затрагивался в «Собеседнике». Авторы нападали на лесть, подхалимство, французоманию, пороки модного воспитания, невежество, разврат, ханжество. В «Собеседнике» печатались произведения Фонвизина, Княжнина, Ф. Козельского, С. Боброва, осознававших недостатки екатерининского режима и выступавших против него в своей литературной деятельности. Вместе с тем можно было встретить и нейтральные материалы Хераскова, М. Н. Муравьева, И. Ф. Богдановича, И. И. Дмитриева, О. Козодавлева и других.

В своей статье «Собеседник любителей русского слова», напечатанной в восьмой и десятой книжках «Современника» за 1856 г., Н. А. Добролюбов особое внимание обращает на сочинения императрицы Екатерины II – «Записки касательно российской истории» и «Были и небылицы». Он подсчитал, что «Записки» заняли почти половину объема всех книжек «Собеседника» – 1348 страниц из 2800.

Н. А. Добролюбов ясно показал, что «Записки касательно российской истории» являются не научным трудом, а политической инструкцией по поводу того, как нужно толковать события русской истории и рассказывать о них. Екатерина желала убедить читателей «во всем, в чем только можно, что всякое добро нисходит от престо-

ла и что в особенности национальное просвещение не может обойтись без поддержки правительства»¹²⁶.

Подробно и внимательно осветил Добролюбов наиболее яркий эпизод в истории «Собеседника», перепечатавая со своими замечаниями «Вопросы к сочинителю “Былей и небылиц”» Фонвизина и «Ответы» на них Екатерины II. «Только ответы эти такого рода, – говорит он, – что большая часть из них уничтожает вопросы, не разрешая их; во всех почти отзывается мысль, что не следовало об этом толковать, что это – свободоязычие, простирающееся слишком далеко»¹²⁷.

Знаменитая ода Г. Р. Державина «Фелица», напечатанная в первой книжке «Собеседника», в сущности, начала собой две линии, свойственные этому журналу, – прославление монархии вообще и Екатерины II как образцового правителя страны и сатирические выпады против вельмож, двора и недостатков общественного быта. Сатирический элемент, весьма сильный в творчестве Державина, был широко представлен в «Собеседнике» его стихотворениями. Но первое по общественной важности место в журнале занимали произведения Фонвизина. Рядом с «Былями и небылицами», официозными поздравительными одами и нейтральной лирикой малоизвестных поэтов в «Собеседнике» появились лучшие сатирические статьи Фонвизина.

В журнале Фонвизин напечатал «Опыт русского сословника», то есть словаря синонимических выражений. Разъясняя смысл ряда слов и сходных понятий, он приводил смелые сатирические примеры, писал: «Проманивать, – обманывать, проводить, – есть больших бояр искусство. Стряпчие обыкновенно проводят челобитчиков... Не действуют законы тамо, где обиженный притесняется. В низком состоянии можно иметь благороднейшую душу; равно как и весьма большой барин может быть весьма подлый человек».

Свои «Вопросы» Фонвизин обращал к сочинителю «Былей и небылиц», то есть к императрице Екатерине II. Прочитав их, она распорядилась напечатать «Вопросы» в журнале в сопровождении своих ответов, обнаруживших ее недовольство дерзостью сатирика. Например, Фонвизин спрашивал: «Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?». Екатерина отвечала прямо: «Оттого, что сие не есть дело всякого». «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют,

¹²⁶ Добролюбов, Н. А. ПСС / Н. А. Добролюбов. – М. : ГИХЛ, 1935. – Т. 2. – С. 45.

¹²⁷ Там же. – С. 56.

и весьма большие?» – говорилось в другом вопросе, и читатели понимали, что речь идет о ближайшем друге императрицы вельможе Л. А. Нарышкине, которого прозвали «шпынь» – шутник, балагур. Екатерина сердито отвечала: «Предки наши не все грамоте умели», явно желая уклониться от существа дела, и поспешила приписать тут же: «Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели»¹²⁸. Стало видно, что сатирик попал в цель.

В статьях Фонвизина затрагивался ряд острейших общественно-политических тем, и недаром Екатерина II ответила ему так резко и грубо. Большое значение имеет вопрос Фонвизина, заключающий всю серию: «В чем состоит наш национальный характер?». Он, как и другие прогрессивные деятели русской культуры, полагал, что свойства русского национального характера состоят в преданности родине, гражданском патриотизме, военных доблестях, уважении к личным достоинствам людей независимо от их происхождения и т. д. Екатерина же дала иное определение.

По ее мнению, русский национальный характер заключается в «остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных». «Скорое понятие» указаний, исходящих с высоты престола, «образцовое послушание» русских людей воле императрицы, нравственные чувства, внушаемые церковью, – вот что желала видеть Екатерина II в народе, которым она управляла. Послушания же после крестьянской войны 1773–1775 гг. ей хотелось больше всего. Нечего говорить, насколько этот провозглашенный императрицей идеал отличался от представлений передовых русских людей, по-настоящему болевших за судьбы отечества, и как он был далек от подлинного характера русского народа.

Несмотря на то, что после своих «Вопросов» Фонвизин продолжал некоторое время печататься в «Собеседнике», и на то, что он тонко и умно сделал вид, будто пытается оправдаться перед автором «Былей и небылиц» в особом извинительном письме, его судьба была уже решена: Фонвизин оказался отлученным от литературы, и последующие сочинения так и не увидели света при жизни автора. О принадлежности некоторых из них «Сатиры смелому властелину» читатели узнали после его смерти.

Так, например, в «Собеседнике любителей русского слова» (1783, части IV и VII) анонимно была напечатана яркая сатирическая

¹²⁸ *Собеседник любителей русского слова. – 1783. – Кн. III.*

повесть «Повеествование мнимого глухого и немого». На принадлежность ее Фонвизину указал первым С. Н. Глинка¹²⁹. Н. С. Тихонравов обратил внимание на свидетельство С. Н. Глинки и включил отрывок «Повеествования» в число приписываемых Фонвизину сочинений (правда, при этом был опубликован текст, появившийся в IV части «Собеседника», и по недосмотру пропущено продолжение повести, появившейся в VII части журнала)¹³⁰.

В. Якушкин в рецензии на «Материалы» высказал мнение, что «Повеествование мнимого глухого и немого» принадлежит Д. И. Фонвизину¹³¹. Несмотря на это, ни в одно собрание сочинений «Повеествования» не входило, ни один исследователь не рассматривал его. В книге «А. Н. Радищев и его время» Г. П. Макогоненко на основании анализа стиля «Повеествования» высказал мнение о принадлежности его Фонвизину¹³². Сегодня принадлежность «Повеествования мнимого глухого и немого» Фонвизину решена окончательно.

«Друг честных людей, или Стародум» (1788) – журнал, задуманный и подготовленный к печати Д. И. Фонвизиним¹³³, находящимся в царской опале. В 1788 г. Фонвизин пробует вновь обратиться к читателю и хлопочет о разрешении издавать журнал «Друг честных людей, или Стародум», в чем ему было отказано. Отлично задуманный им журнал «Друг честных людей, или Стародум» не увидел света, но материалы первого номера получили распространение в рукописном виде и, несмотря на то, что не прошли через печатный станок, стали реальным фактом русской журналистики.

Известность Фонвизина была такова, что, когда он решил издавать собственный сатирический журнал, то назвал его именем центрального героя «Недоросля» – Стародума, а себя – издателя – Сочинителем комедии «Недоросль». «Периодическое сочинение, посвященное истине» – подзаголовок названия журнала. Он желал говорить

¹²⁹ «Русский вестник в пользу семейственного воспитания». – Кн. 2. – Т. 33. – 1816. – С. 64.

¹³⁰ «Материалы для Полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина». – СПб., 1894.

¹³¹ *Русские ведомости. – 1894. – 5 декабря. – № 336.*

¹³² *Макогоненко, Г. П. А. Н. Радищев и его время / Г. П. Макогоненко. – М.; Л., 1956. – С. 417–433.*

¹³³ *Фонвизин Денис Иванович (1745–1791) – драматург, поэт, сатирик, журналист, переводчик, мемуарист. В 1782–1787 гг. пишет статьи для «Собеседника любителей русского слова».*

с читателем об «истине», бороться против лжи, изливавшейся с высоты престола, открывать глаза людям на истинное положение дел в русском государстве.

Журнал «Друг честных людей» был единоличным предприятием Фонвизина, продолжившего жизнь персонажей «Недоросля» – комедии, восторженно принятой зрителями. Журналист намеревался публиковать переписку Стародума с различными корреспондентами и другие якобы сообщаемые этим почтенным гражданином материалы. В Предупреждении издателя к читателям пояснялось, что Стародум принял предложение сочинителя «Недоросля» участвовать в его начинании. Он считает, что писатели имеют долг «возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих отечеству, так что человек с дарованием может в своей комнате с пером в руках быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества».

В переписке Софьи и Стародума Фонвизин затрагивает довольно заметную для современников тему распада дворянской семьи. Софья стала женой Милона, однако он изменил ей ради «презрительной женщины», и Стародум дает племяннице разумные советы, как восстановить былые отношения.

Тарас Скотинин пишет сестре своей госпоже Простаковой, что смерть любимой свиньи Аксиньи переменяла совсем нрав его: «Я чувствую, что потерял прежнюю мою к свиньям охоту; но надобно чем-нибудь заняться. Хочу прилепиться к нравочению, т. е. исправлять нравы моих крепостных людей и крестьян; но как к достижению сего лучше взяться за кратчайшее и удобнейшее средство, то, находя, что словами я ничего сделать не могу, вознамерился нравы исправлять березою». Фонвизин прибегает к гротеску. Скотинин в роли «нравоучителя» с розгами в руках должен был, по мысли автора, выглядеть нелепо.

В журнале Фонвизин предполагал напечатать свое сатирическое сочинение «Всеобщая придворная грамматика», которое раньше не было пропущено редакцией «Собеседника». Составленная в форме вопросов и ответов, придворная грамматика определялась как наука «хитро льстить языком и пером». Придворных, то есть ближайшее окружение государя, он называет «подлыми душами» и насчитывает их шесть родов. «Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бесильных к подлости», залогов три – действительный, страдательный, а чаще всего отложительный. Так как у двора и в столице никто без долгу не живет, наиболее употребительным является глагол «быть должным», причем в прошедшем времени этот глагол не спрягается, потому что никто своих долгов не платит, и т. д. Это бесстыдные льстецы, превоз-

носящие «больших господ» в надежде на подачку.

В другом материале – «Письме, найденном по блаженной кончине надворного советника Взяткина» содержатся выразительные характеристики прожженного приказного дельца и его высокопоставленного покровителя, которые за деньги способны любое дело решить в пользу виноватого.

«Наставление дяди своему племяннику» рисует портрет подлого человека, который разбогател на государственной службе, нарушая законы совести и чести. Драматическая сцена «Разговор у княгини Халдиной» в сатирических тонах изображает представителей «высшего света», которым добродетельный Здравомысл напрасно пытается разьяснить, что государству нужны просвещенные люди.

В одном из писем Стародум рассуждает о причинах недостатка в России хороших ораторов и приходит к выводу, что виной тому «есть недостаток случаев, при коих бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют и где победа красноречия не пустыми хвалами, но претурою, архонциями и консульствами награждается». Речь, вероятно, идет о необходимости в России парламента, где можно было бы «рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. – М. ; Л., 1952.
2. Боголюбов, В. Н. Н. Новиков и его время / В. Н. Боголюбов. – М., 1916.
3. Вернадский, Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II / Г. В. Вернадский. – СПб., 2001.
4. Ворошилов, В. В. История журналистики России / В. В. Ворошилов. – СПб., 1999.
5. Гуковский, Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. – М., 1999.
6. Добролюбов, Н. А. Русская сатира екатерининского времени : собр. соч. в 9 т. / Н. А. Добролюбов. – Т. 5. – М. ; Л., 1962.
7. Добролюбов, Н. А. Собеседник любителей российского слова : собр. соч. в 9 т. / Н. А. Добролюбов. – Т. 1. – М., 1961.
8. Есин, Б. И. Три века московской журналистики / Б. И. Есин, И. В. Кузнецов. – М., 1997.

9. Есин, Б. И. История русской журналистики (1703–1917) / Б. И. Есин. – М., 2000.
10. Есин, Б. И. Русская дореволюционная газета / Б. И. Есин. – М., 1971.
11. Западов, А. В. Русская журналистика XVIII века / А. В. Западов. – М., 1964.
12. Западов, А. В. Новиков / А. В. Западов. – М., 1968.
13. Ивлев, Д. Д. История русской журналистики XVIII – начала XX в. / Д. Д. Ивлев. – М., 2004.
14. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / под ред. проф. А. В. Западова. – 3-е изд. – М., 1973.
15. История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003.
16. Ключевский, В. О. Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени // Очерки и речи. Второй сборник статей В. Ключевского. – М., 1913.
17. Кулакова, Л. И. Денис Иванович Фонвизин / Л. И. Кулакова. – М. ; Л., 1966.
18. Лозинская, Л. Я. Во главе двух академий / Л. Я. Лозинская. – М., 1979.
19. Макогоненко, Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века / Г. П. Макогоненко. – М. ; Л., 1952.
20. Макогоненко, Г. П. Денис Иванович Фонвизин. Творческий путь / Г. П. Макогоненко. – М. ; Л., 1961.
21. Мартынов, И. Ф. Книгоиздатель. Николай Новиков / И. Ф. Мартынов. – М., 1981.
22. Очерки по истории русской журналистики и критики : в 2 т. – Т. 1. – Л., 1950.
23. Русские сатирические журналы XVIII в. Избранные статьи и заметки / под ред. Н. К. Гудзия. – М., 1940.
24. Рассадин, С. «Сатиры смелый властелин». Д. И. Фонвизин / С. Рассадин. – М., 1989.
25. Сатирические журналы Н. И. Новикова / под ред. П. Н. Беркова. – М. ; Л., 1951.
26. Стенник, Ю. В. Русская сатира XVIII века / Ю. В. Стенник. – Л., 1985.
27. Стричек, А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения / А. Стричек. – М., 1994.
28. Татаринова, Л. Е. Русская литература и журналистика XVIII в. : учебник / Л. Е. Татаринова. – М., 2001.
29. 1702–2002. Из века в век. Из истории русской журналистики / под ред. проф. Б. И. Есина. – М., 2002.

ТЕКСТЫ:

1. Новиков, Н. И. Избранные сочинения / Н. И. Новиков / подготовка текста, вступ. статья и коммент. Г. П. Макогоненко. – М. ; Л., 1951 ; Сатирические журналы Н. И. Новикова. «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек» / редакция, вступ. статья и примеч. П. Н. Беркова. – М. ; Л., 1951; Избранное. – М., 1983 ; Смеющийся Демокрит. – М., 1985.
2. Фонвизин, Д. И. Всеобщая придворная грамматика. Вопросы к сочинению «Былей и небылиц». Письма из Франции. Друг честных людей, или Стародум / Д. И. Фонвизин // Русская проза XVIII века. – М. ; Л., 1950. – Т. 1. – С. 465–587 ; Избранное. – М., 1984. – С. 156–218 ; Драматургия, поэзия, проза. – М., 1989 ; Русская сатирическая проза XVIII века / вступ. статья Ю. В. Стенника. – Л., 1986.
3. История русской журналистики : хрестоматия / сост. Б. И. Есин. – М., 1991.
4. История российской журналистики. XVIII век : хрестоматия / авт.-сост. А. Г. Алтунян. – Ч. 1, 2. – М., 2002.
5. Русская журналистика XVIII–XIX веков : тексты. – М., 1986.

Журналистика 1790-х годов

Русская общественная мысль в 90-е годы XVIII столетия меняется радикально под воздействием многих факторов. Ее развитие обусловлено, во-первых, кризисом российской феодально-крепостнической системы, во-вторых, усиливаются крестьянские волнения, названные по своему размаху «второй пугачевщиной». В-третьих, и это, пожалуй, самое главное – Французская буржуазная революция оказала сильное воздействие на революционность мировоззрения выдающихся русских просветителей. Первым по праву должен быть назван Александр Николаевич Радищев¹³⁴. Именно о нем Екатерина II

¹³⁴ Радищев Александр Николаевич (1749–1802) – писатель, поэт, литературовед, философ, общественный деятель, журналист, де-факто руководитель Петербургской таможни, участник Комиссии по составлению законов при Александре I. Стал наиболее известен благодаря своему основному произведению «Путешествие из Петербурга в Москву», которое издал анонимно в 1790 г., за что был приговорен к смертной казни.

сказала, что Французская революция «ево решила себя определить в России первым подвизателем».

В 90-е годы были написаны наиболее смелые произведения, ставшие вершиной русского Просвещения: «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина, «Ябеда» В. В. Капниста и др.

В этот период возникают и первые кружки литературно-политического характера: в 1788 г. в Петербурге создается «Общество друзей словесных наук», председателем которого был М. И. Антоновский, бывший студент Московского университета, тесно связанный с И. И. Шварцем и Н. И. Новиковым, который с 1789 г. стал выпускать журнал «Беседующий гражданин».

Журнал «**Беседующий гражданин**» (1789 г.) – ежесемесное издание, выходившее с января по декабрь 1789 г. в Петербурге, заключавшее в себе «Рассуждения вольным слогом и на стихах, как на природном Российском языке сочиненные, так и заимствованные переводом у самых лучших Иностраных Писателей, через разные роды Творений, открывающие путь к ясному познанию главнейших обязанностей человека в особенности, а наипаче Гражданина». Всего вышло три части, по четыре книжки в каждой, около 1200 страниц текста. На обороте заглавного листа помещался эпиграф: «Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно и следуя природной нашей склонности», взятый из Наказа Екатерины II (глава IV, пар. 57). Издатель М. И. Антоновский сотрудничал с С. С. Бобровым и С. А. Тучковым. Кроме того, в журнале помещали статьи: С. Завалиевский, П. Икосов, К. Лубьянович, С. Пестов и др. Журнал издавался на простой бумаге, стоил 5 р. в год.

Что касается названия журнала, то по этому поводу существует несколько предположений. Так, В. П. Семенников связывал его с первоначальным названием книги Радищева – «Проницающий гражданин, или Путешествие из Петербурга в Москву», утверждая: «Можно думать, что самое название журналу было дано не без воздействия Радищева»¹³⁵. П. Н. Берков замечает, что «при всей заманчивости подобной гипотезы, все же надо не упускать из виду следующего: в январской книжке “Беседующего гражданина” вслед за стихотворением “Награжденное тщание живописца”, где восхваля-

¹³⁵ Семенников, В. П. *Литературно-общественный круг Радищева* / В. П. Семенников / А. Н. Радищев. *Материалы и исследования*. – М.; Л., 1936. – С. 260.

ется Екатерина, и статьей “Почерпнутые правила о монархическом воспитании”, названной так, несомненно, из цензурных соображений, идет очень важный очерк с невинным заглавием “Придорожная гостиница, или Нечаянная беседа”. В гостинице происходит беседа между стариком, гражданином неизвестной идеальной страны, и его слушателями, жадно ловящими мудрые вещания старца об “обязанности общежития”. В этом-то очерке, героем которого является неизвестный старец, последний, между прочим, назван и “беседующим стариком”. Статья эта, несомненно, программная, и, возможно, отсюда взят образ “беседующего гражданина”; впрочем, не исключена возможность обратного – что для иллюстрации предложенного Радищевым названия был написан этот очерк. Кстати, бросается в глаза удивительная близость “Придорожной гостиницы” к “Беседе” Радищева – как со стороны содержания, так и языка»¹³⁶.

Цель издания, как то было объявлено в послесловии издателей, «заключалась во всевозможном показании, что главное дело Правительства есть и быть долженствует воспитание народа в благочестии, кротости, трудолюбии, послушании, домостроительстве; також в предохранении его от фанатизма или буеверия, в утверждении на правилах закона» и т. п. Журнал в конце 1789 г. прекратил существование, возможно, по причинам издательским, возможно, из-за потери подписчиков.

С «Обществом друзей словесных наук» был связан кружок И. Г. Рахманинова¹³⁷, переводчика и издателя сочинений Вольтера.

¹³⁶ Берков, П. Н. *История русской журналистики XVIII века* / П. Н. Берков. – М.; Л., 1952. – С. 365–366.

¹³⁷ Рахманинов Иван Герасимович (1753–1807) – издатель, переводчик, просветитель. Еще во время службы в конной гвардии он издавал журнал «Утренние часы» (1788–89) и основал типографию в Петербурге. В 70-е гг. он работал в качестве переводчика в петербургском «Обществе, старающемся о напечатании книг», организованном Н. И. Новиковым. Выйдя в 1793 г. в отставку, Рахманинов перевез свою типографию в собственное имение Казинку Козловского уезда Тамбовской губернии, где и печатал разного рода переводные и оригинальные сочинения, без дозволения цензуры. Таким образом, на Тамбовщине возникла первая в России сельская типография. Вскоре (1795) по доносу типография Рахманинова была закрыта, издания опечатаны и он отдан под суд. Дело затянулось до 1797 г., когда типография со всеми книгами сгорела и Рахманинов был освобожден. В числе опечатанных книг были три, переведенные самим Рахманиновым, – «Аллегорические, философические и критические сочинения г. Вольтера», «Ненависть, побежденная любовью» и «Политическое завещание господина Вольтера».

Радищев также был членом «Общества», на основе которого базировался журнал, войдя в его состав на правах старшего товарища. Он работал в то время над «Путешествием из Петербурга в Москву», идеи и образы этой великой книги необычайно волновали его, он искал единомышленников, жаждал встреч с аудиторией, и «друзья словесных наук» внимали Радищеву с трепетом и восхищением. Вялые, длинные, нравоучительные статьи, с уклоном в сторону религиозной морали, которыми заполнялись страницы журнала, были внезапно озарены пламенным словом Радищева, нечаянно пробившимся сквозь преграду цензурного надзора. Видимо, чиновники Управы благочиния, как называлась тогда полиция, привыкшие к смирному тону «Беседующего гражданина», не ожидали такого выступления и не сумели понять его истинный смысл.

Радищев, желая по виду сохранить манеру «Беседующего гражданина», написал для него не статью, а «беседу» в жанре наставления, поучения, излюбленных в этом журнале, которую так и назвал – «Беседа о том, что есть сын Отечества» (1789, декабрь). Свою статью Радищев начинает с утверждения: «Не все рожденные в Отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота). Подигом рабства находящиеся недостойны украшаться сим именем»¹³⁸. Но пусть «чувствительное сердце» не торопится осуждать их за это – они не виноваты. Характеристика состояния русских крепостных крестьян, идущая вслед за первыми положениями статьи, достойна занять место на страницах книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» – настолько она резка и значительна.

Не могут называться сынами Отечества люди, «кои уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя, кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу... кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения... кои походят на человека одним токмо видом, в прочем обременены тяжестью своих оков, лишены всех благ, исключены от всего наследия человеков, угнетены, унижены, презренны; кои не что иное, как мертвые тела, погребенные одно подле другого...»¹³⁹.

«Не о сих здесь слово; они не суть члены государства, они не человеки, когда суть не что иное, как движимые мучителем машины,

мертвые трупы, тяглый скот! Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества! Но где он? где сей, украшенный достойно сим величественным именем?»,¹⁴⁰ – восклицает Радищев. Крупными сатирическими чертами он набрасывает контуры фигур представителей правящего сословия – дворянства, которых отказывается назвать сынами отечества. Вертопрах, развратник, щеголь, жадный корыстолюбец, обжора-чревоугодник – таковы люди светского круга, и не в их среде надлежит искать патриотов.

Радищев не говорит далее, куда нужно обратить взоры в поисках достойных людей, и сразу переходит к характеристике качеств, отличающих истинного сына отечества. При этом он вкладывает в понятия честолюбия, благодетельства, благородства новое, очень глубокое содержание, иной смысл, противоречащий принятому в дворянском обществе. Он конструирует образ горячего патриота, великодушного друга обиженных, человека, чье высокое место в обществе обусловлено его личными достоинствами, а не древностью рода или придворными связями.

Честь для Радищева – естественное чувство, побуждающее человека развивать те способности и качества, которые заслуживают ему любовь других людей, подтверждаемую спокойной совестью. Помогая людям, заручившись их благосклонностью и доверием, человек проникается уважением к себе и получает необходимые условия для самоусовершенствования, становится лучше. Другая важная черта – благодетельство. Однако понятие это вовсе не означает просто хорошие манеры и доброе поведение. Благодетельный человек – «истинный исполнитель всех предоставленных для его блаженства законов». Он скромнен, чужд пустосвятства и лицемерия, преданно служит отечеству на любом посту: «для него нет низкого состояния в служении отечеству». Ради его благополучия он без усталости трудится на избранном поприще и, если потребуются отечеству, с готовностью пожертвует для него жизнью. Третий «и, как кажется, последний отличительнейший знак сына отечества – когда он благороден». Свойство это вовсе не зависит от происхождения и дворянского герба. Благороден тот, кто совершает мудрые и человеколюбивые поступки, сияет в обществе разумом и добродетелью и больше всего заботится о славе и пользе Родины.

Таковы качества истинного сына отечества. Их должно развивать в себе с помощью воспитания, изучая науки, становясь просвещен-

¹³⁸ Радищев, А. Н. Беседа о том, что есть сын отечества / А. Н. Радищев // Русская литературная критика XVIII века. – М., 1978. – С. 340.

¹³⁹ Там же. – С. 341.

¹⁴⁰ Радищев, А. Н. Указ. изд. – С. 341.

ным человеком. Нужно приучать свой дух к прилежанию, трудолюбию, повиновению, скромности, к желанию подражать великим в том примерам. Необходимо ознакомиться с историей и философией, а для «очищения вкуса» возлюбить «рассматривание живописи великих художников, музыки, изваяния, архитектуры или зодчества».

Программа, предлагаемая Радищевым, как видим, достаточно сложна и обширна. К исполнению ее не могли, конечно, приобщаться господа из «светского общества», занятые модами, карточной игрой и гастрономическими причудами. Речь идет не о них. Радищев обращался в своей беседе к сотням молодых людей за пределами «Общества друзей словесных наук», также увлеченных «передовыми идеями века», но которых надо было еще воспитывать в направлении роста их революционного сознания. Радищев выступает в своей речи как агитатор, выработавший четкую тактику. Он не хочет сразу же «отпугнуть» аудиторию непривычными для нее прямыми призывами к революции. Но он ставит своей задачей при помощи горячего слова-убеждения, возбуждая чувство гражданского долга, чувство патриотизма, подвести слушателя-читателя к пониманию этических задач, поставленных перед гражданином нарастающим революционной волны в Европе.

Статья напечатана в журнале анонимно. Авторство Радищева установлено на основании показаний в «Записках» С. А. Тучкова, напечатанных в прибавлениях к «Русскому вестнику» за 1906 г. Затем в 1908 г. «Записки» Сергея Алексеевича Тучкова 1768–1898 гг. вышли отдельным изданием. Вот что он рассказывает в своих «Записках» о судьбе журнала, закрытого к моменту его возвращения из похода (во время войны с Швецией): «После столь трудного похода, прибыл я в дом отца моего и, отдохнув несколько дней в моем семействе, вздумал посетить собрание наше любителей словесности. Но, приехав в дом, где собирались мои сочлены, нашел оный пуст, и дворник объявил мне, что он не знает почему, однако давно уже как запрещено от полиции этим господам собираться».

Во Франции началась уже тогда революция, и дух вольности начал проникать в Россию, а потому не только все иллюминатские, мартинистские и масонские собрания, но даже и собрания любителей словесности были строго запрещены, потому что некоторые члены первых находились членами и последних, чего никак не можно было избежать.

Некто г. Радищев, член общества нашего, написал одно небольшое сочинение под названием “Беседа о том, что есть сын отечества, или Истинный патриот” и хотел поместить в нашем журнале. Чле-

ны хотя одобрили оное, но не надеялись, чтоб цензура пропустила сочинение, писанное с такою вольностью духа. Г. Радищев взял на себя отвезти все издание того месяца к цензору, и успел в том, что сочинение его, вместе с другими, было позволено для напечатания. В то же время издал он и напечатал без цензуры, в собственной типографии небольшую книгу его сочинения под названием: “Езда из Петербурга в Москву”, в которой с великою вольностью, в сильных выражениях писал он противу деспотизма¹⁴¹.

Первым из исследователей, обративших внимание на это указание, был П. Е. Щеголев, перепечатавший статью из «Беседующего гражданина» в составе собственной статьи «Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева» в журнале «Минувшие годы» (1908, № 12). Справедливо считая показания Тучкова вполне достаточными, П. Е. Щеголев ограничился тем, что отметил соответствие статьи «атмосфере радищевской мысли и радищевского стиля», не вступая в специальный разбор содержания литературной манеры статьи. Впрочем, никаких возражений против авторства Радищева в этой статье не последовало. Показание С. А. Тучкова настолько точно и авторитетно, что оно исчерпывает вопрос; поэтому нет необходимости останавливаться на дополнительных аргументах, например, стилистических (так, в статье имеется характерное использование слова «мучитель» в смысле «тиран», специфически радищевское, систематически проведенное им в переводе книги Мабли, где он повсюду передает слова «туган», «тугание» – через «мучитель», «мучительство»).

Представление о том, что Радищев – не писатель, а общественный деятель, отличавшийся поразительными душевными качествами, стало складываться сразу после его смерти и, по сути, определило его дальнейшую посмертную судьбу. И. М. Борн в речи к «Обществу любителей изящного», произнесенной в сентябре 1802 г. и посвященной смерти Радищева, говорит о нем: «Он любил истину и добродетель. Пламенное его человеколюбие жаждало озарить всех своих собратий сим немерцающим лучом вечности». Как «честного человека» («honnête homme») характеризовал Радищева Карамзин (это устное свидетельство приведено А. С. Пушкиным в качестве эпиграфа к статье «Александр Радищев»). Мысль о преимуществе человеческих качеств Радищева над его писательским талантом осо-

¹⁴¹ *Записки Сергея Алексеевича Тучкова 1768–1898. – СПб., 1908. – С. 90.*

бенно емко выражает П. А. Вяземский, объясняя в письме А. Ф. Воейкову желание изучить биографию Радищева: «У нас обыкновенно человек невидим за писателем. В Радищеве напротив: писатель приходится по плечу, а человек его головою выше».

Как и просветителям, Радищеву свойственны ощущение несоответствия сущего и должного и уверенность в том, что обнаружение этого несоответствия – главный ключ к решению всех проблем. Основой для такого убеждения оказывается представление о том, что человеку изначально присуща некая внутренняя справедливость, понятие о том, что добро и что зло. «Нет человека, – говорится в “Беседе”, – сколько бы он ни был порочен и ослеплен собою, чтобы сколько-нибудь не чувствовал правоты и красоты вещей и дел»¹⁴².

В полном соответствии с этой мыслью Радищев писал: «Бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы»¹⁴³. Эта проблема «прямого», то есть непредвзятого, видения занимала в это время и молодого Крылова, что можно заметить из первых же писем «Почты духов» (1789).

«**Почта духов**» (1789) – первое оригинальное произведение молодого автора, выходившее *ежемесячно* в Петербурге с января по август 1789 г. И. А. Крылов¹⁴⁴ считал, что его журнал «Почта духов» должен читаться как единое произведение. В подзаголовке издатель дал объяснение необычной форме издания: «Ежемесячное издание, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами». отдельные главы его объединялись общим сюжетом, например, сюжетом, обличающим галломанию. Как и Новиков, Крылов бичует пороки, казнокрадство, взяточничество. Считается, что адресатом всех его высказываний была Екатерина II. Здесь нет чередования стихов и прозы, нет авторов кроме Крылова. По форме журнал необычен.

До сих пор нет единства среди ученых в вопросе жанрового определения «Почты духов». Традиционно произведение Крылова¹⁴⁵ име-

нуется «сатирическим журналом». В Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века «Почта духов» упоминается в «Хронологическом указателе» под 1789 г. среди периодических изданий. В первом томе «Истории русской литературы»¹⁴⁶ текст упоминается и частично цитируется в общей характеристике литературы последней четверти века, но не включен в список произведений Крылова.

Ю. М. Лотман заметил: «“Почта духов” по своей художественной природе – уже не сатирический журнал в том смысле, который придавал этому жанру Новиков, а роман, разбитый на выпуски. “Почта духов”, “Каиб”, “Ночи” И. А. Крылова – типичные романы просветительской сатиры. Композиционно примыкая (особенно “Почта духов”) к плутовскому роману, они дают широкую картину общества в целом»¹⁴⁷. В ряде работ¹⁴⁸ наблюдается стремление отказаться от определения «журнал» и выделить в произведении Крылова романские признаки.

По нашему мнению¹⁴⁹, анализ культурологического контекста, условий, при которых появилось издание, история его издания и переиздания позволят высказать ряд предположений относительно жанровой специфики и формы произведения. Изучение истории издания показывает, что сам автор «журналом» свое сочинение не называет. В «Извещении об издании “Почты духов”, которое появилось несколько раз в «Московских ведомостях»¹⁵⁰, в «Известии о сем издании», предваряющем текст, и в самом тексте автор по-разному именуется издание, вышедшее в двух частях с разбивкой по месяцам. Это – «ежемесячное издание», «собрание сих писем», «издаваемая переписка», «подобные листки», «издание сие», «ежемесячно издаваемое собрание сих писем».

На «Почту духов», как и на большинство новых изданий большого объема, была объявлена подписка. Указывалось, что «подписка же на сие издание продолжится во весь год» (I, IV). Заметим, что аналогичные объявления анонсировали любые новые издания, вы-

¹⁴² Радищев, А. Н. Указ. изд. – С. 343.

¹⁴³ Там же. – С. 347.

¹⁴⁴ Крылов Иван Андреевич (1769–1844) – баснописец, прозаик, драматург, журналист.

¹⁴⁵ Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. – М. ; Л. 1952. – С. 430–461 ; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века : в 5 т. – М., 1966. – Т. 4. – С. 167–168 ; История всемирной литературы : в 9 т. – М., 1988. – Т. 5. – С. 713.

¹⁴⁶ История русской литературы : в 4 т. – Л., 1980. – Т. 1. – С. 794.

¹⁴⁷ Лотман, Ю. М. Пути развития русской просветительской прозы XVIII в. / Ю. М. Лотман // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII в. – Л., 1961. – С. 98.

¹⁴⁸ Левина, Л. А. Писал ли романы дедушка Крылов? / Л. А. Левина // Начало : сб. работ молодых ученых. – Вып. IV. – М., 1998. – С. 34.

¹⁴⁹ Рублева, Л. И. Русская проза последней четверти XVIII века: история и поэтика : монография / Л. И. Рублева. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2005. – С. 75–89.

¹⁵⁰ № 90 от 8. 11. 1788 ; № 23 от 21.03.1789 ; № 24 от 30.03.1789.

ходившие частями. Известно, что издание Крылова с самого начала опаздывало. От первого объявления о будущем издании (8.11.1788 г.) до выхода январского номера (14.2.1789 г.) прошло достаточно много времени. Автору пришлось в марте 1789 г. повторять объявление о подписке дважды. Подписчики, чьи фамилии перечислялись в начале каждого номера, узнали о выходе первой части (январь – апрель) в середине августа, а второй (май – август) – лишь в июне следующего года. Обе части стали продаваться с середины 1790 г.

Вступление начинается с обращения к читателю в форме рассуждения секретаря ученого Маликульмулька о недобросовестных издателях: «Некоторые из издателей собирают по подпискам деньги и прячутся с ними, не издавая обещанных книг, или когда и выдают, то в течение издания прерывают оные, а тем не выполняют своих обещаний, нисколько не страшась справедливого порицания публики, хотя, впрочем, и не слышно, чтоб имели они сильное покровительство волшебников, а потому-де он, издатель сих листов... во оправдание себя уверяет, что он, в противность секретарей всего света, не на корыстолюбии основал свое предприятие, но к удовольствию, а если можно, и к пользе своих соотечественников»¹⁵¹. Он же «обещается в исходе каждого месяца во все течение года выдавать издания сего по одной книжке, переплетенной в бумажку»¹⁵². Это можно объяснить как желанием извиниться перед читателем за срыв сроков издания, так и стремлением увеличить количество подписчиков.

Через тринадцать лет после издания, то есть в 1802 г., Крылов переиздал книгу. Есть сведения, что И. Г. Рахманинов, в типографии которого впервые книга увидела свет, переиздал ее без вето цензуры в 1793 г. Однако весь тираж находился в его деревенской типографии и был уничтожен пожаром¹⁵³. Второе издание вышло в типографии Ф. Л. Свешникова в Санкт-Петербурге в 1802 г.

Сопоставление двух редакций показывает, что было убрано деление на месяцы. Напомним, что в первой публикации каждая часть включала четыре месяца при общей пагинации всей части. Во вто-

¹⁵¹ *Почта духов, ежемесячное издание, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами* : в 2 ч. – Ч. I. – СПб., 1789. – С. V.

¹⁵² Там же. – Ч. I. – С. V.

¹⁵³ *Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века* : в 5 т. – М., 1966. – Т. 4. – С. 168.

ром издании текст уже разделен на четыре части вместо первоначальных двух. Если в первом издании не было единого принципа распределения писем по частям (от пяти до восьми), то теперь в каждую часть входит их равное число. У автора отпала необходимость объяснять задержки с выходом номеров. Соответственно во вступлении вместо определения «издание сие» появилось – «книга сия». Сохранено и приспособлено к новым условиям «Предуведомление», выполняющее теперь роль предисловия. Из него исчезло обращение к читателю с объяснением предмета издаваемой переписки, что было типично больше для «журнального варианта». Убран целый абзац о недобросовестных издателях как неактуальный. Внесен ряд стилистических уточнений, например, вместо «заплата наперед деньги за каждый экземпляр» – «благоволили присылать деньги за все четыре части» и т. п. Если бы он хотел дополнить текст какими-то частями, которые он не смог опубликовать в 1789 г., он бы это сделал. Вероятно, он считал свое произведение законченным.

Неоценимый вклад в изучение текста «Почты духов» внесла М. В. Разумовская, убедительно доказавшая принадлежность двадцати трех писем из сорока восьми французскому источнику – романам маркиза д'Аржана «Кабалистические письма, или Философская, историческая и критическая переписка двух кабалистов, двух стихий и господина Астарота» и «Еврейские письма, или Философская, историческая и критическая переписка одного еврея, путешествующего по странам Европы, с его корреспондентами, живущими в различных местах»¹⁵⁴. В «чужой» текст Крылов искусно «вплел» собственные сочинения. Сопоставление названий романов д'Аржана и произведения Крылова показывает, что молодой прозаик из трех предложенных направлений развития основной мысли французского источника («философская», «историческая», «критическая») сохранил две, заменив «историческую» часть на «нравоучительную». Изменение направления развития авторской мысли отражено в отборе писем для издания П. Плетнева и соответствует основным тенденциям сатирической публицистики XVIII века.

Крылов как издатель «Почты духов» и автор большей части писем дополнил перевод романов д'Аржана собственным видением под-

¹⁵⁴ *Разумовская, М. В. «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза д'Аржана* / М. В. Разумовская // *Русская литература*. – М., 1978. – № 1. – С. 103–115.

нимаемых проблем. Кроме того, он предположил вступлению, играющее роль предисловия, адаптировал многие идеи оригинала к русской действительности, что также было типично для переводческой практики XVIII века. Он также изменил порядок расположения писем, взятых из первоисточника, решая тем самым свою художественную задачу.

Вполне возможно, что И. Г. Рахманинов, с которым связана ранняя литературная деятельность Крылова, предложил романы д'Аржана в качестве «материала», пообещав печатать «Почту духов» в собственной типографии. И. Быстров, современник Крылова, вспоминает одно из его признаний: «Рахманинов хорошо был учен: знал языки, историю, философию... Он давал нам материалы»¹⁵⁵. Можно заметить, что Крылов перенес в свое произведение значительное число философских рассуждений из первоисточника, но его сатирический талант требовал включения в текст живых картин русской действительности, отражения актуальных проблем времени. Этого нельзя было найти в романе писателя XVII века, который был взят Крыловым в качестве основы для «Почты духов». Чтобы связать философские рассуждения с бытовыми описаниями, он использует плутовскую фабулу.

В сюжете четко выделяются две линии – реальная и фантастическая. Во «Вступлении» к журналу рассказывается о том, что, укрывшись от непогоды в полуразрушенном доме и размышляя о горестной судьбе неимущего человека, просящего милости у знатных вельмож, автор увидел волшебника Маликульмулька. Волшебник предложил автору стать его секретарем, читать письма корреспондентов и составлять на них ответы, разрешив издавать в свет эту переписку. За таким вступлением следовали письма, числом сорок восемь, разделенные в журнале на четыре части.

Корреспондентами Маликульмулька были духи подземные – гномы Зор, Буристон, Вестодав, Астарот, воздушные – сильфы Дальновид, Световид и Выспрепар, водяные – ондин Бореид. Они часто бывали среди людей и рассказывали волшебнику о том, что им удалось увидеть и услышать. Кроме сообщений духов, в журнале есть два письма Маликульмулька и письмо философа Эмпедокла, якобы служившего у волшебника управителем дома под горой Этна. Появление духов в кругу людей иногда мотивировано автором. Так, гном Зор отправлен из ада на землю за модными уборами для Прозерпи-

ны, супруги адского властителя Плутона, гном Буристон ищет для подземного царства трех честных судей, сильф Световид возвращается в среде модниц и шеголей и т. д.

Крылов с демократических позиций обличает недостатки крепостнического государства. Он осуждает представителей власти, вельмож, чиновников, судей, протестует против засилья иностранцев и галломании, нападает на крепостное право и его уродства.

Одно из главных мест в «Почте духов» занимают сатира на нравы дворянского общества, а также непосредственно связанное с этой темой обличение щегольства и рабского подражания иностранцам. Крылов выступает против преимуществ, какими наделены дворяне. Он пишет: «Мещанин добродетельный и честный крестьянин, преисполненные добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина, счисляющего в своем роде до тридцати дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств, кроме того счастья, что родился от благородных родителей, которые так же, может быть, не более его принесли пользы своему отечеству, как только умножали число бесплодных ветвей своего родословного дерева» (письмо XXXVII).

Во II письме сильфа Дальновида излагаются впечатления, полученные им якобы от посещения Парижа, но все сказанное одинаково относилось и к Петербургу. Не может быть счастлив монарх, который не заботится о своих подданных и разоряет страну. Придворный – это «невольник, носящий на себе золотые оковы», он проводит дни в мучительном беспокойстве о своем благополучии, не имеет ни одного истинного друга и должен поступать во всем по прихотям своего властелина. Духовные особы «непрестанно помышляют о приумножении своего богатства» и мучаются неудовлетворенным честолюбием: священник хочет стать архиепископом, тот – кардиналом, а кардинал – папой.

В одном из писем «Почты духов» (XXIV) Крылов рассматривает понятие «честный человек», примечательно совпадая в толковании его с тем смыслом, какое дал ему Радищев в «Беседе о том, кто есть сын отечества», опубликованной несколькими месяцами позднее. По-настоящему честным человеком можно считать только того, кто сохраняет все добродетели. «И самый низкий хлебопашец, исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть назван честным человеком, нежели гордый вельможа и несмысленный судья». Среди простых людей честность можно встретить гораздо чаще, чем среди тех, кто занят придворной, статской или военной службой. Знатные чины слишком редко бывают сопряжены с истинным достоинством.

¹⁵⁵ *Северная пчела.* – СПб., 1845. – № 203. – С. 45.

Журнал «Почта духов» не собрал большого числа подписчиков. Всего, если судить по списку, опубликованному в одной из книжек, их было восемьдесят. И тем не менее журнал был интересным. Среди его достоинств отмечались разнообразие материалов, интересный выбор точки зрения, смелость суждений, глубокая, умная и верная ирония. В журнале развивается литературная традиция, заложенная сатирическими журналами Новикова и «Адской почтой» Ф. А. Эмина.

В 90-е гг. активно выступили молодые писатели, чьи теоретические статьи и литературная практика противопоставлялись как поэтике классицизма, так и сентиментализма. Вслед за Фонвизиним, заложившим основы русской национальной драматургии, национального репертуара, свободного от подражания зарубежным образцам, П. А. Плавильщиков и Крылов в материалах журнала «Зритель» способствовали развитию реализма.

«Зритель» (1792) – это уже полноценный *ежемесячный* литературный журнал, издававшийся с февраля по декабрь, набравший 192 подписчика, с типичной для периодического издания структурой – рубриками «Критика», «Проза», «Стихи», «Критика». В журнале кроме оригинальных текстов Крылова опубликованы произведения А. И. Клушина¹⁵⁶, П. А. Плавильщикова¹⁵⁷, И. А. Дмитриевского, Ф. Туманского, А. Бухарского, В. Свистуновского, князя Хованского и др. В первой книжке «Зрителя» в обращении редактора к читателям есть совет представлять себе «человека, который любопытным взором смотрит на все и делает свои примечания. Сей-то воображаемый зритель позволяет себе, выбрав из самой природы образовать разные свойства по своему рассуждению, не дерзая нисколько касаться личности; подобно как живописец, желая написать на своей картине различные страсти, рисует человека во всех правилах естества; но ничьего прямо лица не изображает». Это сделано намеренно, чтобы напомнить читателям о журнале Новикова «Живописец», выходявшем двадцать лет назад, в 1772–1773 гг.

Можно найти и другие примеры, переключки в обращении к важным общественным вопросам. Например, проблема власти. Ради-

¹⁵⁶ Клушин Александр Иванович (1763–1804) – прозаик, издатель, журналист, один из основоположников сентиментализма, совместно с И. А. Крыловым издавал журналы «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий». С И. А. Крыловым и П. А. Плавильщиковым познакомился в 1790 г.

¹⁵⁷ Плавильщиков Петр Алексеевич (1760–1812) – драматург, театральный деятель, журналист.

кальность взглядов Радищева хорошо известна. Он одним из первых обозначил проблему отношения к власти, проблему идеального государя. Остро ощущая противоречия и неурядицы современной общественной жизни, просветители надеялись, что мир изменится к лучшему с приходом к власти мудрого и справедливого монарха. Русские и европейские писатели, сторонники просвещенного абсолютизма, часто обращались к теме Петра I, идеализируя его образ и характер деятельности. Радищев подходит к этой проблеме по-своему: его размышления о наиболее справедливом устройстве общества связаны с вдумчивым анализом опыта истории. Тема Петра I появляется в одном из первых оригинальных произведений Радищева – «Письме к другу, жительствующему в Tobольске, по долгу звания своего» (1782). Поводом для написания «Письма» было торжественное открытие памятника Петру I («Медного всадника») в Петербурге в 1782 г. Довольно подробно и точно описывая это событие, писатель переходит к рассуждениям общего порядка.

Одним из главных вопросов, затронутых в «Письме», оказывается вопрос о том, что такое великий государь. Перечисляя целый ряд правителей, Радищев отмечает, что их «ласкательство великими называет», но в действительности они не достойны этого имени. Тем значительнее и весомее звучит отзыв о деятельности Петра I как человека «необыкновенного», «название великого заслужившего правильно». Радищев не идеализирует Петра I, как это делали многие другие писатели XVIII в., но стремится беспристрастно оценить его историческую роль. Признавая Петра великим, автор «Письма к другу» делает очень существенное уточнение, считая, что он мог бы быть «славнее», если бы активнее утверждал «вольность частную».

Указанная актуальная проблема времени через десять лет найдет свое несколько неожиданное продолжение на страницах журнала «Зритель». В июньском номере журнала было опубликовано эссе Клушина «Монумент»:

«Великолепная Петровская площадь, набережная – какое величественное зрелище! – На сей-то площади воздвигнут монумент Петру Первому, государю мудрому, великому. Восседа на коне, обращает он взоры на места, бывшие до него незаселенными, мрачными, пустыми – взирает – и все содрогается при воззрении его. Струи Невы, с унынием утекая, изъясляют томным журчанием сожаление, что не могут далее наслаждаться зрением изваянного образа своего благодетеля; Нева, подвемля главу свою на рамена, вещает: «Се черты того, кем я прославлена!» – Сей монумент сооружен государю Великому государем, ему подобным. – Россия! обрати взоры свои на про-

шедшее столетие, сравни его с настоящим: из пепла исторженная, возвеличенная, пролей слезы благоговения и благодарности при воспоминании единого имени виновников твоего блаженства»¹⁵⁸.

Это эссе входит в цикл Клушина «Прогулки», опубликованный в нескольких выпусках журнала. Спустя десять лет после торжественного открытия памятника Петру I, он стал уже своеобразным символом новой России. Восхваляя царя-преобразователя и называя его «великим», Клушин уподобляет ему царствующую монархиню – Екатерину II. Эта параллель, предложенная уже в самой надписи на монументе, приобретает в статье некоторый оттенок сервильности. Позднее, когда Клушин написал оду временщику Павла I И. П. Кутайсову (1800), Крылов не одобрил ее и советовал не печатать «из уважения к самому себе», что привело к охлаждению отношений бывших друзей и соратников¹⁵⁹.

В журнале появились теоретические программные статьи Плавильщикова о русском национальном характере, о развитии театра, в котором актеры должны играть патриотические пьесы, построенные на отечественном материале. Одна из них была помещена в первом номере и озаглавлена «Нечто о врожденном свойстве душ российских». Плавильщиков ставит вопрос о том, чему и как можно учиться у иностранцев. «В этом вся важность, – говорит он, – Петр Великий занял у иностранцев строй воинский, но сообразовал его со свойством воинов своих... Петр Великий занял строение кораблей, но учредил флот по своему благорассмотрению и оттого превзошел своих учителей. Итак, напрасно отрицают, что будто у россиян нет творческого духа... Напрасно отрицают у нас свойство, которого ни один народ не имеет: оно состоит в непостижимой способности все понимать... Понимать же – значит проникать мыслями во внутренность дела, доходить до основания и ясно постигнуть умом его существо: в таком случае человек сам бывает творец и может превзойти своего учителя»¹⁶⁰.

По мысли автора, «врожденным свойством» русских является способность «все понимать», что не означает – все «перенимать». Говоря о русском характере, он пишет о миролюбии и храбрости народа:

¹⁵⁸ Зритель. – 1792. – Июнь. – С. 164.

¹⁵⁹ Степанов, В. П. Клушин А. И. / В. П. Степанов // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб., 1999. – Вып. 2. – С. 65.

¹⁶⁰ Зритель. – 1792. – № 2.

«Россияне не есть народ воинствующий, но народ побеждающий». Автор с гордостью называет имена русских самородков – М. В. Ломоносова, И. П. Кулибина и других. Статья полемически заострена против космополитических тенденций в дворянском обществе, в частности, против Н. М. Карамзина, утверждавшего в «Письмах русского путешественника», что «все народное ничто перед человеческим».

Плавильщиков резко негодует по поводу стремления рассматривать русскую культуру как подражательную. Об этом он пишет в своей очень важной статье «Театр», высказывая настоятельное пожелание создать национальный исторический репертуар, чтобы содержание русских пьес черпалось из родной истории и чтобы театр стал орудием патриотического воспитания.

«Что нужды Россиянину, – пишет он, – что какой-нибудь Чингизхан татарский был завоевателем Китая, и он там наделал много добрых дел... Какая нам нужда видеть какую-то Дидону, тающую в любви к Энею, и беснующегося Ямба от ревности... Надобно наперед узнать, что происходит в нашем отечестве. Кузьма Минин – купец есть лицо достойнейшее прославления на театре»¹⁶¹. Отрицая нормативность классицизма, он ратует за естественность и простоту: «Когда же драмы, вмещающие в себя многие годы, месяцы или недели не удобны обмануть зрителя, сидящего в зрительном зале несколько часов только; то почему же удобны 24 часа сжаться в два часа? А ежели искусный сочинитель подобно месту может украсть у зрителя время и заставить его и в том и в другом обмануться, то для чего ему втискивать обширное содержание в одни сутки ко вреду сочинения?» Сам Плавильщиков написал 12 пьес. В трагедиях он не смог уйти от правил классицизма. А в комедиях смог подтвердить ряд высказанных им теоретических утверждений. Благодаря ему появилась купеческая и крестьянская тематики, воплотившиеся в драматургических принципах «мещанской драмы», стремлению к изображению быта, использованию языковых особенностей купцов и крестьян.

На страницах журнала активно обсуждались вопросы воспитания, причем Крылов высказывался не только против модного воспитания, как его коллеги по редакции, но и против старинного дворянского воспитания. Сам Крылов опубликовал здесь несколько собственных крупных сатирических произведений: «Ночи», «Каиб», «Похвальная речь в память моему дедушке», «Речь, говоренная по-

¹⁶¹ Зритель. – 1792. – Ч. 2–3.

весой в собрании дураков» и другие. Эти произведения, в частности, содержали саркастические замечания по поводу сказок, которые «обманывают ... приятнее», нежели религия, по поводу веры в чудеса и необходимости скептицизма по отношению к невероятностям. Сатирический талант его развернулся с полной силой. Антикрепостническим пафосом проникнуты здесь многие страницы.

«Похвальная речь в память моему дедушке», написанная в форме ложного панегирика, является одним из блестящих памфлетов в сатирической литературе XVIII века. Именно прием пародийного восхваления доблестей невежественного крепостника-помещика, разорившего своих крестьян, придает сатирическому обличению особенную беспощадность. Картина воспитания дворянского сына Звениголова во всех деталях является типичной для эпохи, написана с предельной резкостью, с благородным гневом и сатирической остротой. Выразительно не только имя героя, но и признание в том, что за всю жизнь он не прочитал ни одной книги. Зато в столице «имя его знали наизусть во всех трактирах и кофейных домах». Беспобудный пьяница и бездельник, промотав отцовские деньги, оказывается в деревне, где занят только псовой охотой да разорением крестьян. Смерть его также бесславна, как и жизнь: «Гоняясь за зайцами, свернулся он в ров и разделил смертную чашу с гнедою своею лошадью прямо по-братски... О ком из них более должно сожалеть? Кого более восхвалять?»

В произведении «Мысли философа по моде, или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума» Крылов набрасывает портрет Щеголя, помещает правила поведения «молодого благородного человека». Первое из них гласит: «С самого начала, как станешь себя помнить, затверди, что ты благородный человек, что ты дворянин и, следственно, что ты родился только поесть тот хлеб, который посеют твои крестьяне, – словом, вообрази, что ты счастливый трутень, у коего не обгрызают крыльев, и что деды твои только для того думали, чтобы доставить твоей голове право ничего не думать»¹⁶². Здесь саркастически изображаются «философы по моде», которые гордо говорят: «Все науки люблю, выключая моего отечества».

Антидворянская направленность характерна и для произведения Крылова «Каиб»¹⁶³, помещенного в «Зрителе». Повесть имеет

подзаголовок «Восточная повесть». Перенесение действия на Восток было обычным приемом авторов, желавших замаскировать свои рассуждения об отечественных не порядках. «Каиб» – острая сатира на русскую крепостническую действительность и прежде всего на самодержавие.

Каиб был один из восточных государей; имя его «наполняло вселенную», однако, когда ему понадобилось тайно уехать, всемогущего монарха заменили куклой, и никто этого не заметил. Первые вельможи государства – Дурсан, Ослашид и Грабилей имеют «значащие имена», которые служат им достаточной характеристикой. В повести ясно читается намек на порядки двора Екатерины II, показной либерализм, лицемерие, прикрывающее деспотический характер. Свидетельство этого – сцена совета с приближенными калифа: «Господа! Я хочу того-то: кто имеет на сие возражение, тот может свободно его объявить: в сию же минуту получит он пятьсот ударов воловьего жилою по пятам, а после мы рассмотрим его голос».

В «Каибе» Крылов нападает не на отдельные недостатки режима: речь идет о борьбе со всей системой феодально-дворянской монархии с демократических позиций. Однако своей положительной программы он не имеет. Бунтарский протест не подводил еще повествователя к осознанию путей борьбы. Автор едко высмеял в «Каибе» идилические представления дворянских сентименталистов о жизни народа. Сцена встречи Каиба с пастухом, «запачканным творением, загорелым от солнца, заметанным грязью», пародирует строки «Писем русского путешественника» Карамзина, посвященные пастухам в Швейцарии, якобы счастливым и беззаботным людям. При виде любезной карамзинский пастух «чувствует электрическое потрясение в сердце» и бежит навстречу ей. Крылов же говорит о пастушке, которая «поехала в город с возом дров и с последнею курицею, чтобы, продав их, было чем одеться и не замерзнуть зимой от холодных утренников». Он протестует против замалчивания в литературе подлинных фактов действительности.

Крылов в своей прозе часто прибегает к пародии. Особенно охотно он пародирует строй похвальных или поминальных речей, удобно позволявших дать многостороннюю характеристику объекта сатиры, нарисовать иронический портрет. Сохраняя стилевые признаки жанра – высокую торжественность, витийство, риторические приемы, Крылов наполняет их новым содержанием, нарочито выдавая недостатки за непревзойденные достоинства и превращая свои похвалы в злейшие обличения. Так построены «Похвальная речь в память моему дедушке», «Речь, говоренная повесой в собрании дураков»,

¹⁶² Зритель. – 1792. – Ч. II. – С. 279–295.

¹⁶³ Зритель. – 1792. – Ч. III. – С. 257–306.

«Мысли философа по моде» («Зритель»), «Похвальное слово Ермалафиду» («Санкт-Петербургский Меркурий»).

Общественно-политическая позиция журнала «Зритель», его демократические симпатии, критика феодального режима не могли не насторожить правительственные органы. Книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» испугала императрицу. Летом 1792 г. в типографии «Зрителя» был произведен обыск: разыскивались сочинение Крылова «Мои горячки» и поэма Клушина «Горлицы», о существовании которых стало известно полиции. Рукопись Крылова нашли и доставили императрице. Содержание и дальнейшая судьба ее остаются неизвестными, однако нельзя сомневаться в политической актуальности и злободневном характере этого произведения, если даже в поэме умеренного Клушина было высказано сочувствие к Французской буржуазной революции. В результате обыска за Крыловым был установлен полицейский надзор, а журнал был закрыт.

«Санкт-Петербургский Меркурий» (1793–1794) – *ежемесячный* литературный журнал, издававшийся Крыловым и Клушиным с февраля 1793 г. по апрель 1794 г. после закрытия «Зрителя». Вышло 12 номеров, четыре части. Имелись постоянные рубрики: «Театральная», «Библиографическая», «Исторические анекдоты». Публиковались переводы статей об иностранных писателях (Вольтере, М. Сервантесе, У. Шекспире и др.) и отрывки из их произведений, а также произведения издателей журнала. Это было первое русское издание, в заглавии которого используется имя римского бога торговли, дорог, путешествий, символа связи, информации, быстрой передачи новостей. Цель издания – желание угодить и быть полезным читателю. Издатель хотел дать читателю журнал, подобный иностранному, в котором бы была информация и о театральные постановках, и о новых книгах. Был введен раздел «Российские анекдоты». Но в целом этот журнал оказался содержательно слабее двух предыдущих.

Состав сотрудников «Меркурия» несколько изменился по сравнению с «Зрителем». Совсем не работал в новом журнале Плавильщиков; зато появились другие сотрудники: М. Карабанов, Д. П. Горчаков, И. И. Мартынов, Н. П. Николев и др. Этот подбор людей характерен: Крылов и Клушин были вынуждены сдавать свои позиции; новые сотрудники – Д. П. Горчаков, Н. П. Николев – либералы, но в основном дворянского толка, Карабанов – дворянский салонный поэт, в достаточной мере низкопоклонный.

«Санкт-Петербургский Меркурий» значительно более сдержан в вопросах социальных и политических, чем «Зритель». Это уже не боевой орган нападающей группы. Нельзя не видеть в этом ре-

зультат воздействия «свыше». Крылову и Клушину достаточно ясно дали понять, что можно и чего нельзя, и они принуждены были уступить. Шел девяносто третий год, год революционной диктатуры во Франции.

Между тем уступки редакторов «Меркурия» не выражали их подлинного отношения к действительности. Несмотря на то, что Крылов и Клушин, издавая «Меркурий», проявили больше «благоразумия» и готовности смириться перед властью, чем в «Зрителе», правительство не могло не видеть в них опасных литераторов. Их надо было обезвредить без шума и «мягко», так как не было поводов для открытого преследования, и в то же время Екатерина боялась открытых скандалов. Но терпеть рядом с собой литературный орган буржуазно-демократической ориентации в то самое время, как на Западе, в Париже, революция отрубила голову французскому королю, она не могла; она ведь была убеждена, что революцию сделали французские писатели – Вольтер, Ж. Ж. Руссо, Гельвеций и Рейналь. Последнего признал своим вдохновителем А. Н. Радищев во время следствия по делу о «Путешествии». «Аббереналь», как писала Екатерина, был в ее глазах одним из главных «поджигателей». И вот именно этого самого Рейналя через три года после радищевского процесса осмелились переводить и печатать Крылов и Клушин. В июльской книжке их журнала помещен отрывок из сочинения французского просветителя аббата Рейналя «Об открытии Америки» из «Esprit de Raynal» в переводе С. Т. Ляпидевского, в котором говорится о праве туземцев защищаться от завоевателей (ч. 3). Однако наряду с произведениями Вольтера печатается недоброжелательная характеристика писателя – «Портрет г. Вольтера» Сан-Суси (ч. 2), а в той же части, где помещен отрывок из Рейналя, публикуются «Три притчи г-на Пфефеля», направленные против идеи революции.

Так или иначе, но летом обнаружилась невозможность дальше издавать «Меркурий» в типографии Крылова и Клушина, издавать его без ближайшего контроля власти. Кроме того, видимо, типография не оправдывала себя и как коммерческое предприятие. Во всяком случае, издатели были вынуждены отказаться от собственной типографии. Они отдали Е. Р. Дашковой для напечатания в ее сборниках «Российский Феатр» свои пьесы (семь пьес: комедии, оперы и трагедии), за это получили по полному комплекту «Феатра» и разрешение перевести издание «Меркурия» в типографию и «на щет» Академии наук, «но с подписанным от управы цензурным дозволением».

С августа журнал стал издаваться в Академии наук. Одновременно в нем стал играть большую роль И. И. Мартынов¹⁶⁴, человек более благонадежного склада, чем прежние издатели журнала. Правительство наложило свою руку на журнал. В августовской книжке еще была напечатана рецензия на «Вадима» Княжниной, хоть и обставленная оговорками и порицаниями, но все же невраждебная; но в сентябре журнал стал совсем беззуб; «благонамеренность» восторжествовала в нем. Последний, декабрьский, номер журнала заканчивается заметкой, подписанной «А. Клушин, И. Крылов»; они писали: «Год Меркурия кончился – и за отлучкой издателей продолжаться не будет...» и т. д. Типография «Крылова с товарищи» перешла в другие руки.

Неблагонадежная журнально-литературная деятельность двух разночинцев была прекращена, и они сами были укрощены. Клушин должен был ехать за границу на казенный счет, видимо, учиться. А. Т. Болотов пишет, что Крылов должен был ехать с ним, но «они остались и не поехали по причине, что промотали денежки взятые». И. И. Мартынов, однако, сообщает, что за границу должен был ехать только Клушин, получивший деньги на пять лет вперед, всего 1500 рублей. Клушин доехал до Ревеля, женился и потом поселился в Орле у своего брата, также человека бедного. Здесь Клушин продолжал писать, изучал немецкий язык, но в литературе в течение нескольких лет не появлялся. Крылов уехал из Петербурга к «какому-то помещику в деревню», – как пишет Мартынов, – и исчез. Он и Клушин были изъяты из литературы правительством Екатерины. В 1793 г. закончился первый период литературной деятельности Крылова.

Между тем именно в «Санкт-Петербургском Меркурии» развернулось дарование Крылова как поэта. Он поместил в этом журнале несколько своих стихотворных посланий, за которыми последовали лирические стихотворения, написанные в ближайшие за 1793-м годы, но изданные в большинстве лишь после его смерти. Поэтические искания Крылова этого времени весьма интересны и значительны. Так, например, для его поэтической работы в «Санкт-Петербургском Меркурии» характерно послание «К другу моему А. И. К.» (то есть Клушину). Это стихотворение Крылова примечательно как одно из самых ранних дружеских посланий в русской поэзии. Этот литера-

¹⁶⁴ Мартынов Иван Иванович (1771–1833) – преподаватель русской словесности, поэт, переводчик, издатель четырех журналов: «Муза», «Северный вестник», «Лицей», «Меркурий».

турный жанр приобрел впоследствии, в начале XIX в., особое развитие в творчестве поэтов-карамзинистов – В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, молодого А. С. Пушкина. После Крылова, в 1794 г., два дружеских послания написал Карамзин («К Дмитриеву» и «К А. Плещееву»). В стихотворении Крылова намечены уже почти все основные признаки «свободного» жанра дружеского послания. Правда, оно построено еще почти целиком вокруг одной темы любви, но в эту тему характерным образом вплетаются и общие размышления морального и философского характера, и сатирические бытовые мотивы. Так, например, тему недоверия к философским школам (и перечень имен философов) можно встретить у Крылова и других поэтов.

В журналистику Н. М. Карамзин впервые вошел, участвуя в одном из новиковских изданий – журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1788 гг.), где выступал в качестве переводчика. Затем, в 1789–1790 гг., он провел восемнадцать месяцев за границей, посетил Германию, Швейцарию, Францию, Англию и по возвращении на родину вновь вернулся в журналистику.

«Московский журнал» (1791–1792) – ежесемейный литературный журнал, издававшийся Карамзиным с января 1791 по декабрь 1792 г. Журнал собрал триста подписчиков и в 1801–1803 гг. был полностью переиздан Карамзиным, интерес к журналу продолжал сохраняться. Издатель привлек к работе Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, Н. А. Львова, Ю. А. Нелединского-Мелецкого и др. Это первый в истории журналистики журнал, имеющий постоянные разделы и рубрики, определивший развитие журнальной периодики. Главная задача состояла в пропаганде сентиментализма как нового литературного направления в России. Журнал отличался многообразием материалов, поданных живо и занимательно, тщательным подбором произведений, изящным языком, высоким эстетическим вкусом.

По мнению В. Г. Березиной, ряд черт позволяет говорить о Карамзине как о родоначальнике «настоящего» журнала: 1) определенное четкое направление; 2) жесткий отбор произведений в соответствии с этим направлением; 3) разнообразие материалов и их познавательный характер; 4) современность; 5) наличие отделов и рубрик; 6) хороший отдел критики; 7) хороший литературный язык; 8) живая, занимательная, увлекательная манера общения с читателем¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Березина, В. Г. Русская журналистика первой четверти XIX в. / В. Г. Березина. – Л., 1965. – С. 16.

По опыту иностранных периодических изданий Карамзин ввел четкое дробление материалов по отделам, расположив их следующим порядком: «русские сочинения в стихах и прозе, разные небольшие иностранные сочинения в чистых переводах, критические рассматривания русских книг, известия о театральных пьесах, описания разных происшествий и анекдоты, а особенно из жизни славных новых писателей». Журнал распространяется по подписке. Ее стоимость – пять рублей в Москве и семь рублей в провинции. Карамзин предлагал всем желающим присылать свои произведения, но сразу отвергал мистические, слишком научные, сухие «писесы».

Важным нововведением в журнале Карамзина явились отделы библиографии и театральных рецензий. До него рецензии и отзывы о книгах и пьесах были редкими гостями в русских журналах, среди которых исключением являлись только «Санкт-Петербургские ученые ведомости» Новикова, специальный библиографический журнал, правда, существовавший очень недолго. Таким образом, «Московский журнал» оставил за собой видное место в истории русской литературной и театральной критики, ранними образцами которой были рецензии самого Карамзина.

В «Московском журнале» Карамзин напечатал свою повесть «Бедная Лиза». Успех ее был поистине огромным. Окрестности Симонова монастыря в Москве, описанные Карамзиным, стали излюбленным местом прогулок чувствительных читателей. Судьба Лизы заставляла проливать слезы – незамысловатая история крестьянской девушки, доверившей свое сердце красивому, но ничтожному человеку из «благородных», была близка и понятна многим. Тезис Карамзина «и крестьянки любить умеют» обращал внимание дворянских читателей на то, что подвластные им крестьяне хотя и рабы, но люди. Напоминание это, данное к тому же в столь художественно-выразительной форме, было далеко не лишним, и гуманная идея произведения имела свою ценность. Принципиально иначе ставил вопрос Радищев – разоблачая дворянский деспотизм, он считал, что только крестьянское сердце способно к истинному чувству, лишённому корыстных расчетов, не испорченному предрассудками дворянской среды. До такой постановки темы Карамзин, разумеется, подняться не мог.

Карамзину также принадлежат напечатанные в «Московском журнале» произведения: «Разные отрывки (Из записок одного молодого россиянина)» и письмо к другу «Сельский праздник и свадьба». В произведениях изображены мирные радости поселян, процветающих под властью добрейшего барина, в обычной для

него литературной манере. Первые части «Писем русского путешественника», помещенные в «Московском журнале», были произведением, открывшим новую страницу в истории русской прозы. Карамзин отправился путешествовать, будучи подготовленным к тому, чтобы наблюдать и оценивать. Он много читал, был заочно знаком с людьми, которых ему предстояло встретить. Его собственные литературные занятия развили в нем строгий вкус, он знал, что с его точки зрения нужно принимать и что следует отвергнуть в интересах русской культуры. Отчетом о поездке писателя по европейским странам и явились «Письма русского путешественника», две первые части которых были опубликованы в «Московском журнале» 1791–1792 гг.

В основе «Писем» лежит записная книжка путешественника, в которую вносились дорожные впечатления, наброски сцен, мысли и переживания, причем в первые месяцы путешествия более систематично и подробно, чем в последующие. Позднее, при обработке текста для печати, автор справлялся с литературными пособиями и уточнял свои впечатления по описаниям других путешественников, дополняя их историческими анекдотами и сведениями, почерпнутыми из различных книг, ссылки на которые рассыпаны в «Письмах».

С большим вниманием следит Карамзин-путешественник за различными проявлениями общественной жизни. Он встречается с представителями западноевропейской науки и литературы, беседует с крестьянами и ремесленниками, посещает видных граждан Женевы, бывает в парижских салонах, присутствует на праздниках, смотрит спектакли и всюду извлекает материал для наблюдения, везде заносит в свою записную книжку новые факты и мысли. Молодой человек далеко не склонен обольщаться всем виденным – он достаточно подготовлен для критического восприятия Европы и судит о ней с известной строгостью и беспристрастием. Он видит, как мелка и ограничена мораль среднего англичанина, как глупы и чванливы немецкие офицеры, как плохо организована германская администрация и многое другое.

Карамзин отмечает грубость немецких почтальонов, жадность трактирщиков, попрошайничество детей. Прожив несколько месяцев в Женеве, он убедился в скудости умственных интересов так называемого «общества» и мешанской ограниченности женеvesкого «света». При ближайшем знакомстве хваленая швейцарская республика оказалась только «прекрасною игрушкою на земном шаре», как иронически определил Карамзин. Путешественник не раз вспо-

минал за границей с любовью о родине. Приехав в Швейцарию, красотами которой он так восторгался, Карамзин записал: «Для того чтобы узнать всю привязанность нашу к отечеству, надобно из него выехать...».

Карамзин – писатель и журналист тщательно отделяет фразы, стремится к мерной, звучной и гладкой речи. С легкой руки Карамзина и его последователей складывается особый словарь, состоящий из ровных, благозвучных и стройных речений, приятных для ушей самой скромной дворянской девицы. «Пичужечка» – это приятно, «парень» – отвратительно, потому что заставляет вспомнить пьющего квас дебелого мужика, считает Карамзин. Язык сентиментальной прозы в значительной степени условен, придуман, строится на образцах благопристойной светской речи и весьма далек от языка народного. Неправильность этого пути понял А. С. Пушкин, который широко пользовался богатствами народной речи и явился поэтому родоначальником нового русского литературного языка.

После закрытия «Московского журнала» Карамзин стал издавать альманах¹⁶⁶ «Аглая» (1794–1795).

В двух книгах, выходящих раз в год, были помещены только русские оригинальные сочинения и не было переводов, что является отличительной чертой этого издания. Карамзин не сумел наладить сотрудничество друзей-литераторов, поэтому альманах состоит почти целиком из его собственных произведений. Там напечатаны были отрывки из «Писем русского путешественника», богатырская сказка «Илья Муромец», прозаический отрывок «Сиерра-Морена», рассказ «Остров Борнгольм», несколько стихотворений и статей.

Произведение «Остров Борнгольм» свидетельствует о новом направлении творчества Карамзина. Рассказ о загадочной женщине, томящейся в заключении на острове под охраной благородного старца, о молодом человеке, вынужденном страдать в разлуке с нею на берегах Англии, заинтересовывает читателя своей таинственной атмосферой. Дикая северная природа, старый замок с его тайной, загадка взаимоотношений героев, причина, по которой законы осуждают их любовь, возвышенный слог автора – все

¹⁶⁶ Слово «альманах» происходит от арабского «альманах» – календарь. В середине века альманахи служили справочниками энциклопедического характера. Постепенно характер и назначение их изменялись, справочный материал вытеснялся литературным, но универсальный характер альманахов сохранился (Л. Р.).

говорит о том, что в этом произведении Карамзин отдал щедрую дань зарождающемуся романтизму. Первым в русской литературе он разработал подлинно романтический сюжет, продолжив затем свои опыты в произведении «Сиерра-Морена», опубликованном во второй книге альманаха «Аглая» в 1795 г. Таким образом, здесь Карамзину удалось заложить основы романтизма в литературе конца XVIII в., то есть задолго до оформления этого направления в отечественной литературе.

Происхождение русских альманахов связывают обычно с именем Карамзина. Сборники типа альманахов существовали в России и до Карамзина. Самым близким их предшественником был сборник «Распускающийся цветок»¹⁶⁷ (1784 г.), в котором были собраны литературные опыты питомцев Благородного пансиона при Московском университете. Но именно благодаря Карамзину была найдена эта форма для издания современной издателю поэзии.

Вторым по времени был альманах «Аониды»¹⁶⁸ (1796–1799 гг.), состоящий из поэтических текстов разных авторов. Все три книги «Аонид» приняты благосклонно любителями русского стихотворства. В предисловии к первому тому «Аонид» Карамзин так определил задачи альманаха: «Почти на всех европейских языках ежегодно издается собрание новых мелких стихотворений под именем “Календаря муз” (“Almanach des Muses”), мне хотелось выдать и на русском нечто подобное для любителей поэзии: вот первый опыт под названием “Аониды” (другое имя муз)». Он первым заложил новое отношение к публикации поэтических текстов. В предисловии к первой книге он заявил, что не позволит себе заменить ни одного слова в предложенных материалах. Так формировались позиция редактора и новое отношение к проблеме авторства.

Составитель альманаха, учтя опыт предыдущего сборника «Аглая», почти целиком состоявшего из сочинений самого Карамзина, привлек в новое издание «почти всех наших известных сти-

¹⁶⁷ Среди авторов выделялся Молчанов Петр Степанович (1772–1831) – писатель, статс-секретарь Александра I; участвовал также в журналах «Покоющийся Трудолюбец» (1784–85) и «Зеркало света». Он перевел с франц. повесть «Венецианский Арап» (М., 1787) и анонимно – «Неистовый Роланд» Ариоста (М., 1791–93), сочинял эпиграммы, мадриалы и др.

¹⁶⁸ «Аониды» – греч. – страна, где находилась гора Геликон – обиталище муз, название муз искусства в древнегреческой мифологии, которые обитали в Аонии (Беотии) и происходили от беотийского царя Аона.

хотворцев», а также молодых «для ободрения незрелых талантов». Это упрочило успех альманаха «Аониды». Хотя здесь многие публиковались под инициалами, сокращенными фамилиями, буквенными псевдонимами, а то и инкогнито, все же имена большинства авторов известны. Они действительно составляли «лицо» времени. Это сам Карамзин, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, В. В. Капнист, В. Л. Пушкин, К. Д. Горчаков, К. Г. Хованский, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, В. В. Измайлов и др.

Во введении ко второй книге обозначены недостатки русской поэзии и точка зрения на поэзию сентиментализма; недостатком, по мнению Карамзина, являлись излишняя высокопарность и приторная слезливость. Молодые поэты должны стремиться к живописности мыслей и чувств. Человек не может постичь смысла жизни, и счастлив лишь тот, кто живет сегодняшним днем, скромно и уединенно. Примером литературной полемики является «Письмо И. И. Д.» (И. И. Дмитриеву) В. Л. Пушкина, адресованное «слезливой лире наших стиходеев». Карамзин, отдавший дань сентиментализму, ясно видел его недостатки и пытался их исправить. В альманахе печатались переводы из Гомера («Илиады»), Вольтера, Оссиана, Лафонтена.

Карамзин определил новые правила издания альманахов. В XIX в. издатели не будут вмешиваться в авторский слог. Задача издателя – поиск материала, его расположение, составление заголовков, предисловия, корректура набора, подбор иллюстраций. На издание альманаха не требовалось цензурное разрешение. Издатели могли свободно подбирать материал, знакомить читателей с новыми литературными работами малых форм.

«Санкт-Петербургский журнал» (1798) – один из самых интересных журналов, выпускавшихся *ежемесячно* в 1798 г. Название его, отвечавшее своей безыскусственностью популярному «Московскому журналу», служило прикрытием весьма острого и содержательного литературно-общественного материала, публикация которого в условиях жесточайшего цензурного гнета вызывает невольное уважение к смелости и тактической гибкости его издателей. Это не был чисто литературный журнал. В его состав, как указывалось в объявлении, предвещающем выход, входили «различные нравственные, романтические, физические, философические, исторические и политические сочинения из полезных с иностранных языков переводов, на творения лучших писателей анализам, сочинения в стихах и прозе и проч.». Средства на издание выделялись великим князем Александром Павловичем.

На титульном листе нового издания стояло: «Санкт-Петербургский журнал, издаваемый И. П. Пниным¹⁶⁹». Иван Пнин выпускал журнал вместе с А. Ф. Бестужевым. Кроме них, в журнале участвовали А. Бухарский, А. Измайлов, Е. Колычев, И. И. Мартынов и другие малоизвестные литераторы.

Эпиграф был взят из сочинений Лабрюйера и гласил: «Как трудно быть кем-нибудь довольным».

На первых порах «Санкт-Петербургский журнал» пользовался покровительством великого князя Александра Павловича, по инициативе которого на страницах этого издания велась систематическая пропаганда идей новейшей политико-экономической школы¹⁷⁰. Однако деятельность И. П. Пнина и А. Ф. Бестужева своим размахом и содержанием неизмеримо превосходила те поручения, которые давались им. Вероятно, именно по этой причине кружок великого князя отказал в своей помощи издателям. Лишенные материальной поддержки, они в конце 1798 г. закрыли журнал.

Цензурные притеснения были в ту пору необычайно тяжелы. Чиновники Павла I ожесточенно боролись с малейшими проявлениями свободомыслия в обществе и печати, с «развратом умов», опасаясь вторжения в Россию идей Французской буржуазной революции.

А между тем в «Санкт-Петербургском журнале» велась пропаганда просветительских взглядов, материалистических идей, печатались переводы просветителей Гольбаха и Монтескье, хвалили педагогические идеи Руссо, изредка попадались намеки на крепостнические порядки и деспотический режим Павла I. То, что такие мысли выражались И. П. Пниным и А. Ф. Бестужевым, для них вполне естественно. Удивительным представляется, как все это могло проходить через печатный станок. Очевидно, тут играли свою роль связи издателей с Александром Павловичем, о которых было известно цензорам. Нужно также иметь в виду, что смелые высказывания соседствовали в журнале с порицаниями Французской революции и фразами о том, что помещики могут быть «отцами» своих крепостных. Такая

¹⁶⁹ Иван Петрович Пнин (1773–1805) был внебрачным сыном крупного вельможи, фельдмаршала князя Н. П. Репнина, и в наследство от него получил свою «усеченную» фамилию. Пнин учился в благородном пансионе при Московском университете, а затем в Артиллерийско-инженерном корпусе в Петербурге и рано пристрастился к литературе.

¹⁷⁰ Орлов, В. Н. Русские просветители 1790–1800-х гг. / В. Н. Орлов. – М. : Гослитиздат, 1953. – С. 110.

противоречивость материалов «Санкт-Петербургского журнала», возможность по-разному толковать его позиции ослабляли бдительность цензуры, позволявшей издателям публиковать действительно острые политические статьи и стихи.

Основной тон журналу давали произведения Пнина и Бестужева, переводы из сочинений Гольбаха и Вольнея, из книг политэкономов Верри и Стюарта. Литературный материал был нейтральным и не занимал главенствующего положения. Переводы двух отрывков из «Руин» Вольнея и одиннадцати глав «Системы природы» Гольбаха были напечатаны без имен этих авторов, атеистов и врагов королевской власти. Переводчик или издатель, сохраняя общий смысл тезисов материалистической этики Гольбаха, редактировал текст, из осторожности выбрасывал или смягчал выпады автора против религии, церкви и правительства.

«Санкт-Петербургский журнал» был рассчитан на серьезного и вдумчивого читателя и не преследовал никаких развлекательных целей. Издатели очень строго смотрели на обязанности литератора, полагая, что его талант должен быть отдан на службу обществу для поддержки добродетели, чье владычество надо распространять повсеместно.

В журнале было помещено несколько произведений швейцарского писателя и ученого Альбрехта Галлера, автора политических романов, написанных под влиянием Фенелона и Монтескье. Человек весьма умеренных взглядов, противник всеобщего равенства, Галлер был защитником аристократической республики. Вряд ли можно считать случайным это внимание «Санкт-Петербургского журнала» именно к Галлеру, вероятно, он более всего отвечал умонастроению издателей.

При всем этом в прозаическом переводе ранней поэмы Галлера «Альпы», где автор излагал впечатления от красоты гор, было подчеркнута восхищение трудовой жизнью крестьян. Швейцарские пастухи не знают над собой мелочной полицейской опеки, а в городах жить небезопасно, там «жестокий тиран поругается жизнью рабов своих и порфира его обогрета еще дымящеюся кровию граждан»¹⁷¹.

Обстоятельный трактат А. Ф. Бестужева «О воспитании военном относительно благородного юношества», основанный на идеях просветительской философии, рекомендовал общественные формы воспитания не в семье, а в учебных заведениях. Человек рождается ни зол, ни добр, рассуждал Бестужев, от общественной среды зависят

его развитие и рост в нем тех или иных наклонностей. Продолжая мысли передовых умов Европы и России, Бестужев писал в журнале о том, что «благородство» человека обусловлено вовсе не его происхождением, а личными качествами, его участием в жизни общества.

В четырех книжках журнала (июль – октябрь) были опубликованы два письма Д. И. Фонвизина из Франции «некоторой знатной особе в России», то есть графу П. И. Панину, и его автобиографические записки «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». Со времени смерти писателя прошло всего четыре года, и, помещая произведение Фонвизина, издатели «Санкт-Петербургского журнала» отдавали дань уважения и признательности великому русскому таланту.

Названные произведения занимают особое место в творчестве Фонвизина. Еще в 1788 г., составляя опись планируемого к изданию Полного собрания сочинений и переводов, он указал их наравне с «Бригадиром» и «Недорослем», «Корионом» и «Челобитной российской Минерве» и др.: «Объявление. Об издании новых книг в течение сего 1788 года и о подписке на оные в Санкт-Петербурге, в Суконной линии, в лавке под № 16... *Полное собрание сочинений и переводов Дениса Ивановича Фонвизина*, состоящее в 5-ти томах и заключающее в себе следующие отделения: “Недоросль”, “Бригадир”, “Корион”, “Иосиф в 9-ти песнях”, “Сидней”, “Слово похвальное Марку Аврелию”, “О национальном любочестии”, “Та-Гио”, “Избранные Голберговы басни”, “Глухой и немой”, “Слово на выздоровление... Павла”, “Каллисфен”, “Лисица-кознодей”, “Послание к Шумилову”, “Записки первого путешествия”, “Поучение в духов день”, “Примечание на критику”, “Челобитная российской Минерве”, разные письма и проч., на любск. бумаге 5 р., на александрийской 8 руб.»¹⁷².

Что же это за произведения? Выделим несколько.

«*Рассуждение о национальном любочестии*» – произведение большой эмоциональной силы. В книге дано изложение нравственного кодекса патриота и гражданина, просветительское понимание человека как деятеля, борца, бесстрашно выступающего против власти, с восторгом готового умереть за вольность своего отечества. Выход «Рассуждения о национальном любочестии» в 1785 г. существенно дополняет наше представление о политической деятельности Фонвизина после издания «Недоросля», о силе его влияния на общество.

¹⁷¹ *Санкт-Петербургский журнал*. – 1798. – Ч. 1. – С. 39.

¹⁷² *Санкт-Петербургские ведомости*. – 1788 г.

«Та-Гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию». Довольно долго не было точных доказательств принадлежности перевода Фонвизину. Правда, в 1801 г. в журнале «Правдолюбец, или Карманная книжка мудрого» «Та-Гио» было напечатано даже с указанием имени Фонвизина. Но свидетельство «Правдолюбца» оказалось неавторитетным, и ни один исследователь творчества Фонвизина не рассматривал этого произведения. Сегодня удалось установить, что этот перевод Фонвизин опубликовал при жизни, и опубликовал, как обычно, анонимно в журнале «Академические известия на 1779 год» (вторая часть).

Перевод делался с французского текста, подготовленного аббатом Сибо. Книга Сибо с примечаниями вышла в Париже в 1776 г. Видимо, во время пребывания во Франции Фонвизин купил эту книгу и по возвращении в Россию перевел ее. Тем самым рушится высказанное в научной литературе мнение, будто во второй половине 70-х гг., после подавления Пугачевского восстания, Фонвизин умолкает и отходит от общественно-политической деятельности. Факты свидетельствуют об обратном. Именно в эти годы Фонвизин чрезвычайно активен. В 1777 г. он издал перевод «Слова похвального Марку Аврелию», в 1777–1778 гг. писал письма из Франции с резкими оценками политического положения империи, в 1779 г. переводит и издает «Та-Гио».

«Та-Гио» – яркое политическое сочинение. В нем высказан тот же круг идей, что и в «Рассуждении о непременных государственных законах», сочинении, которое Фонвизин вынужден был держать в тайне. Здесь мы встречаем знакомые фонвизинские мысли: «Нет никакой разности между государем и последним подданным», «Любовь подданных дает скиптры и короны. Их ненависть исторгает оные и преломляет», «Добродетель есть непоколебимое основание престола».

Чрезвычайно важно указание Фонвизина о включении в собрание «Записок первого путешествия». Нам известны письма из первого путешествия, то есть из Франции, написанные П. И. Панину и сестре. Известно, что подобные письма предназначены были не одному только адресату, что с ними знакомился довольно широкий круг читателей, близких к дому П. И. Панина и сестры писателя. Теперь мы знаем о намерениях Фонвизина напечатать свои письма из Франции. Несомненно, что в основу «Записок» были бы положены письма, и письма к П. И. Панину прежде всего. Приготовляя их к печати, превращая их в «Записки», Фонвизин, наверное, кое-что бы в них изменил: устранил личные обращения, снял некоторые подробности биографического характера и т. д. К письмам из Франции мы обязаны относиться как к художественному произведению, предназначав-

шемуся для печати. Тем самым наше представление о Фонвизине-прозаике становится куда более богатым, чем оно было до сих пор. Фонвизин-прозаик – это автор писем из Франции, «Повествования мнимого глухого и немого», повести «Каллисфен», «Чистосердечных признаний в делах моих и помышлениях», ряда сатирических произведений в журналах «Друг честных людей» и «Собеседник любителей русского слова».

В 1798 г. «Санкт-Петербургский журнал» познакомил читателя с началом «Чистосердечного признания в делах моих и помышлениях» (воспоминания оканчивались рассказом о том, как Фонвизин читал «Бригадира» Екатерине). Там же были напечатаны два письма П. И. Панину из Франции. В 1806 г. в «Вестнике Европы» эти два письма перепечатаны с дополнением еще четырех писем П. И. Панину. В 1801 г. в «Правдолюбце» появились под именем Фонвизина «Каллисфен» и «Та-Гио». Впоследствии в ряде журналов стали появляться новые произведения Фонвизина. В 1830 г. вышло первое авторитетное собрание сочинений Фонвизина в четырех частях, подготовленное П. П. Бекетовым и изданное книгопродавцем И. Г. Салаевым. Часть произведений в собрании П. П. Бекетова воспроизводилась по печатным изданиям, другие – по рукописям, которые удалось редактору собрать у родственников писателя.

Из номера в номер в журнале печатались отрывки сочинения итальянского ученого Пьетро Верри «Рассуждение о государственном хозяйстве». Верри держался новых экономических взглядов, был сторонником свободной торговли и советовал укреплять мелкую земельную собственность, потому что свои участки крестьяне будут обрабатывать с особым старанием. Косвенным образом из работ Верри читатель мог увидеть невыгоду рабского труда крепостных крестьян.

Большой интерес представляет статья «Гражданин», автором которой следует считать И. П. Пнина. В ней определялись права и обязанности человека как члена общества. «Истинный гражданин есть тот, который общим избранием возведен будучи на почтительный степень достоинств, свято исполняет все должности, на него возлагаемые. Пользуясь доверенностью своих сограждан, он не щадит ничего, жертвует всем, что ни есть для него драгоценнейшего, своему отечеству, трудится и живет единственно только для доставления благополучия великому семейству, коего он есть поверенный»¹⁷³.

¹⁷³ Санкт-Петербургский журнал. – 1798. – Ч. 2. – С. 218.

Эти требования к гражданину нельзя не сопоставить с мыслями Радищева, изложенными в статье «Беседа о том, что есть сын отечества» (журнал «Беседующий гражданин», 1789, № 12). Важно, что такие же вопросы волновали Пнина, что, несмотря на цензурный террор, он заговорил об идеале гражданина, о служении обществу.

Тем не менее смысл, вложенный Пниным в его статью, отличается от радищевского понимания темы. Он не касается двух главных проблем, затронутых Радищевым в его «Беседе». П. Н. Берков заметил, что «ни вопроса о крестьянах как гражданах, ни вопроса о революции как условии превращения рабов в “сынов отечества” Пнин не ставил. Из остальных передовых идей радищевской “Беседы” он усвоил учение о демократии. Он говорит об “избрании” граждан на посты управления, о святом выполнении ими своих “должностей”, т. е. обязанностей, однако у нас нет уверенности, что основное понятие, разделявшее дворянских либералов и революционера Радищева, – понятие “народ” истолковывалось Пниным так же, как и Радищевым»¹⁷⁴. Под словом «народ» дворянские писатели подразумевали свой класс, богатое купечество и высшее духовенство, а крепостных крестьян и городских трудящихся называли обычно «простым» или «подлым» народом. Радищев же представителями народа считает прежде всего крестьян, и сочувствием к ним, горячим желанием облегчить их судьбу проникнуты все его произведения.

В каждой из четырех последних книжек «Санкт-Петербургского журнала», с сентября по декабрь, помещались «Письма к издателю», помеченные местопребыванием автора, городом Торжок, и подписью «Читатель». Содержание их составили критические заметки по поводу новых книг, причем их выбор и направление литературно-критических отзывов примечательны.

В первом «Письме из Торжка» – если принять установившееся за ними в науке сокращенное обозначение – речь идет о книге немецкого мистика Эккартсгаузена «Верное лекарство от предубеждения умов», вышедшей в 1798 г. на русском языке в переводе М. Антоновского. Переводчик, сам слывший масоном и мистиком, в свое время был членом «Общества друзей словесных наук» и участвовал в журнале «Беседующий гражданин», где выступил и Радищев. Теперь он

¹⁷⁴ Берков, П. Н. *История русской журналистики XVIII века* / П. Н. Берков. – М. : Л., 1952. – С. 383.

издал в своем переводе книгу, заведомо реакционную, пропитанную ненавистью к литературе и печати.

Рецензент решительно возражает против выпадов немецкого реакционера и энергично защищает свободу печати. Ведь только благодаря ей человеческий разум добился успехов, стало возможным общение людей на земном шаре. Эккартсгаузен расхваливал совершенство «естественного человека» из среды не испорченных цивилизацией народов, на свой лад переделывал Руссо. Рецензент, опровергая такие домыслы, говорит о том, что в обществе нечего искать «естественного» человека, а необходимо изучать «человека гражданственного», на примерах его истории воспитывая новые поколения людей. Этим путем удобно образовать характер и направить его к утверждению чести и добродетели. История – вот главная и лучшая школа, доказывал рецензент, и такое понимание ее воспитательной роли оказалось свойственным дворянской интеллигенции начала XIX в.

В трех последующих «Письмах из Торжка» разбираются книжки некоего Глеба Громова «Любовники и супруги...», «Нежные объятия в браке и потехи с любовницами», которые только что появились на рынке и пользовались успехом у неразборчивых читателей. Подвергнув их резкой критике, издатели вместе с тем осудили легкость нравов дворянского общества, продажную любовь и рекомендовали воспитателям оберегать молодежь от разврата. Вопрос об авторе «Писем из Торжка» остается открытым. Исследователи называли Радищева, Пнина, однако догадки эти еще не подтверждены доказательствами.

«Санкт-Петербургский журнал», выходящий на рубеже XIX столетия, по-своему передавал новому веку просветительские идеи, под знаком которых складывалось содержание прогрессивных журналов второй половины XVIII века. В изданиях, связанных с левым крылом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» 1800–1810-х гг., проявились лучшие традиции передовой печати предыдущей эпохи, воспринятые затем журналистикой декабристов.

Наряду с именами Новикова и Радищева в русской публицистике есть немало имен, сегодня не достаточно хорошо известных. Безвестность не умаляет их достоинства и выдающихся способностей. Среди них был и отставной поручик Федор Кречетов, не принадлежавший к крупным писателям, но оставивший свой след в истории отечественной журналистики.

В 1775 г., выйдя в отставку, он хотел все свое время посвятить культурно-просветительской деятельности. Поверив, как и многие, в либеральные обещания и мудрые указы Екатерины II, он стал мечтать о широкой деятельности и пользе, которую при содействии

общества можно будет принести отечеству. Человек он был образованный и начитанный, к тому же проникнутый глубоким уважением к личности и правам человека.

Представляют интерес частные издания Федора Васильевича Кречетова¹⁷⁵ «**Не все и не ничево**» (1786), «**О всех и за вся и о всем ко всем, или Российский патриот и патриотизм**» (1788). Кречетов испытал сильное влияние идей С. Е. Десницкого и Радищева. К 1781 г. он подготовил план преобразования России, заключающий в себе отмену крепостного права, уничтожение самодержавия и установление конституционного правления. Он выступал с осуждением самодержавия в России, требовал развития всеобщего и всеобщего образования, в том числе и женского. Кречетов надеялся подготовить народ к свободе через распространение грамотности и юридических знаний.

В своих работах – «План юридический» (1781–1784), «Изъявление понятий юриспруденции всеобщей» (1785) он пришел к идее введения «всеобщей юриспруденции», то есть распространения среди народа знания «прав гражданских». Требовал ограничения самодержавия, реформы суда, свободы слова, равноправия женщин, доказывал необходимость принятия справедливых гражданских законов. По мнению Кречетова, им должны повиноваться все сословия России, не исключая правящей верхушки и самого монарха. О необходимости скорейшего исполнения своих столь грандиозных планов он подавал прошения самой Екатерине II, Святейшему синоду, петербургскому митрополиту, разным вельможам и ведомствам. Но его записки вызвали только недоумение и смех в кругах, приближенных к императрице, где их называли «нелепыми писаниями».

В 1787 г. Кречетов задумал выпустить свои литературные труды. Однако ни влиятельных покровителей, ни денег для осуществления своих замыслов у него не было, и пришлось ему искать единомыш-

¹⁷⁵ Кречетов Федор Васильевич (1743 – после 1807) – офицер, вольнодумец, основатель «Всенародно вольно к благодетельствованию составленное общество» (1785), которое должно было воплотить в жизнь его проекты. Создал журнал «Не все и не ничево» (1786), запрещенный цензурой после выхода первого номера, в котором публиковал отчеты о заседаниях общества. Напечатал проспект «О всех и за вся, и о всем ко всем, или Российский патриот и патриотизм», предлагавший читателям сочинения, которые напечатает общество с первым номером журнала «Не все и не ничево» (1787). Дважды арестован (1788, 1793), содержался в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Освобожден по амнистии 1801 г. по случаю восшествия на престол Александра I. Сослан в Пермь.

ленников, готовых разделить с ним расходы и труды по созданию крупного книгоиздательства. В декабре он самовольно без разрешения управы благочиния издал брошюру с объявлением о подписке на издание, «души и сердце пользующее», под названием «О всех и за вся и о всем и ко всем, или Российский патриот и патриотизм» в количестве 100 экземпляров, которые полиция конфисковала.

Но план его – «купить или построить собственную... типографию для напечатания всех юридических и собственных своих деяний» – обернулся неудачей. Объявленная подписка принесла всего 75 рублей, на которые удалось издать только один номер журнала «Не все и не ничево». Остальные листы были запрещены цензурой и распространялись среди членов общества в рукописном виде.

В своих объяснениях правдолюбец писал, что нельзя брошюру принимать за книгу, так как это не сочинение, а только объявление об открытии подписки на ряд произведений под названным заглавием. Сам он не видит в названии ничего предосудительного или оскорбительного для религии, так его патриотические издания будут служить для распространения в народе нравственных начал. Однако даже чисто культурная деятельность Кречетова была признана вредной и опасной для государства.

Кречетову инкриминировались призывы к низвержению крепостного права, атеизм и нападки на самодержавную власть. Несмотря на отказ Кречетова в ходе следствия от радикальных высказываний по ряду вопросов, он был приговорен к одиночному бессрочному заключению в Петропавловской, затем в Шлиссельбургской крепости. Книгоиздательский проспект Кречетова был первым уничтоженным библиографическим изданием. Сегодня известны лишь четыре экземпляра этой брошюры.

Кроме названных журналов в России в этот период печатались академические издания: «Собрание новостей» (1775–1776), «Академические известия» (1779–1781), «Российский Феатр» (1786–1794), «Новые ежемесячные сочинения» (1786–1796), частные издания: «Утренние часы» (1788–1789) и др.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабкин, Д. С. Процесс А. Н. Радищева / Д. С. Бабкин. – М. ; Л., 1952.
2. Бабкин, Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность / Д. С. Бабкин. – М. ; Л., 1966.

3. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. – М. ; Л., 1952.
4. Березина, В. Г. Карамзин-журналист / В. Г. Березина // Проблемы журналистики. – Вып. 1. – Л., 1973.
5. Берков, П. Н. Жизнь и творчество Н. М. Карамзина / П. Н. Берков, Г. П. Макогоненко // Избранные сочинения : в 2 т. – Т. 1. – М. ; Л., 1964.
6. Благой, Д. Сатирическая проза Крылова / Д. Благой // И. А. Крылов. Исследования и материалы. – М., 1974.
7. Ворошилов, В. В. История журналистики России / В. В. Ворошилов. – СПб., 1999.
8. Гуковский, Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. – М., 1999.
9. Десницкий, А. В. Иван Андреевич Крылов / А. В. Десницкий. – М., 1983.
10. Есин, Б. И. Три века московской журналистики / Б. И. Есин, И. В. Кузнецов. – М., 1997.
11. Есин, Б. И. История русской журналистики (1703–1917) / Б. И. Есин. – М., 2000.
12. Западов, А. В. И. А. Крылов / А. В. Западов. – М., 1951.
13. Западов, А. В. Русская журналистика XVIII века / А. В. Западов. – М., 1964.
14. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / под ред. проф. А. В. Западова. – М., 1973.
15. История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003.
16. Ивлев, Д. Д. История русской журналистики XVIII – начала XX в. / Д. Д. Ивлев. – М., 2004.
17. Кулакова, А. В. П. А. Плавильщиков / А. В. Кулакова. – М. ; Л., 1952.
18. Макогоненко, Г. П. Радищев и его время / Г. П. Макогоненко. – М., 1956.
19. Орлов, П. А. Русский сентиментализм / П. А. Орлов. – М., 1977.
20. Очерки по истории русской журналистики и критики : в 2 т. – Т. 1. – Л., 1950.
21. Пирожкова, Т. Ф. Н. М. Карамзин – издатель «Московского журнала» / Т. Ф. Пирожкова. – М., 1978.
22. Рублева, Л. И. Русская проза последней четверти XVIII века: история и поэтика / Л. И. Рублева. – Южно-Сахалинск, 2012.
23. Степанов, Н. Л. И. А. Крылов / Н. Л. Степанов. – М., 1949.

24. Татаринова, Л. Е. Русская литература и журналистика XVIII в. : учебник / Л. Е. Татаринова. – М., 2001.
25. 1702–2002. Из века в век. Из истории русской журналистики / под ред. проф. Б. И. Есина. – М., 2002.

ТЕКСТЫ:

1. Карамзин, Н. М. Что нужно автору? Предисловие к альманаху «Аониды» / Н. М. Карамзин // Избранные сочинения : в 2 т. – Т. 2. – М., 1964.
2. Кречетов, Ф. В. Сочинения / Ф. В. Кречетов // Русские просветители (от Радищева до декабристов) : в 2 т. – Т. 2. – М., 1966.
3. Крылов, И. А. Почта духов. Каиб. Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом, в присутствии его приятелей, за чашею пунша / И. А. Крылов // Русская проза XVIII века. – М. ; Л., 1950. – Т. 2. – С. 31–758 ; Соч. : в 2 т. – М., 1984 ; Басни. Сатирические произведения. Воспоминания современников. – М., 1989.
4. Радищев, А. Н. Беседа о том, что есть сын Отечества / А. Н. Радищев // Русская литературная критика XVIII века. – М., 1978. – С. 340–348 ; Избранное. – М., 1984. – С. 288–296 ; Русские просветители (от Радищева до декабристов) : в 2 т. – М., 1966.
5. История русской журналистики : хрестоматия / сост. Б. И. Есин. – М., 1991.
6. История российской журналистики. XVIII век : хрестоматия / авт.-сост. А. Г. Алтунян. – Ч. 1, 2. – М., 2002.
7. Русская журналистика XVIII–XIX веков : тексты. – М., 1986.

**Контрольные вопросы по разделу
«Журналистика XVIII века»**

1. Особенности возникновения и развития периодической печати в России. Первая рукописная газета «Вестовые письма», или «Куранты».
2. Первая русская печатная газета – петровские «Ведомости».
3. Периодизация отечественной журналистики XVIII в.
4. Первые русские журналы «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (1728), «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764) и др.
5. Академическая журналистика. Значение и роль Ломоносова в развитии русской журналистики. «Рассуждения об обязанностях журналистов».
6. Возникновение первых частных журналов. «Трудолюбивая пчела» А. П. Сумарокова (1759).
7. Политика Екатерины II в области печати и сатирической журналистики 1769–1774 гг. Вопрос о назначении сатиры, полемика Новикова с Екатериной II. «Всякая всячина», «И то и се», «Ни то ни се», «Полезное с приятным», «Поденьщина», «Смесь», «Адская почта», «Парнасский щепетильник», «Пустомеля», «Трудолюбивый муравей» и другие.
8. Спор о характере сатиры в сатирической журналистике 1769–1774 гг. Постановка крестьянского вопроса.
9. Издательская деятельность Новикова. Журналы «Трутень», «Кошелек», «Живописец», «Пустомеля», масонские издания.
10. Основные направления развития журналистики в последнюю четверть XVIII в. Общая характеристика литературных журналов, научных, политических, виды журналов (частные, официальные).
11. Взгляды на печать Ломоносова, Новикова, Карамзина, Радищева.
12. Журнал «Собеседник любителей российского слова» и участие в нем Екатерины II, Е. Р. Дашковой. Сатирическая публицистика Фонвизина в журнале.
13. Крылов-журналист. «Почта духов», «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий».
14. Карамзин-журналист. «Московский журнал» как новый тип издания. Журналы русского сентиментализма, альманахи.
15. Публицистика Радищева в журнале «Беседующий гражданин». Статья «Беседа о том, что есть сын Отечества».

16. Частные журналы прогрессивного характера: «Друг честных людей, или Стародум» Фонвизина, журналы Кречетова «Не все и не ничего» и «Российский патриот».

17. Основные достижения периодической печати в последнюю четверть XVIII в.

РАЗДЕЛ 2

ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Журналистика 1800–1810-х годов

Новый век ознаменовался обновлением и оживлением жизни общества в связи с убийством деспотичного Павла I и восшествием в 1801 г. на престол Александра I. Общество заговорило о либеральных переменах, конституции, о твердости законов. Александр I столь искусно представлялся либералом, что многие современники начали питать иллюзорные надежды на возможность коренных преобразований. Проявлением нового следует считать освобождение из тюрем и возвращение из ссылки сотен осужденных за вольномыслие, уничтожение Тайной экспедиции, разрешение ввоза из-за границы книг и периодических изданий, открытие частных типографий. Расширяется сеть учебных заведений, создан Негласный комитет, призванный составить общий план правительственных преобразований, в том числе в области просвещения.

Однако уже через три года правительство постепенно отходит от либерального курса, вступив на путь неприкрытой реакции. В 1803 г. Негласный комитет был распущен, а крепостнический характер предпринятых реформ отчетливо проявился в «Указе о свободных хлебопашцах» (1803) и в Цензурном уставе (1804). Согласно указу, крестьяне поодиночке или селениями могли получить свободу лишь «по желанию» их помещиков и только оплатив полностью сумму выкупа или исполняя повинности. Если крестьяне обязательства не выполняли, то они возвращались к помещику. Но помещики вовсе не хотели отпускать крестьян, выкупная плата была очень высокой, и практически закон почти не применялся: за 23 года был совершен всего 161 выкуп и отпущено на волю менее полпроцента всего крепостного населения. С 1848 г. наименование «вольные хлебопашцы» было заменено на «государственных крестьян».

Цензурный устав 1804 г. – первый в России свод правил по цензуре – вновь вводил предварительную цензуру, формально уничтоженную, было, указом 1802 г., причем она передавалась в ведение Министерства народного просвещения¹⁷⁶. В уставе оговаривалось обсуждение в печати общественно-политических вопросов, но в то же время указывалось, что «исследование всякой истины, относящейся до веры, человечества, гражданского состояния, законоположения, управления государственного или какой бы то ни было отрасли правления», должно проводиться «скромно и благоразумно», без всякого вольномыслия.

Защита интересов авторов декларировалась, но не осуществлялась. Так, цензорам давался совет: «Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, то в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать», но тут же строго запрещалось печатать произведения, «противные правительству, нравственности, закону божию и личной чести граждан». Если в цензуру поступала рукопись сочинения с критикой официальной религии и действий правительства, цензор обязан был не только запретить его, но и принять меры «для отыскания сочинителя и поступления с ним по закону».

Закрепление цензурных ограничений было продолжено в указе об «обуздании печати». В 1811 г. было создано Министерство полиции. Его особая канцелярия осуществляла «цензурную ревизию», суть которой была в надзоре за книгопродавцами и типографиями, запрете на книги, журналы и мелкие сочинения, иностранные сочинения «неодобрительного содержания», даже рекламу (афиши, объявления и т. п.) без «установленного от правительства дозволения». Если замечались издания, негодные полиции, то она связывалась с Министерством народного просвещения и заручалась его поддержкой. Таким образом, политический гнет оказывался удвоенным.

Ряд цензурных функций был передан Главному управлению училищ и Ученому комитету, которые осуществляли контроль над деятельностью учебных заведений, учебных и научных изданий. Ярким примером, характеризующим цензурный режим, является история с книгой А. П. Куницына «Право естественное». Куницын читал лекции в Царскосельском императорском лицее, патронируемом

¹⁷⁶ В XVIII в. наблюдение за печатью осуществлялось Управой благочиния, то есть полицией (Л. Р.).

Александром I. Директор лицея генерал Е. А. Энгельгардт пожелал преподнести императору экземпляр только что вышедшей книги Куницына. Она была отправлена для проверки на благонадежность в Ученый комитет и получила одобрение академика Н. И. Фуса. Но Д. П. Рунич пришел к другому мнению и доказал вредность ее содержания: «Злой дух тьмы носится над вселенною, сияясь мрачными крылами своими заградить от смертных свет истинный, просвещающий и освежающий всякого человека в мире. Счастливым почту себя, если по слову одного почтенного соотечественника, вырву хотя бы одно перо из черного крыла противника Христова». Сегодня очевидно пагубность подобных оценок, что контрастирует с восторженными словами о лекциях Куницына поэта Пушкина: «Куницыну дань сердца и ума! / Он создал нас, он воспитал наш пламень, / Поставлен им краеугольный камень, / Им чистая лампада возжена».

«Обуздание печати» необходимо было компенсировать взлет политических надежд, заметное оживление общественно-политической жизни страны, рост патриотических настроений, связанный с победой над Наполеоном. Ведущими вопросами времени стали государственное устройство и крепостное право; эти вопросы волновали умы современников, страстно обсуждались в общественно-литературных организациях (в частности, в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств»), несмотря на цензуру, проникали на страницы периодических изданий. В атмосфере общественного подъема значительно возрастает гражданское самосознание русской литературы. Писатель, уважающий свое звание, понимался как так же полезный слуга своего Отечества, как и воин, его защищающий, как и судья, блюститель закона.

Оживление общественных надежд совпало также со склонностью к словесности. Склонность эта вызвала приток в литературу свежих сил (не только дворян, но и разночинцев). Преисполненные возвышенных представлений о целях поэзии, молодые авторы стремились принести посильную пользу своей стране. В окружении своих единомышленников, столь же восторженных энтузиастов добра и правды, они стремились к активной литературной деятельности. Таковы были «психологические мотивы» объединения молодых авторов в особые кружки и общества, ставшие типичной для того времени формой организации литературной жизни. Они способствовали эстетическому самоопределению разных тенденций и направлений в литературном процессе и их более четкой дифференциации.

Хотя в трактовке общественно-политических вопросов писатели и журналисты не могли выходить за пределы правительственного

либерализма, разрешение обсуждать в печати эти вопросы положительно сказалось на состоянии журналистики. Не случайно в начале века в русской периодике очень заметной становится публицистическая струя, что определило формирование таких видов журнальной публицистики, как политическое обозрение, публицистическая статья, публицистический очерк, и др.

Заметно выросло число журналов и альманахов, появились и новые газеты, в том числе и провинциальные. В Петербурге появилось 47 новых изданий, в Москве – 84, в провинции – 3. Однако большинство газет и журналов не отличались долговечностью – издавались не более одного-двух лет. Исключением можно считать «Вестник Европы», который выпускался без малого 30 лет. Журналистика по-прежнему еще является своеобразным «увлечением» дворянских интеллектуалов, а не профессией, дающей средства к существованию. Журналистский труд все еще не оплачивается. Это препятствует развитию журналистики.

Важным фактом совершенствования структуры российской печати стало появление отраслевой печати – изданий, освещающих административную, экономическую, научно-техническую деятельность. Положительный эффект для развития журналистики также имело создание специализированных средств массовой информации – изданий: музыкальных, театральных, педагогических, женских, детских, библиографических и других. Выросло и число газет.

В начале XIX в. к двум официальным государственным газетам прибавилась еще одна – ведомственная «Северная почта» (1809–1819), орган почтового департамента Министерства внутренних дел. Ощущается потребность в газетах в провинции. «Северная почта» наладила хорошие связи с губерниями, получала оттуда информацию, публиковала сельскохозяйственные материалы, рассчитанные на предпринимателей.

Совершенствуется и техника иллюстрирования изданий. В 1816 г. создается первая русская литография, которая за семь лет своего существования выпустила более 30 тысяч литографий.

Несмотря на увеличение спроса на газеты, главным типом периодического издания в России остается журнал, только уже не литературный или сатирический, а энциклопедический. Он содержит многообразную информацию, не касается напрямую политических вопросов, но дает представление о важнейших событиях и процессах современности.

Особенностью развития журналистики этого периода надо считать ее подцензурность, запрет на открытое обсуждение политиче-

ских вопросов и важнейших проблем внутренней жизни. Поэтому настоящие информационные журналистские жанры все еще существуют лишь в зачаточном состоянии.

Главными остаются литературные жанры – литературная критика, исторические и литературоведческие статьи, библиографические обзоры. Но постепенно все более заметную роль начинают играть публицистические жанры – очерки, обозрения, статьи. «Толстый» журнал продолжает удерживать свои позиции в дворянской усадьбе и литературном салоне. К нему прибавляется еще и альманах – тематическое периодическое издание, выходящее один или два раза в год. Здесь собраны разнообразные литературные, публицистические и научно-познавательные произведения, объединенные тематически. Большая часть изданий все еще адресована лишь дворянской части общества. Массовые издания появятся лишь в середине века.

Особенностью издания **газетной периодики** первой четверти XIX в. является наличие государственных, арендных и частных изданий. Нередко из-за финансовых и профессиональных трудностей газеты сдавались в аренду частным лицам. Например, в разные периоды в аренду отдавали «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Так же поступали с журналами. Поэтому мы встречаем разные по содержанию издания с одними и теми же названиями, например, «Современник» или «Отечественные записки». В этом веке стали четко дифференцировать понятия «газета» и «журнал», причем термин «газета» впервые используется в заголовке газеты в начале второй декады века.

Все еще в газетной периодике отсутствуют общественно-политические издания. Кроме того, печатание газет было делом убыточным. Подписчиков было мало. Поэтому большинство газет стремилось официально и полуофициально выходить при каких-нибудь ведомствах и на их средства. Издание частных газет было рискованным делом. И лишь немногим приносило доходы. Например, «Северная пчела» была доходной, но как показала история, ее издатели тесно сотрудничали с Третьим отделением, от которого получали деньги за «верную службу».

Продолжается издание «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей», начатое в предыдущем веке. Появляются новые газеты.

«Северная почта» (1809), или «Санкт-Петербургская газета». Это газета почтового ведомства. Выходила *два раза в неделю* по почтовым дням. Новшеством в оформлении газеты было то, что текст располагался в два столбца. Помещали новости о придворной жизни, о производстве в чины и назначениях по службе, о развитии про-

мышленности и отдельных ее отраслей. После войны 1812 г. в газете увеличилось количество публикаций на экономические темы из-за необходимости восстанавливать хозяйство.

В 1811 г. «Северная почта» сливается с **«Санкт-Петербургскими коммерческими ведомостями» (1802–1810)**. Это позволило давать читателям обширную торговую информацию. Той же цели служило приложение к газете – **«Санкт-Петербургский преискурант»**, где публиковались цены на товары, вексельный курс и другие коммерческие известия. Адресовалась крупным помещикам и торгово-промышленным деятелям. Нередко информацию некоммерческого характера заимствовали в иностранных газетах.

«Ведомости Санкт-Петербургского Градоначальства и Столичной полиции» (1839–1917) – подписная *ежедневная* газета городской управы Санкт-Петербурга. Газета начала выходить в июле 1839 г. и первые три года носила название «Ведомости Санкт-петербургской городской полиции». Первым редактором был назначен В. С. Межевич¹⁷⁷, считавшийся «благонамеренным литератором». Следуя своим пристрастиям, он помещал материалы о петербургских театрах, концертах. Вызывает интерес информация библиографического характера. Так, например, в 1842 г. в нескольких номерах (16, 23, 27) он поместил одним из первых похвальный отзыв на «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Также интерес в обществе вызвала рецензия А. А. Григорьева на «Петербургский сборник» Н. А. Некрасова (1846, 9 февраля). Однако в литературном мире Межевич имел репутацию перебежчика, меркантильного и скандального журналиста. Во многом это было сделано стараниями В. Г. Белинского. К сожалению, редакционная работа сопровождалась финансовыми и цензурными недоразумениями. В 1849 г. Межевич был отстранен от

¹⁷⁷ Межевич Василий Степанович (1814–1849) – литературный критик, журналист, переводчик, поэт. Учился в Московском университете, познакомился с Надеждиным. Закончил кандидатом, преподавал словесность. В 1833 г. просил разрешения издавать газету «Утренний листок» с тремя разделами литературной критики, но получил отказ. В 1832–36 гг. сотрудничал в «Телескопе» и «Молве», публикует любовные стихи. В отсутствие Надеждина в 1834 г. вместе с Белинским редактировал «Молву». Печатался в 1838–40 гг. в «Московском наблюдателе», «Литературной газете». С 1839 г. ведет отдел критики в «Отечественных записках». Краевский разочаровался в Межевиче, пригласил вместо него Белинского. Межевич переходит в «Северную пчелу» к Ф. В. Булгарину и с течением времени начинает конфликтовать с ним.

редактирования газеты. За долгое время существования газеты поменялось немало редакторов.

Периодичность издания постоянно менялась, первые три года газета выходила дважды в неделю, после – три раза в неделю и, наконец, ежедневно, исключая после праздничные дни. Газета выходила без предварительной цензуры и должна была сделать общение властей с населением более удобным.

Газета делилась на официальную и неофициальную части. В неофициальной части газеты печатали список петербургских происшествий, а также частные объявления. После стали печатать библиографические заметки о книгах и новости культурной жизни Петербурга. Главным образом эти заметки выходили в разделе «Смесь», а с 1843-го в разделе «Фельетон».

После реформ 60-х гг. тематика газеты заметно расширилась, появились заметки о политических новостях, международная хроника, отчеты о судебных процессах. Материалы носили скорее справочный характер, часто заметки перепечатывались из других газет. Большое место в газете продолжали занимать официальные материалы и полицейская хроника. В качестве приложений газета печатала приказы и распоряжения полицейских и городских властей, списки присяжных заседателей, очередных и запасных, а также другие официальные документы. Газета прекратила существование вскоре после Февральской революции 1917 г.

Активно развивается частная периодика. «**Московские ученые ведомости**» (1805–1807) *еженедельно* издавались профессором Московского университета И. Ф. Буле¹⁷⁸. Здесь помещалась вся информация о книгах в русских периодических изданиях XVIII – начала XIX в.

«**Русский инвалид**» – военная газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1813–1917 гг. Выходила в 1813 г. *еженедельно*, в 1814–1815 гг. – *два раза в неделю*, с 1816 г. – *ежедневно* (в 1869-м – *три раза в неделю*).

Редактор П. П. Пезаровиус¹⁷⁹ проникся патриотическим одушевлением, охватившим Россию во время событий Отечественной вой-

ны. Это дало ему исключительный случай проявить редкие качества человеколюбия и любви к родине. Но что мог он сделать с незначительными средствами, какие были у него в распоряжении? Из 2250 руб. ассигнациями жалованья 750 руб. он уже обязался жертвовать на все время войны. В январе 1813 г. ему пришла в голову мысль издавать газету. Он увидел возможность не только передавать известия с театра войны, но и доставить хотя какое-либо облегчение 50 или даже 100 инвалидам, которые, возвращаясь на родину, пойдут через Петербург. Это определило название газеты, которую типография согласилась печатать в кредит.

1-го февраля 1813 г. в первом номере была опубликована программа газеты. В «Русском Инвалиде», издании «историческо-политического содержания», издатель обещал помещать: «выписки из военных происшествий, обозрения и суждения об оных. – Черты любви к отечеству и храбрости, извлеченные из древней и новейшей российской и всеобщей истории. – Всякие в продолжение сей войны происходящие славные деяния, являющие храбрость, человеколюбие, отважную решительность и личное пожертвование для блага общего. Иностранные известия, сколько-нибудь любопытные для читателя листков сих. Направление общего мнения о нынешних происшествиях к настоящей цели – и, наконец, всякое хорошее умопроизведение, важное или шуточное, когда оно согласно будет с целию сих листов».

Далее сообщалось, что издатель, отказываясь от всякой личной выгоды за свой труд, намерен всю чистую прибыль употребить на помощь инвалидам, солдатским вдовам и сиротам. Стоимость годовой подписки на 52 номера, выходившие на русском и немецком языках, была равна 12 руб. ассигнациями в Петербурге и 15 руб. с пересылкой в другие города, причем каждый из подписчиков получал право хлопотать за известных ему раненых и увечных в войне 1812 г.

Первый номер «Русского инвалида» в небольшую четвертку серой бумаги никого не поразил ни своим внешним видом, ни своим содержанием, представлявшим в значительной степени перепечатки из «Северной почты» и старых газет. Он доставил своему издателю сначала шесть, а чрез несколько дней – 12 подписчиков (городских, иногородних не было ни одного). Увлекаясь филантропической целью издания, Пезаровиус мало думал вначале о своевременности и точности сообщаемых сведений; он не догадался даже выписать одну-две иностранные газеты, откуда мог почерпнуть наиболее в то время обстоятельные и разнообразные известия о ходе военных

¹⁷⁸ Буле Иоганн Готтлиб Герхард – немецкий философ кантианец, профессор философии Геттингенского (1787–1804) и Московского (1805–11) университетов. Издавал также «Журнал изящных искусств» в 1814 г.

¹⁷⁹ Пезаровиус Павел Павлович (1776–1847) – основатель и первый редактор газеты «Русский инвалид».

дел. Но глубокая вера в чистоту и святость начатого дела не дали погибнуть его газете от равнодушия публики, уже злословившей на тему о том, что «Инвалиду» предстоит самому вскоре умереть от ран своих... На помощь явились случайные обстоятельства. Пезаровиус разослал первый номер своей газеты, между прочим, всем членам императорской фамилии. Последние отнеслись с горячим сочувствием к предприятию, вместо подписной платы они передали в распоряжение издателя 1400 руб., из них 75 руб. были уплачены типографщику, а остальные 1325 руб. были отложены для помощи инвалидам. Покровительство членов царской семьи обратило общественное внимание на Пезаровиуса, подписка усилилась, и через месяц в № 4 «Русского инвалида» появился первый отчет о состоянии кассы, с показанием всех пожертвований и расходов.

В течение первого месяца статьи из иностранных газет для русского издания «Инвалида» переводил известный впоследствии филолог А. Х. Востоков, но вскоре ученые и служебные занятия заставили его отказаться от этой работы. Оказывать помощь в поиске свежих новостей согласились многие, и за «Русским инвалидом» быстро установилась репутация газеты, получающей известия с театра войны непосредственно чрез особых курьеров. Подписка поднялась до 800 человек; особым успехом пользовались «чрезвычайные прибавления», заключающие в себе краткие известия о выдающихся успехах войск, и они во множестве продавались. Пожертвования в пользу инвалидов увеличились еще благодаря предоставлению артистом Борком в распоряжение Пезаровиуса сбора со своего бенефиса. Благотворительная цель собрала, несмотря на летнюю пору, на спектакль этого довольно посредственного актера многочисленную публику, платившую за билеты в 2 р. 50 коп., по 25 руб., 50 руб. и до 300 р. Чистый сбор со спектакля составил сумму в 3000 руб., которую издатель положил в ломбард для составления основного капитала, а затем передал его правительству для обращения в пользу инвалидов. Узнав об этом решении, императрица Мария Федоровна стала присылать Пезаровиусу после каждой крупной победы по несколько тысяч рублей от имени «счастливой матери и детей ее».

Пример императрицы вызвал подражание в публике, и к Пезаровиусу стали стекаться значительные суммы. 4 декабря того же 1813 г. он получил от московского главнокомандующего графа В. Ф. Ростопчина 42000 рублей, собранных для вышеуказанной цели жителями Москвы по случаю победы при Лейпциге. Петербургское купечество собрало в коммерческом обществе для инвалидов 20000 руб.; два концерта в Филармонической зале (второй был исполнен

придворными певчими под управлением Бортнянского) доставили 10 000 и т. д., к концу 1813 г., словом, П. мог показать в отчете следующие суммы: в неприкосновенном инвалидном капитале – 115 000 руб.; во вспомогательной кассе – 31 575 руб.; в кассе на издержки по изданию – 22 477 руб. Число инвалидов, получивших пособие из вспомогательной кассы, большей частью за год вперед, простиралось до 825 и солдатских вдов – 40.

Он никогда не давал пособия инвалидам от своего имени, а всегда от имени правительства. Общество выказало редкое сочувствие к судьбе инвалидов: в пользу их делались складчины, устраивались спектакли, вечера и лотереи, воспитанники и воспитанницы учебных заведений собирали свои карманные деньги и отсылали их в редакцию «для инвалидов». Пожертвования от 20, 30 и даже 40 тысяч рублей в месяц присылались из многих губерний и даже отдаленных поселений Северо-американской компании. К декабрю 1815 г. инвалидный капитал достиг 395 000 рублей; 1200 инвалидов пользовались постоянными пособиями.

Император Александр наградил издателя орденом св. Анны с алмазами и определил передать собранные средства в Комитет по оказанию помощи раненым военным чинам, издание газеты продолжать и впредь под названием «Русский инвалид, или Военные ведомости», а инвалидам производить пособие в том размере, в каком они получали его от Пезаровиуса.

После того, как газета стала принадлежать комитету, Пезаровиус объявил о прекращении своего участия в ней, но государь выразил уверенность, что Пезаровиус «не перестанет и впредь продолжать полезный труд свой», что заставило его остаться редактором. Еще с 1814 г. «Русский инвалид» стал выходить два раза в неделю, с возвышением подписной платы с 15 до 25 рублей в год, что, впрочем, несколько не отразилось на подписке. С 1816 г., оставаясь редактором газеты, уже перешедшей в ведение Комитета, Пезаровиус стал выпускать ее ежедневно и в течение пяти последующих лет своего редакторства довел доходность ее от 40 до 60 тысяч рублей, так что общая цифра собранного инвалидного капитала составила, по исчислению его формулярного списка, миллион тридцать две тысячи четыреста двадцать четыре рубля. В 1822 г., по оставлении им редакторства, издание «Инвалида» было изъято из ведения Комитета и передано А. Ф. Воейкову, но при нем газета потеряла прежний интерес, и, несмотря на поддержку Пезаровиуса и А. А. Краевского в сороковых годах, когда газета снова перешла к ее первому редактору-издателю, прежнее влияние ее окончательно упало.

«Казанские известия. Газета политико-учено-литературная» (1811–1820) была первой провинциальной газетой. Издавалась преподавателем Казанского университета И. Запольским и содержателем казанской губернской типографии Д. Зиновьевым. Затем она была передана университету. Помещались материалы о развитии промышленности и торговли, обсуждались проблемы просвещения в губернии, читатели знакомились с новыми литературными произведениями, отзывами и рецензиями на них.

Новое развитие получает **журнальная периодика**. Журналы, как правило, издавались частными лицами. В начале XIX в. возникло много новых изданий – около 70. Тиражи их были невелики – от 600 до 1000 экземпляров. Нередко они перекупались или сдавались в аренду. Это объясняется особенностями российского законодательства, запрещавшего после восстания декабристов создавать новые периодические издания. Вот и приходилось энтузиастам журналистики в 30–50-е гг. искать издания, находящиеся под угрозой прекращения выхода, и приобретать право на их издание у бывших владельцев. Наиболее уважаемым и авторитетным изданием начала века был журнал «Вестник Европы».

«Вестник Европы» (1802–1830) – *двухнедельный* журнал, издававшийся в Москве. В разные годы тираж его колебался от 580 до 1200 экземпляров. Этот журнал сыграл значительную роль в развитии отечественной журналистики. Он представляет собой европейский тип издания – профессионально сделанный журнал. Его первый издатель И. Попов пригласил Карамзина на должность редактора. И впервые в истории журналистики редактор стал получать регулярное высокое жалованье – три тысячи рублей. Это переломный момент превращения журналистики из любительского занятия в профессию. Карамзин уже имел опыт издания «Московского журнала», где материал четко делился по отделам и отличался значительным разнообразием. Новое издание он стал строить по тому же принципу. В нем был отдел «Литература и смесь», в котором печатались переводы и художественные произведения русских писателей и поэтов – Державина, Хераскова, Дмитриева, Жуковского, публикации Карамзина.

Отдел «Политика» был построен по газетному принципу, имел два подотдела: «Общее обозрение» и «Известия и замечания». В первом присутствовала перепечатанная из иностранных источников оперативная политическая информация, во втором – политическое обозрение событий внутренней и внешней российской и зарубежной действительности, автором которого выступал преимущественно сам редактор.

Целью нового журнала было знакомство русского читателя с новостями западной культуры. Они должны были почувствовать себя европейцами, участниками европейского культурного процесса. «Нам приятно думать, – писал по этому поводу Карамзин, – что в Грузии или Сибири читают те же самые пьесы, которые (двумя или тремя месяцами позже) занимали парижскую или лондонскую публику». Стремясь к тому, чтобы поставить русского читателя на один уровень с западным, он испытывал огромное уважение к русскому народу. В статье *«О любви к отечеству и народной гордости»* он одним из первых среди отечественных деятелей культуры начинает говорить о самоуменьшении русских, об их слишком затянувшимся ученичестве у Запада и слишком заниженном мнении о себе. Он призывает русское общество осознать величие России и русского народа. «Почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского, – обращается он к читателям журнала, – станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостью».

Карамзин придал своему журналу просветительскую и гуманистическую направленность, вел его на высоком профессиональном уровне. Идею благоденствия России он связывал с надеждами на просвещенного монарха, с распространением образования среди всех сословий, с гуманистическим совершенствованием общества. В статье *«Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени»* изображена картина идеальных взаимоотношений крестьянина и помещика. В статьях *«О новом образовании народного просвещения в России»* и *«О верном способе иметь в России довольно учителей»* он выступал за открытие сельских школ и установление «казенного кошта» для неимущих студентов. С притоком талантливой молодежи из низших слоев общества журналист связывал будущие достижения отечественной науки и образования. В статьях 1802 г. *«Отчего в России мало авторских талантов?»*, *«О книжной торговле и любви ко чтению в России»* издатель «Вестника Европы» выступает как активный поборник просвещения, нравственного влияния литературы на общество. Это способствовало успеху издания, который неоднократно переиздавался.

Признавая целесообразность эволюционного пути развития государства с утвердившимся политическим устройством, сложившимися общественными и нравственными отношениями, каковым, по его мнению, являлась монархическая Россия, Карамзин вместе с тем знакомил русского читателя с республиканскими основами государственности. В то же время он отрицательно оценивал последствия

Французской революции, так как она показала, что «народ делается жертвою ужасных бедствий, которые необыкновенно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти».

Получив должность придворного историографа, Карамзин отошел от журнала, его редактором в 1804 г. стал П. П. Сумароков¹⁸⁰. При нем в отделе словесности сотрудничали П. Макаров, князь П. Шаликов и другие литературные последователи Карамзина. Политическое обозрение исчезло со страниц журнала.

С 1805 по 1807 г. в «Вестнике Европы» стали печататься книжные и театральные рецензии, велась полемика в статьях исторического содержания. В это время возглавлял журнал профессор Московского университета М. Т. Каченовский¹⁸¹, в числе сотрудников были В. А. Жуковский, С. Н. Глинка, А. Ф. Воейков и другие поэты.

Имя одного из редакторов «Вестника Европы» связано с появлением «скептической школы» в истории российской науки XIX в. Михаил Трофимович Каченовский на самом деле не принадлежит к исследователям «Слова о полку Игореве», у него нет публикаций,

¹⁸⁰ Сумароков Панкратий Платонович (1765–1814) – поэт, журналист, внучатый племянник известного поэта XVIII в. А. П. Сумарокова. С 1786 по 1801 г. он провёл в Тобольске. Стал инициатором издания первого в Сибири журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789–90). В 1793–94 гг. издавал «Библиотеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную». Вернувшись в столицу, попытался обратиться к журналистике. В 1802 г. редактировал «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения», а в 1804 г. – «Вестник Европы». П. П. Сумароков был поэтом-сатириком. Приминая к традициям русской сатирической литературы XVIII в., высмеивал в стихотворных пародиях и эпиграмах пороки дворянского общества и увлечения литературной модой. Его «Ода в громко-нежнотелепоновом вкусе» в свое время пользовалась широкой популярностью, воспринималась как злая пародия на «громкую» одическую поэзию и лирику карамзинистов одновременно. П. П. Сумароков создавал легкие иронические сказки в стихах, написанные разностопными ямбами («Амур, лишенный зрения»). Перу П. П. Сумарокова принадлежит поэма «Альнаскар» – первое в русской литературе произведение этого рода, действие которого происходит в Сибири.

¹⁸¹ Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) – историк, переводчик, литературный критик, журналист. Родился в семье торговца вином. Он был ученым-самоучкой, знал несколько иностранных языков, интересовался русской историей, славянской литературой. С 1837 г. и до своей кончины в 1842 г. он являлся ректором Московского университета. Каченовский преподавал риторику, археологию, русскую и всеобщую историю, статистику, географию, этнологию.

специально посвященных этому произведению, в которых была бы изложена аргументация истории его создания и особенностей поэтики. Он лишь высказывает единственную мысль – это сомнение в подлинности текста. Впервые и единственный раз в печати Каченовский заявил об этом в 1812 г. в статье «Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия». В том же году 4 мая на заседании отдела литературы российской словесности при Московском университете К. Ф. Калайдович представил свое сочинение «На каком языке писана Песнь о полку Игореве, на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг Священного Писания, или на каком-нибудь областном наречии?», в котором опровергает воззрения М. Т. Каченовского, отстаивая подлинность «Слова». Весомым аргументом подлинности текста была найденная ученым в Псковском Апостоле 1307 г. приписка, имеющая сходство с текстом «Слова о полку Игореве».

Тем не менее Каченовский сыграл значительную роль в утверждении скептического отношения к «Слову», широко бытовавшего в течение всей первой половины XIX в. Критическое отношение к историческим источникам было решительно заявлено еще в работах Августа Шлецера. Скептическая школа довела до крайности его метод, провозгласив сомнение главной основой исторического исследования. Представления Каченовского о низком уровне русской культуры XI–XIII вв. служили для него основным аргументом в отрицании подлинности произведений древнерусской письменности, многие из которых были открыты в начале XIX в.

Уже в статье «Об источниках русской истории»¹⁸² Каченовский подверг сомнению подлинность договоров Олега и Игоря с греками. И в дальнейшем он доказывает «баснословность» многих известных русских летописей. Естественно, что эта концепция была распространена им и на «Слово». Влияние скептической школы было значительным, и мнение о позднем происхождении текста получило признание и широкое распространение. Так, например, митрополит Евгений (Болховитинов) полагал, что «Слово» было написано в XVI в., Н. П. Румянцев считал его подделкой XVIII в., скептическое отношение к «Слову» высказывали журналист О. И. Сенковский, писатель И. И. Давыдов и др.

¹⁸² Вестник Европы. – 1809. – Т. 43. – № 18.

Однако имела место и противоположная оценка подлинности текста. Вслед за Калайдовичем в спор с Каченовским вступил Жуковский, осуществивший в 1817–1819 гг. поэтический перевод памятника Древней Руси. Список этого перевода, сохранившийся в бумагах Пушкина, передавал ритмическую основу древнего оригинала. В 1832 г. Пушкин посетил Московский университет, присутствовал на лекции Каченовского, где вступил с ним в полемику. В следующем году писатель А. Ф. Вельтман издал «Слово» со своим переводом и комментариями. Вольный перевод текста, состоящий из стихотворных и прозаических фрагментов, был подарен Пушкину. Очевидно, что у поэта возникла мысль сформулировать свои возражения представителям «скептической школы».

В 1836 г. Пушкин написал статью для журнала – «Песнь о полку Игореве» и начал работать над комментариями к тексту «Слова». В откликах на явления общественной и литературной жизни он исходил из понимания особой значимости и роли национальной культуры в развитии страны. В центре его внимания постоянно были вопросы нравственности и духовности. В статье о «Слове» он спорит не только с Каченовским, но и со всеми, кто не способен понять дух народа. Он пишет: «Других доказательств нет, как слова самого песнопевца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? Но Карамзин не поэт. Державин? Но Державин не знал и русского языка, не только языка “Песни о полку Игореве”. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства...»¹⁸³.

С 1808 г. «Вестник Европы» редактировал Жуковский (в 1810 г. совместно с Каченовским), он часто публиковал свои стихи, баллады, повести. В журнале участвовали К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич и другие писатели и поэты. В 1810 г. изменилась структура издания. Вместо двух отделов стало пять: «Словесность», «Науки и искусство», «Критика», «Смесь», «Обозрение происшествий».

С 1811 г. редактором вновь был назначен М. Т. Каченовский (в 1814 г., во время его болезни, издание редактировал В. Измайлов, при котором дебютировали А. С. Пушкин, А. Дельвиг, А. С. Грибоедов) и оставался на этом посту до его прекращения. Тему Отече-

¹⁸³ Пушкин, А. С. Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Т. VI. – М. : Правда, 1981. – С. 312.

ственной войны представляли в журнале такие поэтические произведения, как «Слава» Державина, «Певец во стане русских воинов» Жуковского. В последние годы существования журнала в нем активно участвовал Н. И. Надеждин. Консервативная общественно-литературная позиция редактора «Вестника Европы» Каченовского вызывала критические и сатирические замечания А. Бестужева, А. С. Пушкина, Н. Полевого.

Журнал потерял свою оригинальность и стройность, лишился направленности, стал сухим научно-литературным изданием, стоящим на позициях классицизма. Тем не менее в историю журналистики «Вестник Европы» вошел как журнал, в котором дебютировали молодые поэты А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, А. Пущин, А. Дельвиг и другие.

Журналы «Московский Меркурий» (1803) П. И. Макарова¹⁸⁴, «Патриот» (1804) В. Измайлова, «Журнал для милых» (1804) М. Макарова и журналы князя П. Шаликова продолжали традиции Карамзина в журналистике, защищали сентиментализм и старались угодить своим читательницам, ибо адресовались в основном дамской аудитории. В них печатались произведения изящной словесности (беллетристика) и литературная критика. Ведущая роль принадлежала отделу критики. Иногда больше половины номера занимали рецензии и критические статьи на новые книги. Это было хорошим дополнением «Вестнику Европы», где критика не печаталась. Интересно, что Карамзин признавал только позитивную критику – то есть похвалы в адрес произведения и автора. А его последователи, в частности, Макаров, полагали, что критика – это полемика не только о достоинствах произведения, но и о недостатках, это строгий суд читателей и литераторов. И главная задача критиков – дать рекомендации и ориентиры в море книг своим читателям.

«Московский Меркурий» (1803–1804) – журнал, который издавал П. Макаров с января 1803 по апрель 1804 г., уступавший в популярности лишь «Вестнику Европы» Карамзина и во многом переключившийся с этим периодическим изданием. Макаров не был тогда лично знаком с Карамзиным (состоялось ли это знакомство позже –

¹⁸⁴ Макаров Петр Иванович (1764–1804) – критик, журналист, переводчик, прозаик. Приобрел известность после публикации «Писем из Лондона». За образец взято произведение Карамзина «Письма русского путешественника». Но Макаров сосредоточился преимущественно на бытовых подробностях, заинтересовав читателя живостью восприятия. В 1803–04 гг. имел успех как издатель и автор «Московского Меркурия».

неизвестно), но он вполне разделял карамзинские идеи о хорошем вкусе и «приятности слога». Журнал печатался в университетской типографии без указания имени издателя.

Раздел «Смесь» составляла проза, в основном переводы с французского и стихи П. Макарова, П. И. Шаликова, Н. Ф. Остолопова, Д. И. Хвостова, И. И. Дмитриева. В разделах «Российская литература» и «Иностранная литература» печатались рецензии Макарова (всего их было опубликовано 50), сообщалось о новых книгах. Заключительный раздел «Моды» был обращен к женщинам-читательницам.

Принадлежавшие Макарову критические статьи, отличавшиеся остротой суждений, вызвали широкий резонанс среди литераторов, «послужив в осторожность многим из наших молодых писателей»¹⁸⁵. В отличие от Карамзина тон критики редактора был резок и сознательно провоцировал противников на полемику. При этом Макаров обращался к читателю, считая необходимым правильно ориентировать его в круге чтения. Это вызвало осуждение «Северного вестника», провозглашавшего, что «журналист <...> обязан писать рецензию или критику единственно для авторов и переводчиков»¹⁸⁶. Макаров взял под свою защиту моду, отводя ей в «Меркурии» место, композиционно соответствующее политике в «Вестнике Европы», и полемически заявил, что именно на нее он и будет ориентироваться, формируя свою «точку зрения»¹⁸⁷.

Среди работ Макарова выделяются статья «Сочинения и переводы Ивана Дмитриева» и рецензия на стихотворения И. М. Долгорукова, в которой, в целом положительно отзываясь о стихах, порицает автора за употребление слов, «которые строгий вкус исключает», как то: «глазеть», «разиня рот» и т. п.¹⁸⁸.

В рецензии на книгу А. С. Шишкова¹⁸⁹ «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка»¹⁹⁰ Макаров изложил ряд новых для своего времени мыслей об эволюции языка, говорил о необходимости

сти «очищать, обогащать язык по числу новых понятий». Он отмечает положительную тенденцию к стиранию границ между книжным и разговорным языком, стремление «писать, как говорят, и говорить, как пишут». Во взглядах Шишкова Макаров видит препятствие прогрессу, так как отжившие, устаревшие формы языка, за которые он ратует, могут «возвратить нас и к обычаям, и к понятиям старинным».

Выраженная Макаровым мысль о развитии языка опиралась на его соображения, высказанные в предисловии к переводу романа Ж. де Мемье, где он призывал совершенствовать русский язык в соответствии с новыми понятиями, вошедшими в обиход со времени Ломоносова и Сумарокова. В рецензии на книгу Шишкова он вместе с тем подчеркивал полезность возрождения забытых слов «для восполнения недостатка в языке», замечая, что «...рыться в кладезе старинной нашей словесности есть обогащать нынешнюю». Полемизируя с Шишковым, Макаров находил, однако, что «некоторые замечания сочинителя довольно справедливы».

Осенью 1803 г. Макаров сообщил о скором прекращении издания журнала из-за того, что критика, отнимая время, лишает его возможности писать что-то свое. В 1804 г. Макаров печатает в «Вестнике Европы» (№ 9) продолжение «Писем из Лондона». Сведения Евгения Болховитинова о том, что Макаров был в это время издателем и «Вестника Европы» (основанные, по-видимому, на сообщении «Сына отечества» (1821. № 1. С. 8)), не находят своего подтверждения.

Последние годы жизни Макаров провел в Москве, живя очень бедно, но независимо, в наемных комнатах и отклоняя приглашения многочисленных друзей поселиться у них. Макаров неожиданно скончался «от простуды» по дороге в Польшу, куда отправился путешествовать.

И. И. Дмитриев называл Макарова «одним из остроумных наших писателей». Ф. Ф. Вигель писал в своих «Записках», что Макаров «...был одним из благоразумных и беспристрастных последователей Карамзина. Его слог был следствием изучения языка, а не подражательности», он «был добр, чувствителен, приятен в обществе и любим всеми»¹⁹¹. «Петр Иванович Макаров был отличный критик, ученый, добросовестный, беспристрастный, пристойный»¹⁹².

Заметную роль в развитии журналистики сыграло «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», созданное в

¹⁹¹ Вигель, Ф. Ф. Записки / Ф. Ф. Вигель. – М., 1891. – Ч. 3. – С. 137.

¹⁹² Вигель, Ф. Ф. Русские мемуары / Ф. Ф. Вигель. – М., 1989. – С. 471.

1801 г. членами общества – переводчиками, литераторами, учеными – издавались журналы и альманахи, часть из которых носила общественно-политический характер.

Отсутствие единой линии в «Вольном обществе», наличие в нем двух группировок сказалось на направлении развития изданий, связанных с ним. Это представлявшие «Вольное общество» в целом: альманах «Свиток муз» (1802, 1803), журналы «Периодическое издание “Вольного общества любителей словесности, наук и художеств”» (1804) и «Санкт-Петербургский вестник» (1812), а также журналы, выпускавшиеся отдельными членами общества или близкими к нему людьми – «Северный вестник» (1804–1805) И. И. Мартынова, «Журнал российской словесности» (1805) Н. П. Брусилова, «Любитель словесности» (1806) Н. Ф. Остолопова, «Цветник» (1809–1810) А. Е. Измайлова и А. П. Бенитцкого.

«Свиток муз» (1802–1803) – русский стихотворный альманах, издававшийся в Петербурге *один раз в год*, то есть вышло две книги, членами «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». «Свиток муз» явился значительной вехой в истории такого вида периодических изданий, как альманах, введенный в литературу Карамзиным.

Отличительной чертой альманахов Карамзина и карамзинистов являлось то, что они давали преимущественно легкое занимательное чтение и рассчитаны были, прежде всего, на признание «прекрасных читательниц». Эту традицию разрушили декабристы, создавшие свой тип альманаха («Полярная звезда», «Мнемозина»), который воспитывал читателя в гражданском духе.

Однако первый удар по карамзинской традиции нанес альманах «Свиток муз». Здесь были представлены не только камерные поэтические жанры, но и замечательные образцы высокой поэзии – гражданские, философские, политические стихотворения Борна¹⁹³, Попугаева, Востокова и других поэтов левого крыла «Вольного общества». Не

¹⁹³ Борн Иван Мартынович (Иоганн Георг) (1778–1851) – поэт, публицист. Литературная активность падает на 1801–08 гг. Организатор и первый президент «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Его «Краткое руководство к российской словесности» (1808) – курс грамматики, теории и истории литературы было настольной книгой всех литераторов. Здесь изложена программа ВОЛСНХ: идея самобытной литературы, «чистота» слова, чуждого и «ветхим» славянизмам, и механистическим заимствованиям.

случайно первая книжка «Свитка муз» открывалась «Одой достойным» Востокова – программной политической декларацией, исполненной тираноборческого пафоса. Выражая настроения радикальной части «Вольного общества», автор восторженно приветствует убийство тирана-самодержца Павла, защищает право народа на свержение недостойного монарха.

Вторая книжка альманаха представляет большой интерес и по содержанию, и по композиции. В начальной части помещены высокие гражданские оды и послания радикальных поэтов-просветителей. Они с негодованием пишут о различных проявлениях социального зла в России и призывают бороться с этим злом, рисуют благородный образ патриота-гражданина, готового пойти на каторгу ради свободы и счастья своего народа («Ода к истине», «Судьба моя» И. М. Борна, «Письмо к Борну», «К друзьям» В. В. Попугаева, «К бардам потомства» И. А. Кованько и др.). Завершает «Свиток муз» стихотворение «На смерть Радищева», написанное Борном. Это был единственный печатный отклик на самоубийство Радищева, последовавшее 11 сентября 1802 г.

«На смерть Радищева» – яркое публицистическое произведение, написанное в форме ораторской речи, обращенной к «любезным друзьям», к товарищам-единомышленникам. Это было очень смелое в условиях подцензурной печати похвальное слово в честь «истинно великого человека», который как борец за «правду» и «добродетель» вынужден был не только жить в «утеснении», то есть в тюрьме и ссылке, ведь «участь правды – быть гонимой», но и вообще уйти из жизни. Борн сумел подчеркнуть, что гибель Радищева – факт политический: человека не стало по вине деспотического правительства.

Внимание читателей привлекли произведения А. Х. Востокова, И. М. Борна, И. П. Пнина и др. Незаурядным журналистом проявил себя В. В. Попугаев¹⁹⁴, чья литературная деятельность тесно связана с историей «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» и альманахом «Свиток муз». Отдельным изданием вышли: повесть «Аптекарский остров, или Бедствия любви» (СПб.,

¹⁹⁴ Попугаев Василий Васильевич (1778–1816) – писатель и поэт. Служил цензором и учителем русского языка и литературы. Один из руководителей ВОЛСНХ. В 1800 г. издал повесть «Аптекарский остров, или Бедствия любви» (СПб., 1800), а также сборник стихотворений под названием «Минуты муз» (СПб., 1801, кн. I).

1800), а также сборник стихотворений под названием «Минуты Муз» (СПб., 1801, кн. I).

Во второй книге альманаха «Свиток муз» можно найти несколько стихотворений Попугаева, из которых обращают на себя внимание: «Пигмалион», «Стихи на случай великодушного поступка Ангерстейна», «Письмо к Борну», «К друзьям». Кроме того, в «Периодическом издании “Вольного общества любителей словесности, наук и художеств”» (СПб., 1804, ч. I) Попугаев поместил несколько стихотворных и прозаических произведений. Следует отметить: очерк «Негр», выданный за перевод с испанского, «Достоинство старого воспитания в России», «О политическом просвещении вообще», «О публичном общественном воспитании и влиянии оно на политическое просвещение», «О постепенности Училищ и соображении с сей постепенностью политических предметов воспитания», «Об истории, как предмете политического воспитания», «Заключение о преподавании в общественном воспитании других отраслей наук».

Кроме того, в журнале члена «Вольного общества» Н. Ф. Остолопова – «Любитель словесности» в 1806 г. в III части помещено произведение Попугаева «Русские анекдоты», в сборнике члена «Вольного общества» Бенитцкого «Талия» в 1807 г. – несколько стихотворений. Наконец, несколько произведений Попугаева сохранились в рукописи, иные мы знаем лишь по заглавиям, уцелевшим в архиве «Вольного общества».

Из ненапечатанных произведений Попугаева следует отметить его переводы из Вольнея, Филанджиери, Макиавелли, Тацита и др. («Общий план законоположения», «О влиянии просвещения на законы и правление», «О феодальном правлении», «Юридическое рассуждение о умерщвлении младенцев», «О монархии» и мн. др.); оригинальные сочинения: «Спартанцы», «Несчастное семейство», «О поэзии», «Рассуждение о цветах радуги», «Опыт о благоденствии народных обществ» и др.

В 1801 г. Попугаев вступил в члены им же основанного «Общества любителей изящного», открывшего свои заседания 15 июля 1801 г. Два года спустя, оно было официально утверждено под названием «Санкт-Петербургское вольное общество любителей словесности, наук и художеств». Общество это на первых порах преследовало цели исключительно самообразовательные, но вкусы основателей его – Ивана Борна и в особенности Василия Попугаева – скоро придали занятиям общества некоторый специфический характер: интересы чисто литературные должны были скоро уступить место социаль-

но-политическим, причем и литературная струя принимала зачастую политическую окраску.

Душой этого общества в первый год его существования был Попугаев: он был первым его секретарем, цензором, представителем, вербовавшим новых членов, самым усердным докладчиком и сотрудником изданий общества. Личность, без сомнения, даровитая, энергичная, эрудированная, Попугаев, по верному замечанию Греча, «вдохновенный самыми чистыми намерениями, равнодушный к суждениям света и житейским отношениям, бросался во все стороны, начинал многое и не кончил ничего». Он начал усердно упражняться в писании стихов легкого и серьезного содержания и повестей, но постепенно перешел к публицистическим рассуждениям; изучал и переводил западных философов и юристов, занимался филологией, историей, наконец, физикой; писал доклады и статьи по всем названным предметам.

Это был человек образованный, требовательный к себе и другим, страстный, воспитывавший себя на литературе французских теоретиков – «вольнодумцев» XVIII в. и сам ставший «вольнодумцем»: его идеалом общественного устройства была древняя республиканская Спарта, со всеми ее суровыми установлениями, особенно по части воспитания; самым дорогим для него званием было «титло гражданина»; лучшим богатством – личная свобода; наибольшим злом он считал бездеятельность, честолюбие, тиранию и рабство. Все эти взгляды ясно, а порой и резко Попугаев успел высказать и в своих страстных стихотворениях на «гражданские мотивы».

Вместе с другими сотрудниками общества он приветствовал новое царствование, обещавшее покровительствовать «просвещению», но не упускал случая напомнить, что сильные должны «блести законами», «хранить счастье людей», «шествовать стезями правды», заботиться о мирном развитии государства, ибо «где крови лавр, – там терн и ель». Кроме того, в стихах его постоянно слышится призыв к общественной деятельности, просвещению, гуманности. Но всего резче гражданские идеалы Попугаева сказались в его речах перед обществом, в докладах и статьях, например, в ряде статей под общим заглавием: «О политическом просвещении» и из последних особенно в статье «О публичном общественном воспитании и влиянии оно на политическое просвещение».

Попугаев проводит идею об объединении путем воспитания интересов разных классов общества, о настоятельной необходимости искоренить эгоистические и сословные предрассудки и воспитать в молодом поколении будущих граждан сознание святости

общенародной пользы. В вопросе о воспитании, который усердно трактовался в то время в обществе вообще, а в частности сочленами Попугаева, последний держится следующих убеждений: «граждане могут жить, как им угодно, но просвещаться в одних Правлением (то есть правительством) признанных и утвержденных местах»; «общественное воспитание», по образцу Спарты, должно быть предпочтено перед «семейственным»; «всякому гражданину необходимо знать отношения и обязанности, связующие его с обществом: обычаи, законы и права суть первая и основная связь политических обществ и политики», посему изучение законов и истории должно быть поставлено на первом месте в деле воспитания; но история как предмет воспитания должна служить не столько наукой, обогащающей ум фактами прошлой жизни, порою сведениями о «делах обыкновенных», но она должна быть преподаваема в «философическом духе», она должна быть «полезна для граждан единой нравственностью»; словом, «история должна быть зеркало дел великих, которая бы, как в картине, представляла питомцам бессмертия образцы для подражания и средства достигнуть до славы, ими предполагаемой или превзойти оную». Что касается политических убеждений Попугаева, то следует отметить, что он сочувствовал космополитизму; он готов был «любить, как братьев, все народы», но это не мешало ему быть пламенным патриотом с явными демократическими тенденциями.

Конечно, молодость и горячность, а также и благоприятные условия первых годов царствования императора Александра I придавали Попугаеву смелость, но дело ограничилось одними словами. Широкие идеи, долженствовавшие «породить новый свет», новые взгляды на вещи и общественный организм сгубили Попугаева: он скоро впал в противоречия, к которым его привели, с одной стороны, туманные и разноречивые теории XVIII в., с другой – отсутствие опытности и увлекающийся темперамент. Само общество, в котором стали возникать одно за другим различные недоразумения и направление деятельности которого, данное Борном и Пнинным, заменялось направлением чисто литературным, поворот в направлении мнений Александра I – все это не могло не ослабить энергии Попугаева. С одной стороны, не желая мириться с новым течением дел общества, с другой – не чувствуя в себе достаточно сил на борьбу, Попугаев оставил общество (в марте 1811 г.) и прекратил совсем свои литературные занятия. С уходом Попугаева из общества последнее потеряло и многих других талантливых сотрудников, между прочим, и второго основателя его – Борна.

Форма стихотворного альманаха «Свитка муз» сужала сферу публичных выступлений в печати радикально-демократических писателей и журналистов. Им необходим был общественно-политический журнал.

«Периодическое издание “Вольного общества любителей словесности, наук и художеств”» начали выпускать в 1804 г. Редактирование поручили В. В. Попугаеву. Журнал прекратился на первом номере в результате разногласий, возникших в связи с подготовкой первой книжки: группа Языкова не желала поддерживать радикальное направление, которое стремились придать журналу Попугаев, Борн и другие представители левого крыла.

Несмотря на то, что вышла всего одна книжка «Периодического издания», оно было заметным явлением в русской журналистике. По своему типу – это журнал серьезной публицистики, он противостоял литературным органам карамзинистов и продолжал традиции передовой русской журналистики последней четверти XVIII в. Печатались статьи по педагогике и философии.

К числу наиболее интересных и политически острых материалов «Периодического издания» относятся статьи и очерки Попугаева и Борна. В очерке Борна «Ночь» дается оценка политического положения Европы и России конца XVIII – начала XIX в., выражается надежда на мирный исход социальных противоречий посредством развития просвещения, чему должны способствовать члены «Вольного общества». Попугаев в ряде статей («О публичном общественном воспитании и о влиянии оногo на политическое просвещение», «О политическом просвещении вообще» и др.) выступает против сословных предрассудков, узаконенных в феодально-крепостнической России, за свободу человеческой личности, за единую систему образования для всех сословий.

Центральное место в «Периодическом издании» занимает антикрепостнический очерк Попугаева «Негр». Автор снабдил его подзаголовком «Перевод с испанского» и рассказал в нем о трагической судьбе «отягченного цепями» негра Амру, которого «белые исторгли... из недра семейства, дабы везти в сахарные плантации в Америку». Расшифровать смысл очерка Попугаева читателю было нетрудно. Категорически заявив, что «негр не может принадлежать белому ни по каким правам», Попугаев произносит суровый приговор не только над «свирепейшим тигрой европейцем», но и над хозяевами русских белых невольников: «Кто позволил вам делать невольниками собратий ваших...? Воля не есть продажною, цена золота всего света не в силах оной заплатить, и никакой тиран ею располагать не должен».

Это произведение можно считать первым антирасистским произведением в русской литературе. В нем русский публицист-демократ разоблачает рабство и критикует белых европейцев за порабощение темнокожих братьев. При этом произведение Попугаева было в равной степени направлено против русского крепостничества.

В своем очерке Попугаев повторяет основной тезис американских аболиционистов, провозглашенный еще Сэмюэлом Сьюэллом в его трактате «Продажа Иосифа» (1700): свобода человека является высшей ценностью, которую невозможно продать. Кроме того, автор разоблачает варварство и жестокость белых европейцев, промышленяющих рабовладением. При этом Попугаев всячески оттеняет храбрость, благородство и великодушие чернокожих.

«Европеец, славящийся своим просвещением и человеколюбием, сколь ужасное ты чудовище!» – пишет Попугаев. Очерк заканчивается словами Амру, обращенными к его поработителям: «А вы, о варвары! Страшиться гнева небес за коварное сердце ваше, вы погибнете без всякой пощады; глас правосудия загремит на вас по окончании века; вы дадите отчет за отнятие воли нашей!. Кто дал вам сие право? Кто позволил вам делать невольниками собратий ваших? Негр не может принадлежать белому ни по каким правам. Воля не есть продажная; цена золота всего света не в силах оной заплатить, и никакой тиран ею располагать не должен». Восхваляет спартанцев и героев древности – борцов за свободу личности, пишет доклад «Об участии земледельцев», в котором обрушивается на крепостничество, составляет в двух частях «Опыт о благоденствии народных обществ», который предлагает обществу для издания; впрочем, члены почти единогласно нашли, что тон статьи слишком резок, даже и для того времени, когда «само правительство, сам Государь у нас занимался способами облегчения участи земледельцев»; наконец, следует упомянуть, что Попугаев был одним из горячих поклонников Радищева, память которого свято чтится членами общества; он же первый подал мысль (много обсуждавшуюся членами общества, но не осуществленную) о сооружении памятника Минину и Пожарскому...

Поскольку первая книжка «Периодического издания» оказалась и последней, участники «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», оставшиеся без своего печатного органа, начали сотрудничать в двух петербургских журналах, издатели которых были связаны с «Вольным обществом», – в «Северном вестнике» и «Журнале российской словесности».

«Северный вестник» (1804–1805) – ежемесячный общественно-политический и литературно-критический журнал. Издавался

директором канцелярии Министерства народного просвещения И. И. Мартыновым¹⁹⁵, который не входил в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», но близко стоял к его правому крылу. В числе сотрудников были такие известные литераторы, как К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич, С. Н. Глинка, А. И. Тургенев, и другие. В 1805 г. в журнале было опубликовано произведение «*Комала, песнь Оссиана*», которым начал свою литературную карьеру Александр Бенитцкий.

В журнале довольно широко была представлена внутренняя политика России: печатались статьи по вопросам общественного и государственного устройства, по законодательству, просвещению, воспитанию; помещались переводы античных и новейших европейских авторов (Тацита, Гиббона, Монтескье и др.), в которых затрагивались эти же вопросы (например, в ряде номеров «Северного вестника» был напечатан почти полный перевод «Естественной политики» Гольбаха).

Мартынов старался вести журнал в духе правительственного либерализма, он всячески поддерживал распоряжения царя, особенно в области просвещения и законодательства, и сам принимал участие в составлении цензурного устава 1804 г. Но в ряде случаев «Северный вестник» выходил за эти пределы и позволял себе кое-что посоветовать, ссылаясь на практику европейских государств. Например, автор статьи «Опыт о Великобритании» (1805, № 2, 3), восторженно отзываясь об английской конституции, рекомендует и русскому правительству сделать законы равными для людей «всех состояний» (сословий).

«Северный вестник» сообщал зарубежные и русские научно-литературные новости, с этой целью были заведены отделы «Смесь», «Разные известия», «Известия об ученых обществах в России», «Известия об иностранных ученых обществах» и др. Иногда в этих отделах под видом нейтрального материала помещались политически острые произведения. Так, в № 1 за 1805 г. был перепечатан отрывок «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева (глава «Клин»). Этот материал был представлен как описание поездки, предприня-

¹⁹⁵ Мартынов Иван Иванович (1771–1833) – журналист, издатель, переводчик. Рано осиротел. Получил блестящее духовное образование. Входил в круг людей Александра I. Первые печатные стихи появились в журнале И. Крылова «Санкт-Петербургский Меркурий» в 1793 г.

той одним «чувствительным» автором. В № 6 была помещена положительная рецензия на только что разрешенную к представлению комедию В. В. Капниста «Ябеда»¹⁹⁶, более 15 лет запрещенную к постановке.

Литературно-теоретическая программа журнала определялась позицией издателя, который, будучи поклонником позднего французского классицизма (Баттё, Лагарп), пытался развить в новых исторических условиях идеи признанных авторитетов классицизма. Однако в журнале (отделы «Словесность», «Стихи») печатались и произведения, отмеченные явным влиянием сентиментализма (Н. А. и П. Ю. Львовы, А. А. Писарев, П. И. Шаликов).

В № 1 за 1804 г. опубликованы критические материалы против книги А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге...», а также драмы Н. И. Ильина «Великодушие, или Рекрутский набор».

Журнал Мартынова сыграл заметную роль в развитии русской литературной и театральной критики. В нем постоянно печатались рецензии и библиографические заметки о книжных новинках, отзывы о театральных постановках, а также серьезные статьи (преимущественно переведенные из французских журналов) по теории критики: например, «О рецензии» (1804, № 1), «О критике» (1804, № 4).

В 1806 г. журнал «Северный вестник» был переименован в «**Лицей**» – еженедельный литературный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге под редакцией И. И. Мартынова. Здесь был расширен отдел словесности. Журнал помещал публикации на отечественные темы, противопоставлял их ненужным заимствованиям, призывал употреблять в обиходе высшего общества и во дворце русский язык.

«**Журнал российской словесности**» (1805) – петербургское еженедельное периодическое издание, редактором которого был Н. П. Брусилов¹⁹⁷. Журнал состоял из четырех отделов: в *первом*

¹⁹⁶ «Ябеда» (1793) – вершина творчества драматурга В. Капниста. Автор высмеивает продажное судопроизводство России, лицемерие и жадность судейских чиновников, беззаконие. Пьеса была запрещена к постановке по личному указанию Павла I.

¹⁹⁷ Брусилов Николай Петрович (1782–1849). Литературная деятельность Брусилова началась очень рано: еще в студенчестве он издавал рукописную газету. Первым печатным опытом был сборник «Безделки, или Некоторые сочинения и переводы Н. Б.» (СПб., 1795 г.), переизданный в 1803 г. Кроме того,

помещались «русские повести, отрывки о русской словесности, нравственности, театре», извлечения из произведений русской и иностранной литературы и т. д., во *втором* – стихотворения, в *третьем* – известия о новых произведениях русской и иностранной литературы и в *четвертом* – смесь.

Активными сотрудниками журнала были члены «Вольного общества»: И. Н. Пнин, А. Измайлов, Н. Остолопов, Н. Греч, И. Похвиснев, А. П. Бенитцкий и другие. Так, в 1805 г. активный сотрудник журнала Бенитцкий по большей части под псевдонимами «А. Бе.» и «Бу-ки» опубликовал несколько лирических стихотворений («Гробница друга» (№ 3), «К Амуру» (№ 5), «Развалины» (№ 7) и другие), эпитафий, надписей, эпиграмм, басен, сказку в стихах «Вдова» (№ 7) и две статьи «Перстень, восточная повесть» и «Камознс, творец Лузиады» из «Taschenbuch der Reisen» Циммермана (№ 7). Его талант высоко оценивали не только современники, но и сегодняшние исследователи: «Бенитцкий – настоящий “француз”, слишком восприимчивый к Вольтеру, чтобы подражать сентименталистам, писал философские восточные сказки в лучших вольтеровских традициях. По изяществу и ясности его стиль превосходит все, написанное в России в прозе до Пушкина»¹⁹⁸.

Так как члены редакции увлекались не только историко-литературными, но и общественными интересами, то их сотрудничество (особенно Пнина и Бенитцкого) наложило и на журнал известный отпечаток и внесло в него общественный интерес. Впрочем, наибольшее число прозаических оригинальных и переводных статей в журнале принадлежит самому Брусилову.

Большинство произведений является подражанием, главным образом Карамзину. По его признанию, желание подражать было главной причиной создания им того или другого произведения. Выступая поборником реализма, он старался избегать в своих про-

отдельно были изданы: 1) «Гваделупский житель», комедия в трех действиях (Соч. Мерсье, пер. с фр. – СПб., 1800 г.); 2) «Старец, или Превратность судьбы», повесть. С приобщением возражения на критику, помещенную в московском «Меркурии» (СПб., 1803 г.); 3) «Бедный Леандр, или Автор без Риторик» (СПб., 1803 г.); 4) «Мое путешествие, или Приключения одного дня» (СПб., 1803 г.) и 5) «Плоды моего досуга» (М., 1805 г.).

¹⁹⁸ Мирский, Д. С. Роман [XVIII века] // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Д. С. Мирский; пер. с англ. Р. Зерновой. – London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – С. 118–120.

изведениях особенностей сентиментализма, который он называл «сумасбродством». Но, тем не менее, его повести, за исключением «Леандра», имеют все характерные черты сентиментализма.

Брусилов в своем журнале из общественных вопросов чаще всего останавливался на галломании, в которой он видел причину упадка современной ему русской литературы. Являясь горячим поборником реформ Александра I, Брусилов, однако, весьма редко затрагивал в журнале вопрос о положении крестьян и дворовых людей и даже склонен был идеализировать их быт. В своем «Письме о театре» он высказывает мысль о необходимости устроить для народа театр с особым репертуаром, что, по его мнению, имело бы огромное воспитательное значение. Много места уделяет Брусилов в журнале вопросу о положении женщины и женском образовании; он требует от женщины не только выполнения обязанностей хозяйки, матери и жены, но в то же время умственного развития и образования; женщин же, не отвечающих такому взгляду, он подвергает сатирическим нападкам. Сатирическим характером отличаются и все сочинения Брусилова.

Журнал Брусилова отличался ярко выраженной публицистической направленностью, которая пронизывала многие художественные произведения. Нередко вместе с сентиментальной повестью в журнале печатались произведения высокой гражданской лирики, исполненные пафосом обличения и негодования, сатиры в стихах и прозе. Лучшие из них принадлежали Пнину, одному из руководителей левого крыла «Вольного общества».

Страстный просветитель, автор сильных публицистических произведений «Вопль невинности» и «Опыт о просвещении относительно к России», Пнин был талантливым поэтом и журналистом. Уже в первом номере журнала он печатает свою гражданскую оду «Человек» (№ 1). Пнин страстно защищает идею просветительской философии: человек – царь земли и всей вселенной, он по природе своей свободен. Человек должен отвергнуть «презренную мысль», что он червь земли, и практически доказать свое право на личную свободу, добиваться независимости. Поэт-просветитель подчеркивает, что человек снискал мудрость «сам собою через труд и опытность свою», а не через божественный промысел. Показательно, что шесть строк оды, в которых доказывается атеистический тезис о независимости бытия человека и природы от бога, цензура исключила из журнального текста.

Либеральное направление издания особенно отчетливо проявилось в таких произведениях Пнина, как «Ода на правосудие» (№ 10), «Сочинитель и цензор» (№ 12), в баснях Измайлова («Истина во

дворце» и др.) и в анонимной публицистике Брусилова («Путешествие на остров подлецов» (№ 4), «О воспитании» (№ 6), «Письмо к издателю» (№ 7) и пр.).

Права человека, свобода мысли, долг гражданина – вот основные проблемы, которые наряду с довольно резкой критикой нравов правящих кругов определяли характер журнала. Позиции Брусилова и его сотрудников сформулированы в анонимном «Письме к издателю»: «Кто унижает права человечества, долженствующие быть каждому священными, тот первого унижает себя» (№ 7, с. 164). С этих позиций Брусилов защищает права закрепощенного крестьянства – «Письмо деревенского жителя о воспитании» (№ 11) и др. В журнале был опубликован ряд анонимных публицистических статей преимущественно в форме писем к издателю, в которых защищается право всех людей на личную свободу, выражается глубокое сочувствие простому народу («Письмо деревенского жителя о воспитании», № 1; «Письмо к издателю», № 7 и др.).

«Журнал российской словесности» – единственное в начале XIX в. периодическое издание, в котором сатирические материалы печатались не от случая к случаю, а регулярно. В них оживали традиции русской сатирической журналистики XVIII в. – литературный опыт Сумарокова, Новикова, Фонвизина. В форме сатирического диалога написан памфлет Пнина «Сочинитель и цензор» (№ 12), в котором органически сочетаются социальная сатира и высокая гражданская публицистичность. Помета в скобках «перевод с маньчжурского» не помешала читателю понять, что речь идет не столько о древней Маньчжурии, сколько о России начала XIX в. Диалог посвящен изобличению произвола цензурных комитетов, страстной защите свободы печати; он выражал отношение передовых людей России к цензурному уставу 1804 г.

Большой интерес представляет сатирическое применение в «Журнале российской словесности» жанра лингвистического разбора. Эту форму сатиры впервые в русской журналистике употребил Сумароков в «Трудолюбивой пчеле», потом к ней обращались Новиков, Фонвизин, Страхов. «Опыт критико-философического словаря» (№ 10) составлен по типу толкового словаря; в алфавитном порядке приводятся некоторые слова русского языка с их толкованием, причем отбираются такие слова, через объяснение которых автор получает возможность сделать язвительные замечания и намеки общественного характера: «Благородство – достоинство, нередко приобретаемое только одною родословною. Обещание – привычка знатных особ. Подарок – искusstный стряпчий по приказным делам» и т. д.

«Журнал российской словесности» возродил такой литературный прием, как сатирическое газетное объявление, введенный в русскую журналистику Новиковым. В «Сатирических ведомостях» (№ 12), например, сообщается: «Старый судья, отрешенный от должности за взятки, не имея более нужды в своей искаженной совести, желает отдать оную в наем или на откуп какому-нибудь честному стряпчему».

«**Любитель словесности**» (1806) – ежесемейный литературный журнал, который выпускал в Петербурге поэт Н. Ф. Остолопов¹⁹⁹. Вышло 12 номеров (четыре части). По своему типу он был близок «Журналу российской словесности», но уступал ему содержательностью и яркостью материалов. Критика встретила его сочувственно.

Программа журнала была очень разнообразна: «Русские сочинения и переводы, заключающие в себе предметы политические, нравственные, сатирические; повести, анекдоты, избранные мысли; отрывки из российской истории; разные стихотворения и рецензии на некоторые новые книги» («Цель сего журнала» – № 1). Журнал объединял по преимуществу членов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств»; основными сотрудниками, помимо самого издателя, были А. Измайлов, В. Попугаев, Н. Брусилов; печатались посмертные стихотворения И. Пнина. Кроме того, участвовали: К. Батюшков, А. Варенцов, Н. Гнедич, А. Котельницкий, П. Львов и др.

Политический радикализм в направлении издания сказывался очень отчетливо в стихотворениях Пнина, прозе Измайлова и других произведениях. В этом отношении характерны анонимные «Избранные мысли о том, что ложные понятия о благополучии суть источни-

ки несчастий рода человеческого» (№ 1).

Сатира «Любителя словесности» направлена против нравов правящих кругов (анонимный «Разговор дяди с племянником» – № 5 и др.). Художественная проза, исключая произведения на нравственно-политические темы, носит сентиментальный оттенок (чувствительные повести и отрывки).

Среди переводов – произведения Геллерта, Делиля, Жанлис, Роллена и др.; отрывки из трагедий Шекспира. Систематически печатались труды П. Львова по истории России. В каждом номере помещались «Известия» (рецензии на новые книги и спектакли).

«**Цветник**» (1809–1810 гг.) – научно-литературный журнал членов «Вольного общества» А. Е. Измайлова²⁰⁰ и А. П. Бенитцкого²⁰¹. После внезапной смерти Бенитцкого в 1810 г. от чахотки в редактировании принимал участие П. А. Никольский. «Цветник» отражал те изменения, которые произошли в «Вольном обществе» в результате победы его правого крыла. Главное внимание членов общества было сосредоточено теперь на разработке вопросов научных и литературных, а не на политике и философии, как в первые годы. Именно Бенитцкий поставил вопрос о профессионализации литературных занятий членов ВОЛСНХ: исключать бездеятельных сотрудников, ввести членские взносы и поощрять присутствие членов на заседаниях.

Большой заслугой «Цветника» является серьезное внимание к вопросам критики; в течение 1809 г. в журнале было напечатано более двадцати статей и рецензий, из которых двенадцать написал Бенитцкий («Мысли об употреблении в искусстве обыкновенного и низкого», № 1 и др.). Так, например, в отзыве на «Велизария» С. Ф. Жанлис в переводе И. С. Захарова он выступил против «чудной привязанности к бук-

¹⁹⁹ Остолопов Николай Федорович (1783–1833) – поэт, переводчик, чиновник Российской империи. Первые стихи опубликовал в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» в 1801 г. В 1802 г. он пишет повесть «Амалия», через год перерабатывает ее в повесть «Евгения, или Нынешнее воспитание». Его лирика в основном носит пасторальный либо патриотический характер, часты и стилизации под народное творчество.

Остолопов известен также как теоретик стиха, переводчик и литературный комментатор. Одним из главных трудов его жизни считается «Словарь древней и новой поэзии» (изд. 1821), работа над которым заняла более четырнадцати лет. Словарь основывается на произведениях европейских классицистов и раскрывает историю и толкование многих литературных терминов. Работа Остолопова «Ключ к сочинениям Державина с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта» (изд. 1822) считается одним из первых опытов литературного комментария в России.

²⁰⁰ Измайлов Александр Ефимович (1779–1831) – поэт, критик, журналист. Известность пришла в 1801 г. после публикации романа «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества». Прославился как баснописец. Основной успех имел как журналист. Кроме «Цветника» принимал участие в редактировании «Сына Отечества», в 1818 г. начинает издавать свой журнал «Благонамеренный» до 1826 г.

²⁰¹ Бенитцкий Александр Петрович (1780(?)–1809) – критик, поэт, прозаик, журналист. Был активным участником «Вольного общества» (принят в 1806 г. корреспондентом, в 1807 г. – в действительные члены за альманах «Талия»). В 1807 г. выпустил альманах «Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе», где, в частности, поместил около тридцати своих стихотворений и две «восточные» повести «Ибрагим, или Великодушный» и «Бедуин».

вальным переводам иностранных слов» в сочетании с «пристрастием ко всему русскому без разбору, мудреным словоязычием, щегольством славянскими речениями» (№ 2, с. 267). Ряд заметок посвящен низкопробным романам. О романе «Любовники, сосланные в Сибирь» он заметил: «Сказка самой топорной работы» (№ 5, с. 251).

Любопытно, что в отзыве о пьесе «Сулъетам, или Спартанцы XVIII столетия» Л. Неваховича он сформулировал эстетическое кредо реализма: «В драме сей нет идеальных добродетелей, нет мечтательных пороков – пустых призраков... люди показываются в своем виде, а не заимствованном из царства воображения» (№ 6, с. 378).

Журналисты участвовали в спорах о «старом и новом слоге». Статья Д. В. Дашкова «Разбор “Двух статей из Лагарпа”» в «Цветнике» была посвящена разбору книги Шишкова «Перевод двух статей из Лагарпа», вышедшей еще в 1808 г. (1810, № 11, 12). В книге «О легчайшем способе возражать на критику» доказал, что некоторые примеры, приводимые Шишковым из старинных книг, как красоты славянского языка, всего лишь буквальный перевод с греческого.

В начале XIX в. считалось, что только подлинно художественные произведения могут претендовать на отзыв в журнале. «Цветник» был одним из немногих периодических изданий, которые отошли от подобного воззрения на предмет критики. Что касается редакторов журнала Бенитцкого и Никольского, то они были первыми в России критиками-профессионалами.

«**Санкт-Петербургский вестник**» (1812) – *ежемесячный* журнал, который издавался в Петербурге с января по октябрь 1812 г., в последний год существования «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» под руководством Д. В. Дашкова²⁰², избранного в 1811 г. президентом общества. К этому времени общество, совершенно отойдя от политики, ограничило круг своей деятельности литературой и чистой наукой. Как и в «Цветнике», в «Санкт-Петербургском вестнике» ведущее положение занимал отдел

²⁰² Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839). Был заметной фигурой в литературной жизни, в 1811 г. был избран президентом ВОЛСНХ, публиковался в «Цветнике», «Санкт-Петербургском вестнике», «Вестнике Европы». Блестящий полемист. Его отличал особый стиль иронической похвалы, развитый затем в пародийных «речах» поэтов общества «Арзамас». Теоретик «серьезной критики», в основе которой просветительский взгляд на нее как на способ формирования общественного мнения, очищения нравов и просвещения общества.

критики, причем сотрудники журнала рецензировали не только произведения изящной словесности, но и книги по различным отраслям знаний. За десять месяцев журнал дал отзыв почти о сорока книгах.

С «Санкт-Петербургским вестником» в русскую журналистику вошел новый тип издания – критико-библиографический журнал. Участник «Вольного общества» Н. И. Греч вспоминал: «“Санкт-Петербургский вестник” прекратился на десятой книжке, в октябре 1812 г. Тогда было не до литературы: большая часть членов разбрелась в разные стороны. Общество закрылось. Но и без тревог той эпохи оно прекратилось бы само собою. В нем не было общего интереса, не было единства воли и направления»²⁰³.

Большинство изданий **периода Отечественной войны 1812 г.** недолговечно. Даже война не стала фактором активизации изданий. Наоборот, во время Отечественной войны 1812 г. количество изданий сократилось. Сохранившиеся издания получили ярко выраженную патриотическую окраску. В большинстве выходивших в эти годы газет и журналов военная тема была главной. И в предыдущем веке сатирические журналы осмеивали пристрастие русских дворян ко всему французскому и западному, теперь же патриотические издания стали писать о неприятии всего западного. Среди подобных изданий журнал, антипод «Вестника Европы» – «Русский вестник».

«**Русский вестник**» (1808–1820) – *ежемесячный* журнал, издававшийся в Москве С. Н. Глинкой²⁰⁴. Название журнала было полемично по отношению к «Вестнику Европы» Карамзина. Это был влиятельный общественно-политический и литературный журнал, занимавшийся патриотическим воспитанием еще до начала Отечественной войны 1812 г. Политическим идеалом являлась феодальная монархия допетровской Руси. Испорченным нравам современных дворян Глинка противопоставлял жизнеописания замечательных русских деятелей, рассказы о «самородках» из народа, статьи по русской истории и т. д. Он стремился внушить читателям чувство беззаветного патриотизма, мысли о превосходстве русского духа перед иностранным. Издание отличала славянофильская направлен-

²⁰³ История русской журналистики XVIII–XIX веков. – М., 1994. – С. 91.

²⁰⁴ Глинка Сергей Николаевич (1776–1847) – мемуарист, прозаик, драматург, поэт, журналист. Переводил Юнга, труды французских философов, текст «Марсельезы», писал пьесы на сюжеты из русской истории («Наталья, боярская дочь», «Минин» и др.).

ность, хотя такое понятие еще не было сформулировано русской общественной мыслью. В журнале была создана утопия общественного устройства, которую Глинка старался воплотить в жизнь с помощью журнала. Поэтому в журнале указывались также пути устранения недостатков. Номера заполнялись преимущественно самим издателем: «Русские исторические и нравоучительные повести», «Русские анекдоты», сатирические памфлеты против галломании и других пороков.

В годы войны военная тема становится главной – издатель, с первых дней записавшийся в ополчение, дает информацию о ходе военных действий, печатает патриотические стихи, очерки, зарисовки. Активным автором журнала был граф Растопчин, московский губернатор. Все это определило известный успех «Русского вестника» в начале его существования и особенно в годы Отечественной войны, главным образом среди провинциальной публики. Однако патриотизм Глинки носил весьма реакционный характер, поэтому его журнал не вызывал сочувствия прогрессивных кругов. В своем прославлении всего отечественного «Русский вестник» нередко доходил до абсурда, решительно отрицая все успехи европейского просвещения. В этом отношении Глинка всецело солидаризировался с Шишковым, взгляды которого он настойчиво пропагандировал на страницах журнала. Уделяя очень большое внимание вопросам «отечественного воспитания», Глинка, подобно Шишкову, исходил из того, что просвещение заключается «в простоте нравов, в любви и усердии к богу, вере, царю и отечеству» (1808, № 1). Крепостное право рассматривается на страницах «Русского вестника» как идилические взаимоотношения крепостных с «отцом-помещиком» (1810, № 9).

В 1840 г. журнал перешел к Н. И. Гречу, который пригласил в качестве ближайших помощников Н. Полевого и Н. Кукольника²⁰⁵. Редакции удалось собрать лишь 500 подписчиков. В 1843 г. «Русский вестник» не выходил. В 1844 г. возродить его пытался П. Каменский, но безрезультатно: за весь год читатели получили только одну книжку «Русского вестника». Не мог иметь успеха журнал, который в основ-

²⁰⁵ Кукольник Нестор Васильевич (1809–1868) – прозаик, поэт, драматург. В юности выпускал журнал «Звезда», писал стихи на французском языке. Специалист в области лингвистики: в 1830 г. издал «Практический курс русской грамматики». Пьесы имели положительные рецензии в журналах «Московский телеграф», «Беседа для чтения», «Северная пчела». Историческая трагедия получила одобрение царя Николая I, за отрицательный отзыв на пьесу «Московского телеграфа» журнал был закрыт.

ном заполнялся сухими специальными статьями и материалами (три четверти одной из книжек было отведено «Книге Указной» царя Михаила Федоровича) и по своему направлению ничем не отличался от «Сына Отечества». Журнал ратовал за «самобытно русское» мирозерцание; утверждал, что «современное искусство походит не на богиню изящного, а на полупьяную растрепанную вакханку», разносил Гоголя за то, что он «выставляет уродливым и нелепым» все русское. С особенной резкостью обрушился «Русский вестник» на первый том «Мертвых душ», полный «небывалых преувеличений и грубых карикатур» и представляющий собой произведение антипатриотическое.

«Чтение в беседе любителей русского слова» (1811–1816). Издание А. С. Шишкова²⁰⁶, руководителя литературной и политической организации «Беседа любителей русского слова». Члены «Беседы» придерживались антикарамзинской позиции, были против сближения литературного языка с разговорным, протестовали против введения иностранных слов в литературную речь, то есть не принимали никаких либеральных перемен. В этом духе были выдержаны и выступления в журнале – о языке, об истории, о поэзии, печатались верноподданнические стихи и морализирования. В литературном споре шишковисты использовали политические аргументы: обвиняли противников в отсутствии патриотизма. Со временем Шишков и его сторонники – П. А. Ширинский-Шихматов²⁰⁷, А. А. Шаховской²⁰⁸

²⁰⁶ Шишков Александр Семенович (1754–1841) – прозаик, поэт, критик, государственный деятель. Изучение старославянского языка привело его к созданию книги «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», в ее основе – убеждение в том, что русский язык произошел от церковнославянского, поэтому русский литературный язык должен широко включать церковнославянскую лексику. Полемика велась между шишковистами – членами общества «Беседа любителей русского слова» и карамзинистами – членами общества «Арзамас». Как консерватор был инициатором издания охранительного цензурного устава 1826 г. Президент Российской академии, филолог и литературовед.

²⁰⁷ Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853) – министр народного просвещения, академик Императорской академии наук, писатель. Придерживался консервативных взглядов на воспитание и образование. Последователь А. С. Шишкова.

²⁰⁸ Шаховской Александр Александрович (1777–1845). С 1802 по 1826 г. фактически руководил театрами Петербурга. Своей главной задачей считал помощь «мудрому правительству» в борьбе с «безрассудными нововведениями». За свою жизнь написал более ста произведений (комедии, водевили, дивертисменты, оперы и пр.), большинство из которых до сих пор не опубликовано.

и другие стали адресатами эпиграмм. Пушкин неоднократно выступал с критикой:

Угрюмых тройка есть певцов –
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов –
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!²⁰⁹

Издание журнала популярным не было, тираж не превышал 100 экземпляров.

«Сын Отечества» (1812–1852) – еженедельный (по четвергам) исторический, политический и литературный журнал объемом 40–50 страниц, соединивший в себе черты журнальной и газетной периодики. Издавался редактором-издателем – преподавателем словесности петербургской гимназии и секретарем цензурного комитета Н. И. Гречем²¹⁰, который «принадлежал к числу тех людей, которые, с самого начала этой грозной войны, если не понял, то внутренним чутьем ощутил ее важность, ее святость; не помнил, не знал ничего более, кроме того, что нам должно победить или пасть с честью». Его лекции по словесности в Петровской школе превратились в яростные и вдохновенные уроки истории и политики. В сентябре 1812 г. русские войска оставляют Москву. Именно тогда Греч при поддержке графа С. С. Уварова начинает издание наиболее влиятельного журнала времени, в котором чувства и надежды России нашли верный отклик.

Издание политических журналов в то время было запрещено, но Александр I дал свое позволение, о чем Гречу сообщил граф Алексей Кириллович Разумовский. Огромную помощь оказал Гречу его старый учитель, бывший начальник Юнкерского института

²⁰⁹ Пушкин, А. С. Собр. соч. / А. С. Пушкин. – Т. I. – М.: Правда, 1981. – С. 103.

²¹⁰ Греч Николай Иванович (1787–1867) – журналист, издатель, публицист, беллетрист, филолог, переводчик. Деятельность Н. И. Греча как профессионального журналиста началась с 1808 г. В 1808–1809 гг. он был соиздателем общественно-политического журнала «Гений времен», в 1809–1810 гг. – «Журнала новейших путешествий», в 1811 г. редактировал «Исторический, статистический и географический журнал».

А. Н. Оленин. За два дня до выхода первого номера журнала Греч получил уведомление, что император, по докладу А. Н. Оленина, пожаловал на первые расходы по изданию тысячу рублей. Греч вспоминал: «Тогда это было для меня важнее, нежели впоследствии десять тысяч».

Названием журнала стали слова из письма брата издателя Александра – поручика артиллерии, смертельно раненного в Бородинском сражении: «Умру – но умру как истинный сын Отечества!». Первый номер журнала вышел в самое тяжелое время, когда Москва была в руках французов. Он был принят публикой с одобрением, которого никто не ожидал. Накануне выхода второй книжки пришло известие об освобождении Москвы. В третьей была напечатана статья графа С. С. Уварова «Письмо из Тамбова», в котором предрекалось сооружение колонны во славу государя, с надписью: «Александр I, по взятии Москвы не отчаявшемуся, благодарная Россия». Это пророчество журнала сбылось – после войны в Петербурге был воздвигнут знаменитый Александринский столп.

Как и задуман, он был изданием, отражающим ход военных событий (здесь были опубликованы статья А. П. Куницына «Послание к русским», фрагменты «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки).

Начало издания журнала совпало с освободительной борьбой русского народа. Кампания 1812 г. подробно освещалась на страницах «Сына Отечества». Из номера в номер печатались небольшие заметки и зарисовки, изображавшие военные будни, где главным героем был солдат. Не все, особенно поначалу, рукоплескали журналу. Находились и скептики, которым казались неуместными заразительный оптимизм журнала, безграничная уверенность авторов и редактора в грядущей победе над Наполеоном. «Паркетные умники, – отмечал Греч, – утверждали, что нехорошо хвастать так бесстыдно и хвалиться несбыточными мечтаниями. Они не видели, что не должно хвастать в счастье, а ободрять дух народа в беде, можно всеми способами, только не обманом». Обзорные военные статьи профессора Куницына особенно притягивали внимание читателей.

Журнал выходил исправно: первого числа каждого месяца подписчики получали толстую книгу, какой в прежнее время ни одна типография не могла бы поставить в два месяца. Особенно интересны иллюстрации журнала – это нововведение издателя, который потом и в других изданиях будет законодателем «моды» в журналистике. Политическая карикатура, высмеивающая Наполеона и его прибли-

женных, – главный жанр издания. Это было самое передовое издание этого времени. Кроме того, в годы войны два-три раза в неделю как приложение к журналу выпускались информационные листки с театра военных действий.

«Сын Отечества» имел право считаться историческим, политическим и литературным журналом. Каждый его номер открывался серьезной научной статьей (чаще всего на историческую или экономическую тему), обзором европейских политических событий или критическим разбором нового сочинения, преимущественно литературно-художественного. Далее помещались три-четыре стихотворения. Например, здесь увидели свет патристические басни Крылова «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и курица» и другие.

В отделе «Современная русская библиография» печатались известия обо всех выходящих в России книгах. Кроме того, в журнале были отделы: «Путешествия», «Смесь» и «Благотворение». С изумительной быстротой и точностью помещались в журнале все официальные сведения, получаемые с театра боевых действий через военные канцелярии или через непосредственных военных корреспондентов, впервые в истории русской журналистики введенных Гречем.

«Сын Отечества» после окончания войны становится лучшим литературным журналом и оставался таким на протяжении целого десятилетия. Проявив незаурядные редакторские способности, Греч привлек к сотрудничеству лучших представителей русской литературы – Державина, Крылова, Карамзина, Грибоедова, Жуковского, Вяземского, Пушкина.

С 1814 г. вводится литературный отдел, включающий также критику и библиографию. В 1815 г. на страницах журнала впервые в русской печати появляется **жанр годового обзора литературы**, прочно вошедший затем в русскую журналистику. Постепенно «Сын Отечества» превращается из общественно-политического журнала в журнал научно-литературный. Уже в 1816 г. «Сын Отечества» открыл полемику вокруг творчества Жуковского, много внимания уделялось творчеству Пушкина. Поэмы «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник» рассматривались как торжество «истинного» романтизма и народности. Позднее Греч одним из первых оценил «Горе от ума» Грибоедова, «Цыган» Пушкина, критические статьи А. А. Бестужева. В 1840 г. он назвал «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова «превосходнейшим» произведением, оспаривая мнение о «ложном направлении» романа. Тиража в 600 экземпляров не хватало, дополнительный журнал печатали по два-три раза.

В журнале печатались будущие декабристы, в том числе К. Ф. Рылеев. После войны 1812 г. и после восстания декабристов «Сын Отечества» прозябал, и в 1825 г. Греч пригласил Фаддея Булгарина как соиздателя и приобрел журнал. Тот привнес дух предпринимательства в издание и усилил монархическую струю публикаций. Журнал приобрел известность прогрессивного издания, а сам Греч – репутацию радикального журналиста. «Сын Отечества» выходил в Петербурге, Москве и провинции. И это вполне устраивало декабристов, заинтересованных в распространении своих общественно-политических и литературно-эстетических взглядов. Только А. Бестужев напечатал в журнале около двадцати статей и рецензий, смело нападая на реакционных писателей. Таким образом, вплоть до событий на Сенатской площади декабристы продолжали сотрудничать в «Сыне Отечества». Греч отлично понимал, что значит участие в журнале этих людей. Издавался около 40 лет, что для России – редкий случай.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Есин, Б. И. История русской журналистики XIX века / Б. И. Есин. – М., 2003.
2. Есин, Б. И. История русской журналистики (1703–1917) : учебно-методический комплект / Б. И. Есин. – М., 2000.
3. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003.
4. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. А. В. Западова. – М., 1966.
5. История русской журналистики : хрестоматия. – М., 1991.

ТЕКСТЫ:

1. Карамзин, Н. М. Политика. Известия и замечания.
2. Борн, И. М. На смерть Радищева.
3. Попугаев, В. В. Негр.
4. Брусилов, Н. П. Путешествие на остров Подлецов.
5. Пнин, И. П. Письмо к издателю.
6. Куницын, А. П. Замечания на нынешнюю войну.
7. Из «Сына Отечества». Корреспонденции о военных действиях.

Журналистика времени декабристского движения (1812–1825 годы)

Период деятельности декабристов, в том числе журналистской, охватывает почти десять лет. Она начинается с создания «Союза спасения» и является следствием законотворческой бездеятельности царской власти после победы в войне 1812 г., которую выиграл народ ценой многих лишений и жертв. Организационная и пропагандистская работа декабристов строилась первоначально вокруг литературных обществ, в том числе и тайных. Это еще раз доказывает, что литература в России являлась способом реализации не только творческой деятельности, но и политической. Главное из этих обществ – «Вольное общество любителей российской словесности». Его членами были Рылеев, братья Бестужевы, Корнилович, Кюхельбекер, Тургенев, Вяземский, Сомов и другие. Они готовили агитационные произведения для тайного распространения среди солдат. Для агитации дворян распространяли рукописные не исправленные цензурой тексты произведений Пушкина и Грибоедова. Однако использовали и легальные пути – подцензурную печать. Писали для журналов критические и исторические статьи, в которых высказывали попутно свои суждения.

С деятельностью декабристов кроме уже упоминавшегося «Сына Отечества» (1816–1825) связаны журналы: «Соревнователь просвещения и благотворения» (1818–1825), «Невский зритель» (1820–1821) и альманахи «Полярная звезда» (1823–1825), «Мнемозина» (1824–1825), «Русская старина» (1825).

А. А. Бестужев²¹¹ был одним из активных авторов, писавшим для легальных изданий литературно-критические обозрения. Русская журналистская практика показывает большой интерес редакций к обозрению литературных явлений. Несмотря на сложность политической жизни, в первой половине XIX в. журналы довольствуются

²¹¹ Бестужев Александр Александрович (1797–1810) – писатель, декабрист, критик, публицист. Печатался под псевдонимом Марлинский с 1819 г. со стихотворениями и небольшими рассказами, печатавшимися в «Сыне Отечества» и «Соревнователе просвещения», а в 1820 г. был избран в члены петербургского «Общества любителей российской словесности». В 1821-м напечатана отдельной книжкой его «Поездка в Ревель», а в 1823–1825 гг. он вместе с К. Ф. Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда».

этим жанром. Он играет роль трибуны для обсуждения важнейших вопросов дня. Герцен писал по этому поводу: «...у народа, лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести». Литературно-критическая форма не заслоняла острого публицистического разговора о современности, но придавала ему особое звучание эмоциональностью и образностью авторского стиля.

В первой статье Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность России» прослеживается развитие словесности от древнерусских летописей до современных произведений. Из анализа видно, что одно из главных мест принадлежит выявлению политических причин, влияющих на развитие литературы. Подробно исследуются политические «препоны, замедляющие ход просвещения и развитие словесности в России». Автор выделяет положительные национальные черты древних славян, которые хотел бы видеть в современниках, – мужественность, торжественность и возвышенность.

Бестужев отмечает ослабление свободлюбивого духа, воодушевлявшего народ в 1812 г., и видит причину в том, что слишком мало университетов, гимназий и прочих учебных заведений «разливает свет наук». По его убеждению, ограниченность дворян, считающих зазорным всякий труд, даже литературный, тормозит просвещение и развитие литературы. Декабристы боролись с предрассудками дворянства – их ненавистью к знанию и литературе, постулатами крепостной этики.

Истинный смысл литературы Бестужев видит в ее глубоко общественном, политическом характере, отвергающем романтическую мечтательность. Декабристы стремились подготовить общественное мнение России к социальным переменам, используя литературные журналы, альманахи. Их литературным штабом было «Вольное общество любителей российской словесности». Они приобщались к участию в периодических изданиях – «Мнемозина», «Невский зритель», «Соревнователь просвещения и благотворения». Издавали свой альманах – «Полярную звезду». Восстание декабристов, как известно, провалилось. Главные организаторы – казнены, участники – сосланы. И наступила расплата для всего общества.

«Соревнователь просвещения и благотворения» (1818–1825) – ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге. Если в «Сыне Отечества» члены «Вольного общества любителей российской словесности» участвовали только как влиятельные сотрудники, то в 1818 г. они начали издавать свой собственный «Соревнователь просвещения и благотворения».

Первый редактор, один из учредителей общества, – А. Д. Боровков. Журнал был связан до 1821 г. с «Союзом благоденствия» и объединял писателей, близких к декабризму. Ведущее место занимали отделы науки и критики, в которых опубликованы программная речь Н. И. Гнедича на собрании общества (1821), статья Е. А. Баратынского «О заблуждениях и истине» (1821), трактат О. М. Сомова «О романтической поэзии» (1823). Стремление к национальной самобытности определяло интерес журнала к народному творчеству. В отделе литературы главное место занимала поэзия декабристов (Глинка, Рылеев, Кюхельбекер) и Баратынского. Печатались стихи Пушкина, басни Крылова, сонеты Дельвига. В журнале были опубликованы «Европейские письма» Кюхельбекера (1820), отрывки из «Походных записок русского офицера» И. И. Лажечникова (1820), «Путешествие в Ревель» А. А. Бестужева (1821) и другие²¹².

Цели журнала определены в его названии. Слово «соревнователь» происходит от слова «ревновать», которое в XIX в. имело значение также «стремиться», «стараться», «заботиться». Таким образом, соревнователь просвещения и благотворения – человек, который совместно с другими стремится распространять знания и помогать бедным. Доходы от издания шли на поддержку нуждающихся ученых, литераторов и учащихся.

«Соревнователь» был создан как научно-литературный журнал с четырьмя постоянными отделами: «Науки и художества», «Изящная проза», «Стихотворения», «Смесь». Центральное место занимали научные статьи по русской и зарубежной истории, философии и эстетике, географии и этнографии, истории и теории литературы, по русскому народному творчеству. Отдел политики отсутствовал, экономических и публицистических статей печаталось немного, зато более широко был представлен художественный материал. В отделе «Изящная проза» помещались «живописные путешествия» («Путешествие в Ревель» А. Бестужева, «Записки о Голландии» Н. Бестужева и др.) и повести («Зиновий Богдан Хмельницкий» Ф. Глинки, «Игорь», «Любослав», «Александр» В. Нарезного, «Второй вечер на бивуаке» А. Бестужева и др.).

Члены «Вольного общества» стремились придать «Соревнователю» энциклопедический характер; они печатали разнообразные по содержанию и форме материалы с тем, чтобы привлечь к журналу

различные круги писателей. Однако это удавалось плохо, и тираж журнала не превышал 300–500 экземпляров. Очевидно, полному успеху «Соревнователя» мешало отсутствие политической информации и меньшее, по сравнению, например, с «Сыном Отечества», внимание к вопросам литературной критики. Самостоятельного отдела критики в «Соревнователе» не было, библиография же входила в отдел «Смесь». Издатели предпочитали выступать со статьями обобщающего характера, в которых определялись и защищались теоретические основы романтизма, чем печатать регулярные отзывы о новых книгах.

В первый год издания «Соревнователь просвещения и благотворения» был довольно бледным журналом; он значительно оживился после того, как в «Вольном обществе любителей российской словесности» руководство перешло к левому крылу. Ф. Глинка, избранный в 1819 г. президентом общества, стремится наметить декабристскую линию. В журнале начинают печататься произведения Пушкина, Кюхельбекера, А. и Н. Бестужевых, Вяземского, Сомова, усиливается сотрудничество самого Ф. Глинки; потом в журнал приходят Рылеев, Корнилович и другие декабристы.

Для «Соревнователя» характерны обращение к темам и сюжетам национальной русской истории, особенно истории Отечественной войны 1812 г., пропаганда свободолюбивых патриотических идей и ненависти к тирании, воспитание гражданского мужества, защита романтизма в его прогрессивных тенденциях. Не только выбор тем, их трактовка, но и самая тональность изложения, патриотический пафос, «возвышенный» стиль делали «Соревнователь» декабристским изданием.

В 1820 г. в «Соревнователе» и «Невском зрителе» печатались «Европейские письма» В. Кюхельбекера. В форме воображаемого путешествия в 25-е столетие автор рисует современную ему Европу. Герой повествования, «житель американских северных штатов 25-го столетия», путешествует по Европе и вспоминает, как она выглядела раньше, в начале XIX в. Это дает повод заговорить об Испанской революции и других событиях, высказать мечту о свободном государственном устройстве, основанном на «справедливости» и «человечности». Рассуждения Кюхельбекера о свободном обществе еще более подчеркивали бесправие соотечественников в условиях самодержавного режима.

Одним из первых среди русских журналов «Соревнователь» начал знакомить читателей с лучшими произведениями народно-поэтического творчества. О поэтической одаренности, красоте духовного мира русского народа говорят многочисленные статьи, посвященные различным видам народной поэзии: «Черты нравов и духа народа русского, извлеченные из песен» (1818), «Нечто о народных русских

²¹² *Краткая литературная энциклопедия* : в 9 т. – Т. 7. – М., 1972.

песнях» (1818), «О свадебном русском обряде» (1822), «О народной поэзии» (1823) и др. В «естественной» поэзии народа декабристы видели один из источников истинно романтического искусства.

Наибольшее значение в обосновании принципов гражданского романтизма имел цикл статей О. Сомова²¹³ «О романтической поэзии», опубликованных в четырех номерах «Соревнователя» за 1823 г. Сомов видит преимущество романтической поэзии перед классицизмом в том, что она соответствует требованиям современной жизни. Только романтизм с его интересом к народному и местному может обеспечить развитие русской литературы. Необходима такая поэзия, в которой отразились бы основные черты национального характера русского человека, «славного воинскими и гражданскими добродетелями». Русские должны иметь «свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чужих», – заключает Сомов, выражая взгляды поэтов и критиков декабристского круга. Слова его звучали призывом создать национальную литературу.

Гражданскую направленность стихотворному отделу придавали произведения Ф. Глинки, В. Кюхельбекера, А. Пушкина и особенно К. Рыльева, который напечатал в «Соревнователе» несколько народно-патриотических дум, отрывков «Гайдамак» и части из поэмы «Войнаровский».

После разгрома восстания на Сенатской площади «Вольное общество» распалось, так как главные его участники были арестованы или привлечены по делу заговора. На ноябрьской книжке остановился

²¹³ Сомов Орест Михайлович (1793–1833) – русский литературный критик, писатель, журналист. После восстания декабристов был арестован, но вскоре освобожден за отсутствием состава преступления. Важную роль в становлении русского романтизма сыграл его трактат «О романтической поэзии». Прочитанный на заседании «Вольного общества любителей российской словесности», он был опубликован в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» и вышел отдельным изданием (1823). В трактате сформулирована программа русского романтизма, важное место в которой заняли требование национальной самобытности и ориентация на народность (использование материала русской истории, элементов фольклора и народного языка). Автор повестей и рассказов по мотивам украинского фольклора «Гайдамак» (1826), «Русалка» (1829) и других, поэтому считается одним из предшественников Н. В. Гоголя, хотя этнографическое начало в них еще преобладало над художественным. Вместе с А. А. Дельвигом издавал альманахи «Северные цветы» (1825–1832), «Подснежник» на 1829 г., участвовал в издании «Литературной газеты», был ее редактором.

и «Соревнователь». Подписчики так и не получили последнего номера за 1825 г.

«Невский зритель» (1820–1821) – журнал, который издавался в Петербурге ежемесячно с января 1820 по июнь 1821 г. магистром этико-политических наук И. М. Сниткиным. В журнале сотрудничали многие члены «Вольного общества любителей российской словесности».

По своему типу «Невский зритель» являлся журналом научно-литературным, точнее – научно-публицистическим, с заметным интересом к политической истории, экономике, вопросам воспитания. В журнале были постоянные отделы: «История и политика», «Государственное хозяйство», «Воспитание», «Нравы», «Литература», «Критика», «Изящные искусства» (музыка, живопись, архитектура), «Смесь». Первые два отдела почти полностью состояли из статей самого издателя, отдел «Воспитание» вел член «Вольного общества любителей российской словесности» Н. Рашков. В остальных сотрудники менялись, что сказывалось на позициях журнала.

Будучи противником революционных переворотов, Сниткин, как и многие представители правого крыла Союза благоденствия, верил в возможность исторического прогресса на основе просвещения и разумного законодательства. Он с большой симпатией описывает политические и культурные успехи Афинской республики, и все же, по его мнению, республиканское правление «противно природе вещей», долго существовать не может и обязательно будет заменено монархией. Сниткин ратует за развитие отечественной экономики и предлагает издать «разумные постановления» для того, чтобы увеличить производство и сбыт промышленных и сельскохозяйственных товаров. Он придерживается политики протекционизма, то есть введения высоких пошлин для иностранных товаров, чтобы они не могли конкурировать на русском рынке с отечественными. Вскоре правительство поймет, какие выгоды для фабрикантов и капитализирующихся помещиков сможет дать эта система, и в 1822 г. повысит таможенный тариф на ввозимые в Россию товары, но пока выступление «Невского зрителя» с непрошеными советами правительству было расценено как неприличная смелость, за которую досталось цензорам и издателю.

В отделах «Литература» и «Критика» встречаются произведения и высказывания различного общественного характера: защита Жуковского и острая критика его, публикация отрывков из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» и злобные выпады против нее. Печатаются стихи Пушкина, Рыльева, Кюхельбекера, а после них – писания графа Хвостова и других маловажных поэтов. Однако это легко объяснить, представив себе историю «Невского зрителя» по периодам.

Таких периодов было четыре: первый – с января по апрель 1820 г., второй – с мая по сентябрь, третий – с октября 1820 г. по март 1821 г. и четвертый – с апреля по июнь 1821 г.

В первый период ведущими сотрудниками журнала в отделах «Литература» и «Критика» были Кюхельбекер и Пушкин. За четыре месяца Кюхельбекер напечатал в «Невском зрителе» шесть стихотворений, повесть «Осада города Обиньи», отрывки из социальной утопии «Европейские письма» (окончание появилось в «Соревнователе просвещения и благотворения») и обзорную критическую статью «Взгляд на текущую словесность». В каждом из четырех номеров были помещены стихотворения Пушкина, в одном – отрывок из первой песни «Руслана и Людмилы».

С майского номера прекращается сотрудничество в «Невском зрителе» Пушкина, Кюхельбекера, Глинки и других передовых поэтов: их место занимают третьестепенные консервативные литераторы – Д. Хвостов, Ф. Синельников и др. «Невский зритель» теперь ведет полемику с О. Сомовым, который защищал в «Сыне Отечества» принципы прогрессивного романтизма, нападает на Пушкина как автора поэмы «Руслан и Людмила», обвиняя его в нарушении хорошего вкуса, в безнравственности и либерализме.

В октябре 1820 г. в «Невский зритель» приходят Рылеев и Сомов; полгода Рылеев возглавляет литературный отдел и отдел «Нравы», а Сомов – критический. В № 10 журнала было опубликовано одно из самых ярких произведений гражданского романтизма – сатира Рылеева «К временщику», в которой все увидели смелую критику солдафона и деспота – графа Аракчеева. Сатира «К временщику» имела исключительный успех среди читающей публики и насторожила цензуру. Кроме этой сатиры Рылеев напечатал в «Невском зрителе» около двадцати произведений в стихах и прозе, в том числе очерки «Провинциал в Петербурге» и повесть «Чудак». Рылеев настолько вошел в журнальную работу, что собирался с 1821 г. стать вместо Сниткина издателем «Невского зрителя». Однако этого не произошло: очевидно, Рылеев понял, что вряд ли правительство согласится передать право на издание журнала автору на шумевшей сатиры «К временщику», и отказался от своего замысла.

В это же время в «Невском зрителе» широко развернулась критическая деятельность теоретика гражданского романтизма Сомова. Он ведет последовательную борьбу за национальную русскую литературу, за ее передовое направление против подражательности и неопределенности. Своими полемическими статьями Сомов продолжает линию, намеченную статьей Кюхельбекера «Взгляд на текущую сло-

весность», и выступает против субъективизма и мистицизма творчества Жуковского. Сказав, что в последних стихотворениях Жуковского «все немецкое, кроме букв и слов», Сомов решительно заявляет: «Истинный талант должен принадлежать своему отечеству» (1821, № 3).

Мартовским номером 1821 г. заканчивается сотрудничество Рылеева и Сомова в «Невском зрителе», они переходят в «Соревнователь» и «Сын Отечества», а в 1823–1825 гг. вместе будут участвовать в альманахе «Полярная звезда». С апреля 1821 г. в «Невском зрителе» снова усиливается участие писателей-эпигонов, то есть повторяется то, что было во втором периоде. Снова инициативу захватывает граф Хвостов: печатаются его стихи или стихотворные послания ему, вместе с Хвостовым сотрудничают реакционные литераторы М. Дмитриев, Я. Ростовцев и др. Такие сотрудники не могли обеспечить успех «Невскому зрителю», поэтому с июля 1821 г. Сниткин прекратил издание журнала.

В 1818 г. строжайше запрещаются какие бы то ни было упоминания о крепостном праве; цензорам предписывается зорко следить за тем, чтобы в печать не проникало «никаких мыслей и правил, нетерпимых нынче правительством». В том же году Голицын ограничил выдачу разрешений на издание журналов: издателем мог выступить только человек, вполне благонамеренный и имеющий известность в ученых кругах, причем вопрос о новом периодическом издании решал сам министр.

В связи с усилением цензурного гнета частная периодика к началу 1820-х гг. совсем потеряла право освещать общественно-политическую жизнь России, зарубежная же информация была до предела сокращена. Это привело к тому, что журнальная публицистика как таковая исчезла со страниц изданий. Отклики и рассуждения на злободневные темы читатель теперь должен был искать в научных статьях по истории, философии, политической экономии, географии, в беллетристике и критике. Зачастую споры по научным и литературным вопросам приобретали политическую окраску. Не случайно во многих передовых журналах и альманахах боевыми были отделы литературной критики, роль которой особенно возросла в это время: ведь она была призвана воспитывать в современниках не только эстетическое чувство, но и правильные взгляды на жизнь в самом широком смысле слова.

Но как ни строга была цензура, ей не удавалось заглушить вольное слово, которое звучало со страниц передовых изданий, находившихся под влиянием декабристов. Их редакторы и авторы умело пользовались разного рода приемами, помогающими обойти цензуру: они зачастую прибегали к намекам и недомолвкам, во внешне нейтраль-

ный материал «упрятывали» ответственные высказывания, политическую окраску придавали спорам и полемикам по литературно-эстетическим вопросам.

С декабристами были связаны журналы: «Сын Отечества» (1816–1825), «Соревнователь просвещения и благотворения» (1818–1825), «Невский зритель» (1820–1821) и альманахи: «Полярная звезда» (1823–1825), «Мнемозина» (1824–1825) и «Русская старина» (1825). Все они, за исключением «Мнемозины», выходили в Петербурге. Вообще в это время петербургская журналистика играла ведущую роль, так как столица была центром вольнолюбивой мысли.

В Москве, напротив, продолжалось господство реакционной периодики типа «Вестника Европы» М. Каченовского и «Русского вестника» С. Глинки. С 1813 по 1824 г. в Москве не появилось ни одного частного общественно-политического или общественно-литературного журнала: большинство вновь возникших там изданий носило специальный или правительственный характер. Да и в количественном отношении московская периодика заметно уступала петербургской. В 1813–1824 гг. возникло 80 новых периодических изданий, из которых выходило в Петербурге – 43, в Москве – 26, в провинции – 11.

«Полярная звезда» (1823–1825) – литературный альманах, издававшийся К. Ф. Рылеевым²¹⁴ и А. А. Бестужевым-Марлинским в Санкт-Петербурге в 1822–1825 гг. Имел подзаголовок «Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности». Вышло три книжки: на 1823, 1824 и на 1825 гг. Последний альманах «Звездочка» на 1826 г. был отпечатан лишь частично и в продажу не поступил. Тираж в 1824 г. – 1500 экземпляров.

Литераторы Рылеев и Бестужев начали подготовку к изданию альманаха в 1822 г. Основной идеей Рылеева было познакомить публику с русской стариной, с отечественной словесностью и писателями. Кондратий Рылеев занимался в альманахе поэзией. Александр Бестужев взял на себя составление выпусков, отбор и корректуру

²¹⁴ Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) – поэт, общественный деятель, декабрист, один из пяти казненных руководителей Декабрьского восстания 1825 г. В 1820 г. написал знаменитую сатирическую оду «К времени». Через год вошел в «Вольное общество любителей российской словесности». В 1823–1825 гг. Рылеев совместно с Александром Бестужевым выпускал ежегодный альманах «Полярная звезда». Состоял в петербургской масонской ложе «К пламенеющей звезде» [1]. Дума Рылеева «Смерть Ермака» была частично положена на музыку и стала песней.

материалов. Он же занимался организационными вопросами и переговорами с цензором.

В апреле–мае 1822 г. компаньоны отправили письма лучшим российским авторам с просьбой прислать произведения для альманаха. Рукописи пришли от Ф. Глинки, А. Корниловича, В. Жуковского, Д. Давыдова, Н. Гнедича, А. Воейкова, О. Сомова, О. Сенковского, Н. Греча, И. Крылова, А. Дельвига, А. Измайлова, Е. Баратынского, других авторов. Находясь в бессарабской ссылке, участником издания стал А. Пушкин. Свои произведения отдал альманаху и сами издатели. В «Полярной звезде» приняли участие практически все лучшие русские писатели этого времени и ряд авторов второго ряда, без которых представление о текущем литературном процессе стало бы неполным.

Рылееву и Бестужеву, чтобы иметь возможность напечатать альманах, пришлось выдержать схватку с цензурой, даже «закупать» цензора А. Бирукова. После разрешения на публикацию материал был передан в типографию Греча. «Полярная звезда» на 1823 г. вышла тиражом 600 экземпляров и в декабре 1822 г. поступила в лавку издателя и книгопродавца И. Сленина. Книжки были небольшие, карманного формата. Издание разошлось всего за одну неделю.

Успех издания позволил увеличить тираж второго выпуска. «Полярная звезда» на 1824 г. преодолела цензуру 20 декабря 1823 г., и тираж в полторы тысячи экземпляров был распродан за три недели. Как писал Ф. Булгарин в «Литературных листках», это был «единственный пример в русской литературе, ибо, исключая “Историю государства Российского” г. Карамзина, ни одна книга и ни один журнал не имели подобного успеха». Прибыль от второго выпуска альманаха окупала все издержки. При подготовке третьего выпуска на 1825 г. Бестужев и Рылеев смогли отказаться от услуг издателя Сленина. Выручка позволила получить 2000 рублей прибыли²¹⁵ и при этом выплатить литературный гонорар практически всем авторам третьего альманаха. Это стало прецедентом в издании журналов и альманахов в России и важным шагом на пути профессионализации писательского труда. До сих пор, как правило, деньги от издания получали только составители сборников и некоторые наиболее

²¹⁵ Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи / А. И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 330 с.

маститые авторы, а интерес большинства писателей состоял в самой возможности познакомить публику с плодами своего творчества. Несколько лет спустя, издатели, пытавшиеся получить материалы «по старинке» бесплатно, пользуясь своими литературными знакомствами, начали испытывать проблемы с наполнением сборников.

За поднесенные экземпляры «Полярной звезды» на 1824 г. издатели были награждены перстнями и золотой табакеркой от императрицы²¹⁶.

С весны 1824 г. главным помещением редакции становится новая квартира Рылеева в доме Российско-американской компании на Мойке. В связи с возросшей к 1825 г. занятостью компаньонов делами Северного общества и службой в Российско-американской компании издание третьего номера далось с большим трудом. Существуют данные, что первый тираж этого томика погиб во время петербургского наводнения 7 ноября 1824 г. Как бы то ни было, в январе в первом номере «Сына Отечества» появилось «Объявление об издании “Полярной Звезды” на 1825 г.», в котором издатели сообщили, что «издание замедлилось некоторыми обстоятельствами, появится не к 1 января 1825 г., но к святой неделе». Книжка вышла только 21 марта 1825 г.

Издатели задумываются о прекращении выпуска альманаха, однако решают опубликовать еще один томик меньшего объема с имеющимся материалом. В апреле 1825 г. в журнале П. И. Кеппена «Библиографические листы» было помещено объявление о будущем выходе альманаха «Звездочка». Его выпуск готовился в конце года, когда дела тайного общества значительно осложнились. К 14 декабря, дню восстания на Сенатской площади, в типографии Главного штаба было отпечатано 80 страниц. После ареста Рылеева и Бестужева дальнейшая печать прекратилась, уже готовые листы были конфискованы и 36 лет пролежали в кладовых бывшей военной типографии. В 1861 г. они были сожжены, однако до наших дней сохранились два экземпляра, находившиеся у друга Бестужева А. Н. Креницына и библиофила П. А. Ефремова, а также цензурная рукопись.

После разгрома восстания «Полярная звезда» стала крамольным изданием. В 1826 г. великий князь Михаил Павлович за чтение «Полярной звезды» отправил солдатом на Кавказ Петра Бестужева.

²¹⁶ Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи / А. И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 330 с.

Отягчающим вину обстоятельством в глазах князя послужило то, что альманах был раскрыт на «Исповеди Наливайко» Рылеева.

Небольшой объем карманного издания накладывал серьезные ограничения на публикуемый материал. В основном печатались небольшие стихотворения и отрывки из поэм и прозаических произведений. Но и в небольшом объеме удавалось дать место большому количеству лучших писателей и поэтов второго ряда. Так, в альманахе на 1825 г. были напечатаны стихи Пушкина (отрывки из «Цыган», «Братьев разбойников», «Послание к Алексею»), Баратынского (семь стихотворений), Вязеского (два), Ф. Глинки (три), В. Л. Пушкина (два), Н. Языкова (три), Рылеева (три отрывка из «Наливайки» и «Стансы»), Крылова (две басни), Н. Гнедича (отрывок из XIX песни «Илиады»), Грибоедова и И. Козлова (по одному). В прозаическом отделе появились сочинения А. Корниловича (исторический очерк), О. И. Сенковского («восточные повести»), Ф. Глинки, Ф. Булгарина, путевые записки А. Бестужева-Марлинского («Гибралтар») и В. Жуковского («Отрывок из письма о Швейцарии»).

Новинкой альманаха были открывавшие каждый выпуск литературно-критические обзоры Бестужева, в которых он подводил итоги предшествующего развития русской словесности. «Полярная звезда» на 1823 г. начиналась «Взглядом на старую и новую словесность в России», интересным, хотя и вынужденно поверхностным обзором всего предыдущего развития русской литературы от летописей Нестора до 1822 г. Последующие обзоры («Взгляд на русскую словесность в течение 1823 г.» и «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 г.») уже ограничены жесткими хронологическими рамками. Бестужевские обзоры отличались концептуальностью, аналитичностью, сюжетной стройностью. В. Белинский считал Бестужева создателем жанра ежегодных обозрений литературы и продолжил использовать как его принципы, так и само слово «взгляд» применительно к этому жанру.

Обзоры обсуждались обоими соредакторами и выражали их общую позицию по литературным вопросам. Эта позиция находила также выражение в отборе произведений для альманаха. Бестужев высказывался против «безнародности» литературы и залогом ее успехов видел обращение к народным корням, народному творчеству, героическому прошлому русского народа. От писателей он ожидал избавления от подражательности, очищения русского языка от заимствований – полонизмов, германизмов, галлицизмов. Многие авторы «Полярной звезды» состояли членами «Вольного общества любителей российской словесности» и вполне разделяли эти взгляды.

ды. Бестужев являлся приверженцем романтизма, выступал за гражданственность и патриотизм в литературе, за ее связь с политическими идеями современности. Как выражение этих принципов одним из стержней альманаха были «Думы» Рылеева и его вольнолюбивые исторические поэмы.

«Полярная звезда» считается альманахом декабристской ориентации. Многие ее авторы были так или иначе связаны с движением декабристов. Проблемы возникали как у издателей из-за цензоров, так и у цензоров из-за издателей. Многие произведения в альманахе опубликованы с купюрами. Из стихотворения Вяземского «Петербург» Бируков вычеркнул весь конец (увидев стихотворение урезанным, Вяземский жаловался, что его «выпустили на позор»). Элегия Пушкина «Овидию» была напечатана без подписи, дабы не раздражать цензора аналогиями между судьбами автора и «адресата».

В то же время удалось легально опубликовать рылеевскую «Исповедь Наливайки». Это произведение осталось незавершенным, но то, что удалось напечатать, вызвало высокую оценку граждан России. Поэма посвящена теме борьбы украинского народа против польских угнетателей в XVI в. В главном герое подчеркнуты его близость к народу, готовность отдать жизнь борьбе за освобождение народа от иноземного ига. Наливайко произносит слова, ставшие крылатыми: «Известно мне: погибель ждет / Того, кто первый восстает / На утешителей народа, – / Судьба меня уж обрекла, / Но где, скажи, когда была / Без жертв искуплена свобода?»²¹⁷. Декабрист Н. А. Бестужев увидел в этих словах указание на «будущий жребий» поэта. Рылеев не мог не согласиться с этим: «Верь мне, – сказал он, – что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы России»²¹⁸. За эту публикацию цензор получил выговор от Александра I, и соответствующие листы были бы вырезаны из издания, если бы оно к этому моменту не было уже распродано²¹⁹.

²¹⁷ Рылеев, К. Ф. Полное собрание стихотворений / К. Ф. Рылеев. – Л., 1971. – С. 233–234.

²¹⁸ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников : в 2 т. – М., 1980. – Т. II. – С. 62.

²¹⁹ Афанасьев, В. Звезда свободы. История альманаха А. Бестужева и К. Рылеева. 1823–1825 / В. Афанасьев // Полярная звезда: Альманах, изданный А. Бестужевым и К. Рылеевым (1823–1825): Избранные страницы. – М. : Сов. Россия, 1982. – С. 16.

Коммерческий и творческий успех альманаха декабристов породил огромное количество последователей и подражателей. Уже в 1824 г. отстраненный от выпуска третьей «Звезды» книготорговец Сленин уговорил Дельвига основать конкурентный альманах, закрепляя за собой его выпуск и продажу. Первая книжка «Северных цветов» вышла в декабре 1824 г., и в издательском объявлении, напечатанном в «Сыне Отечества», о предполагавшемся составителями «Цветов» соперничестве говорилось прямо. Почти все авторы «Полярной звезды» одновременно были и авторами «Северных цветов».

Число альманахов непрерывно возрастает. Наибольшей величины оно достигает в 1830–1831 гг., когда выходило тридцать²²⁰ альманахов. Вызванное примером «Звезды» распространение альманахов дало основание В. Г. Белинскому назвать десятилетие с середины 1820-х гг. «альманачным периодом». В это время под модным именем «альманах» можно было найти практически любую печатную продукцию, вплоть до сборников анекдотов. Лишь в середине тридцатых альманахи уступают место регулярным толстым литературным журналам.

«Мнемозина» (1824–1825) – литературный альманах, выходил в Москве ежеквартально. В 1823 г. от московского «Кружка Раича» («Общества друзей») отпочковалось основанное Владимиром Одоевским и Дмитрием Веневитиновым литературно-философское «Общество любомудрия». Члены общества интересовались немецкой идеалистической философией, изучали работы Ф. В. Шеллинга, а также Б. Спинозы, И. Канта, И. Г. Фихте, Й. Герреса, Л. Окена. Для распространения идей своего кружка Одоевский пытался основать регулярное печатное издание.

В конце лета 1823 г. после поездки в Европу и службы на Кавказе в Москву переехал будущий декабрист Вильгельм Кюхельбекер²²¹. Он также рассчитывал выпускать здесь литературный журнал. В августе Вяземский писал Жуковскому, что Кюхельбекер «...собирается издавать журнал, но и тут беда: имя его, вероятно, под запрещением у цензуры. Советую ему приискать книгопродавца, который взял бы на себя

²²⁰ Накорякова Ксения Михайловна. Редактор в альманахе, журнале и книге начала XIX века // Очерки по истории редактирования в России XVI–XIX веков. Опыт и проблемы. – М. : ВК, 2004.

²²¹ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797–1846) – поэт, литературный критик, драматург, публицист, прозаик, переводчик, журналист. Лицейский друг А. Пушкина. Сотрудничал в журналах: «Благонамеренный», «Соревнователь», «Сын Отечества», «Невский зритель».

ответственность издателя. Надобно будет помочь ему и, если начнет издавать, то возьмемся поднять его журнал. План его журнала хорош и Европейский; материалов у него своих довольно; он имеет познания. Кажется, может быть прок в его предприятии». По совету знакомых Кюхельбекер решил объединиться с имевшим связи в литературной среде Владимиром Одоевским. Материальную помощь издателям предоставил их общий друг Александр Сергеевич Грибоедов.

В декабре 1823 г. Кюхельбекер и Одоевский в «Вестнике Европы» анонсируют общий альманах «Мнемозина»: «Сие издание, в роде немецких альманахов, будет иметь главнейшею целию – удовлетворение разнообразным вкусом всех читателей. Посему в состав “Мнемозины” будут входить: повести, анекдоты, характеры, отрывки из комедий и трагедий, стихотворения всех родов и краткие критические замечания».

В альманахе имелись отделы: «Философия», «Военная история», «Изящная проза», «Стихотворения», «Путешествия», «Критика и антикритика», «Смесь». Рубрики поэзии и критики большей частью вел Кюхельбекер, Одоевский уделял основное внимание философии, беллетристике, публицистике, а также занимался административной деятельностью.

Формально называясь альманахом, «Мнемозина» по формату и периодичности больше приближалась к типу журнала. «Мнемозина не Альманах, мы брали только состав и разнообразие Альманахов в образец нашему собранию, а совсем не наружной их вид», – подчеркивал Одоевский. Предполагалось выпускать по одной части альманаха раз в три месяца, но последняя часть «четверогранного альманаха»²²² на 1824 г. задержалась и появилась только в 1825 г. Всего вышло в свет четыре книжки «Мнемозины».

Первую книжку напечатали тиражом 600 экземпляров. У альманаха было всего 157 подписчиков, однако издание так понравилось читателям, что расходы по выпуску первой книжки полностью окупались, и Кюхельбекер писал в одном из писем, что собирается «отпечатать еще до 600 экземпляров первой части, а остальных частей сразу 1200». Стоимость подписки на комплект из четырех томов составляла 25 рублей, а для части тиража, отпечатанной на более дорогой бумаге, с золотым обрезом и в красивой картонной обертке – все тридцать рублей ассигнациями.

²²² Письмо А. А. Бестужева-Марлинского П. А. Вяземскому от 28 января 1824 г.

Устремления издателей «любомудра» и «декабриста» не совпадали. Главной целью Одоевского была популяризация идей философского кружка. В завершившей «Мнемозину» статье он назвал ее задачей «распространить несколько новых мыслей, блеснувших в Германии; обратить внимание Русских читателей на предметы в России мало известные, по крайней мере, заставить говорить о них; положить пределы нашему пристрастию к Французским Теоретикам, наконец, показать, что еще не все предметы исчерпаны, что мы, отыскивая в чужих странах безделки для своих занятий, забываем о сокровищах, вблизи нас находящихся»²²³.

Интересы же Кюхельбекера наиболее ясно проявились в программной статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие»²²⁴, опубликованной во второй части «Мнемозины». В этой критической работе Вильгельм Карлович выстроил иерархию литературных жанров, отдавая предпочтение оде, способной выражать высокие чувства и затрагивать важные гражданственные темы, перед элегией с ее скудными интимными переживаниями и мелкотемьем. Кюхельбекер сетовал, что современная ему поэзия ориентирована на подражание узкому кругу зарубежных образцов и уделяет мало внимания собственным народным корням. Кюхельбекер находился под сильным идейным влиянием Грибоедова, и статья в том числе отражала взгляды автора «Горя от ума». Поддержкой романтизма, гражданственности и народности Кюхельбекер укреплял ту линию, которую в «Полярной звезде» проводил А. А. Бестужев-Марлинский. Наряду с «Полярной звездой» «Мнемозина» считается альманахом декабристской ориентации.

В качестве представителя псевдоромантизма, главной мишенью критики Кюхельбекера стали подражающий «новейшим немцам» В. А. Жуковский и его последователи. Среди раскритикованных элгиков был и Пушкин. Подталкивая друга в направлении популярного в декабристских кругах гражданского романтизма, Кюхельбекер ставил в пример элегиям Пушкина три его уже увидевшие свет поэмы.

Со временем взгляды издателей на направление журнала все более расходились, а их отношения становились все напряженнее. Четвертую

²²³ Одоевский, В. Ф. Несколько слов о Мнемозине самих издателей / В. Ф. Одоевский // Мнемозина. – 1825. – Ч. IV. – С. 230–236.

²²⁴ Кюхельбекер, В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие / В. К. Кюхельбекер // Мнемозина. – Ч. II.

часть «Мнемозины» Владимир Одоевский формировал уже самостоятельно, хотя сочинения Кюхельбекера и в ней занимают видное место.

Существуют свидетельства, что и Одоевский, и Кюхельбекер планировали продолжать издание «Мнемозины». Однако альманах на 1825 г. так не появился, а после декабрьского восстания, самороспуска «Общества любителей» и ареста Вильгельма Карловича дальнейшее издание стало невозможным. Выпуском четырех частей «Мнемозины» на 1824 г. история журнала-альманаха завершилась.

Полемика статья Кюхельбекера стала затравкой для продолжительных споров. Если поначалу Булгарин склонен был присоединиться к Кюхельбекеру и даже последовал его принципам при написании фельетона «Литературные призраки», то после резкой отповеди²²⁵ «романтика» на булгаринскую рецензию в «Литературных листках» превратился в яркого оппонента Вильгельма Карловича. Вместе с Одоевским Кюхельбекера поддержал Евгений Баратынский, назвавший рассуждения критика «неоспоримо справедливыми»²²⁶. По другую сторону поэтических баррикад оказались П. А. Вяземский и А. И. Тургенев («Читал ли ты Кюхельбекериаду во второй “Мнемозине”? Я говорю, что это упоение пивное, тяжелое»²²⁷).

Гораздо сложнее было отношение к взглядам Кюхельбекера его друга Пушкина. Соглашаясь с критикой элегического направления в поэзии, которое Пушкин к этому времени уже перерастал, он не мог принять выводы о необходимости возрождения устаревшего жанра оды: «... ода, не говоря уже об элегии, стоит на низших степенях поэм. Трагедия, комедия, сатира все более ее требуют творчества (fantaisie), воображения – гениального знания природы. ... Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого»²²⁸. Отголоски этого спора оставили след в XXXI–XXXIV стихах четвертой главы «Евгения Онегина». Не одобрял Пушкин и огульную критику Жуковского. Позднее, продолжая старую дискуссию, он осудил «драматическую шутку» Кюхельбекера «Шекспировы духи». «Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковского. Это про-

стительно Цертелеву, а не тебе. Ты скажешь, что насмешка падает на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты если пишешь для нас, то печатаешь для черни; она принимает вещи буквально. Видит твое неуважение к Жуковскому и рада»²²⁹.

Мнения о журнале в целом также разделились. В основном читающая публика приняла альманах. А. А. Бестужев-Марлинский в своем обзоре в «Полярной звезде» на 1825 г. благожелательно отнесся к работе «конкурентов»: «Страсть писать теории, опровергаемые самими авторами на практике, есть одна из примет нашего века, и она заглавными буквами читается в “Мнемозине”. Впрочем, за исключением диктаторского тона и опрометчивости в суждениях, в г. Одоевском видны ум и начитанность. Сцены из трагедии “Аргиевны” и пьеса “На смерть Байрона” г. Кюхельбекера – имеют большое достоинство»²³⁰. К нему присоединился Рылеев: «Прозаические статьи в Мнемозине отличаются чистым, правильным языком, чуждым уродливых существительных и перековерканных прилагательных»²³¹. В. Г. Белинский уважительно назвал «Мнемозину» журналом, «предметом которого было – искусство и знание»²³², отмечал роль журнала в популяризации научных знаний и научной терминологии.

В лице же Ф. В. Булгарина (а также П. Яковлева, О. И. Сенковского, В. А. Ушакова) детище Одоевского и Кюхельбекера встретило самого непримиримого противника. В частности, Булгарин утверждал, что «Мнемозина» является экстрактом «греческого, римского, еврейского, халдейского и немецкого любования, и если бы глубокомысленный мыслитель ... понимал то, о чем он писал, и что почтенный издатель “Мнемозины” поместил в сей книжке, то, может быть, и мы бы чему-нибудь понаучились»²³³. Даже пятнадцать лет спустя, Фаддей Венедиктович продолжал воевать с нелюбимым альманахом: «Домашние наши

²²⁹ Бестужев, А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года / А. Бестужев // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. – М., 1981. – Т. IX. – С. 221.

²³⁰ Там же. – С. 260–261.

²³¹ Рылеев, К. Ф. Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером / К. Ф. Рылеев // Одоевский В. Ф. Соч. : в 2 т. – М. : Худ. лит., 1981. – Т. I. – С. 301.

²³² Белинский, В. Г. Журнальная заметка / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. – Т. 2. – М. : Худ. лит., 1977. – С. 54–60.

²³³ Вишневская, Е. Э. В. Ф. Одоевский и альманах «Мнемозина» в истории книжной культуры России XIX века / Е. Э. Вишневская // Библиотекословедение. – 2009. – № 2. – С. 87–90.

²²⁵ Кюхельбекер, В. К. Разговор с Ф. В. Булгариним / В. К. Кюхельбекер // Мнемозина. – 1824. – Ч. 3. – С. 157–177.

²²⁶ Русская старина. – 1875. – № 7. – С. 377.

²²⁷ Письмо П. Вяземского А. И. Тургеневу. Остафьевский архив князей Вяземских. – Т. 3. – СПб., 1899–1913. – С. 69.

²²⁸ Пушкин, А. С. Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине» / А. С. Пушкин // Мнемозина. – 1825. – Ч. 3. – С. 41–42.

новомыслители, которых деятельность начинается с покойной “Мне-мозины” и продолжается сквозь ряд покойных журналов в нынешнем “Московском наблюдателе”, беспрестанно придумывают новые слова и выражения, чтоб выразить то, чего они сами не понимают»²³⁴.

«Русская старина» (1825) – альманах. В 1824 г. А. О. Корнилович²³⁵ вместе с казацким офицером В. Д. Сухоруковым предпринял издание альманаха «Русская старина»; в 1825 г. альманах этот вышел вторым изданием; теперь эта книга составляет большую редкость. Первое издание литературно-исторического альманаха было осуществлено в Петербурге в 1824 г. Печатались статьи по русской истории самого А. О. Корниловича и донского казака В. Д. Сухорукова. Имел большой успех.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Есин, Б. И. История русской журналистики XIX века / Б. И. Есин. – М., 2003.
2. Есин, Б. И. История русской журналистики (1703–1917) : учебно-методический комплект / Б. И. Есин. – М., 2000.
3. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003.
4. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. А. В. Западова. – М., 1966.
5. История русской журналистики : хрестоматия. – М., 1991.

ТЕКСТЫ:

1. Рылеев, К. Ф. Несколько мыслей о поэзии. Наливайко.
2. Бестужев, А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов.
3. Муравьев, Н. М. Любопытный разговор.
4. Муравьев-Апостол, С. И. Православный катехизис.
5. Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. – М., 1951.

²³⁴ В. Г. Белинский. Журнальная заметка.

²³⁵ Корнилович Александр Осипович (1800–1834) – историк, писатель, декабрист. Дебютировал в «Отечественных записках» в 1820 г. (№ 4) статьей «Нечто о ратном искусстве древних россиян», публиковался в «Северном архиве», «Сыне Отечества», «Соревнователе». Исторические повести печатал в декабристском альманахе «Полярная звезда».

6. Декабристы. Эстетика и критика. – М., 1991.
7. Мемуары декабристов. – М., 1981.

Журналистика конца 1820–1830-х годов

После восстания и поражения декабристов был усилен контроль умонастроения, Николай I учредил особую полицию – жандармов. Появилась государственная тайная полиция – Третье отделение. Его возглавил А. Х. Бенкендорф²³⁶. Усилилась цензура – было предписано, чтобы ни в одной из газет не содержалось «суждения о политических видах его величества». Допускались лишь некоторые перепечатки политических сообщений из «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Санкт-Петербургской газеты», которая издавалась на французском языке Министерством иностранных дел.

В 1826 г. был принят новый цензурный устав. Была создана сложная система цензуры: Главное управление цензуры при Министерстве народного просвещения, Верховный цензурный комитет, состоящий из трех министров – просвещения, внутренних и иностранных дел; Главный цензурный комитет в Петербурге и три цензурных комитета в крупных городах – Москве, Вильне (ныне Вильнюс, Литва) и Дерпте (ныне Тарту, Эстония), Риге, Киеве, Одессе, Тифлисе.

Главная цель – борьба с «вольнодумными сочинениями». Запрещалось печатать статьи о современной политике и рассуждения, в которых заметны мысли «о происхождении законной власти не от бога» и излагаются взгляды, противные христианской религии. Особый контроль был учрежден за периодическими изданиями. Один из параграфов цензурного устава запрещал печатать «места из сочинений или переводов, имеющие двойкий смысл». Можно было запретить сочинения лишь «за двойкий смысл» и намеки. Этот устав называли «чугунным» и говорили, что даже «Отче наш» в его свете можно истолковать как опасное политическое сочинение.

²³⁶ Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844) – российский военачальник, генерал от кавалерии; шеф жандармов и одновременно главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. По поручению царя осуществлял надзор над А. С. Пушкиным.

Изменилась структура органов цензуры: в состав главного цензурного комитета помимо трех министров вошел представитель Третьего отделения. И вся цензура оказалась под началом шефа жандармов Бенкендорфа.

В связи с запретами цензуры русская журналистика развивалась в русле научно-литературных интересов. Нужно было немало изобретательности русским журналистам – Пушкину, Полевому, Белинскому, чтобы обсуждать в печати вопросы политической жизни. Они прибегали к иносказаниям, намекам, «эзопову языку». Но возникали и новые газеты, которые издавали «благонадежные издатели».

«Северная пчела» (1825–1864) – первая русская частная газета, содержавшая литературный и политический материал. Выходила сначала три раза в неделю, а с 1831 г. ежедневно. Редакторы-издатели: Ф. В. Булгарин²³⁷, с 1831 г. – Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч, с 1860 г. – П. С. Усов.

Имена Булгарина и Греча достаточно определяют общий облик газеты. Газета поражает бедностью содержания. Передовых статей совсем не было, политические известия сообщались в крайне урезанном, а иногда и прямо в искаженном виде, без всяких комментариев, исключительно с фактической стороны. Вопросы внутренней жизни совершенно игнорировались, правительственные распоряжения сообщались без всяких пояснений, отделы провинциальной и городской хроники состояли из сообщений о разных случайных и мелких фактах, вроде пожаров, курьезов всякого рода и т. п. Фельетон посвящался вопросам театра и музыки, библиографии и беззастенчивым рекламам о разных изобретениях и промышленных предприятиях.

Отчасти это обуславливалось общим положением печати того времени, когда правительственные действия воспрещалось не только осуждать, но даже и восхвалять: они должны были стоять вне обсуждения. «О чем же писать?» – спросил однажды Булгарин начальника III отдела генерала Дубельта. «Театр, выставка, гостиный двор, толкучка, трактиры, кондитерские... – отвечал Дубельт, – вот твоя область, и дальше ее

²³⁷ Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – журналист, прозаик, критик, издатель. В 20-е гг. стал заниматься издательством, редактировал «Северный архив», «Литературные листки», участвовал во всех выпусках «Полярной звезды», в 1825–39 гг. выпускал первый театральный альманах «Русская Талия». Наибольшую известность получил как редактор политической и литературной газеты «Северная пчела».

не могли ни шагу». Главным сотрудником «Северной пчелы» был сам Булгарин, который в течение нескольких десятилетий вел фельетон под заглавием «Всякая всячина» и «Выписки и корреспонденции Ф. Б.». С уходом Булгарина характер газеты совершенно изменился, в 1861–62 гг. она была органом друга Герцена, Артура Бенни, но успеха все-таки не имела и должна была прекратиться по недостатку подписчиков.

Это было коммерческое издание, поэтому оно делалось с оглядкой на читателя и его вкусы. Значительный доход позднее стали приносить газете коммерческие объявления, которые разрешено было печатать только этой частной газете. В ней на первых двух полосах публиковались иностранные и внутренние новости, сообщения на различные темы, сгруппированные по разделам. Здесь были постоянные рубрики. Критика, прежде всего литературная, фельетоны, рассказы, стихи располагались внутри. Много места занимали литературные новинки и салонные сплетни. Газета все время стремилась сообщать сенсации, эксклюзивную информацию. Любые сведения, поднимающие тираж.

Впервые в ней стали печатать скрытую рекламу товаров и торговых заведений – за деньги от торговцев. Эту газету всегда обвиняли в бульварности, в реакционности, в нападках на прогрессивных писателей и поэтов – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, в недостоверности материалов. Тем не менее это европейский тип издания, которое шло в ногу со временем и в полной мере отвечало понятию «газета». Это была газета новостей (редчайшее тогда для России явление), а не газета мнений (обычный тип изданий в России). «Северная пчела» была законодательницей мод и в верстке газеты. Она одной из первых стала располагать тексты в три-четыре колонки и первой изобрела «подвал» – расположение оригинальной статьи в нижней части полосы разделенным на колонки блоком.

В 1830 г. для сельских хозяев и землевладельцев выходила «Земледельческая газета», для коммерсантов – «Купец», для любителей литературы – «Колокольчик», «Литературная газета», «Художественная газета» и др. Ряд газет издавались как приложения к журналам – это было типично для России того времени. Так было дешевле для издателей и удобней для читателей. Например, «Молва» выходила при журнале «Телескоп».

Продолжают появляться новые провинциальные газеты: «Одесский вестник» (1827), «Тифлиссские ведомости» (1828–1832), «Литовский вестник» (1834), «Официальная газета Царства Польского» (1838–1861) и др. Между газетами, особенно частными, существовала жесткая конкуренция. При этом в ход шли не только честные методы борьбы.

Донос не был редким методом воздействия. Ими нередко пользовались такие издатели, как Ф. Булгарин, Н. Полевой, и другие.

Оперативность газет была достаточной. В столичных газетах «возраст» новостей составлял несколько дней, в провинции – пять–десять, иногда 20 дней. Но возникали трудности с доставкой. Вся периодика доставлялась только почтой по подписке. Розничной торговли в то время не было. На почте в 30-е годы появилась специальная газетная экспедиция для рассылки газет. Поступали они и в библиотеки по всей стране, где тоже были доступны читателям. Однако в большинстве газет информация была некомментированной, никаких аналитических материалов не печаталось. Порой было трудно понять, что из сообщенного следует, важно ли оно. В 1838 г. в большинстве губерний появились местные газеты – губернские ведомости. Эти газеты состояли из двух частей – официальных и неофициальных. В целом издания были очень скучны.

30-е годы – беспокойное время как в Европе, так и в России: революции во Франции и Бельгии, восстание в Польше, волнения в Литве, Белоруссии, на Кавказе, холерные бунты в России, восстание в Севастополе. Цензоры потребовали от периодических изданий доставлять по одному экземпляру всех изданий для тщательного контроля. Они рассматривали их с особым вниманием. На издания сыпались доносы, некоторые закрывались.

В это время были закрыты «Литературная газета» Дельвига, в 1832 г. журнал Киреевского «Европеец», в 1834 г. журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф», в 1836 г. издания Н. И. Надеждина – журнал «Телескоп» и газета «Молва». Особенно отличился министр народного просвещения С. С. Уваров. Он объявил основными устоями русской жизни «православие, самодержавие и народность» (теория «официальной народности»). Его мечта – отодвинуть Россию «на 50 лет от того, что готовят ей теории». Его прозвали «министр погашения и помрачения просвещения в России». Он считал периодические издания возмутителями спокойствия и стремился подорвать частноиздательскую деятельность. Сначала в 1835 г. выпустил циркуляр, запрещающий вести предварительную подписку на издания, то есть сбор средств для издания. Потом в 1836 г. было запрещено создавать новые периодические издания – этот запрет действовал 20 лет.

Поэтому в России стала распространенной перекупка права на издание газет и журналов («Литературное прибавление к “Русскому инвалиду”» перекуплено А. А. Плюшар у А. Ф. Воейкова, «Отечественные записки» в 1839 г. А. А. Краевским у вдовы П. П. Свиньиной, «Современник» Панаевым и Некрасовым у Плетнева). Право

выпуска новых специализированных, а не энциклопедических газет и журналов мог дать только император. В виде исключения право издания общественно-литературных и научно-литературных журналов выдавалось известным политически благонадежным людям.

С 1837 по 1846 г. были созданы лишь четыре новых журнала: органы «официальной народности» «Маяк» и «Москвитянин», журнал «Русский вестник» (1841) и передовое издание «Финский вестник», посвященное финской теме, но в нем обсуждались и вопросы русского общества. Поощрялись казенные (государственные издания) – «Ученые записки Московского университета» (1833), «Журнал Министерства народного просвещения» (1834). Но успеха у читателей они не имели.

В 30-е гг. сокращается число общественно-литературных изданий и увеличивается число экономических и научно-технических: «Журнал мануфактур и торговли», «Журнал путей сообщения». Возникают две правительственные отраслевые газеты – «Коммерческая газета» (1825–1860) и «Земледельческая газета» (1834–1917). Последняя знакомила читателей с новыми методами ведения сельского хозяйства и одной из первых в русской журналистике стала помещать иллюстрации в газетах – изображения новых машин и чертежи, рисунки животных и растений. Появляются научные, литературные, хозяйственные и прочие газеты, выпускаемые частными лицами. Но всем частным газетам запрещалось касаться политических тем.

После декабрьских событий 1825 г. ведущее место в журналистике играли московские издания. Пушкин считал, что московский журнализм «убьет» петербургский. «Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы». Петербургских литераторов он называл «смышсленными литературными откупщиками». Того же мнения придерживался и Гоголь. Центр передовой русской мысли переместился из Петербурга в Москву. Вообще конкуренция Москвы и Санкт-Петербурга в областях культуры и науки – это особая тема разговора, и она не завершена до сих пор.

Особое место в истории отечественной журналистики первой половины XIX в. принадлежит торговому направлению – «триумвирату» журналистов (Булгарин, Греч и Сенковский). Одним из лучших журналов того периода был «Телеграф» Полевого, который вбирал в себя «все умственное движение страны», как считал Белинский. Полевой и Белинский – важнейшие фигуры журналистики 30-х гг. в Москве. В Петербурге – Булгарин и Греч, которые порвали со своим бывшим либерализмом. Они издавали журналы «Сын Отечества», «Северный архив» (объединились в 1831 г.) и газету «Северная пче-

ла». В 1834 г. в Петербурге стал выходить журнал «Библиотека для чтения» О. А. Сенковского.

Отрадным явлением на небосклоне петербургской журналистики были «Современник» Пушкина (1836) и «Литературная газета». В 1839 г. в Петербург приезжает Белинский и становится ведущим сотрудником журнала «Отечественные записки». Все эти перемены приводят к тому, что в 40-е гг. петербургская журналистика опять становится ведущей. Главный жанр журналистики этих времен – литературная критика. В публикациях этого жанра идет обсуждение всех общественно значимых вопросов нравственного, этического и даже политического характера. Разделы «Критика и библиография» становятся весьма популярными, без них не обходится ни один журнал. И все-таки журнал – основной тип отечественного периодического издания XIX в.

«Московский телеграф» (1825–1834) – энциклопедический журнал, выходивший в Москве *два раза в месяц*. Издавался Н. А. Полевым²³⁸, происходившим из купцов и пришедшим в журналистику как самоучка. Журнал представил собой новое и очень значительное явление русской журналистики и культуры. Белинский назвал «Московский телеграф» лучшим журналом в России и утверждал, что для его издания «нужно было больше, чем смелость – нужно было самоотвержение» (IX, 688). По мнению Чернышевского, «ощутительное» влияние литературы на общество началось только с «Московского телеграфа» (II, 611).

Объем издания был от четырех-пяти печатных листов (более 120 листов формата А4). В 1830-е годы тираж журнала растет. Сначала читателей привлекает критика торгового направления, затем организуется поддержка Вяземского, потом вновь активизируется поддержка торгового направления. Журнал закрыт в 1834 г., предлогом послужила рецензия Полевого на пьесу Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла». Полевой раскритиковал данную пьесу, указывая на ее льстивый характер.

Впервые в истории русской печати был создан журнал как орган антидворянский, как выразитель буржуазно-демократического направления в русской общественной мысли. Также впервые издателем-редактором крупного, влиятельного журнала стал не дворянин, а че-

ловек «среднего состояния», купец второй гильдии. «Купцы полезли на Парнас», – возмущались представители реакционного дворянства.

Журнал был рассчитан на массового читателя, но стремился не приспособливаться и идти на поводу у вкусов публики, а вести ее, «тянуть вверх». Был сторонником романтизма и поклонником ранних произведений Пушкина. Будучи купцом, Полевой выражал интересы нарождающейся буржуазии и считал справедливым уравнивание прав дворянства и купечества, а также был выразителем идеи свободного капиталистического развития России. Писал на широкий круг тем – от новых достижений в области науки и обзора событий международной жизни до новинок литературы и парижских мод. Отделы в журнале возглавляли известные литераторы и ученые. Поэтому материалы отличались достоверностью и профессионализмом.

Первое выступление Полевого в печати относится к 1817 г.; он поместил в «Русском вестнике» С. Глинки небольшую статью о посещении Курска Александром I. В начале 1820 г. Полевой приехал в Москву с поручением отца приобрести водочный завод. Журнал «Вестник Европы» печатает его мелкие стихотворения. Поездка в Петербург позволила Полевому познакомиться с Гречем, Булгариным и Свиньиным, который издавал «Отечественные записки», восторженно писал о «русских самоучках», поощряемых знатными меценатами. Увидев в Полевом такого «самоучку», он привлек его к сотрудничеству в своем журнале.

Дела по водочному заводу, доставшемуся Полевому в наследство от отца, умершего в 1822 г., не отвлекают его от научных и литературных занятий. Он много читает, изучает иностранные языки, завязывает знакомства с московскими литераторами и учеными, сходится с Вяземским и В. Одоевским, который привлекает его к участию в альманахе «Мнемозина». Наезжая в Петербург, Полевой встречается с участниками тайных обществ и писателями – Рылевым, А. Бестужевым, Ф. Глинкой – и вступает в члены «Вольного общества любителей российской словесности».

За пять лет жизни в Москве Полевой настолько основательно познакомился с науками и искусствами, что счел себя вполне подготовленным к изданию собственного журнала. В середине 1824 г. он послал на имя министра народного просвещения А. С. Шишкова «Предположение об издании с будущего 1825 года нового повременного сочинения под названием “Московский телеграф”». Разрешение последовало, и с января 1825 г. начал выходить двухнедельный журнал «Московский телеграф», который принес молодому издателю известность и славу.

²³⁸ Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) – критик, прозаик, драматург, журналист, историк. В юности «издавал» рукописный журнал «Друг России». В 1817 г. публикует стихи в «Русском вестнике». Публиковался в «Отечественных записках», «Сыне Отечества», альманахе «Мнемозина».

«Московский телеграф» был создан как журнал энциклопедический, рассчитанный в равной мере как на образованного, так и на широкого читателя. Это было общественно-научно-литературное издание с преимущественным интересом к вопросам практической жизни. Скованный цензурными распоряжениями, Полевой не мог ввести отдел политики и непосредственно обсуждать политические темы. Приходилось прибегать к разного рода уловкам, намекам и иносказаниям, чтобы придать научным и литературным материалам политическую остроту. Герцен заметил, что, «нападая на авторитеты литературные, Полевой имел в виду и другие», «пользовался всяким случаем, чтобы затронуть самые щекотливые вопросы политики, и делал это с изумительной ловкостью» (VII, 216).

Современники сразу приняли новый журнал: уже в первый год он разошелся тиражом 1500 экземпляров, затем тираж увеличился почти вдвое. Успех «Московского телеграфа» во многом определялся способностями Полевого как издателя и редактора. Белинский считал, что Полевой «рожден на то, чтоб быть журналистом, и был им по призванию, а не по случаю» (IX, 682). «Он родился быть журналистом, летописцем успехов, открытий, политической и ученой борьбы», – писал о Полевом Герцен (VIII, 163).

Истинный журналист, Полевой чутко улавливал запросы времени и умел удовлетворить их, не опускаясь до уровня непросвещенного читателя, как то делали «Северная пчела» и позже «Библиотека для чтения», а поднимая читателей до журнала. «Тот не должен и думать об издании литературного журнала в наше время, кто полагает, что его делом будет сбор занимательных статей», – писал Полевой в «Московском телеграфе» (1831, № 1). Журналист, издатель «в своем кругу должен быть колонновожатым», «возбуждать деятельность в умах».

Забываясь о воспитании всех слоев общества, Полевой адресовал свой журнал преимущественно «среднему» читателю. Цель журнала, по его мнению, «споспешествовать к усилению деятельности просвещения... к сближению средних сословий с европейской образованностью» (1825, № 2).

Показательно, что Полевой ввел в русский язык слово «журналистика». Ему же принадлежит первая попытка изложить историю русской журналистики в связи с «общественными потребностями» – он сделал это в статье «Обозрение русских газет и журналов с самого начала их до 1828 года» (1827, № 22–24).

«Телеграфом идей» называли журнал Полевого. И действительно, современность, злободневность были основным качеством «Московского телеграфа», выгодно отличавшим его от тогдашних журналов.

Название подчеркивало установку издателя на скорость передачи различных сведений, новых идей во всех сферах деятельности человека. Правда, в применении к эпохе 1820-х гг. о «быстроте» передачи известий можно говорить очень условно: в ту пору в Европе действовал оптический семафорный телеграф, а в России вообще никакого телеграфа не было [33]. Самое слово «телеграф» было новым, и привилось-то оно в русском языке благодаря журналу, на обложке которого Полевой поместил литографированную картинку с изображением семафорного телеграфа на фоне романтического пейзажа: озеро, парусные яхты, вдаль горы, окутанные облаками, впереди высокая скала, нависшая над озером, и на ней башня с сигнальным устройством.

Журнал Полевого был одним из наиболее популярных и читаемых изданий после «Вестника Европы». Имел рубрики: «Изящная словесность», «Наука и искусство», «Критика и библиография», «Известия», «Смесь», «Мода». Последовательность отделов в номере иногда менялась. В конце книжки помещалось описание нового мод с приложением гравированной раскрашенной картинки. При «Московском телеграфе» выходили два сатирических прибавления, которые брошюровались вместе с журналом, но имели отдельную нумерацию страниц, – «Новый живописец общества и литературы» (1829–1831) и «Камер-обскура книг и людей» (1832).

Отдел «Науки и искусства» занимал в журнале центральное место по обилию и разнообразию статей. История, археология, статистика, естественные и точные науки, философия, эстетика, политическая экономия, языкознание, описание путешествий, просвещение, воспитание, экономические и технические вопросы находили отражение в этом отделе, где сотрудничали многие известные ученые и печатались переводы из иностранных журналов и сочинений. Центральными все же были статьи по истории и географии, потому что в условиях жесточайшей цензуры они давали возможность как-то касаться вопросов современной политики, если не российской, то хотя бы европейской.

В этом же отделе можно было также встретить статьи по теории и истории литературы, популяризирующие романтическое направление. Поскольку проблема народности, точнее, национальности, была одной из главных в эстетике романтизма, «Московский телеграф», который, по выражению Белинского, «был журналом, как бы издававшимся для романтизма» (VII, 144), постоянно помещал произведения народной поэзии и статьи по народному творчеству: «Две песни скандинавских витязей» (1825, № 7), «Историческое обозрение мифологии северных народов Европы» (1827, № 7, 8, 9), «Догадки об истории русских сказок» Н. М. Макарова (1830, № 22),

«Свадебные обряды крестьян в Саратовской губернии» А. Леопольдова (1830, № 23) и др.

Лучше, чем в каком-либо другом журнале той поры, в «Московском телеграфе» были поставлены отдел критики и примыкавший к нему отдел библиографии. В них, кроме литературно-критических, печатались статьи и заметки по различным вопросам наук, искусств и практических знаний. Полевой придавал большое значение библиографии, видя в ней важное средство помочь читателю следить за умственным движением своего времени. Издатель и его сотрудники не ограничивались справкой о выходных данных книги – они знакомили с ее содержанием и выносили свою оценку, то есть предлагали читателям аннотированную библиографию. В заслугу Полевому как издателю и сотруднику Белинский ставил боевой, активный характер «умной, оригинальной, чуждой предрассудков» критики и библиографии «Московского телеграфа», высказывавшего свои мнения прямо, не смотря на какие «авторитеты», чуждавшего «уклончивого тона» (IX, 687, 689).

«Московский телеграф», по словам Белинского, выделялся среди других журналов «живостию, свежестию, новостью, разнообразием вкусов, хорошим языком, наконец, верностию в каждой строке однажды принятому и резко выразившемуся направлению» (IX, 687). Постоянным литературным направлением «Московского телеграфа» был романтизм. Романтическое искусство настойчиво защищалось в «Московском телеграфе» в статьях Николая Полевого, его брата Ксенофонта, А. Бестужева-Марлинского и др.

Борьба за романтизм против устаревших авторитетов классицизма в 1820-е гг. была борьбой за передовое искусство. Но десятилетием позже, когда в России успехи реализма стали очевидны, защита романтизма вела литературу не вперед, а назад. Приветствуя романтические поэмы Пушкина, Полевой не понял ни «Бориса Годунова», ни «Евгения Онегина», как позже не принял он лучших произведений Гоголя и Лермонтова.

С конца 1820-х годов в связи с общим развитием русской прозы беллетристика занимает в «Московском телеграфе» важное место. Печатаются повести и отрывки из романов В. Ушакова («Киргизкайсак», 1829), В. Даля («Цыганка», 1830), И. Лажечникова («Последний Новик», 1830), К. Масальского («Стрельцы», 1831), постоянным сотрудником отдела словесности с 1831 г. становится А. Бестужев-Марлинский («Страшное гаданье», «Аммалат-бек»), помещает свои повести и рассказы Н. Полевой. Оригинальные и переводные произведения носили романтический характер, причем издатель оказывал

предпочтение боевому французскому романтизму перед мечтательным немецким. «Московский телеграф» много сделал для популяризации произведений Гюго, Мюссе и Бальзака. Большой интерес проявлялся журналом к творчеству Мицкевича и вообще к польской литературе и культуре.

Интересным нововведением «Московского телеграфа» в 1829 г. было печатание репродукций с картин и скульптур в сопровождении пояснительного текста. Так, русский читатель получил возможность ознакомиться с произведениями Давида, Рафаэля, Сальватора Розы, Пуссена, Гвидо Рени, Греза и других художников. Это тем более важно, что в ту пору журналистика еще не знала иллюстраций: первое иллюстрированное издание в России «Живописное обозрение» начало выходить лишь с 1835 г.

В девятилетней истории «Московского телеграфа» отчетливо намечаются два периода: 1825–1827 гг., когда общественная позиция «Московского телеграфа» и его издателя еще не определилась, и 1828–1834 гг., когда «Московский телеграф» превратился в боевой антидворянский орган.

«Московский телеграф» вошел в историю русской журналистики как издание антидворянское, а Полевой – как защитник прав «среднего состояния» и нарождающейся русской буржуазии. Однако буржуазная ориентация Полевого проявилась не сразу. В 1825–1827 гг. в «Московском телеграфе» не было ничего буржуазного; и по составу сотрудников, и по направлению это был типично дворянский журнал. В статье и заметках Полевого в 1825 г. (а их было около тридцати) защищается карамзинский подход к явлениям литературы (требование «светскости», объяснение слабого развития литературы равнодушием светского общества и «милых читательниц»), ведется борьба с декабристской журналистикой. Полевой в это время восторженно отзывался об «Истории государства российского» Карамзина, осуждает за грубость язык комедии Грибоедова «Горе от ума», спорит с оценками А. Бестужева в «Полярной звезде» на 1825 г. В течение первых полутора лет «Московский телеграф» издавался как научно-литературный журнал; в нем незаметно расположения к общественной тематике.

Ведущие сотрудники «Московского телеграфа» и его издатель тяжело пережили поражение восстания на Сенатской площади и казнь пяти руководителей декабризма в июле 1826 г. Это привело к определенному сдвигу в их мировоззрении. Они поняли, что в обстановке жестокой политической реакции внутри страны и все усиливающегося влияния реакционной периодики (особенно издания Булгарина и Греча) «Московский телеграф» должен стать

передовым органом печати. Поэтому с середины 1826 г. «Московский телеграф» лишается свойственной ему ранее политической безликости. Журнал начинает сочувственно отзываться о борьбе греков с турками, о восстаниях южноамериканских колоний против испанского владычества, приводит примеры исключительной храбрости народных героев Греции Колокотрони, Дм. Ипсиланти и др. В журнале открывается новый отдел – «Современная летопись», в котором помещаются сообщения о последних событиях в зарубежных странах и обзорные статьи. Эти обзоры составлялись на основе данных, уже напечатанных в правительственных изданиях, но Полевой ухитрился вставлять в них и свои рассуждения, подчас расходившиеся с официальной трактовкой.

Усиление политического свободомыслия в «Московском телеграфе» насторожило Третье отделение и его агента Булгарина, который в августе 1827 г. представил Бенкендорфу три доноса на этот журнал, раскрывая политические намеки статей и подчеркивая, что «издатель умеет в рецензии поэзии примешивать политику». Бенкендорф поручил помощнику министра внутренних дел Блудову написать предупредительное письмо Вяземскому, с которым Блудов был хорошо знаком. Блудов, опираясь, как он сам признавался, на «повеление свыше» (то есть самого царя), настоятельно рекомендовал Вяземскому, а также издателю и другим сотрудникам «Московского телеграфа» впредь быть не только благоразумными и осмотрительными, но и полезными правительству.

Первый период в истории «Московского телеграфа» прошел под знаком полемики с изданиями Булгарина и Греча, которую возглавлял Вяземский. Булгарин видел в «Московском телеграфе» не только недостаточно благонамеренный журнал, но и сильного конкурента для собственных изданий. В свое время он предлагал Полевому постоянное сотрудничество в «Северной пчеле» и даже уговаривал его выпускать «Московский телеграф» вместе с ним и Гречем. Но когда Полевой отказался, издания Булгарина и Греча повели жестокий обстрел «Московского телеграфа». Доносы Булгарина и отрицательный отзыв Третьего отделения о журнале немедленно сказались на Полевом. Ему не было разрешено издание с 1828 г. политической и литературной газеты «Компас» и журнала «Энциклопедические летописи отечественной и иностранной литературы».

К концу 1827 г. Полевой порывает с Вяземским и группой дворянских литераторов. Начинается новый период в истории «Московского телеграфа»: он превращается в открыто антидворянское издание, выразителя интересов русской буржуазии – и прежде всего

буржуазии промышленной. Ведущим автором становится сам издатель, статьи которого определяют линию журнала.

Облик «Московского телеграфа» изменяется: если в первые годы журнал носил по преимуществу научно-литературный характер, то теперь ему придается практическое направление, которое выражается в заметном росте внимания к вопросам экономики. Журнал ратует за развитие промышленного производства в России, за сокращение ввоза иностранных товаров, повторяет, что не земледелием и торговлей, а промышленностью определяется сила государства. «Деятельная промышленность и возвышение производителей средних званий есть шаг к прочному благоденствию государства», – доказывает Полевой (1831, № 6).

Стремясь придать «Московскому телеграфу» практическую направленность, Полевой в 1829 г. организует при журнале особое «Прибавление», в котором печатается отечественная и зарубежная информация об успехах в промышленности, земледелии, ремеслах, торговле, финансах, о практическом применении современных достижений, сделанных в области точных и естественных наук, например, «Краткие основания химии для фабрикантов и заводчиков» (№ 8, 9), «Всеобщая система мер, употребляемая в механических искусствах» (№ 10, 11) и т. д.

С 1828 г. «Московский телеграф» начал уделять большое внимание вопросам народного просвещения. В трактовке этих вопросов сказались сильные и слабые стороны буржуазно-демократического мировоззрения Полевого. Как буржуазный просветитель, Полевой сильнее всего заинтересован в повышении культурного уровня промышленников и купцов – «обладателей капиталов». Но одновременно в «Московском телеграфе» говорится о тяжелом экономическом положении низших слоев общества, о культурной отсталости простого народа. Необходимо всемерно распространять просвещение среди простого народа, нужно давать народу умное, хорошее чтение – с такими требованиями постоянно выступал Полевой.

Летом 1828 г. на торжественном акте Московской практической академии Полевой произнес речь «О невещественном капитале». Так он называет просвещение, «одно из главнейших оснований государственного и народного богатства». По мысли Полевого, без просвещения невозможно достигнуть успехов ни в одной отрасли хозяйства, поэтому «невещественный капитал» необходим, как все виды «вещественного капитала».

Терминология и ход рассуждений Полевого выдают ограниченность его буржуазного просветительства. Всех людей он делит на

«обладателей капиталов» и «производителей капиталов» (или «работников»). Просвещение «производителей капиталов» необходимо и полезно не только им самим, но и «обладателям капиталов», так как грамотные, культурные работники принесут большую прибыль своим хозяевам. Видя в просвещении дополнительный источник дохода, Полевой и назвал его «капиталом». Ратуя за широкое народное просвещение, Полевой имел в виду главным образом цели буржуазного развития страны, интересы капитализирующейся экономики, сильно нуждающейся в квалифицированных кадрах «производителей капиталов».

С точки зрения буржуазного практицизма подходит Полевой и к вопросам литературы. Он окончательно порывает со своим былым «аристократизмом» и ориентируется теперь не на «большой свет» и «милых читательниц», а на обладателей и производителей капиталов. Позицию Полевого определил Герцен в своей работе «О развитии революционных идей в России»: «Полевой начал демократизировать русскую литературу; он заставил ее спуститься с аристократических высот и сделал ее более народной или, по крайней мере, более буржуазной» (VII, 216).

Преклонение Полевого перед «большим светом» сменяется в 1828 г. критическим, а с 1829 г. резко враждебным отношением к дворянству. Критика дворянского сословия на страницах «Московского телеграфа» ведется с разных точек зрения, в первую очередь со стороны экономической: многие дворяне, не занятые никакой полезной деятельностью, ничего не создавая, разоряются сами и доводят до разорения своих крестьян; это сокращает платежеспособность населения и мешает развитию народного хозяйства. Для борьбы с дворянами-бездельниками «Московский телеграф» предлагает довольно решительные средства. «Если владелец не в состоянии прокормить подвластного ему человека, он должен лишиться прав на владение им, потому что уже съел его труд», – читаем в одной заметке в отделе «Смесь» (1829, № 6). Так Полевой выразил свое отрицательное отношение к крепостному праву.

«Московский телеграф» критикует дворянство и со стороны нравственной; в журнале приводятся многочисленные примеры, свидетельствующие о духовном превосходстве людей «среднего состояния» над дворянами-аристократами. Полевой призывает писателей сатирически изображать «эгоистов-филантропов, либералов на словах, но мерзавцев в домашнем и общественном быту... глупую спесь, низость и невежество многих благородных, уничтожение неблагородных классов народа» (1829, № 13).

С этой целью при «Московском телеграфе» с июля 1829 г. создается сатирическое прибавление – «Новый живописец общества и литературы». В нем продолжены лучшие традиции журнальной сатиры XVIII в., и прежде всего журналистики Новикова.

«Новый живописец общества и литературы», определенный Белинским²³⁹ как «лучшее произведение всей литературной деятельности» Полевого (VI, 8), почти целиком наполнялся произведениями самого издателя – сатирическими статьями, памфлетами, очерками, фельетонами, литературными пародиями в прозе и стихах. В «Новом живописце» отчетливее, чем во всех предшествовавших журнальных выступлениях Полевого, сказались антидворянский характер его деятельности, его сила и смелость как буржуазного просветителя.

Авторы «Нового живописца» нападали на паразитизм дворян, которые не принимают никакого участия «в споспешествовании пользе своего отечества», кичатся своим происхождением, пользуются чужими заслугами, живут чужим умом и трудом, пускают по ветру родовые именья, играют в либерализм. Зло высмеивает Полевой слепое пристрастие дворян ко всему иностранному как в быту, так и в образовании, отмечает серьезные недостатки современного обучения и воспитания. Он разоблачает служебные преступления дворян-чиновников – от мелких до самых высоких, чиновничество и подхалимство.

Стихотворные пародии Полевого на поэтические безделки дворянских литераторов высоко оценивал Белинский. Он хорошо помнил, например, пародии на стихи Шевырева, который был выведен Полевым под именем Картофелина в 1832 г. в «Камер-обскуре книг и людей». Через десять лет в памфлете «Педант» Белинский воспользовался этим сатирическим псевдонимом и представил Шевырева в образе Лиодора Ипполитовича Картофелина.

В середине 1829 г. Полевой опубликовал в «Московском телеграфе» свою статью об «Истории государства российского» Карамзина, в которой доказывал, что Карамзин как представитель дворянской исторической науки и литературы принадлежит прошлому, а не настоящему. Это окончательно развело Полевого с Вяземским и другими дворянскими литераторами, будущими сотрудниками «Литературной газеты» Дельвига.

В 1830 г. Полевой в «Московском телеграфе» настоятельно доказывает, что следует различать два направления в русской культуре:

²³⁹ Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – критик, публицист.

дворянское, которое отживает свой век, и недворянское, за которым будущее. С этих позиций он ведет полемику с «Литературной газетой», являющейся, по его мнению, органом «литературной аристократии». Полевой был прав, выступая против бессодержательности, мелкотемности, «светскости» произведений дворянских литераторов. Но он глубоко заблуждался, когда недифференцированно рассматривал дворянскую культуру, отмечая в ней только «светскость» и аристократизм, когда не выделял Пушкина из среды «литературных аристократов». Буржуазная ограниченность Полевого помешала ему понять, что до Белинского прогрессивное просвещенное дворянство во главе с Пушкиным было основной движущей силой в развитии русской литературы и культуры. В целях борьбы с «Литературной газетой» Полевой даже заключил на время тактическое соглашение с Булгариным, проявив тем самым свою недостаточную принципиальность.

Но уже в 1831 г. вновь начинается борьба «Московского телеграфа» с Булгариным и его изданиями. В «Новом живописце» Полевой помещает ряд острых сатирических выпадов против Булгарина как журналиста и автора исторических и нравоописательных романов. Например, в сатирической сценке «Беседа у молодого литератора» Булгарин, только что издавший свой роман «Петр Иванович Выжигин», выведен в образе Патриотова. Зло высмеяны квасной патриотизм Булгарина, крикливо-патриотическая официальная народность его романов. (Самое выражение «квасной патриотизм» сошло со страниц «Московского телеграфа» в 1827 г.; оно принадлежало Вяземскому.) Булгарина как издателя «Северной пчелы» Полевой сатирически изобразил в «Камер-обскуре книг и людей» (1832, № 6) в лице Фомы Низкопоклонова, выпускающего «историко-политико-литературную газету» «Трудолюбивый муравей» совместно с Яковом Ротозеевым. В статье «Взгляд на некоторые журналы и газеты русские» (1831, № 1) Полевой прозрачно намекал: «Вообще издатели “Северной пчелы” почти во всех своих статьях сбиваются на форменные донесения».

Буржуазный радикализм Полевого достигает наивысшей точки в 1831 г., когда он, несмотря на цензурный террор, находит средства выразить свое одобрение революционным событиям на Западе. Для Полевого, как последовательного защитника интересов буржуазии, огромное значение Французской революции 1830 г. состояло в том, что она свергла монархию Бурбонов, разрушила остатки феодальных отношений и тем расчистила пути свободной деятельности «среднего состояния», то есть буржуазии.

Открыто высказаться в печати об июльской революции Полевой не мог по условиям цензуры. Но в первой части «Исторического обозрения 1830-го года» (1831, № 1), охватывающего события до июльских дней, Полевой все же осмелился назвать революцию во Франции «достопамятным» событием, которое принесет «обильные следствия» в будущем. Вторую часть обозрения цензура не пропустила.

С 1832 г. Полевой сокращает свое сотрудничество в критическом и библиографическом отделах журнала, отходит от участия в полемике, от текущей журнальной работы и почти не занимается делами редакции. Он печатает в «Московском телеграфе» статьи о творчестве Державина, Жуковского, Пушкина, в которых по-прежнему излагает романтические взгляды, работает над своей «Историей русского народа», пишет учебные книги по истории, художественные произведения. Руководство журналом переходит к его брату, Ксенофонту Полевому, хотя официальным издателем остается Николай.

Цензура и Третье отделение очень строго следили за «Московским телеграфом». Гонения усилились в 1832 г., когда С. С. Уваров был назначен помощником министра просвещения. Ждали удобного повода, чтобы запретить «вольнодумный» журнал. И повод такой появился. В № 3 за 1834 г. Н. Полевой поместил свою рецензию на только что изданную ура-патриотическую пьесу Н. Кукольника «Рука всевышнего Отечество спасла». Он отрицательно отозвался о литературных достоинствах пьесы и слегка, почти незаметно намекнул на «квасной патриотизм» автора. «Новая драма г. Кукольника весьма печалит нас», она «не выдерживает никакой критики», – делал вывод Полевой. Цензура не нашла в рецензии ничего предосудительного и пропустила номер. Но тут выяснилось, что на премьере спектакля в Александрійском театре в Петербурге присутствовал царь и Кукольник вручили в награду бриллиантовый перстень.

Отзыв Полевого о пьесе Кукольника послужил только поводом для закрытия неугодного журнала. Царю была представлена большая тетрадь с крамольными выписками из «Московского телеграфа» за многие годы – настоящий политический донос. В докладной записке, составленной Уваровым, Полевой сравнивался с бунтовщиком, который посреди площади при всеобщем стечении народа проповедует революцию. По распоряжению царя в апреле 1834 г. «Московский телеграф» был запрещен.

После закрытия «Московского телеграфа» имя Полевого как издателя некоторое время находилось под запретом. Ему не разрешили выпустить научно-литературный иллюстрированный журнал «Живо-

писное обозрение». В 1835–1838 гг. Н. Полевой нерегулярно сотрудничал в «Московском наблюдателе» и «Библиотеке для чтения».

В конце 1837 г. в жизни бывшего издателя «Московского телеграфа» наступил крутой поворот: по приглашению Смирдина Полевой переезжает в Петербург и становится фактическим (но не официальным) редактором журнала «Сын Отечества» и сотрудником «Северной пчелы». В 1841–1842 гг. Полевой вместе с Гречем редактировал журнал «Русский вестник», в котором выступал против «Героя нашего времени» и стихотворений Лермонтова, против «Мертвых душ» Гоголя. Одновременно Полевой сочинял свои псевдонимные пьесы, вошедшие в разряд казенной драматургии. «Печально было видеть, как этот смелый боец, этот неутомимый работник, умевший в самые трудные времена оставаться на своем посту, лишь только прикрыли его журнал, пошел на мировую со своими врагами. Печально было слышать имя Полевого рядом с именами Греча и Булгарина; печально было присутствовать на представлениях его драматических пьес, вызывавших рукоплескания тайных агентов и чиновных лакеев», – писал Герцен (VII, 219). Переход Полевого в лагерь реакционной журналистики Белинский встретил справедливым негодованием; в статьях и, особенно в письмах, Белинский возмущался ренегатством Полевого.

В 1844 г. Полевой нашел в себе силы отойти от Булгарина и Греча. В конце 1845 г. он сблизается с Краевским и с 1846 г. начинает редактировать «Литературную газету». Выпустив всего несколько номеров, Полевой умер в феврале 1846 г.

Белинский в «Отечественных записках» (1846, № 3), рецензируя вторую часть книги Полевого «Столетие России», с сожалением отозвался о безвременной кончине «одного из замечательнейших Действователей на поприще русской литературы». Он подчеркнул, что участие Полевого в 1840-е гг. в реакционной петербургской периодике не должно заслонять его огромного значения как издателя и сотрудника «Московского телеграфа»: Полевой «создал журнал в России». Вскоре вышла брошюра Белинского «Николай Алексеевич Полевой». Великий критик дал объективный и очень глубокий анализ московского периода журналистской деятельности Полевого, показал то новое, что внес «Московский телеграф» в историю русской журналистики. Именем Полевого Белинский назвал целый период в истории русского просвещения. Основные положения этой работы Белинского повлияли на оценку журналистской деятельности Полевого, высказанную впоследствии Герценом и Чернышевским. В 1834 г. журнал был закрыт цензурой из-за высказываний крамоль-

ной мысли, что Россию в 1612 г. спас купец Минин, а не дворяне, в рецензии на драму придворного писателя Кукольника «Рука всевышнего Отечество спасла».

Кроме «Московского телеграфа», с его практическим направлением и преимущественным интересом к вопросам экономики и современной политики, в Москве существовала группа журналов теоретического характера, в которых вопросы отвлеченного «любомудрия», «чистой науки» и «чистого искусства» занимали ведущее место. К ним относятся «Московский вестник» М. П. Погодина (1827–1830), «Атеней» М. Г. Павлова (1828–1830) и «Европеец» И. В. Киреевского (1832). Ни одно из этих изданий не сыграло существенной роли в истории русской печати, так как все они были лишены самого основного, что составляет душу журнала, – современности.

«Атеней» (1828–1830) – *двухнедельный журнал*, который издавался в Москве философом-шеллингианцем М. Г. Павловым²⁴⁰, профессором Московского университета по кафедрам минералогии, физики и сельского хозяйства. В «Атенее» в большом количестве печатались работы самого издателя по философии и физике; среди них наибольший интерес представляют статьи: «Различие между изящными искусствами и науками» (1828, № 5), «О предмете физики» (1828, № 6), «Содержание и расположение физики» (1828, № 7).

В журнале уделялось большое внимание теории литературы. Следует назвать серьезное исследование Дубенского «О всех употребляемых в русском языке стихотворных размерах», которое печаталось в четырех номерах журнала (1828, № 13–16), и теоретическую статью Н. И. Надеждина «Различие между классической и романтической

²⁴⁰ Павлов Михаил Григорьевич (1793–1840) – русский философ, журналист, физик, агробиолог. Окончил Московский университет (1816) одновременно по математическому и медицинскому факультетам. С 1820 г. в должности профессора Московского университета читает курсы минералогии, сельского хозяйства, физики. В философии был последователем Ф. В. Шеллинга; развивал принципы идеалистической диалектики и общую «теорию вещества» (материи) в духе натурфилософской концепции Шеллинга–Л. Окена. Своей педагогической и журналистской деятельностью оказал большое влияние на формирование молодого поколения России конца 1820–1830-х гг., что отмечали А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. В. Станкевич и другие известные русские мыслители. Издает журналы «Атеней» (1828–1830) и «Русский земледелец» (1838–1839). Директор Земледельческой школы. Сыграл большую роль в развитии науки о сельском хозяйстве.

поэзией, объясняемое из их происхождения» (1830, № 1), являющуюся частью его докторской диссертации. Литературно-эстетические позиции «Атеней» примыкали к позициям «Вестника Европы», он также выступал с защитой классицизма, решительно боролся с романтизмом (отсюда его полемика с «Московским телеграфом») и с нарождающимся реализмом. Обязанности ведущего критика в журнале выполнял постоянный сотрудник «Вестника Европы» Михаил Дмитриев, уже достаточно известными выпадами против прогрессивных литераторов. Объектом его наиболее ожесточенных атак становится Пушкин. По поводу «Евгения Онегина» критик сурово заявил, что в нем «нет характеров, нет и действия» (1828, № 4).

Отвлеченно-теоретический характер статей «Атеней» и резкость его критических выступлений привели к тому, что журнал не имел успеха и разошелся в количестве 400–500 экземпляров. Стремясь как-то поднять авторитет своего издания и расширить круг читателей, Павлов в 1829 г. создает при «Атенее» приложение «Записки для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов», изменяет тон и направление критики. Когда и это не помогло, «Атеней» закрылся.

«Московский вестник» (1827–1830) – крупный литературный, критический, научный журнал, выходивший *дважды в месяц* в Москве. Издавался историком М. П. Погодиным²⁴¹ при участии Пушкина, который опубликовал здесь несколько стихотворений (в первом же номере напечатаны монолог Пимена из «Бориса Годунова», стихотворение «Пророк» под названием «Поэт»). Философия и философская критика определяли основное направление журнала. Печатались и литературные произведения, и литературная критика. Оценивается как один из важнейших русских журналов 20-х гг. XIX в.

«Московский вестник» был создан «любомудрами»²⁴². Главными сотрудниками, с одобрения которых Погодин мог печатать статьи, были: С. П. Шевырев, В. П. Титов, Д. В. Веневитинов, Н. М. Рожалин, И. С. Мальцов и С. А. Соболевский. Литературными сотрудни-

ками кроме перечисленных были В. Ф. Одоевский, Н. М. Языков, С. Е. Раич, В. Л. Пушкин и др. Журнал выступил как проповедник идей немецкой философии и немецкого романтизма. Если журналу Полевого были ближе социально насыщенные произведения французских романтиков, то журналу Погодина были родственны философские искания и антисоциальность немецких романтиков.

Принимая участие в журнальной полемике, редакция «Московского вестника» нападала на Булгарина и издаваемую им «Северную пчелу», критиковала «Московский телеграф» (статьи Шевырева), сделала ряд выпадов против Вяземского, остававшегося сотрудником «Телеграфа», подвергла критике Карамзина как историка (статьи Погодина и Арцыбашева).

Несмотря на умеренность политических взглядов «Московского вестника», стоявшего на платформе славянофильства, в правительственных кругах на него смотрели косо, считали его «журналом слишком свободным». Донос, поступивший в 1827 г. в III отделение, характеризовал сотрудников «Московского вестника» как «истинно бешеных либералов». «Образ мыслей, – говорилось в доносе, – речи и суждения отзываются самым явным карбонаризмом». Несмотря на свое литературное значение и интерес, «Московский вестник» страдал от недостатка подписчиков, что и погубило журнал. В 1830 г. «Московский вестник» был органом московских «любомудров», поклонников немецкой идеалистической философии и немецкого романтизма.

«Любомудры» в начале 1820-х гг. создали своего рода литературную организацию. По свидетельству современников, некоторые из «любомудров» (например, Веневитинов) были близки к декабристам. Кружок просуществовал до конца 1825 г. После выступления декабристов на Сенатской площади, когда, с одной стороны, происходящие события захватили все внимание любомудров, а, с другой, тайные собрания философов могли бы вызвать подозрения полиции, было решено общество распустить. Председатель Владимир Одоевский пригласил друзей к себе домой и торжественно уничтожил в своем камине устав общества вместе с протоколами его собраний.

Обществу любомудрия так и не удалось оставить целостную философскую систему. Философские взгляды любомудров неразрывно связаны с мыслями о творчестве, эстетике, искусстве; философские высказывания обнаруживаются в их переписке, статьях и художественных произведениях, где чередуются с суждениями о науке и культуре. После 14 декабря 1825 г. они начинают уходить от действительности, призывают погрузиться в «чистую науку», наслаж-

²⁴¹ Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – историк, прозаик, журналист, драматург.

²⁴² Общество любомудрия – литературно-философский кружок, собиравшийся в Москве в 1823–1825 гг. Иногда заседания посещали кроме членов общества некоторые другие московские литераторы. Участники кружка интересовались немецкой идеалистической философией, изучали работы Ф. В. Шеллинга, а также Б. Спинозы, И. Канта, И. Г. Фихте, немецких натурфилософов. Члены общества называли себя «любомудрами».

даться «изящным». Для выражения этих идей и настроений ими был создан «Московский вестник».

Во главе журнала, который выходил два раза в месяц, стоял Погодин, ближайшим его помощником и ведущим критиком был Шевырев; оба они позже станут активными защитниками идей «официальной народности». Сотрудничали в журнале будущие славянофилы – Петр и Иван Киреевские, Хомяков и др.

Журнал был задуман как научно-литературное издание; он намеренно удалялся от политики и публицистики и даже подчеркивал свой аполитизм.

«Московский вестник» не восхвалял феодально-крепостнические порядки, как то делали Булгарин и Греч, но и не высказывал к ним критического отношения. Журнал проповедовал идеи религиозного смирения и покорности, нравственного самоусовершенствования, патриархальной гармонии сословных интересов – все то, что позже составит основу славянофильского учения.

На страницах «Московского вестника» велась последовательная защита романтизма, но в отличие от «Московского телеграфа» с его симпатиями к боевому, социально окрашенному французскому романтизму в журнале «любомудров» пропагандировался пассивно-мистический, созерцательный немецкий романтизм.

«Московский вестник» состоял из четырех постоянных отделов: «Словесность», «Науки», «Критика», «Смесь». Пушкин поместил в журнале более двадцати произведений (стихотворения, отрывки из «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Графа Нулина»). Много стихотворений опубликовали Шевырев, Веневитинов, Языков и др. Печатались переводы из Гете и Шиллера. Художественная проза была представлена очень слабо, преимущественно переводами из немецких романтиков – Гофмана, Жана-Поля Рихтера, Тика, Новалиса. Остро ощущался недостаток в русских повестях, которыми, напротив, так богат был «Московский телеграф».

Большое место в журнале занимали темы поэта и поэтического творчества, причем трактовались они в духе крайнего идеализма и субъективизма, с опорой на немецкую романтическую эстетику. Защищая идеи «чистого искусства», самоцельного и независимого от действительности, поэты и критики «Московского вестника» (Веневитинов, Шевырев, Рожалин и др.) видели в поэте «исключительную» личность, творящую бессознательно и бесцельно, повинуюсь только своей творческой «интуиции». Романтическая трактовка образа поэта и сущности поэтического творчества раскрывалась в стихотворениях Веневитинова («Поэт»), Хомякова («Поэт»), Туманского («Поэзия»).

Теме поэта были посвящены и некоторые стихотворения Пушкина («Поэт», «Чернь»), в которых «любомудры» узрели ответ на свои требования «чистого искусства». Пушкин был прав, защищая независимость искусства от посягательств двора и светской черни, и в то же время не прав: он развил тему таким образом, что мог дать повод сделать ошибочный, чуждый ему самому вывод о якобы абсолютной независимости творчества поэта от жизни. Это очень хорошо показал Белинский в пятой статье о Пушкине.

Научный отдел журнала в 1827–1828 гг. наполнялся преимущественно статьями по философии, эстетике, теории и истории изящных искусств. Серьезные фундаментальные исследования, рассчитанные на специалистов, были написаны трудным языком и скорее имели значение для развития гуманитарных наук, чем для журналистики. К числу наиболее крупных работ, в которых рассматривались и развивались основные принципы романтической эстетики, основанной на идеалистической философии Шеллинга, следует отнести статьи Шевырева «Разговор о возможности найти единый закон для изящного», где доказывалось, что чувство изящного «примиряет нас со всем миром», Титова «О романе как представителе образа жизни новейших европейцев», «Несколько мыслей о зодчестве», В. Одовского «Парадоксы об искусстве», Веневитинова «Три единства в драме» и др. Печатались также переводы из трудов Г. Аста «Основные начертания эстетики», А. Шлегеля «Лекции о драматическом искусстве», был опубликован перевод статьи Гете «Об истине и правдоподобию в искусстве».

С 1829 г. в связи с отъездом за границу главных сотрудников «Московского вестника» – Шевырева, И. Киреевского, Рожалина – отдел науки наполняется историческими исследованиями Погодина и публикациями архивных материалов. Статьи Погодина отличались сухостью изложения и никак не подходили для научно-литературного журнала.

Отдел критики не занимал в «Московском вестнике» видного места. В нем редко печатались разборы современных произведений, а библиография вовсе отсутствовала. Наибольший интерес представляли статьи И. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина», С. Аксакова о романе Загоскина «Юрий Милославский», подробный разбор В. Ушаковым романа Булгарина «Дмитрий Самозванец» и Погодиным – романа В. Скотта «Веверлей». Критические статьи писались в довольно спокойном тоне, анализу текста обычно предшествовало пространное теоретическое введение об отдельных проблемах художественного творчества, выдержанное в соответствии с романтическими взглядами на искусство.

Острых полемических выступлений в «Московском вестнике» было очень мало; полемика велась по мелочам – и прежде всего с «Московским телеграфом», с изданиями Булгарина и Греча. «Телеграф» отталкивал сотрудников «Московского вестника» своей антидворянской направленностью, острой полемичностью и борьбой с «чистым искусством»; к тому же они никак не могли простить Полевому его занятий русской историей и суровых отзывов об исторических сочинениях Погодина. Булгарина и Греча сотрудники «Московского вестника» осуждали как недостаточно талантливых писателей и защитников «торгового» направления в журналистике. Политическая позиция «Северной пчелы» и «Сына Отечества» в суждениях «Московского вестника» вообще не затрагивалась.

На первых порах в «Московском вестнике» принял участие Пушкин. Он рассчитывал изменить направление журнала и вывести его за рамки идеалистической эстетики. Но «любомудры» не пошли за Пушкиным, и в письме Дельвигу от 2 марта 1827 г., иронизируя по поводу погружения «Московского вестника» в философические отвлеченности, он замечал: «Ты пеняешь мне за “Московский вестник” и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать – все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями... А время вещь такая, которую ни с каким “Вестником” не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают». В 1828 г. поэт отошел от этого журнала.

Руководители «Московского вестника» надеялись на тираж в 1200 экземпляров, а он едва достигал 500–600 экземпляров, да и эта цифра удерживалась ненадолго; к 1829 г. число подписчиков сократилось до 250 человек. А в следующем году Погодин закончил издание журнала по причине их полного отсутствия.

Белинский в «Литературных мечтаниях» отметил, что хотя «Московский вестник» отличался и умом, и талантом, но ему не доставало «сметливости и догадливости», то есть способности стать журналом, отвечающим потребностям современности: «В эпоху жизни, в эпоху борьбы и столкновения мыслей и мнений, он вздумал наблюдать дух какой-то умеренности и отчуждения от резкости в суждениях и, полный дельными и учеными статьями, был тощ рецензиями и полемикой, кои составляют жизнь журнала, был беден повестями, без коих нет успеха русскому журналу».

«Телескоп» (1831–1836) – энциклопедический литературно-общественный журнал современного просвещения, рассчитанный на широкий круг читателей. Выходил *два раза в месяц*, с 1834 г. –

еженедельно. Его издавал профессор Московского университета Н. И. Надеждин²⁴³. Он был критиком романтизма и сторонником нарождающегося в литературе направления – реализма. Здесь печатались произведения М. Погодина, С. Шевырева, М. Загоскина, И. Лажечникова, А. Пушкина, Ф. Тютчева и др. Публиковались переводы произведений Бальзака. В журнале сотрудничал молодой В. Белинский. Одно время он даже оставался за редактора.

«Телескоп» был выразителем тех общественных течений, в которых заключались основы как западничества, так и славянофильства. Надеждина иногда называют шеллингианцем. Несомненно, что он изучал Шеллинга, как и многих других мыслителей, но сам, скорее всего, был эклектиком со значительной долей скептицизма.

Передовые статьи составляли значительную часть журнала. Встречались также переводы из немецких, французских, английских, итальянских и польских изданий – биографии писателей, статьи научного, философского, экономического характера. Из оригинальных статей наибольший интерес представляют, кроме статей Пушкина, писавшего в «Телескопе» под псевдонимом Ф. Косичкина, и Белинского, статьи самого редактора.

Необходимо назвать: «Отчет о русской литературе за 1831 г.», «Европеизм и народность», «Здравый смысл и барон Брамбеус», статью о переводе «Всеобщего начертания теории искусств» и т. д. Интересны также статьи Павлова по физике, проникнутые шеллингианской натурфилософией («Свет и тяжесть», «Теория вещества», «Общий очерк природы» и т. д.). Венелин поместил в «Телескопе» запоздалый ответ на разбор его книги, напечатанный Калайдовичем в «Московском вестнике» 1829 г.; Калайдович поместил разбор грамматики Востокова, Востоков – ответ на этот разбор; Морошкин знакомил читателей с новейшими работами Савиньи по римскому праву; Перевощиков напечатал «Рассмотрение рассуждения Ломоносова о явлениях воздушных» и т. д.

Оригинальная изящная литература, если не считать стихотворений, не блистала в «Телескопе» талантливостью да и в количествен-

²⁴³ *Надеждин Николай Иванович (1804–1856) – критик, философ, историк, издатель и редактор. Печатался в «Вестнике Европы». Известность получил как критик, печатавшийся под псевдонимом Никодим Надоумко. Признание получил после защиты диссертации «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической».*

ном отношении была очень слабо представлена. Живым интересом отличался отдел «Современная летопись», представлявший собою отголоски, главным образом западноевропейской жизни. Отдел критики приобрел значение с тех пор, как перешел в руки Белинского. Белинский начал работать в журнале с 1833 г. сначала как переводчик, а с 1834 г. как критик.

Наиболее интересными из статей Белинского, напечатанных в «Телескопе», являются: «О русской повести и повестях Гоголя», «О стихотворениях Баратынского», «Стихотворения Бенедиктова», «Стихотворения Кольцова», «О критике и литературных мнениях Московского Наблюдателя». В статье «Ничто о ничем» он высказался по теоретическим вопросам журналистики: дал впервые разграничение понятий «газета» и «журнал» и подчеркнул необходимость для каждого журнала иметь свое направление.

Причиной закрытия «Телескопа» послужила публикация «Философических писем» П. Чаадаева²⁴⁴. После возвращения из Европы в 1828–1830 гг. он написал восемь «Философических писем», в которых выразилось его новое мировоззрение. Согласно этому мировоззрению, Чаадаев постоянно разрабатывал религиозное обоснование общественного процесса. По логике Чаадаева:

1. Европейские успехи в области культуры, науки, права, материального благополучия составляли прямые и косвенные плоды католицизма, социально активной политической религии и оценивались как зародыши и элементы высшего синтеза.

2. Толкование им христианства как исторически прогрессирующего социального развития послужило основой для критики современного положения России и того, что привело к этому ее положению в ее истории.

3. Для того, чтобы достичь успехов европейского общества на всех его уровнях и участвовать в мировом прогрессе, России надо не просто слепо копировать западные формы, а впитать социальную идею католицизма, от начала пройти все этапы европейской истории. Чаадаев был высочайше объявлен сумасшедшим.

«Философические письма» Чаадаева, пропущенные цензором Болдыревым, вызвали донос Вигеля, последствиями которого были

²⁴⁴ Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – мыслитель и публицист. После возвращения из Европы в 1828–1830 гг. написал восемь «Философических писем», в которых выразилось его новое мировоззрение.

закрытие журнала, устранение цензора и ссылка редактора Надеждина в Усть-Сысольск. «Телескоп» не имел большого успеха, но послужил значительную службу русскому обществу как распространением философских идей, так и тем, что послужил школой для ряда талантов, начиная с Белинского.

«Молва» (1831–1836) – еженедельная газета, литературное приложение к журналу «Телескоп», выходившее в Москве. Редактором-издателем был Надеждин, главным сотрудником – Белинский (№ 24–49 за 1835 г. вышли под его редакцией). Именно здесь напечатано первое крупное сочинение Белинского – цикл (десять глав) «Литературные мечтания» (1834, № 38, 39, 41, 42, 45, 46, 49–52). Здесь уже проявилось главное качество Белинского-критика – повышенная идейно-художественная требовательность к литературе. В качестве основного критерия в оценке художественного творчества выступает требование народности литературы, которому не отвечает большинство писателей. Несколько раз повторяется тезис: «У нас нет литературы», ведь, по его мнению, истинных писателей всего четыре: Державин, Пушкин, Крылов и Грибоедов. Белинский не только называет явление, но и стремится аргументированно доказать его новизну своими наблюдениями, использует аналитический метод. При этом для этой статьи и других, написанных в 30-е годы, характерны черты романтического стиля: экзальтированность, обилие вопросов и восклицаний, антитез, оксюморонов, «беседная» разговорность²⁴⁵. Не все положительно восприняли материал Белинского. В повести В. А. Ушакова «Пиюша», опубликованной в «Библиотеке для чтения» (1835, т. 11), памфлетно изображен студент-недоучка Виссарион Кривошеин, который, «не зная порядочно арифметики, судил и рядил о Фихте и Гегеле».

Газета печатала художественную прозу, стихи, фельетоны, критические статьи и театральные обзоры. Отстаивала позиции реализма в искусстве. Известна как газета мод и новостей. Иногда вместо нее выходило библиографическое приложение. Была запрещена правительством одновременно с «Телескопом».

²⁴⁵ «Литературные мечтания» вызвали положительные отзывы Пушкина (Современник. – 1836. – Т. 3), С. Шевырева (МН. – 1835. – № 1), Неверова (ЖМНП. – 1835. – № 9) и полемические выступления А. Воейкова (ЛПРИ. – 1835. – 17 июля), Н. И. Сазонова (Уч. зап. Моск. ун-та. – 1835. – Ч. 9. – № 1) и др. (см.: Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. – Т. 1. – М., 1989. – С. 208).

«Библиотека для чтения» (1834–1865) – ежемесячный русский журнал универсального содержания, выходивший в Санкт-Петербурге. На титуле имел подзаголовок «Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод». Энциклопедическое издание, основанное издателем и книготорговцем А. Ф. Смирдиным²⁴⁶. Благодаря ему были изданы сочинения Карамзина, Жуковского, Пушкина, Крылова, а также некоторых других писателей, которые, может быть, не были бы никогда изданы, ни будь Смирдина. Всего им было издано книг на больше чем три миллиона рублей. «Библиотека для чтения» явилась самым распространенным журналом своего времени и положила начало так называемым «толстым» журналам. Щедрость Смирдина в отношении гонорара привлекла к участию в его журнале лучших современных писателей. А в конце 1840-х гг. он предпринял «Полное собрание сочинений русских авторов», начиная с Ломоносова, Тредиаковского и кончая Пушкиным. Довольно продолжительное время издания Смирдина широко распространялись и предприятие его шло успешно, но затем дела его пошатнулись. Причиной этого была его необычная щедрость в оплате литературного труда. Крылову за право издания его басен в количестве сорока тысяч экземпляров Смирдин уплатил 40000 рублей (ассигнациями). Пушкину он платил за каждую строку стихов по «червонцу», а за стихотворение «Гусар», напечатанное в «Библиотеке для чтения» 1834 г., уплатил 1200 рублей. На титульном листе печатался список из около шестидесяти авторов, чьи ученые и литературные труды предполагалось помещать в журнале. За согласие известных писателей указать свое имя в списке сотрудников Смирдин платил так же, как и всем. Им впервые в русской печати был введен твердый авторский гонорар – 200 рублей за лист, для знаменитых писателей – до 1000 рублей и выше. Бескорыстие Смирдина и доверчивость его при отпуске книжного товара довели его в конце концов до полнейшего разорения.

Разделение функций между издателем и редактором было новшеством в русской журналистике. Редактором журнала был при-

²⁴⁶ Смирдин Александр Филлипович (1795–1857) – известный русский книгопродавец и издатель. Главная его заслуга заключалась в удешевлении книг, в достойной оценке литературных произведений как капитала и в укреплении прочной связи между литературой и книготорговлей. Его деятельность сыграла значительную роль в истории русского просвещения.

глашен профессор Санкт-Петербургского университета и литератор О. И. Сенковский²⁴⁷, которому было назначено необычно большое для того времени жалованье в 15 тысяч рублей (не считая платы за сотрудничество). Он прославился своими библиографическими фельетонами, например, на гоголевские «Мертвые души». Их он подписывал псевдонимом «Барон Брамбеус», точнее, писал их от имени вымышленного литературного героя. Это очень напоминает журналистские опыты Бенджамина Франклина с его «Вдовой Дугуд».

Издание было задумано как крупное коммерческое предприятие, приносящее доход. Именно за введение денежных отношений в журналистское творчество критиковал Смирдина Белинский. И, как показало время, зря. Введение гонорара сделало журналистику доходной профессией и способствовало демократизации литературы и журналистики.

Выходил с исключительной точностью первого числа каждого месяца. Это было весьма необычно для России. Каждая книжка была объемом 25–30 печатных листов. Тираж составлял от пяти до семи тысяч экземпляров. Во второй год издания у журнала насчитывалось пять тысяч подписчиков, два года спустя, их число выросло до семи тысяч человек. Большой тираж позволял удерживать сравнительно невысокую подписную плату – 50 рублей за год. Это было крайне важно, так как издание адресовалось среднему классу – городским чиновникам, мещанам, младшим офицерам, а также провинциальным помещикам. Это было первое массовое издание.

Представление о содержании дают названия отделов журнала: «Русская словесность», «Иностранная словесность», «Науки и художества», «Промышленность и сельское хозяйство», «Литературная летопись», «Смесь». Здесь же публиковались сведения о парижских модах и давались картинки модных туалетов. У журнала был выраженный экономический уклон, и он отражал понимание издателя в необходимости развития капиталистических отношений в России.

В 1834–1835 гг. соредактором журнала был Греч. Среди авторов были И. Т. Калашников, поместивший в журнале повесть «Жизнь крестьянки» (1835 г., т. 13), А. И. Иваницкий («Неразменный червонец») и другие.

²⁴⁷ Сенковский Осип Иванович (1800–1858) – прозаик, журналист, ученый-востоковед. Печатался в «Северном архиве», «Сыне Отечества», «Полярной звезде», «Северных цветах».

В 1840-е гг. в русском обществе и журналистике изменяется ситуация, растет влияние журнала «Отечественные записки» А. А. Краевского. Журнал «Библиотека для чтения» начинает терять популярность. Число подписчиков в 1847 г. упало до трех тысяч. Смирдин к этому времени разорился и в 1848 г. передал журнал книгопродавцу В. П. Печаткину. Печаткин пригласил в соредакторы А. В. Старчевского. В 1848–1854 гг. в журнале печатались повести Е. Н. Ахматовой «Замосковская летопись о наших женских делах и других», «Мачеха», «Кандидатки на звание старых дев», «Современный рассказ».

В 1856 г. Сенковский был отстранен от редактирования. Редактором журнала стал на недолгое время приглашенный в конце 1856 г. А. В. Дружинин. В конце 1857 г. в состав редакции вошел А. Ф. Писемский. Вскоре он стал соредактором Дружинина. После того, как Дружинин из-за болезни оставил должность редактора, Писемский с ноября 1860 г. стал единоличным редактором. В 1862–1864 гг. в журнале принимал участие историк и публицист Н. Я. Аристов, в 1863 г. в двух номерах печатался очерк П. Н. Горского «Бездольный». С 1863 г. редактор П. Д. Боборыкин. С 1865 г. издатели-редакторы П. Д. Бобрыкин и Н. Н. Воскобойников. В апреле 1865 г. журнал прекратился.

Журналистская деятельность **А. С. Пушкина** не менее интересна, чем его собственно литературные занятия. В историю русской культуры Пушкин вошел, прежде всего, как великий национальный поэт. Но Пушкин также был талантливым журналистом и критиком, он издавал и редактировал «Современник» – один из лучших журналов 1830-х гг. Когда до Москвы дошла весть о трагической гибели Пушкина, редактор «Московского наблюдателя» В. П. Андросов в письме к А. А. Краевскому 3 февраля 1837 г. связал смерть поэта с его журналистской деятельностью.

Обычно журнальную биографию Пушкина начинают с его участия в «Литературной газете» (1830) – и делают это неправильно. В «Литературную газету» Пушкин пришел, имея опыт журнальной работы как критик, рецензент и острый полемист. Первое выступление Пушкина-журналиста в периодической печати относится к маю 1824 г., когда в «Сыне Отечества» (№ 18) появилась присланная из Одессы полемическая заметка Пушкина – его «Письмо к издателю «Сына Отечества»». Этой заметкой Пушкин начал борьбу с реакционной прессой, выступив против журнала Каченовского «Вестник Европы» и его ведущего критика Михаила Дмитриева.

В 1825 г. Вяземский привлекает Пушкина к сотрудничеству в «Московском телеграфе». Здесь Пушкин напечатал несколько своих

стихотворений. Не все тексты пропускались цензурой. Так, эпиграмма «Жив, жив, курилка!», направленная против «Вестника Европы», не была напечатана при жизни автора. Одновременно Пушкин выступает в «Московском телеграфе» с критическими статьями. Значительный интерес представляет его статья «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (№ 17). В Париже вышли басни Крылова, переведенные на французский и итальянский языки, с двумя предисловиями – французского историка П. Лемонте и итальянского писателя Ф. Сальфи. Пушкин вскрывает ошибки Лемонте, который писал о русской словесности и русском языке «понаслышке», показывает, что французский ученый не понял своеобразия басен Крылова, увидев в них только подражание Лафонтену. Подчеркивая народность и самобытность, подлинную художественность басен Крылова, Пушкин продолжает линию декабристской критики и полемизирует с критиками-карамзинистами, которые упрекали Крылова в мнимой зависимости от Лафонтена, характеризовали его басни как «грубые» и «мужицкие».

Находясь в Михайловской ссылке, Пушкин испытывает сильное желание включиться в журнальную борьбу. Он разрабатывает ряд проектов организации нового журнала, подбивает друзей на хлопоты. Поэт пишет Вяземскому в Москву 10 августа 1825 г.: «Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет, хочется, а покамест смотри хоть за Полевым». Узнав, что один из издателей «Полярной звезды» А. Бестужев собирается в Москву, Пушкин и ему пишет о необходимости создать журнал: «Ты едешь в Москву, поговори там с Вяземским об журнале; он сам чувствует в нем необходимость, а дело было бы чудно хорошо!». Однако замысел поэта – создать новый журнал – остался неосуществленным.

Когда осенью 1826 г. Пушкин получил разрешение приехать в Москву, он узнал о готовящемся выходе журнала «Московский вестник». Со многими сотрудниками будущего журнала, с его издателем М. П. Погодиным Пушкин был хорошо знаком, и ему казалось, что он сумеет подчинить их своему влиянию. «Может быть, не Погодин, а я буду хозяином нового журнала», – сообщает Пушкин в письме к Вяземскому 9 ноября 1826 г.

Начав в 1827 г. сотрудничать в «Московском вестнике» Погодина, Пушкин, однако, скоро убедился, что ему не удастся руководить журналом. Несмотря на это, он продолжал давать Погодину советы, какими средствами улучшить журнал, расширить его воздействие на читателей. К словам Пушкина в «Московском вестнике» не прислушивались, и он отошел от редакции.

В конце 1827 г. у Пушкина и Вяземского возникает проект организации журнала «Современник», который выходил бы четыре раза в год. Хлопотать перед министром просвещения и царем взялся Жуковский. Пушкину разрешили жить в Петербурге, и он большие надежды возлагал на новое издание. Однако хлопоты ни к чему не привели: помешал донос Булгарина в Третье отделение на Вяземского. Только через восемь лет Пушкин получил право на единоличное издание «Современника».

«Северные цветы» (1825–1831) – литературный альманах, издававшийся А. А. Дельвигом в Санкт-Петербурге в 1824–1830 гг. (альманахи на 1825–1831 гг.) и А. С. Пушкиным в 1831 г. (на 1832 г.). Один из самых долговечных альманахов «альманажной эпохи»: вышло восемь книжек.

Издание и продажу книгоиздатель И. В. Слёнин оставляет себе, а быть составителем и редактором нового сборника он предложил Антону Дельвигу, за что тот должен был получить 4000 рублей ассигнациями. Уже 28 января 1824 г. в частном письме А. Бестужева П. Вяземскому фигурирует название «Северные цветы», а 3 марта Булгарин публично объявляет в своих «Литературных листках»: «На русском Парнасе носятся слухи, что несколько литераторов и один книгопродавец вознамерились к будущему 1825 г. издать альманах в роде “Полярной звезды”, под заглавием “Северные цветы”. Составители альманахов добивались разнообразия, в “Северных цветах” будут появляться творения не только любимцев публики, но и авторов совершенно неизвестных. Тем не менее, Дельвиг может обещать Вяземскому: “Самые ленивейшие Жуковский и Дашков пышно одарили меня. Пушкин, Баратынской, И. А. Крылов доставили мне каждый по четыре, по шести и по семи довольно больших и прекрасных пьес. И от второклассных писателей я с большим выбором принимаю сочинения. Не бойтесь дурного общества, вашим пьесам соседи буду<т> хорошие. Они не столк<н>утся ни с Каченовским, ни с А. Писаревым, ни со Лже-Дмитриевым, ни с поляком Булгариным”».

После выдачи А. С. Бируковым первых цензурных разрешений в сентябре 1824 г. Дельвиг начал печатать собранные к этому времени произведения. Однако во время наводнения в Санкт-Петербурге 7 ноября 1824 г. отпечатанные листы оказались испорчены и работу пришлось проделать заново. Во второй половине декабря «Северные цветы» увидели свет. Альманах был принят читателями вполне благоклонно, хотя его прозаическая часть многим показалась несколько бледной и однообразной, а приторно-хвалебный обзор Плетнева был

признан слабым и поверхностным. Статья Плетнева была выдержана в апологетическом духе по отношению к устаревшей элегической эстетике, и одним из ее главных критиков оказался Пушкин, превознесенный обозревателем в качестве элегического поэта. «Экая ералашь!» – досадовал Пушкин в письме Вяземскому. Впоследствии Плетнев не писал литературную критику для «Северных цветов».

Пушкин сотрудничал в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы» сначала как поэт, а после 1827 г. как критик и полемист. Этот альманах по художественным достоинствам и по составу сотрудников был лучшим литературным сборником последекабристской поры; выходил он по одной книжке в год и до появления «Литературной газеты» являлся единственным более или менее влиятельным петербургским изданием, противостоявшим периодике Булгарина и Греча. В книжке альманаха на 1828 г. были напечатаны «Отрывки из писем, мысли и замечания» Пушкина, в которых, между прочим, высмеивается самореклама Булгарина и Греча, а в книжке на 1830 г. – его памфлет «Отрывок из литературных летописей», поводом для которого послужил донос редактора «Вестника Европы» Каченовского на издателя «Московского телеграфа» Полевого.

К середине 1828 г. «Вестник Европы» пришел в упадок. Объявляя о подписке на следующий год (в № 18), Каченовский обнадеживал читателей, что он собирается заметно оживить журнал и отныне будет «свободнее соображать и решительнее действовать». «Предполагаю работать сам», – хвастливо заявил он. Прочитав ряд последующих номеров «Вестника Европы», Н. Полевой за подписью «Бенигна» [30] напечатал в «Московском телеграфе» две статьи: «Новости и перемены в русской журналистике на 1829 год» (1828, № 20) и «Литературные опасения кое за что» (№ 23) и показал, что в журнале Каченовского, несмотря на щедрые обещания, ровнехонько ничего не изменилось. Полевой писал о том, что Каченовский вообще не опубликовал ни одной стоящей работы, защищает мнения устарелые и не в состоянии своими трудами помочь журналу.

Уже первая статья Бенигны-Полевого привела Каченовского в ярость. В одном из редакционных примечаний («Вестник Европы», 1828, № 24) Каченовский определил статью «Московского телеграфа» как «следствия неблагонамеренности» и заявил, что он примет «другие меры к сохранению своей личности». Вскоре он выполнил свою угрозу и подал в Московский цензурный комитет жалобу на цензора, пропустившего статью, и на Полевого. Каченовский просил цензурный комитет защитить его как профессора императорского Московского университета.

Цензурный комитет, который в основном состоял из профессоров, признал жалобу Каченовского основательной, но один член комитета, писатель В. Измайлов, не согласился с таким решением и подал особое мнение. Дело передали в Главное управление цензуры в Петербурге. И произошло невероятное: впервые в истории русской цензуры высшая цензурная инстанция не утвердила приговора жесточайшей. Главное управление цензуры не нашло ничего предосудительного в статье Бенигны, и жалоба Каченовского осталась без последствий.

Современники хорошо знали о тяжбе Каченовского с «Московским телеграфом». Пушкин откликнулся на нее эпиграммой «Журналами обиженный жестоко...», опубликованной в журнале Н. Полевого (1829, № 7). В следующем номере Пушкин напечатал эпиграмму «Там, где древний Кочерговский...», в которой высмеял заведомо неудачную попытку Каченовского оживить «Вестник Европы». Не успели отшуметь пушкинские эпиграммы на Каченовского, как в «Северных цветах» появляется его памфлет «Отрывок из литературных летописей».

В этом «Отрывке» Пушкин впервые применил полемический прием, очень характерный для него как памфлетиста, – мнимое согласие с противником, для того чтобы разбить его позицию «изнутри». Пушкин будто сочувственно цитирует слова Каченовского о предполагаемом реформировании «Вестника Европы», но скрытая ирония ощущается сразу. Он приводит суждения Полевого, желая якобы возразить издателю «Московского телеграфа», однако сам выносит Каченовскому еще более строгий приговор. Например, Пушкин цитирует слова Полевого: «Но что сделал до сих пор издатель Вестника Европы? Где его права, и на какой возделанной его трудами земле он водрузит свои знамена?.. Юноши, обогнавшие издателя Вестника Европы, не виноваты, что они шли вперед, когда издатель Вестника Европы засел на одном месте и неподвижно просидел более 20 лет». Далее Пушкин пишет: «На сие ответствуем: если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение 20 лет ни одной замечательной статьи, снискал однако ж себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку? Г. Каченовский просидел 20 лет на одном месте, – согласен; но как могли юноши обогнать его, если он ни за чем и не гнался?».

«Отрывок из литературных летописей» произвел сильное впечатление на современников. Как и следующие пушкинские памфлеты, он не был допущен в состав первого одиннадцатитомного собрания сочинений поэта, на что не раз обращал внимание Белинский.

Определяя полемические статьи Пушкина как «верх совершенства», Белинский всегда ставил «Отрывок из литературных летописей» в один ряд с такими его памфлетами, как «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «О мизинце г. Булгарина и о прочем», опубликованными в 1831 г. в «Телескопе».

Чернышевский также очень высоко оценивал «Отрывок из литературных летописей», он называл его «превосходно написанной статьей»; в приложении к четвертой главе «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевский почти полностью процитировал первый пушкинский памфлет.

Стоимость альманаха в разные годы составляла 10–12 рублей ассигнациями для Петербурга и 13 рублей для провинции. Обретя издательский опыт, после выхода второй книжки Дельвиг, как прежде издатели «Полярной звезды», отказывается от услуг зачинателя Сленина и с помощью Плетнева начинает выпускать альманах собственными силами. «Северные цветы» были одним из немногих по-настоящему доходных альманахов, так сборник на 1828 г. принес 8000 рублей прибыли.

В первой половине 1827 г. писатель и журналист Орест Сомов тоже предпринимал попытку запустить новый альманах. Однако в это время он сблизился с Дельвигом, который предложил ему работать совместно. Сомов соглашается «соединиться набором и изданием альманаха с Дельвигом». «Я отдал ему всю готовую у меня прозу», – информирует он будущих читателей. – «Альманах наш будет под тем же заглавием “Северные цветы”». Сомов становится одним из деятельнейших сотрудников «Цветов». Помимо организационных вопросов и переписки с авторами он занимается литературной критикой, и в альманахах на 1828–1831 гг. снова появляются литературные обзоры.

Несколько лет подряд альманах задерживался с выходом и поступал в продажу не к рождественскому сочельнику, а только весной, ближе к Пасхе. Со временем Дельвигу удалось сместить альманашный цикл обратно к Рождеству, но он продолжает поддерживать и традицию выпуска весеннего альманаха «к святой неделе». После выхода «Цветов» на 1829 г. в редакционном портфеле остаются неиспользованные материалы, и Дельвиг с Сомовым, не указывая имен издателей, выпускают «Подснежник» – небольшой альманах-спутник «Северных цветов», предназначенный в основном для произведений молодых поэтов дельвиговского кружка.

В январе 1831 г., вскоре после выхода альманаха на 1831 г., Антон Дельвиг скончался от простуды. Чтобы почтить память Дельвига и

сохранить альманах, друзья покойного решают самостоятельно выпустить еще один, последний, альманах на 1832 г. Скорее всего, это было идеей Пушкина. Вскоре после похорон оказалось, что в семье Дельвига пропали или были украдены ломбардные билеты на 55 тысяч, и намерение помянуть друга мемориальным альманахом уточняется предложением Плетнева отдать всю выручку в пользу семьи поэта.

Пушкин составляет не просто альманах: «Мы правим тризну по Дельвиге», – говорит он. На этой «тризне» не будет литературной критики Сомова (Пушкин категоричен: «Обозрения словесности не надобно; черт ли в нашей словесности? придется бранить Полевого да Булгарина. Кстати ли такое аллилуия на могиле Дельвига?»). Зато в книжке нашлось место нескольким не публиковавшимся Дельвигом стихотворениям. «Стихи Дельвига <...> оставались без поправки; для чего видно, он их и не выпускал. А после него править – ни у кого из нас рука не поднялась», – сообщил Сомов Языкову. Несколько стихотворений альманаха посвящены самому Дельвигу и его близким: «Мой Элизий» Баратынского, «А. А. Дельвигу» Языкова, «Лизаньке Дельвиг» М. Д. Деларю... Напоминала о поэте и виньетка, на которой изображена лира с оборванными струнами.

Сам Пушкин отдал для сборника произведения, вскоре ставшие хрестоматийными. В альманахе на 1832 г. можно найти «Моцарта и Сальери», «Анчар, древо яда», «Дорожные жалобы», «Эхо», «Делибаша», «Бесов» и четыре «анфологических эпиграммы». В альманах попали проза К. Батюшкова, В. Одоевского, И. Лажечникова, О. М. Сомова, Д. Струйского, Ф. Глинки, М. Погодина, А. Никитенко, первый в России перевод китайской прозы – отрывок романа «История счастливой четы», статья ботаника М. Максимовича «О жизни растений». В стихотворной части были представлены И. Дмитриев, В. Жуковский, Е. Розен, Н. Языков, П. Вяземский, Л. Якубович, Н. Станкевич, М. Деларю, А. Шаховской, З. Волконская, Н. Проккопович, Е. Тимашева и другие.

К 24 декабря 1831 г. последний альманах увидел свет. Попытка помочь семье не удалась: издатели запутались в финансовых вопросах, прибыли оказались незначительны, а Пушкин рассорился с Сомовым, который, проявив небрежность или некорректность в денежных делах, остался должен около трех тысяч, но так и не погасил долг.

Некоторое время спустя, разные группы литераторов пытались возродить альманах. В начале 1833 г. Вяземский собирался издавать «Северные цветы» вместе с Пушкиным. Баратынский пробовал издать «Северные цветы» со своими московскими друзьями. Брался за

подготовку «Северных цветов» С. А. Соболевский. Известно разрешение вдовы Дельвига Одоевскому: «Я согласна, чтобы князь Одоевский издавал “Северные цветы”. Софья Баратынская, бывшая баронесса Дельвиг». Все эти усилия ни к чему не привели. «Альманажная эпоха» осталась в прошлом, наступало время литературных журналов.

Участвуя в «Северных цветах», Пушкин не оставлял мысли о создании в Петербурге более оперативного печатного органа, который можно было бы противопоставить реакционной периодике Булгарина и Греча, в котором литература рассматривала бы социальные аспекты времени, обращалась бы к жанру публицистики и критики. Понимая, что ни ему, ни Вяземскому правительство не выдаст разрешения на подобное издание, он поручил хлопоты Дельвигу, который еще не успел скомпрометировать себя в глазах правительства. Дельвиг упросил цензурный комитет разрешить ему выпуск «Литературной газеты» без всякой примеси политики, и 1 января 1830 г. появился ее первый номер.

«Литературная газета» (1830–1831) выходила в Петербурге. Периодичность: раз в пять дней. Формат: на восьми полосах, каждая полоса была разбита на две колонки. «Цель сей газеты – знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской, и в особенности российской», – заявляла редакция, подчеркивая литературный характер газеты и ее ориентацию преимущественно на просвещенного («образованного») читателя. «Литературная газета» отказывалась от «критической перебранки» и допускала на свои страницы только «критики, имеющие в виду не личные привязки, а пользу какой-либо науки или искусства». О составе участников газеты в редакционном сообщении говорилось следующее: «Писатели, помещавшие в продолжение шести лет свои произведения в “Северных цветах”, будут постоянно участвовать в “Литературной газете” (разумеется, что гг. издатели журналов, будучи заняты собственными повременными изданиями, не входят в число сотрудников сей газеты)». Фраза в скобках касалась Булгарина и Греча: они единственные из участников «Северных цветов» имели собственные периодические издания. Так «Литературная газета» сразу же противопоставила себя «Северной пчеле», «Московскому наблюдателю» и «Московскому телеграфу».

Рабочая редакция «Литературной газеты» состояла из трех человек: издателя-редактора Дельвига, его помощника, литератора и журналиста Сомова и секретаря редакции В. Щасного, который, помимо технической работы, занимался переводами и переложениями научных статей.

Выпустив два номера «Литературной газеты», Дельвиг по делам уехал из Петербурга, и руководство газетой на два месяца перешло к Пушкину. В отсутствие Дельвига Пушкин совместно с Сомовым издал десять номеров (с 3-го по 12-й). За 1830 г. он поместил в «Литературной газете» более двадцати своих статей, рецензий, полемических заметок и свыше десяти подготовил, но не опубликовал.

Пушкин живо интересовался делами газеты и просил друзей ходатайствовать о расширении ее программы. Он писал Вяземскому из Москвы 2 мая 1830 г. о «Литературной газете»: «Поддерживай ее, покамест нет у нас другой. Стыдно будет уступить поле Булгарину... Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто, кроме “Северной пчелы”, ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? Справься-ка с молодыми министрами да и с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий». В этом же письме Пушкин предупреждал Вяземского, чтобы тот вел хлопоты «втайне» от всех, а «если Булгарин будет это подозревать, то он, по своему обыкновению, пустится в доносы и клевету – и с ним не справишься». Хлопоты ни к чему не привели. Все же сотрудники «Литературной газеты», и особенно Пушкин, находили способы освещать вопросы политической современности в критических статьях, рецензиях и полемических заметках.

Газета не ограничивалась чисто литературными материалами, хотя они были ведущими в номере: в ней печатались также статьи по научным вопросам. Номер обычно открывался художественным произведением в прозе, затем шли стихотворения и научная или полемическая статья; последние две-три полосы отводились на библиографию русских и иностранных книг и «Смесь».

В отделе прозы помещались повести, отрывки из романов, описания путешествий, очерки, записки. Были опубликованы две главы из повести Гоголя «Страшный кабан», главы из «Путешествия в Арзрум» и «Арапа Петра Великого» Пушкина, отрывки из романов А. Погорельского (псевдоним А. А. Перовского) «Монастырка» и «Магнетизер», сатирическое произведение Фонвизина «Разговор у княгини Халдиной», путевые записки и очерки Сомова, В. Г. Теплякова, А. С. Норова, Я. И. Сабурова. Зарубежная литература была представлена переводами из произведений В. Скотта, Гофмана, Мери-Мэри, Стендаля, Гюго, Манцони, В. Ирвинга.

В отделе поэзии сотрудничали виднейшие поэты – Пушкин, Дельвиг, Вяземский, Д. Давыдов, Баратынский, Ф. Глинка и др.; без

подписи печатались стихотворения ссыльных декабристов – А. Бестужева и Кюхельбекера.

Большое значение придавалось в «Литературной газете» статьям по литературе, искусству и различным отраслям знаний. Здесь можно было встретить серьезные научные работы по истории и теории литературы (цикл статей Катенина «Размышления и разборы», в которых осуждались крайности романтизма), переводные статьи о современной литературе («О Байроне и его отношениях к новейшей литературе» Гюго, «Современная английская литература» Вордсворта), живые и остроумные статьи Вяземского («О Ламартине и современной поэзии Франции», отрывки из «Жизнеописания Фонвизина»). С большим интересом читались статьи по истории, педагогике, философии, медицине, естествознанию, например: «О цветке», «О разнообразии и единстве вещества в природе» М. Максимовича, «Несколько мыслей о преподавании детям географии» Гоголя и др.

Живым и злободневным был отдел библиографии, в котором рецензировались новинки русской и зарубежной литературы и науки, печатались отзывы о периодических изданиях. В этом отделе и в «Смеси» велась острая борьба с реакционной прессой, закладывались основы подлинно научной критики и просветительской журналистики.

Для определения позиции «Литературной газеты» в вопросах критики и библиографии очень важна заметка Пушкина «О журнальной критике» (1830, № 3). Отмечая, что «критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками», он говорит о том, что необходимо рассматривать не только произведения, «имеющие видимое достоинство». Необходимо брать и такие, при анализе которых можно выйти за пределы чисто литературных вопросов, потому что «нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных». Следовательно, Пушкин рекомендует применять журнально-критический прием в виде разговора с читателем «по поводу» – прием, который позже теоретически разработал и осуществил Белинский.

Почти все участники «Литературной газеты» в свое время находились в более или менее тесных связях с декабристами, поэтому «Литературная газета» воспринималась современниками и правительством как орган русского просвещенного дворянства, еще не утратившего связи с дворянской революционностью, как орган политической оппозиции правительству. Именно этим объясняются

постоянные намеки Булгарина в «Северной пчеле» и в многочисленных его донесениях Бенкендорфу на недостаточную политическую благонамеренность «Литературной газеты», на вольномыслие ее сотрудников, и прежде всего Пушкина. Например, в № 30 «Северной пчелы» за 1830 г. под видом «анекдота», якобы взятого из английского журнала, Булгарин напечатал грязный пасквиль-донос на Пушкина, перемежая личные оскорбления с обвинением его в вольномыслии. Кроме политических целей, у Булгарина имелись и личные: он видел в «Литературной газете» сильного конкурента «Северной пчеле».

Борьбу «Литературной газеты» с продажной прессой возглавлял Пушкин. Он был первым и единственным в то время журналистом, показавшим в подцензурной печати политическое лицо Булгарина как агента Третьего отделения.

В рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина» («Северная пчела», 1830, № 35 и 39) Булгарин возвестил о «полном падении» таланта Пушкина. Он заявил, что описание московской жизни Пушкин взял из его романа «Иван Выжигин», вышедшего в 1829 г., хотя, как известно, седьмую главу Пушкин закончил годом раньше, Булгарин обвинил Пушкина в том, что, будучи на Кавказе, поэт не воспел успехи русского оружия и якобы без должного почтения говорит о России, вспоминая Отечественную войну.

С ответом Булгарину выступили одновременно Дельвиг и Пушкин («Литературная газета», 1830, № 20). Свою заметку Дельвиг посвятил защите Пушкина от обвинений в плагиате и разоблачил Булгарина как лгуна и клеветника. Пушкин поместил памфлет, написанный в форме библиографического известия о «Записках» начальника французской полиции Видока и построенный на сходстве некоторых моментов биографий Видока и Булгарина (дезертирство из армии, доносительство, мошенничество и др.). Читатели сразу поняли, что речь идет о Булгарине. Памфлет имел огромный успех, и правительство поспешило принять меры в защиту своего агента: были запрещены все разговоры и печатные высказывания о Видоке, с которым сопоставили Булгарина. «Записки» Видока и даже его портреты изъяты из продажи.

После этого Булгарин участил доносы на «Литературную газету», и Третье отделение стало зорче следить за нею. В августе 1830 г. Дельвиг получил строгий выговор за помещение в одной из заметок фразы «аристократов к фонарю», взятой из революционной французской песни (1830, № 45). А когда в № 61 от 28 октября было процитировано по-французски четверостишие, сочиненное Казимиром Делавином для памятника, который предполагалось

воздвигнуть в Париже в память жертвам июльской революции, Дельвига вызвали в Третье отделение. Бенкендорф обвинил его в якобинстве, и на № 64 от 12 ноября выход «Литературной газеты» был приостановлен.

Через месяц помощнику министра внутренних дел Блудову, близко знакомому со многими сотрудниками «Литературной газеты», удалось добиться ее возобновления под редакцией Сомова. В 1831 г. «Литературная газета» лишилась ведущих сотрудников, которые давали ей жизнь и движение: Дельвиг умер в январе 1831 г. (по свидетельству А. В. Никитенко, «публика в ранней кончине Дельвига обвиняет Бенкендорфа»), Пушкин и Вяземский потеряли интерес к газете, столь сильно зажатой цензурой, и перестали в ней печататься. Сомов, напуганный вмешательством Третьего отделения, заполняет страницы бесцветными произведениями молодых литераторов. Тираж газеты падал с каждым месяцем, и когда он дошел до ста экземпляров, в конце июня 1831 г. Сомов прекратил ее издание.

Как справедливо отмечал в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский, «Литературная газета» «не проникала в публику», хотя в ней «Пушкин и его сподвижники... высказывали очень много верного и прекрасного» (111, 133). И произошло это не только потому, что газета ориентировалась не на массового, а на просвещенного, образованного читателя, но и потому, что она не получила права на политическую информацию, без чего ей очень трудно было завоевать читателей.

После прекращения «Литературной газеты» Пушкин продолжает острую полемику с Булгариним и Гречем в журнале Надеждина «Телескоп», который не раз критиковал Булгарина как писателя.

В 1829 г. вышел в свет роман Булгарина «Иван Выжигин», Расхваленный в «Северной пчеле» и «Сыне Отечества» Гречем и самим автором, он разошелся тиражом в 7000 экземпляров. За «верноподданнические чувствования», выраженные в романе, Булгарин получил от императрицы золотой перстень. В конце 1830 г. он выпустил второй роман – «Петр Иванович Выжигин», за который на этот раз послал ему перстень Николай I. Третьесортный сочинитель А. А. Орлов решил поработать на официальном успехе Булгарина и начал поставлять на московский толкучий рынок свои романы о Выжигиных. В первые месяцы 1831 г. Орлов издал романы: «Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина», «Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина» и «Смерть Ивана Выжигина». Надеждин напечатал критическую статью, в которой рассмотрел все романы о Выжигиных, булгаринские и орловские («Телескоп», 1831, № 9). Похвалив политиче-

скую направленность романов Булгарина, он все же позволил себе ряд язвительных замечаний в адрес автора.

За друга вступился Греч, заявивший, что Булгарин как писатель велик и никакие хулы критиков ему не страшны: «У него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов» («Сын Отечества», 1831, № 27). А вот Орлова следует порицать за то, что он посягнул на героев Булгарина и дал повод рецензентам делать оскорбительные для таланта Булгарина сопоставления с ним, Орловым.

Прочитав эту защитительную речь, Пушкин выступил в № 13 «Телескопа» с памфлетом «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», под которым стояла подпись «Феофилакт Косичкин». Как и в «Отрывке из литературных летописей», в этом памфлете Пушкин сочетает два способа борьбы с противником – открытый и скрытый. Он разоблачает Булгарина как клеветника и доносчика, предателя, «переметчика», дважды изменившего присяге, одного из тех людей, «для коих все равно, бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить все русское – были бы только сыты». Совершенно прямо Пушкин говорит о том, что Булгарин «хвалил самого себя в журналах, им самим издаваемых», задаривал будущих рецензентов, в том числе иностранцев, присвоил себе комментарии польского поэта Ежевского к одам Горация, зная трагедию Пушкина «Борис Годунов» по рукописи, кое-что заимствовал из нее для своего романа «Дмитрий Самозванец» и т. д.

Это подлинный голос Пушкина. Но в памфлете звучит и голос персонажа, от лица которого написано «Торжество дружбы». Образ добродушного, доверчивого, мало искушенного в литературе Феофилакта Косичкина дает Пушкину возможность средствами юмора и иронии совсем уничтожить противника.

Косичкин в восторге от нежной дружбы Греча и Булгарина, он увлекается романами Булгарина и Орлова, но так передает свои впечатления, что читателю совершенно ясен иронический смысл этих похвал. Под видом «ученого» рассуждения Косичкина Пушкин приводит убийственную характеристику романов Булгарина, а заодно и Орлова, сопоставляя «сии два блистательные солнца нашей словесности».

Когда в ответ на статью Косичкина в «Северной пчеле» усилились выпады Булгарина против Пушкина и Надеждина, а Греч (в № 201) вновь напал на Орлова, в «Телескопе» (№ 15) печатается еще один памфлет Пушкина-Косичкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем». Взяв из заметки Греча слова «блаженный Орлов», Пушкин с возмущением спрашивает: «Что значит блаженный Орлов? О! Конечно, если блаженство состоит в спокойствии духа, не

возмущаемого ни завистью, ни корыстолюбием; в чистой совести, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами... то добрый и небогатый Орлов блажен и не станет завидовать ни богатству плута, ни чинам негодяя, ни известности шарлатана». В конце памфлета Косичкин объявляет, что он сочинил роман «Настоящий Выжигин», и приводит его «содержание» (то есть оглавление).

Все основные факты позорной личной и общественной биографии Булгарина представлены в названии восемнадцати глав. Едва успел Выжигин-Булгарин родиться, как сразу же сочинил пасквиль-донос (глава II). В Ревеле в 1808 г. Булгарин украл шинель у лакея офицера Спечинского Григория и пропил ее (глава III. Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться. Глава IV. Дружба с Евсеєм. Фризовая шинель. Кража. Бегство). Двойное предательство Выжигина представлено в главах V–VII (глава V. Ubi bene, ibi patria. Глава VI. Московский пожар. Выжигин грабит Москву. Глава VII. Выжигин перебегает). Десятая глава названа «Встреча Выжигина с Высухиным» (то есть Гречем: гречиха растет на сухих местах), в тринадцатой главе отражены слухи о том, что после восстания на Сенатской площади Булгарин донес в полицию о связях с «бунтовщиками» своего племянника Искрицкого. В главах XV–XVI раскрывается лицо Выжигина-Булгарина как агента Третьего отделения (глава XV. Семейные неприятности. Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы. Глава XVI. Видок, или Маску долой!).

В своих памфлетах Пушкин пародирует назидательный и грамматически «правильный» слог Греча, развязную фамильярность и саморекламность, свойственную статьям Булгарина, а в «Настоящем Выжигине» он сатирически обыгрывает бойкие, рассчитанные на малотребовательного читателя названия глав из булгаринского «Ивана Выжигина».

Памфлеты Пушкина имели огромный успех у читателя. Белинский неоднократно упоминал о выступлениях «остроумного Косичкина», цитировал их в борьбе с Булгариным и Гречем. Чернышевский в четвертой статье «Очерков гоголевского периода русской литературы» назвал эти памфлеты Пушкина «знаменитыми статьями». Добролюбов в рецензии на седьмой том сочинений Пушкина в издании Анненкова (1857) выделял «яркие, живые, энергические, убийственно-остроумные статьи Феофилакта Косичкина», особо отмечая те главы «Настоящего Выжигина», в которых идет речь о Булгарине как доносчике, агенте Третьего отделения.

В 1831 г. Пушкин, размышляя о состоянии русской журналистики, был озабочен возрастающей монополией «Северной пчелы». Он

считает, что если правительство более свободно будет позволять издание общественно-политических журналов и газет, то «Северная пчела» не выдержит конкуренции, ибо она привлекает читателей только своим правом печатать политические известия.

В течение 1832 г. Пушкин добивался разрешения на издание политической газеты «Дневник» и получил его благодаря поддержке Блудова, который надеялся превратить «Дневник» в орган Министерства внутренних дел. Однако Пушкин не приступил к выпуску этой газеты, так как понимал, что при сложившихся обстоятельствах его «Дневник» мало чем будет отличаться от «Северной пчелы». Он не захотел играть роль полуофициального журналиста и предпочел отказаться от газеты. Только через три года ему удалось осуществить свою давнюю мечту – стать во главе периодического издания.

«Современник» (1836) – литературный и общественно-политический журнал, который начал издавать Пушкин в Санкт-Петербурге. По форме напоминал альманах – выходил четыре раза в год. В конце 1835 г. Пушкин обратился к Бенкендорфу со скромной просьбой разрешить ему «в следующем, 1836 году издать четыре тома статей чисто литературных (как то: повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности». Ему было дозволено выпускать литературный сборник, выходящий четыре раза в год. Внешним видом он напоминал альманах, имея всего два отдела – «Стихотворения» и «Проза»²⁴⁸.

²⁴⁸ В первом выпуске была помещена статья «О рифме» Е. Ф. Розена. Читательского успеха журнал не имел: к новому типу серьезного периодического издания, посвященного актуальным проблемам, трактуемым по необходимости намеками, русской публике предстояло еще привыкнуть. У журнала оказалось всего 600 подписчиков, что делало его разорительным для издателя, так как не покрывались ни типографские расходы, ни гонорары сотрудников. Два последних тома «Современника» Пушкин более чем наполовину наполняет своими произведениями, по большей части анонимными. В журнале были напечатаны его «Пир Петра I», «Из А. Шенье», «Скупой рыцарь», «Путешествие в Арзерум», «Родословная моего героя», «Сапожник», «Рославлев», «Джон Теннер», «Капитанская дочка».

После смерти Пушкина журнал в течение 1837 г. продолжала группа писателей во главе с П. А. Вяземским, затем П. А. Плетневым (1837–1846). В журнале дебютировала С. А. Закревская (1837, т. 8). В 1838–1847 гг. в журнале печатались статьи, повести, романы, переводы Ф. Ф. Корфа. С 1843 г. журнал стал выходить ежемесячно. Журнал пришел в упадок. П. А. Плетнев в сентябре 1846 г. продал его Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву.

При жизни поэта в периодике было опубликовано более пятидесяти его выступлений и столько же осталось в рукописи. Это статьи и заметки по истории и теории литературы, литературным жанрам и литературному языку и т. д., статьи, рецензии и библиографические отзывы, посвященные творчеству (или отдельным произведениям) русских и зарубежных писателей, обзоры современных альманахов, характеристики отдельных журналистов и критиков, публицистические статьи, информационные и редакционные газетные и журнальные заметки, разнообразные полемические выступления: памфлеты, сатирические сценки, диалоги, портреты-пародии, анекдоты, иронические ответы («реплики», в современной терминологии), остроумные замечания и др.

О профессиональном отношении Пушкина к вопросам журналистики говорят многочисленные высказывания в письмах. Да и в художественных произведениях он зачастую откликался на споры в печати. Пушкин хорошо знал современную и прошлую журналистику: в его библиотеке имелось свыше тридцати названий журналов. Поэту было свойственно высокое уважение к профессии журналиста; он утверждал, что «сословие журналистов есть рассадник людей государственных».

В тяжелых условиях николаевской реакции Пушкин продолжил борьбу декабристов за честную, независимую журналистику, за общественно важный орган, способный объединить передовые литературные и научные силы; как и декабристы, он смело и мужественно выступал против реакционной журналистики и литературы.

Одним из первых Пушкин отметил появление в журналистике и литературе новой общественной силы – разночинцев – и определил это как «важный признак», который «непрерывно будет иметь важные последствия». Пушкин с большим вниманием следил за выступлениями Белинского в печати; в библиотеке поэта сохранились номера «Телескопа» со страницами, разрезанными только на статьях Белинского. По свидетельству И. И. Панаева, «один Пушкин, кажется, втайне сознавал, что этот недоучившийся студент должен будет занять некогда почетное место в истории русской литературы». В конце 1836 г. Пушкин шел на сближение с Белинским, и только смерть поэта помешала осуществлению этого союза.

В общетеоретических и литературно-критических статьях Пушкина, большая часть которых не была опубликована при жизни поэта, разрабатывались принципы эстетики реализма (или «истинного романтизма» в терминологии Пушкина), рассматривались с позиций реализма такие важные вопросы, как народность и общественная

роль литературы, историческая обусловленность литературного процесса, понимание истинно прекрасного в искусстве, значение литературной критики и т. д. В трактовке некоторых проблем (в частности, проблемы народности) и в оценке творчества отдельных писателей Пушкин выступал как предшественник Белинского.

Предшественником Белинского Пушкин был и в журнальной полемике. В статьях, заметках и письмах Пушкина содержатся его многочисленные высказывания о методах и приемах полемики. Поэт был непримиримым противником «вежливости» и «доброты» в критических и полемических спорах, он требовал умной, дельной и в то же время живой, острой полемики. Настоящий полемист, по мнению Пушкина, «заставляет мыслить и смеяться».

Пушкин наметил некоторые стилистические принципы полемической статьи, которые потом были развиты и блестяще реализованы Белинским, Герценом, революционно-демократической журналистикой 1860-х годов. Главные из них – это стилизация, пародирование особенностей речи и стиля оппонента (в одной из заметок Пушкин утверждал, что пародия «требует редкой гибкости слога, хороший пародист обладает всеми слогами»), разоблачение противника путем пародийной «защиты» его мыслей и поступков, создание вымышленных образов (масок) в целях маскировки своих позиций. Полной дискредитации противника служило также остроумное обыгрывание неудачных выражений в произведениях критикуемого автора, широкое использование разного рода сатирических сопоставлений, намеков («кобиняков», по словам Пушкина), иносказаний и сравнений, то есть эзоповского языка. Пушкин охотно прибегал к остроумному слову, остроумным выражениям, каламбурам, эпиграммам, афоризмам.

Сам тип статьи, созданный Пушкиным, был определен особенностями его художественного метода и тем читателем, к которому он обращался со своими журнальными и газетными выступлениями.

Пушкин явно тяготел к малым формам литературной критики и публицистики. За исключением памфлетов, статьи Пушкина, как правило, невелики по размеру: от пяти страниц журнального текста до нескольких фраз. Это скорее даже не статьи, а миниатюрные заметки.

В наброске статьи «О прозе» (1822) Пушкин писал: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат». Этот лаконизм пушкинского стиля в одинаковой мере характерен как для его художественных произведений, так и для статей.

При всем желании Пушкину не удалось сделать массовыми руководимые им периодические издания, как журналист он обращался

преимущественно к узкому кругу читателей, к «образованной публике», достаточно подготовленной и эрудированной. Поэтому Пушкину (в отличие от Белинского, у которого был совсем другой читатель) не было нужды подробно и обстоятельно аргументировать свои положения. Пушкину достаточно было сказать: «Батюшков... сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского», чтобы читатель его понял. Отсюда идет предельная сжатость, почти афористичность пушкинских формулировок.

По справедливому замечанию академика В. В. Виноградова, пушкинским рецензиям свойственны «сжатая глаголами фраза, отсутствие сложных конструкций, стройный и строгий ход логической мысли без всяких отступлений, необыкновенный лаконизм и полнота изложения» [28].

Сочетание лаконизма с полнотой изложения оказалось для Пушкина возможным еще и потому, что он был критиком-художником. Современники считали, что Пушкин «открыл средство в критике, в простом извещении о книге, быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах» [29]. И действительно, предельная сжатость суждения приобретала под пером Пушкина глубокую смысловую емкость благодаря образному, поэтическому выражению. Так, извещая читателей «Литературной газеты» о выходе в свет романа Бенжамена Константа «Адольф» в переводе Вяземского, Пушкин совершенно точно характеризует роман с помощью цитаты из «Евгения Онегина». Рецензируя в «Современнике» второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя, Пушкин вспоминает, что при первом появлении их «все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой».

Пушкин умел двумя-тремя словами определить особенности дарования и стиля писателя: он говорит о «вольной и широкой кисти» Шекспира, «величавой плавности» Ломоносова, «яркой и неровной живописи» Державина, «гармонической точности» Жуковского. Часто немногими фразами Пушкин рисовал образную картину целой эпохи: «Россия вошла в Европу как спущенный корабль, – при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы».

Заветным желанием Пушкина было, по его собственным словам, «пустить в политическую прозу» (письмо к Вяземскому от 16 марта 1830 г.), но строгие цензурные условия не позволяли ему печатать

тать открыто публицистические статьи. И все же публицистическая струя пронизывала все творчество поэта – его лирику, художественную прозу, работы на исторические темы, журнальные и газетные выступления. Иногда эта публицистика приобретала сатирическую окраску в политически острых памфлетах Пушкина.

Из собственно публицистических произведений Пушкина, оставшихся в рукописи, очень важны его две статьи о Радищеве. Судьба писателя-революционера всегда глубоко волновала Пушкина, но наиболее пристальное внимание к Радищеву и его книге «Путешествие из Петербурга в Москву» совпало по времени с работой над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой», то есть когда перед Пушкиным вплотную стал вопрос о крепостном праве и крестьянской революции.

В конце 1833 г. Пушкин начал работать над большим публицистическим очерком «Путешествие из Москвы в Петербург», которым хотел добиться снятия запрета с имени Радищева и напомнить читателям некоторые мысли его книги. Пушкин готовил свое сочинение к печати, однако невозможность опубликования помешала его закончить.

«Путешествие из Москвы в Петербург» полно иносказаний и намеков политического характера; в нем, как и во многих полемических статьях, Пушкин пользуется приемом стилизации: повествование ведется от вымышленного лица, путешествующего московского барина, взгляды которого не во всем разделялись Пушкиным.

Отношение Пушкина к Радищеву было довольно сложным. Он полностью принимал критику Радищевым крепостничества, но был противником революционного разрешения противоречий. И в данном сочинении Пушкин выступает против «насильственных потрясений политических» и с сочувствием цитирует антикрепостнические высказывания Радищева. Отметив, что Радищев «мрачными красками рисует состояние русского земледельца», Пушкин цитирует как раз те места книги Радищева, где даны наиболее мрачные картины русской крепостнической действительности, – описание русской избы (глава «Пешки»), рекрутского набора (глава «Городня»), продажи крепостных (глава «Вышний Волочок»). В дополнение к цитатам из книги Радищева Пушкин рассказывает об известном ему тиране-помещике, который «был убит своими крестьянами во время пожара».

Статью «Александр Радищев» Пушкин собирался поместить в третьем томе «Современника». И хотя Пушкин ослабил ее остроту по сравнению со своей первой статьей, цензура ее не пропустила, находя «неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения». Здесь Пушкин

говорит о Радищеве как о человеке «с духом необыкновенным», который дерзнул «вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины» и действовал «с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостию».

Большой заслугой Пушкина как издателя и редактора «Современника» является то, что он сумел превратить литературный сборник-альманах в общественно-литературный журнал со всеми характерными для такого журнала материалами. В «Современнике» помещались не только художественные произведения, критика, библиография, статьи по истории и теории литературы, но и такие статьи, в которых затрагивались вопросы современной политики (конечно, не прямо, а «обиняками»), экономики, отечественной истории, культуры и просвещения, велась острая полемика с реакционным «журнальным триумvirатом».

При жизни Пушкина вышли все четыре тома «Современника», пятый том (то есть первый на 1837 г.) поэт успел подготовить частично.

Пушкин как издатель и редактор проделал огромную работу по сплочению вокруг журнала лучших авторов. В «Современнике» участвовали известные писатели – Жуковский, Гоголь, Вяземский, В. Одоевский и молодые начинающие литераторы – Ф. Тютчев, Н. Дурова, А. Кольцов, черкес Казы-Гирей, в том числе и провинциальные (казанская поэтесса А. Фукс). Пушкин вел переговоры о сотрудничестве ссыльного Кюхельбекера, а также сосланного на Кавказ за связь с декабристами историка В. Сухорукова. Осенью 1836 г. Пушкин решил пригласить в «Современник» Белинского.

Стремясь привлечь к журналу лучшие литературные и научные силы, всемерно способствуя профессионализации писательского труда, Пушкин выплачивал сотрудникам высокий по тому времени авторский гонорар – 200 руб. за печатный лист. Это решение Пушкина очень обеспокоило Булгарина, увидевшего в «Современнике» опасного конкурента «Северной пчеле» и «Сыну Отечества». Смирдин же предлагал Пушкину 15 тыс. руб. отступного с тем, чтобы он оставил свое предприятие и сотрудничал в «Библиотеке для чтения».

Издатель «Современника» проявлял большую строгость при отборе произведений к печати. Он забраковал стихотворение князя Шаликова «К портрету Карамзина», ряд произведений В. Одоевского, целую «кипу статей», полученную от М. Погодина, несколько рецензий Гоголя, два произведения А. Фукс и т. д.

«Современник» Пушкина заметно выделялся на фоне тогдашней журналистики. Поэтические произведения в нем отличались глубиной мысли и изяществом формы. Таковы «Пир Петра Первого»

го», «Скупой рыцарь», «Из А. Шенье», «Родословная моего героя», «Полководец», «Сапожник» Пушкина, «Ночной смотр» Жуковского, стихи Баратынского, Вяземского, Д. Давыдова, Тютчева и Кольцова. В отделе «Проза» были опубликованы «Капитанская дочка», «Путешествие в Арзрум» Пушкина, «Нос», «Коляска», «Утро делового человека» Гоголя.

И все же художественные произведения не были ведущими в этом отделе, при Пушкине «Современник» явно тяготел к публицистическим, документальным и научным жанрам: запискам, очеркам, письмам, зарисовкам, отчетам, научно-популярным, критическим и публицистическим статьям. Все эти материалы помещались в прозаическом отделе без строгой последовательности; только библиография имела свою рубрику «Новые книги» (или «Новые русские книги»), которой заключался том.

Продолжая традиции декабристской периодики, «Современник» большое внимание уделял Отечественной войне 1812 г. На его страницах были опубликованы произведения непосредственных участников событий – «Записки» Н. А. Дуровой, очерк Д. Давыдова «Занятие Дрездена» и его статья «О партизанской войне». Эта тема отразилась также в стихотворениях Пушкина «Полководец», «Объяснение» и его прозаическом «Отрывке из неизданных записок дамы» («Рославлев»).

Очерковая литература была представлена «Путешествием в Арзрум» Пушкина, этнографическим очерком А. Емичева «Мифология вотяков и черемис», в котором правдиво описывались тяжелые последствия колонизаторской политики царского правительства, очерком из военной жизни начинающего публициста – кавказского горца Казы-Гирея «Долина Ажитугай» и другими произведениями. В письмах-отчетах А. И. Тургенева «Париж. (Хроника русского)» содержалась подробная, живо написанная информация о последних событиях не только литературных и бытовых, но и политических, Тургенев рассказывал о «переменах министерств», о «заговорах против короля», причем цензура сильно сокращала его статьи.

В каждом томе «Современника» печаталось по две-три статьи (Пушкина, Гоголя, Вяземского, В. Одоевского), посвященные современной литературе и журналистике, в которых велась борьба с крайностями романтизма, с торгашеско-мещанской литературой. В разделе «Новые книги» Пушкин стремился представить по возможности полную регистрацию всех вновь выходящих литературных произведений и книг по различным отраслям знаний, даже по технике и медицине; некоторым из них посвящались небольшие

рецензии или библиографические заметки. Пушкин ввел метод рекомендательной библиографии посредством «звездочек», которыми отмечались наиболее нужные для читателей книги. Для первого тома почти весь отдел «Новые книги» подготовил Гоголь, в последующих библиографию составлял Пушкин; он ходил по книжным лавкам и просматривал поступившие в продажу новинки, которые потом называл в отделе «Новые книги».

Среди научно-популярных статей должны быть отмечены статьи П. Б. Козловского – «Разбор парижского Математического ежегодника» и «О надежде», в которой излагалась теория вероятности. Пушкин очень дорожил сотрудничеством Козловского и накануне дуэли просил его не задерживать статью о теории паровых машин, предназначенную для первого номера «Современника» на 1837 г. Много интересного могли почерпнуть читатели из статьи В. Золотницкого «Государственная внешняя торговля 1835 года» и его разбора «Статистического описания Нахичеванской провинции», из статей и рецензий Пушкина и его материалов к «Истории Пугачевского бунта».

На Пушкине лежали все технические заботы о журнале. Поэт сам вел переговоры и переписку с сотрудниками и цензурой, редактировал произведения, сопровождая их в случае необходимости послесловиями, предисловиями и пояснениями; иногда он придумывал и более острые и выразительные заглавия (статью В. Одоевского назвал «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе»). Редактируя, Пушкин усиливал документальную сторону произведений. В «Записках» Дуровой, например, он исключил все авантюрно-приключенческие эпизоды из жизни «кавалериста-девицы» и оставил только правдивое, живое изображение военных событий 1812–1814 гг.

Пушкин был не только издателем-редактором, но и основным сотрудником «Современника». Печатая свои художественные произведения, он одновременно выступал в журнале как критик, рецензент, библиограф, публицист и полемист. В 1836 г. Пушкин поместил в «Современнике» около двадцати статей, рецензий и заметок и около десяти заготовил для следующих томов; многие из них выходили за пределы чисто литературных вопросов.

Иногда высказывается мнение, что в пору издания «Современника» Пушкин будто бы стал более «осторожным» и стремился к нейтралитету. На самом деле «осторожной» была не общественная позиция Пушкина, а его тактика как издателя и журналиста, которая выражалась в поисках средств и методов высказывать то, к чему особенно придиралась цензура. Например, свою острую критику амери-

канской лжедемократии Пушкин вставил в рецензию на «Записки» Джона Теннера и так красноречиво описал «приобщение» индейцев к американской «цивилизации», что в сознании читателей невольно возникло сопоставление с колонизаторской политикой царизма на отдаленных окраинах России. Или в другой раз, желая перепечатать «Вопросы» Фонвизина Екатерине II, опубликованные в 1783 г. в «Собеседнике любителей русского слова», Пушкин помещает их в статье «Российская академия» вместе с ответами императрицы, которые называет «весьма остроумными». Читатели же понимали, что «остроумными» были не ответы Екатерины, а вопросы Фонвизина, затронувшие острые политические темы.

В статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» Пушкин подверг резкой критике реакционные взгляды этого «деятели» просвещения. На заседании Российской академии Лобанов произнес торжественную речь, наполненную грубыми выпадами в адрес передовой русской литературы и критики. Оратор, не называя имени Белинского, но имея его в виду, обвинил русскую критику в безнравственности и безверии, в распространении разрушительных правил, заимствованных на Западе, и призвал правительство усилить цензуру. Пушкин вскрыл реакционную сущность мнений Лобанова, показал, что более строгой цензуры не бывает: «И можно ли укорять у нас цензуру в неосмотрительности и послаблении? Мы знаем противное. Вопреки мнению г. Лобанова, цензура не должна проникать все ухищрения пишущих». (Фразу «Мы знаем противное» цензура не пропустила.)

Для определения журнальной позиции Пушкина очень важна его статья «Письмо к издателю», опубликованная в третьем томе «Современника» в связи со статьей Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», напечатанной в первом томе. Гоголь подчеркнул огромную роль журналистики в формировании общественного мнения, в развитии научных и эстетических идей. Главное внимание он уделил «Библиотеке для чтения», а другие периодические издания оценивал в зависимости от того, ведут или не ведут они борьбу с журналом Сенковского, подводя читателя к мысли, что основная задача «Современника» – борьба за подписчиков с преуспевающей «Библиотекой». Пушкин же, задумавший издавать журнал в широком общественно-политическом и просветительском плане, считал, что если заниматься полемикой, то более целесообразно вести ее не с «Библиотекой для чтения», а с официальными изданиями Булгарина и Греча.

В отрицательной характеристике «Библиотеки для чтения» Гоголь опирался на статью Белинского «Ничто о ничем», но в отличие

от критика не остановился на некоторых достоинствах Сенковского как редактора, и прежде всего на его умении угадывать потребности своих читателей.

Поскольку статья «О движении журнальной литературы» была анонимной, ее приписали Пушкину и вопреки намерению издателя истолковали как программу, определяющую «дух и направление» нового журнала. Пушкин оказался вынужденным дать разъяснения. Статья его была опубликована в третьем томе «Современника» как «Письмо к издателю», якобы присланное из Твери читателем А. Б.

Устами тверского корреспондента Пушкин полемизирует с Гоголем по ряду вопросов современной журналистики, высказывая суждения, близкие взглядам Белинского. Так, соглашаясь с Гоголем в его критике недобросовестности и беспринципности «Библиотеки для чтения», он замечал, что опыт этого журнала, который сумел не только привлечь, но и удержать читателей, заслуживает большого внимания. Сенковский «издает “Библиотеку” с удивительной сметливостью, с аккуратностью, к которой не приучили нас гг. русские журналисты. Мы, смиренные провинциалы, благодарны ему за – и разнообразие статей, и за полноту книжек, и за свежие новости европейские, и даже за отчет об литературной всячине». Статью Гоголя Пушкин дополнил убийственной характеристикой Булгарина как журналиста и критика.

Если Гоголь, нарисовав довольно грустную картину состояния русской критики, только о статьях Шевырева отозвался как об «удивительном исключении», то А. Б., выражая подлинное мнение Пушкина о критической деятельности Белинского, решительно заявил: «Жалею, что вы, говоря о “Телескопе”, не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду».

«Современник» пользовался успехом преимущественно у просвещенного, вдумчивого читателя, умевшего видеть «между строк» и правильно оценивать позиции сторон в журнально-политической борьбе. Но сделать «Современник» массовым изданием Пушкину так и не удалось. Тираж его падает: первые два тома были отпечатаны в количестве 2400 экземпляров, третий – 1200 экземпляров, а тираж четвертого снизился до 900. Широкому распространению журнала мешали его форма альманаха, редкая периодичность, отсутствие политического отдела, а также злобные выпады изданий «журнального триумвирата» (из всех тогдашних журналистов только один Белинский положительно отозвался о выходе первого тома нового журнала в своей статье «Несколько слов о “Современнике”»). Книгопродавцы, находившиеся в зависимости от Смирдина и Булга-

рина, не брали «Современник», и журнал невозможно было купить в Москве, уже не говоря о провинции.

Он мечтал об общественно-политическом издании, но цензура не разрешила. «Современник» продолжил традиции «Полярной звезды», публиковал русских авторов, поднимал вопросы гражданственности, справедливости, свободомыслия. Журнал вел полемику с изданиями «триумvirата». Одной из ярких публикаций в этой полемике была статья Гоголя «О движении журнальной литературы».

Немало статей посвящено войне 1812 г. Как положительное явление оценивается присоединение к России Кавказа. Внес вклад в развитие одного из журналистских жанров – очерка. Произведение Пушкина «Путешествие в Арзрум» создало основы русского очерка. У Пушкина были большие планы в отношении журнала, но смерть не позволила их исполнить.

В 1846 г. «Современник» приобретают у Плетнева Некрасов и Панаев. Среди ведущих его сотрудников был В. Г. Белинский, фактически осуществлявший идейное руководство. Он работал здесь всего два года, но это самый заметный период в жизни обновленного журнала. «Письмо к Гоголю» – своеобразное программное произведение Белинского, долгое время известное только в рукописном варианте. Здесь выражен его взгляд на роль литературы и публицистики в борьбе с произволом властей, с пережитками самодержавия. Именно с такой меркой подходит Белинский к оценке современной ему литературы и публицистики, в этом ключе реагирует на выступления других журналов, с таких позиций участвует в полемике с оппонентами. Это обеспечило успех журнала. Он выходит тиражом 3100 экземпляров, начинает приносить доход. После смерти Белинского журнал долго еще оставался одним из лучших журналов своего времени. На его страницах появляются произведения Л. Толстого, печатаются И. Тургенев, А. Гончаров. Закрыт журнал был в 1866 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Есин, Б. И. История русской журналистики XIX века / Б. И. Есин. – М., 2003.
2. Есин, Б. И. История русской журналистики (1703–1917) : учебно-методический комплект / Б. И. Есин. – М., 2000.
3. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003.

4. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. А. В. Западова. – М., 1966.
5. История русской журналистики : хрестоматия. – М., 1991.

ТЕКСТЫ:

1. Белинский, В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя. Несколько слов о «Современнике». Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // Полн. собр. соч. : в 13 т. – Т. 2. – М., 1953.
2. Полевой, Н. А. Рука всевышнего отечество спасла / Н. А. Полевой // Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика : статьи и рецензии. – Л., 1990.
3. Чаадаев, П. Я. Философические письма. Письмо первое.
4. Гоголь, Н. В. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах.
5. Пушкин, А. С. О журнальной критике. О записках Видока. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем. От редакции // Критика и публицистика // Собр. соч. : в 10 т. – Т. 6. – М., 1962 ; «Современник», литературный журнал А. С. Пушкина. Избранные страницы. – М., 1988.

Журналистика 1840–1850-х годов

Общественно-политические тенденции 40–50-х гг. характеризуются сохраняющимися противоречиями в политическом устройстве и экономическом укладе страны. Крепостное право, феодальные отношения, противодействие капиталистическим преобразованиям – все это тормозит развитие страны, и обсуждение этих проблем мы находим на страницах печати. Острота противоречий приводит мыслящую часть общества к осознанию необходимости в любой форме сделать эти проблемы предметом обсуждения общественности. Утверждается критический реализм. Журналистика стремится доступными средствами участвовать в этом процессе. Причем взгляды журналистов, издателей, общественных деятелей, литераторов на благоприятные для России пути развития и решения острых соци-

альных и политических вопросов разделяются. Одни видят выход в реформах западного типа, другие проповедают теорию «официальной народности» и надеются на охранительную роль власти и религии, третьи зовут назад в «светлое прошлое» и ругают все иностранное как главный источник зла. Есть и еще одна группа интеллектуалов, которые хотят радикально переустроить общество и тем самым решить все проблемы. Возникают идеологические течения: «официальные народники» (М. П. Погодин, С. П. Шевырев), «западники» (В. Н. Боткин, Т. Н. Грановский), «славянофиль» (И. В. и П. В. Киреевские, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков), «революционные демократы» (В. Г. Белинский, А. И. Герцен).

Издания сторонников «официальной народности» занимали охранительную, консервативную позицию. Существующая власть от Бога, главные добродетели – терпение и смирение, западные перемены пользы России не принесут (у нас особый путь) – вот лейтмотив этих изданий. Это издания «триумвирата» – Булгарина, Греча и Сенковского. Это газеты «Северная пчела», журналы «Сын Отечества», «Русский вестник», «Библиотека для чтения». Кроме этих изданий были:

«Репертуар и Пантеон» (1842–1856) – журнал, появившийся благодаря слиянию литературно-театральных журналов **«Репертуар русского театра»** Булгарина и **«Пантеон русского и всех европейских театров»** Полякова. Его издателем стал Песочский, а редактором сначала Булгарин, затем В. С. Межевич. В журнале печатались материалы, связанные с театром, – биографии актеров и музыкантов, театральные обозрения, пьесы, театральные мемуары и хроника, закулисные сплетни и слухи, театральные анекдоты. Отсутствие серьезной цели, стремление доставить публике лишь занимательное чтение мешали популярности журнала. В 1847 г. издателем и редактором журнала стал Ф. Кони, что положительно сказалось на углублении его содержания. Многие пьесы А. Островского впервые были опубликованы в этом журнале.

«Репертуар русского театра» издавался с 1839 г. Песочским. Редактором его был Межевич – тот самый литератор, которому Краевский пытался поручить критический отдел «Отечественных записок» и который с приходом в «Отечественные записки» Белинского ушел из журнала и, по выражению Белинского, «душою и телом предался Полевому, Гречу и Булгарину».

«Пантеон русского и всех европейских театров» выпускал с 1840 г. книгопродавец Поляков. Редактором его был театральный критик и водевилист Ф. А. Кони. «Пантеон», не отличаясь глубиной и идейностью, был все же более содержателен, чем его собрат. С «Репертуаром» он повел довольно резкую полемику, в основе которой лежала журнальная конкуренция. Нельзя не отметить, однако, очень смелого и злого нападения редактора «Пантеона» Кони на вдохновителя «Репертуара» Булгарина в водевиле «Петербургские квартиры», где тот изображен под именем продажного журналиста Авдула Авдеевича Задарина («Пантеон», 1840, № 10). В «Пантеоне» начал свою литературную деятельность Некрасов, печатавший там водевили и театральные рецензии.

Но существование двух литературно-театральных журналов было тогда невозможно по малочисленности их читателей. В 1842 г. журналы соединяются. Объединенный журнал ничем существенным не отличался от «Репертуара». Только наряду с пьесами, игранными на русской сцене, «Репертуар и Пантеон» стал печатать и неигранные, да, кроме обозрения русских театров, помещал обозрения театров европейских. Во всем остальном журнал не изменился. Как и прежде, он заполнялся пустыньскими комедиями, водевилями и романтическими драмами псевдопатриотического характера (типа драм Полевого). «Обозрения театров в “Репертуаре”», – писал Белинский в одной из рецензий, – давно уже знамениты отсутствием всякого мнения, удивлением всему и всем и разве легкими заметками насчет самых плохоньких пьес, которых, по русской пословице, только ленивый не бьет».

Характерно, что отсутствие всякого мнения было возведено редакцией в принцип. Исключение из этого правила делалось только для драматургии Гоголя, которую «Репертуар и Пантеон» вслед за Булгариным не одобрял. Не заботясь о направлении «Репертуара и Пантеона», редакция прилагала усилия к тому, чтобы журнал был занимательным. Для этого, кроме водевилей и комедий, журнал заполнялся биографиями артистов и музыкантов, театральными мемуарами, закулисной хроникой, слухами и анекдотами.

Сравнительно более серьезный облик принял «Репертуар и Пантеон» в 1846 г., когда ближайшим сотрудником Межевича стал А. А. Григорьев, помещавший в журнале стихи и прозу, статьи и рецензии. Но и его участие не могло поддержать падающий «Репертуар и Пантеон», и журнал был передан Ф. А. Кони, который стал его издателем и редактором с 1847 г. При Кони «Репертуар и Пантеон» хотя и сохранил свой коммерчески обывательский характер, но стал более содержателен. Журнал перестал восхищаться плохими изделиями драматургов, бранить и замалчивать драматургию Гоголя, одобрительно отзывался о произведениях писателей натуральной школы (одно время литературные обозрения у Кони вел М. М. Достоевский) и,

наконец, с одобрением встретил первые драматические произведения А. Н. Островского. Под редакцией Кони «Репертуар и Пантеон» выходил вплоть до своего прекращения в 1856 г.

«Маяк» (1840–1845) – одно из ведущих изданий этого направления. Полное название – «Маяк современного просвещения и образованности». Подзаголовок – «Труды ученых и литераторов русских и иностранных». С 1842 г. – «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской», литературно-политический журнал, издавался в Петербурге *ежемесячно*. Издатели – В. И. Поляков, с середины 1840 г. – П. А. Корсаков и С. А. Бурачек, затем Ю. А. Юнгмейстер. Редакторы – П. А. Корсаков и С. А. Бурачек, с 1842 г. – С. А. Бурачек. Отделы: «Наука», «Словесность», «Материалы для истории словесности», «Критика», «Библиография», «Смесь».

Основные темы – религиозность, патриотизм, народность. На страницах журнала критиковали Пушкина за недостаточную религиозность, отрицательно относились к французской литературе, особенно к В. Гюго и Жорж Санд. Убеждали читателей, что единственная, достойная внимания культура – это русская, а западная европейская культура русским не нужна, она чужда им. Начав издание с 800 подписчиками, «Маяк» к 1844 г. имел менее 400 и в 1845 г. закрылся.

Казенно-православное направление проявлялось совершенно открыто. Издатели считали, что «лучшим украшением книги будут статьи, проникнутые религиозным чувством». Все материалы литературного отдела были проникнуты духом «официальной народности», причем бездарность авторов и псевдонародный стиль их произведений делали журнал посмешищем в глазах читателей и критики. Произведения, публикуемые в «Маяке» (Б. М. Федорова и др.), часто превращались в прямые доносы на В. Г. Белинского и «Отечественные записки». Значительное место занимало противопоставление России Западу. Говоря о передовых идеях европейских мыслителей, журнал писал, что «Запад идет с ними к гибели и только когда избавится от них – тогда конец *революциям, вольнодумству...*».

Изданий «славянофилов» сравнительно немного, ибо приверженцы славянофильских взглядов вообще отвергали такой путь общения с народом. Их способ – это университетская кафедра или непосредственное общение с людьми. Для этого видные славянофилы, например К. С. Аксаков, регулярно посещали светские собрания, где вели свою проповедь возврата к истинно русскому во всем – в поведении, одежде, привычках, взглядах, экономическом и политическом устройстве. Но все-таки прессу использовали для пропаганды своих взглядов.

«Московский наблюдатель» (1835–1839) – научно-литературный журнал, орган официальных народников славянофильского направления. Выходил два раза в месяц в Москве. Первым редактором журнала был В. П. Андросов – ученый статистик и политэконом. Ведущим литературным критиком журнала был С. П. Шевырев. Главными сотрудниками журнала были А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, В. Ф. Одоевский, Е. А. Баратынский и другие литераторы.

Журнал критиковал «торговое» направление в литературе. Здесь печатались Киреевский, Языков, К. Аксаков. Они отстаивали идею самобытности России, идеализировали старину, патриархальную гармонию отношений бояр и народа, русскую общинность, начала народовластия. Но этот журнал вскоре сменил свое направление из-за смены редактора и с приходом туда Белинского.

Белинский опубликовал интересную статью «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”», которая послужила поводом для жаркой полемики между «Телескопом» и «Московским наблюдателем». Он также привлек к участию в работе журнала молодых литераторов из кружка Н. В. Станкевича. По мнению современников, «Московский наблюдатель» стал одним из лучших журналов по цельности характера, по достоинству литературного отдела и критике.

Впервые был введен отдел «Иностранной библиографии» для знакомства читателей с немецкой и английской литературой. Отдел стихотворений позволил познакомиться с новыми произведениями поэта А. В. Кольцова. А. Полежаева и других. Чаще всего переводились Гёте, Шиллер, Гейне, Шекспир, Гофман, Тик, Ж. П. Рихтер. По отделу музыки деятельным сотрудником журнала был В. П. Боткин; в том же отделе была помещена известная статья о музыке Се-ребрянского, друга Кольцова. Душой журнала был сам Белинский. Ему принадлежит масса критических статей; почти исключительно им одним составлялась литературная хроника. В первой книжке, вышедшей под редакцией Белинского, были помещены, между прочим, «Гимназические речи Гегеля», с предисловием к ним переводчика Бакунина. Это предисловие может служить программой обновленного журнала; в нем были высказаны общие философские мировоззрения первого периода деятельности Белинского.

«Москвитянин» (1841–1856) – учено-литературный журнал, издававшийся в Москве М. П. Погодиным. В 1849 г. выходил *ежемесячно*, позднее – два раза в месяц. Сотрудниками Погодина были С. П. Шевырев, И. И. Давыдов, Ф. Н. Глинка, В. И. Даль и другие. Считается органом официальной народности. В первой же книге

журнала Шевырев в своей статье развивал знаменитую формулу николаевской эпохи – «православие, самодержавие, народность». Это полностью соответствовало патриотической настроенности русской торговой буржуазии, не помышлявшей о сколько-нибудь заостренной критике крепостнического государства. Столь же закономерно «Москвитянин» выступал против немецкой философии, прочно завладевшей умами как дворянской, так и поднимающейся демократической интеллигенции.

В короткий период редакторства И. В. Киреевского (с января по март 1845 г.) была предпринята попытка отстранения Погодина и Шевырева от руководства журналом и переориентации направления «Москвитянина».

Особо принципиальных различий во взглядах на Запад и на Россию между группой «Москвитянина» и московскими славянофилами во главе с А. С. Хомяковым не существовало, хотя последние и выступали с критикой журнала. Но в противовес помещикам-славянофилам, ориентированным на патриархального, преданного своим господам мужичка, «Москвитянин» делал ударение на торговой буржуазии.

В журнале печатались произведения А. И. Артемьева, А. Ф. Вельтмана, П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинки, Н. В. Гоголя (сцены из «Ревизора», «Рим»), В. И. Даля, В. А. Жуковского, М. Н. Загоскина, К. К. Павловой, Н. М. Языкова, Д. П. Ознобишина, а также работы известных ученых – И. И. Срезневского, А. Ф. Гильфердинга, И. Е. Забелина, Ф. И. Буслаева.

Ориентация Погодина была углублена и продолжена членами той «молодой редакции» «Москвитянина», которой Погодин передал журнал в 1850 и в которую входили А. Н. Островский, Т. И. Филиппов и другие. «Молодая редакция» внесла в журнал новые тенденции. Ей удалось, например, в значительной степени освободиться от гнета той идеологии «официальной народности», которая вполне владела Погодиным, объективно блокировавшимися со славянофилами. Однако основные тенденции журнала, в частности, например, отрицательное отношение к западникам, остались неизменными. В журнале стали печататься произведения: И. Ф. Горбунова, Д. В. Григоровича, П. И. Мельникова-Печерского, Островского, А. Ф. Писемского, Ф. И. Тютчева, Я. П. Полонского, А. А. Фета, Н. Ф. Щербины, Л. А. Мея, Е. Э. Дрянского, также переводы из Данте, Гете, Жорж Санд, В. Скотта.

Главный его отдел «Духовное красноречие» писал о православной самобытности России, противопоставлял ее «загнивающему» Запа-

ду, печатал произведения чешских, сербских, болгарских авторов. Они пытались спорить с Гоголем и Белинским по вопросу о прогрессе. Здесь восхвалялись нравственные качества купечества, но одновременно публиковались пьесы А. Н. Островского, показывающие будни купеческой жизни. Ап. Григорьев, примыкавший по взглядам к славянофилам, весьма своеобразно толковал в своих критических статьях сами пьесы и их женские образы. Видел в них идеализацию патриархальной самобытности, нравственную чистоту героев. Было у славянофилов и несколько газет, но и они вызывали недовольство цензуры из-за противопоставления жизни народа и господ.

Крах Крымской кампании, вскрывший разложение феодального режима, углубивший классовые противоречия, сделал невозможным дальнейшую идеализацию патриархализма. Крайне слабо читавшийся в эту пору «Москвитянин» закрылся в 1856 г. Но в начале 1860-х гг. А. Григорьев, А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, Е. Н. Эдельсон и другие члены его редакции объединились вокруг «почвеннических» журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», органически продолживших (в более либеральной форме) идеи славянофильства.

«Молва» (1857) – еженедельная литературная газета, выходившая в Москве под редакцией С. Шпилевского (вышло 37 номеров). Издатель – И. С. Аксаков. Сотрудниками были Константин Аксаков, проф. И. Крылов, М. Лонгинов, А. Чебышев-Дмитриев, А. С. Хомяков, С. Т. Аксаков, П. А. Бессонов, П. И. Бартенев и др. Преобладал критический отдел. Газета придерживалась позиций славянофильства, была близка к журналу «Русская беседа». В № 38 была помещена статья К. Аксакова «Опыт синонимов. Публика и народ», в которой противопоставлялись нравы господ жизни народа. Она вызвала недовольство властей, издание было прекращено по высочайшему повелению царя.

«Парус» (1859) – еженедельная литературная газета, которую после снятия запрета с «Молвы» стал издавать И. С. Аксаков. На втором номере газета была запрещена. В 60-е гг. Аксаков был виднейшим славянофильским публицистом: официально или фактически редактировал газеты «День» (1861–65), «Москва» (1867–68), которая предупреждалась девять раз и три приостанавливалась, а затем была закрыта, «Москвич» (1867–68), «Русь» (18890–86). В это время он пропагандирует тезис старшего брата К. Аксакова о «нравственном равновесии», существовавший в Древней Руси.

Изданий «западников» значительно больше. Это «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и др.

«Отечественные записки» (1818). Журнал был основан в 1818 г. Свиньиным. В нем публиковались статьи на исторические и географические темы, а также сообщения о быте и нравах русского народа, который благоденствует под властью царя, церкви и дворянства. Журнал особого успеха не имел. В 1831 г. перестал выходить. Но в 1838 г. Свиньин попробовал возобновить издание. Но опять неудачно. И он передал права на издание А. А. Краевскому, человеку с литературными способностями и опытом, а также с хорошей деловой хваткой. Он давно мечтал об издании журнала и придерживался прозападного направления. Журнал был объемный, энциклопедический. Пользовался успехом. Почти сразу в нем стал сотрудничать Белинский, высоко его ценил.

При Белинском издание получило четкое направление – борьба против крепостничества, пережитков, застоя, азиатчины. Особенно эта позиция была заметна в отделах библиографии и критики, в которых Белинский выступал со статьями. В работе журнала участвовали Некрасов, Герцен, Панаев, Огарев, публиковались Лермонтов, Кольцов и Тургенев. Журнал активно полемизировал с изданиями Булгарина, Греча, Сенковского, особенно с «Библиотекой для чтения», а также со славянофильскими изданиями. Белинский привлек к работе в журнале многих видных литераторов – Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Одоевского, Даля, Фета, Майкова и других. Интересен был и отдел переводов журнала – Ч. Диккенс, Ф. Купер, Жорж Санд, Г. Гейне. Из зарубежных писателей прошлого на страницах этого издания появились лишь Гете и Шекспир. В отделе критики публиковали обзоры не только отечественной, но и зарубежной литературы, помещали переводы критических статей иностранных авторов. Появлялись в журнале и полемические статьи против выступлений в печати известных славянофилов.

Журнал высказывался за распространение просвещения, за свободу, за прогрессивные формы экономической, политической и культурной жизни. Ратовал за всестороннее развитие страны и ее народа. Боролся с крепостничеством, используя для этого все возможные поводы. Например, публиковал статьи о рабстве в Америке. Писал о новых методах труда, подводя к мысли о необходимости отмены крепостного права. Важное место отводилось национальной культуре России и осуждалось пренебрежительное отношение к ней дворянства. Несмотря на западнические взгляды, сотрудничающие в журнале Герцен и Белинский нисколько не преклонялись перед Западом, хотя и объективно оценивали большие достижения его капиталистической цивилизации. Многие материалы в журнале посвящались

развитию науки, освещению новых наработок философии. Однако в 1846 г. Белинский, Некрасов и Герцен ушли из журнала, после чего он занял либеральную позицию.

«Финский вестник» (1845–1847) – журнал, издававшийся в 1845–46 гг. раз в два месяца; в 1847 г. – ежемесячно в Петербурге. Редактор-издатель – Ф. К. Дершау²⁴⁹ задумывал «Вестник» как средство познакомить русского читателя с Финляндией и со скандинавским регионом в целом. В нем печатались переводы из Йохана Снелльмана, Карла Альмквиста, Фредрики Бремер и других, статьи из финской истории, о русско-шведских войнах.

В журнале также регулярно публиковались и русские авторы, не связанные с Финляндией. Среди них – В. Н. Майков (соредaktor журнала, опубликовавший в нем программную статью «Общественные науки в России»), Н. А. Некрасов, В. И. Даль, Е. П. Гребенка, В. В. Толбин, А. А. Григорьев, петрашевцы С. Ф. Дуров, А. И. Пальм и другие. Ряд исследователей предполагают участие В. Г. Белинского.

Опубликованная в 1845 г. статья «Общественные науки в России» ставила своей основной целью (согласно ЭСБЕ) «поставить во главе нравственно-политических наук философию общества» – в противовес господствовавшему до этого «антропологическому» направлению, делавшему упор на стремлении к обеспечению блага отдельной личности.

С точки зрения «философии общества» (которую автор идентифицировал с социалистической) Майков критиковал английскую политико-экономическую школу Адама Смита, которая, как он считал, «очищает свою науку от всяких примесей нравственных и политических» и рассматривает «богатство как факт отдельный, ни от чего не зависящий, ни с чем не соединенный органически». Этот взгляд, по Майкову, «ложный в науке, делается гибельным для практики». Политическая экономия в Англии, утверждал он, «утратила характер науки, основанной на идее благосостояния и послужила основанием монополии аристократии богатства». С той же точки зрения автор критиковал и немецкую науку: «Как Англия выражает односторонность экономическую, так Германия, напротив того, представляет крайность нравственную. Наука изолирована у немцев в той же мере, как промышленность – у англичан».

²⁴⁹ *Дершау Федор Карлович (1821–1862) – прозаик, издатель.*

Германию автор сравнивал с современной Индией («та же мысль, отрешившаяся от жизни, погруженная в созерцание самой себя, без всякого отношения к жизни») и ставил в пример ей Францию, где наука «не увлечена ни бездушным анализом англичан, ни бесплотным синтезом немцев», а полна «органического характера».

Отмечалось, что «философия общества» в изложении В. Н. Майкова во многом продолжала идеи Огюста Конта, известные в кругу Белинского по статьям в «Revue des Deux Mondes». В философии Майков одним из первых стал критиковать немецкую метафизику; в политической экономии проповедовал идею «дольщины» рабочих в предприятиях, в критических статьях об искусстве был созвучен Гюйо (те же взгляды излагавшему много лет спустя). Серьезные споры вызывали взгляды Майкова на национальность; даже Белинский протестовал против них, находя, что молодой писатель слишком уже «всечеловек».

Статья «Общественные науки в России», напечатанная в мало-распространенном «Финском вестнике», прошла незамеченной широкой публикой, но имела резонанс в литературных сферах. В 1846 г. А. А. Краевский по рекомендации И. С. Тургенева пригласил Майкова руководить критическим отделом «Отечественных записок» — на место ушедшего Белинского. В первой своей крупной статье (об А. В. Кольцове) он вступил в спор с Белинским, которому «ставил в упрек бездоказательность его критики», усматривая в ней элементы литературного диктаторства.

Журнал ориентировался на принципы натуральной школы и опубликовал отрывок из «Истории Французской революции» Луи Блана. Насколько велика была у передовой русской интеллигенции 1840-х гг. потребность в своих периодических изданиях, свидетельствуют не только преобразование «Отечественных записок» и «Современника», но и попытки превратить в орган прогрессивной мысли журнал «Финский вестник».

С 1848 г. «Финский вестник» переходит к В. В. Григорьеву, профессору-востоковеду Петербургского университета, который привлекает к ближайшему участию других профессоров: археолога П. С. Савельева и слависта И. И. Срезневского. С января 1848 г. журнал стал выходить под названием «Северное обозрение», что связано с постепенной утратой им своего скандинавско-финского уклона. Решительным образом меняется и направление журнала. Новая редакция объявила, что он будет издаваться в «религиозно-патриотическом духе». «Наш журнал будет другом “Москвитянину”, если сей последний не опочил навеки от трудов», — писал Григорьев

Погодину. Славянофил Хомяков также извещал своего друга Попова, что в «Петербурге молодые люди... стали издавать журнал “Северное обозрение” в духе нашего направления». Однако «религиозно-патриотическое» направление журнала не было поддержано читателями. Выпустив всего три книжки, Григорьев передал «Северное обозрение» В. В. Дерикеру, помощнику Сенковского по «Библиотеке для чтения». При Дерикере журнал потерял всякую определенность в своем облике. С одинаковым пылом «Северное обозрение» начало хвалить и Тургенева, и Масальского, и «Отечественные записки», и «Сына Отечества». Отдел «Нравоописатель» в журнале исчезает, но зато разрастается отдел «Науки». В 1850 г. издание «Северного обозрения» было прекращено.

Ф. К. Дершау — автор книги «Финляндия и финляндцы». Издание нового журнала было ему разрешено, вероятно, потому, что «Финский вестник» ставил себе цель знакомить Россию со Скандинавией и Финляндией, а Финляндию с Россией, что соответствовало видам правительства. Редактором Дершау пригласил критика В. Н. Майкова, который принимал вместе с Петрашевским участие в составлении «Карманного словаря иностранных слов». В числе сотрудников «Финского вестника» в объявлении о подписке на журнал был назван Белинский.

«В “Финском вестнике”, прочитав статью Майкова в отделе наук, я ужаснулся направлению, противоположному “Москвитянину” и “Маяку”. Новый язычник возник на Руси в подкрепление “Отечественным запискам”», — писал из Архангельска М. П. Погодину некто Вальнев. Но сотрудничество Майкова в «Финском вестнике» оказалось непродолжительным. Он участвовал в выпуске двух первых книжек, поместил в них свою статью «Общественные науки в России» и затем покинул редакцию из-за принципиальных разногласий с Дершау.

После ухода Майкова «Финский вестник» до 1848 г. продолжал занимать позиции в лагере прогрессивной журналистики, хотя и не был столь содержательным, боевым, принципиальным журналом, как «Отечественные записки». Большое место в журнале занимали специальные отделы: «Северная словесность», заполнявшаяся преимущественно переводами из скандинавских писателей, и «Материалы для северной истории». Русская художественная литература была представлена слабо и пестро: Кукольник, Загоскин, Расстопчина и наряду с ними петрашевцы Пальм и Дуров. Особо нужно отметить отдел «Нравоописатель», где было помещено большое количество физиологических очерков Даля, Гребенки, В. Толбина и др. Можно

считать доказанным, что некоторое участие в «Финском вестнике» принимали Белинский и Некрасов. Отдела критики «Финский вестник» не имел. Вместо него велась «Библиографическая хроника», состоявшая из анонимных рецензий. «Отечественные записки» и «Современник» оцениваются «Финским вестником» как превосходные журналы, «оправдывающие ожидания публики и много обещающие в будущем»; «Москвитянин» же характеризуется как «жалкий представитель известной партии московских литераторов ученых и неученых». В «Петербургском сборнике» Некрасова «Финский вестник» оценил «направление живое, современное», а о «Московском сборнике» 1846 г. отозвался как о книге, в которой «проявились химерические идеи истых славянофилов, которыми они потешают публику во славу бороды и армяка». Статьи Белинского, Герцена «Финский вестник» считает «дельными и умными», романы «Бедные люди» Достоевского, «Кто виноват?» Герцена, «Лукреция Флориани» Жорж Санд – замечательными, высокохудожественными произведениями современной литературы. Отрицательно отнесся журнал к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Гоголя.

В 1847 г. приобрести журнал или войти в долю с издателем хотел Петрашевский, но эта попытка не осуществилась [8]. (О «Финском вестнике» см. работу В. М. Морозова «Русский прогрессивный журнал “Финский вестник”. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1961.)

Издания «революционных демократов» – это издания, выпускавшиеся за границей и доставлявшиеся в Россию нелегально. Первым, кто стал этим заниматься, был А. И. Герцен, талантливый публицист, литератор и философ. Он решил на деле показать силу свободного печатного слова и начал издание своего альманаха и газеты при нем. Он был сторонником русского утопического социализма. И главной задачей своей журналистской и издательской деятельности считал революционную пропаганду. Критика крепостничества, просвещение народа, распространение идей утопического социализма, опора на русскую крестьянскую общину – вот главная тематика его изданий. На их страницах он поддерживал революционные проявления в разных странах, прежде всего польских повстанцев России. Сначала Герцен издает брошюры, затем альманах и газету.

Альманах «Полярная звезда» (1855) выходил в Лондоне. Название полностью повторяет заглавие альманаха декабристов. Отражено это и в оформлении – на обложке портреты всех казненных декабристов. Первый номер вышел к годовщине их казни – 25 июля 1855 г. Главное в нем – письмо императору Александру II, в котором он требовал свободы

слова и освобождения крестьян. Издание получило распространение в России. Через год вышел второй номер. В нем были опубликованы запрещенные стихи Пушкина, Рылеева и других поэтов. Литературные произведения и у Герцена играли пропагандистскую роль и воспринимались как публицистические материалы читателями. Таковы были особенности времени. Альманах выходил редко. Герцен решил выпустить в дополнение к нему газету «Колокол».

«Колокол» (1857–1867) – первая революционная газета с необычным эпиграфом «Зову живых!». Выходила раз в месяц, а став самостоятельным изданием в 1861 г., – два раза в месяц. Главная тема выступлений газеты определялась провозглашенным в «Полярной звезде» девизом: «Везде, во всем, всегда быть со стороны воли против насилия, со стороны разума против предрассудков, со стороны науки против изуверства...». Здесь публиковались злободневные острые сообщения из России. Многие материалы были написаны в жанре революционных воззваний за освобождение крестьян от гнета помещиков, за отмену цензуры и свободу слова. За освобождение крестьян от побоев.

В своих выступлениях Герцен беспощадно критиковал самодержавие, помещиков, сановников-казнокрадов. Он способствовал развитию новых жанров революционной публицистики: передовой статьи, критической корреспонденции, памфлета открытого письма. Отмена крепостного права сначала обрадовала Герцена. Но потом стало ясно, что проблем едва ли стало меньше. Крестьяне без земли, власти все так же ведут антинародную политику. Словом, для публикаций у Герцена недостатка в темах не было. Пишет для этого издания и его друг Огарев.

Успех газеты в России был огромен. Ее читали многие. Тираж составлял 2500–3000 экземпляров. Естественно, издавалась газета на собственные средства издателя. Однако цели своей Герцен не достиг – революции в России не произошло. Свобода слова не была обретена. Демократия не сформировалась. Он испытал некоторое разочарование. И понял, что стихийные крестьянские бунты, бессмысленные и беспощадные, по его словам, не могут привести к успеху. В последние годы он стал больше материалов в газете посвящать опыту революционной борьбы в европейских странах, деятельности I Интернационала. В 1867 г. издание прекращается. Однако влияние публицистики Герцена на русское общество и на журналистику в целом весьма значительно.

Главное в творчестве **В. Г. Белинского** – революционно-демократическая устремленность критика, его связь с идеями освободительного движения своего времени. Он был первым профессио-

нальным демократическим журналистом, который своими поисками и размышлениями в области истории и теории журналистики заложил основы науки о печати. Он впервые в России сформулировал требования, которым должна отвечать журналистика, в статье «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю “Телескопа” за последнее полугодие (1835) русской литературы».

Статья написана в форме обзора. Заголовок позволяет затронуть множество тем и сюжетов. Белинский рассматривает только журналы. В них находит наиболее полное выражение ведущих тенденций времени. Широко освещает вопросы журналистики. Это одна из первых теоретических работ в этой области. Он касается вопросов о направлении журнала и о способах влиять на публику. Цели и функции периодического издания и различных его отделов – все это нашло отражение в статье.

Белинский видел в журнале огромную идеологическую силу и хотел направить ее на решение демократических задач. Он расширил понятие о журналистике – это не только способ интеллектуального развития народа, но и единственный способ пробуждения его политического и правового сознания. «Журнал должен иметь... физиономию, характер; альманажная безличность для него всего хуже. Физиономия и характер журнала состоят в его направлении, его мнении, его господствующем учении, которого он должен быть органом...».

Статья интересна для понимания журнальной борьбы 30-х гг. XIX в. В ней выковывалась демократическая пресса. Статья направлена против антидемократических концепций и охранительной деятельности журнального триумvirата. Публицист Белинский выступает против Булгарина, который, как он считает, издевается над русским народом и его литературой, против издателя «Библиотеки для чтения» Сенковского, провозгласившего, как он утверждает, беспринципность и безыдейность основой своей редакторской деятельности. Он осуждает субъективный характер критики «Московского наблюдателя». Белинский пытается понять причины роста журнальной промышленности, причины влияния журналистики торгового направления. Оно было довольно значительно. При неразвитости в России капиталистических отношений русские буржуа научились извлекать выгоду из печатного слова. Благородная просветительская и гуманистическая роль прессы уступила место откровенной торговле словом – доходы издателей находились в прямой зависимости от обесценивания идей, выражаемых журналами. Он старается понять причину их популярности. Учит распознавать истинные ценности и ложные декларации.

Статья полна пафоса и борьбы против журнального триумvirата (Сенковского, Булгарина и Греча с их изданиями). Они, по мнению Белинского, своей пошлостью, ограниченностью и явным расчетом на помещичьи вкусы стояли на пути прогрессивной журналистики, которая хотела приобщить русских людей к достижениям европейской культуры, возбудить их жажду знания, интерес к прогрессу и стремление к свободе. В торговой журналистике он видит и положительные черты – ее занимательность, доступность, разнообразие и богатство материалов. Он считает необходимым использовать это передовой журналистикой. Но безусловно выступает за идейность изданий одновременно с использованием способов «завоевания» читателей.

Но этим не ограничивается вклад Белинского в отечественную журналистику. Он развил и сделал универсальным жанр литературной критики, который стал ведущим в журналистике второй половины XIX в. Белинский создает теорию реализма, основными тезисами которой являются самобытность и народность (то есть правдивость, верность) литературы. Работы критика долгое время были нравственными и эстетическими ориентирами для интеллектуальной части общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Есин, Б. И. История русской журналистики XIX века / Б. И. Есин. – М., 2003.
2. Есин, Б. И. История русской журналистики (1703–1917) : учебно-методический комплект / Б. И. Есин. – М., 2000.
3. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003.
4. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. А. В. Западова. – М., 1966.
5. История русской журналистики : хрестоматия. – М., 1991.

ТЕКСТЫ:

1. Аксаков, К. С. Опыт синонимов. Публика – народ. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» / К. С. Аксаков // История русской журналистики : хрестоматия. – М., 1991.

2. Аксаков, И. С. Об издании в 1859 году газеты «Парус» / И. С. Аксаков // История русской журналистики : хрестоматия. – М., 1991.
3. Белинский, В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Письмо к Гоголю. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» / В. Г. Белинский // Полн. собр. соч. : в 13 т. – Т. 2. – М., 1953.
4. Герцен, А. И. «Москвитянин» и вселенная / А. И. Герцен // История русской журналистики : хрестоматия. – М., 1991 ; Крещеная собственность // Собр. соч. : в 30 т. – Т. 12 ; Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ // Собр. соч. : в 30 т. – Т. 15.
5. Киреевский, И. В. В ответ А. С. Хомякову.
6. Сенковский, О. И. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя / О. И. Сенковский // История русской журналистики : хрестоматия. – М., 1991 ; Сочинения барона Брамбеуса. – М., 1989.
7. «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. – М. ; Л., 1960.
8. Хомяков, А. С. О старом и новом / А. С. Хомяков // Русская идея : сборник произведений русских мыслителей. – М., 2002. – С. 112–128.

Вопросы для самопроверки

1. Особенности газетной и журнальной периодики первой четверти XIX века.
2. Цензурный устав 1804 г.
3. Развитие журналистики в период войны 1812 г.
4. Роль «Вестника Европы» в развитии журналистики.
5. Журналистика и Отечественная война 1812 г.: «Русский вестник», «Сын Отечества» и др. Патриотические статьи А. П. Куницына.
6. Журналистика 20–30-х гг. Появление энциклопедизма и «торгового направления».
7. Альманахи декабристов «Полярная звезда», «Мнемозина» и др.
8. Литературно-журналистская деятельность А. Бестужева.
9. Периодика декабристов. Проблематика изданий.
10. Журнал «Библиотека для чтения» и газета «Северная пчела» – причина популярности изданий. Фельетоны и памфлеты Пушкина против Булгарина.
11. Особенности журнала Н. Полевого «Московский телеграф»: причины успеха и закрытия.
12. Редакторское искусство Пушкина в «Современнике». Взгляд Пушкина на права и обязанности журналиста.
13. Издания Н. Надеждина «Телескоп» и «Молва». «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева.
14. Белинский – теоретик и историк русской журналистики.
15. Жанры публицистики Белинского.
16. Журналистская деятельность Белинского в 1830-е годы.
17. Проблема «журнал – читатель» в публицистике Белинского. Критик о структуре литературного журнала.
18. Мастерство Белинского-публициста 1840-х гг. Западничество и славянофильство 50–70-х годов в контексте истории журналистики.
19. Общая характеристика журналистики 50–60-х гг. Цензурно-политический террор и его влияние на печать.
20. Журналистская деятельность Герцена в России и за рубежом. «Полярная звезда», «Колокол».
21. Жанры публицистики Герцена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XVIII в. – это время русского Просвещения, время осознания знания как двигателя прогресса и развития. Поэтому большая часть изданий этого периода носит ярко выраженный просветительский характер. Журналистике этого периода свойственно нести читателям идеалы гражданственности, патриотизма, гуманности и нравственности, демонстрировать враждебное отношение к абсолютизму.

Что касается *общей характеристики русских газет этого времени*, то следует заметить, что они содержат еще не комментированные новости, сухую придворную хронику, преобладают перепечатки из иностранных газет, слухи, вексельные курсы. Территориальный охват невелик: крупные европейские города и столицы, Санкт-Петербург и Москва, изредка провинция – Сибирь, города средней полосы России. Одна из самых популярных рубрик – «Для известий». На протяжении XVIII в. характер газеты неизменен. Однако уже появляются устойчивые рубрики для объявлений «Подряды», «Продажи», «Отъезжающие». Публиковались отдельные объявления – о наследстве, пропажах. Иногда объявления в рубриках «Подряды» и «Продажи» выходили отдельными приложениями. Газеты достаточно оперативны – новости двух-, трехнедельной давности. По-прежнему важную роль в подготовке газеты играют переводчики. От их умения подобрать иностранные новости во многом зависели впечатление от каждого номера, его привлекательность для читателя. Жанры газетных материалов довольно просты: информация, репортаж, зарисовка, появляется этнографический очерк. Газеты часто публикуют стихи, важным разделом является «Библиография».

Одним из достижений периодической печати в XVIII в. является увеличение количества изданий. Так, с 1702 по 1800 г. было издано более 150 газет, журналов, альманахов и сборников. Некоторые из них выдерживали по два и более изданий. Популярность материалов среди читателей позволяла в России меньшей популярностью, чем журналы.

Газеты пользовались в России меньшей популярностью, чем журналы. Цензура оказывала серьезное влияние на «лицо» прессы. В ней можно было писать о прошлом, но не о настоящем, особенно о революционных событиях. В силу этого в России литературные художественные произведения и критические статьи о них, рецензии на долгое время стали важнейшими публицистическими жанрами как в XVIII, так и в XIX в. А эти жанры были более свойственны журналам.

Не способствовали популярности газеты и транспорт, технические возможности типографий, невозможность издания доходных газет, неграмотность большинства населения, ориентированность российской экономики на натуральное хозяйство – все это препятствовало проникновению газеты в российскую жизнь и давало преимущество журналам, особенно энциклопедическим, литературно-художественным. «Толстый» журнал в России в будущем заменит все: и газету, и литературный сборник, и энциклопедию. В течение всего XVIII в. газеты не были еще ежедневными и «газетами» еще не назывались. Еще не оформилось четкое разделение терминов «газета» и «журнал».

Первые издания создаются для пропаганды экономических государственных реформ, а также научных достижений среди читающей аудитории. Это время господства феодальных отношений, которые начинали тормозить развитие общества, и осознания необходимости внедрения буржуазных отношений в жизнь российского общества. А в журналистике – это эпоха «толстого» журнала, литературно-научного или литературного. Для такого типа изданий характерны энциклопедичность, всеобъемлющая широта тематики, скорее сближающая их с книгами или альманахами. Российская читающая публика – в основном дворянская – предпочитала журналы, ибо ее жизненный уклад еще не требовал оперативной информации со всех уголков страны или мира, характерной для газет. У нее там не было никаких экономических интересов. Натуральное хозяйство (или почти таковое), которое процветало в дворянских поместьях, создавало особо благоприятные условия для неторопливого чтения на досуге для развлечения и заполнения свободного времени (ибо никаких профессиональных интересов у дворянства еще не существовало). Важными отделами этих изданий были не только литературные, научные или экономические, но и библиографические.

С одной стороны, это было особым типом рекламы новых изданий, с другой, в связи с сообщениями о новых книгах автор мог высказать немало собственных суждений по актуальным вопросам современной жизни. Поэтому русскому обществу оказывается достаточным наличие лишь двух официальных газет, которые выходят сравнительно малыми тиражами. Наблюдается отсутствие вплоть до первой половины XIX в. газет, выходящих ежедневно. Жесткая цензура, особенно по отношению к газетам, и страх перед буржуазными свободами привели в нашей стране к почти полной невозможности прямого (журналистского) обсуждения внутренних политических и экономических проблем и к тому, что литература и история стали своеобразным заменителем не только журналистики, но и полити-

ки. Это привело в дальнейшем к развитию особых литературных жанров, к расцвету литературной критики как важнейшего журналистского жанра, а также литературной рецензии и библиографии. Использование эзоповых приемов изложения, сатирического стиля и аллегорических высказываний о вымышленных или давно прошедших событиях позволяли читателю проводить злободневные параллели в современной жизни – все это увеличивало интерес к журналистике, способствовало ее развитию, формировало облик русского читателя.

В России с конца XVIII в. стали издавать альманахи, внешне безобидные издания, позволявшие познакомить читателей с новыми литературными произведениями малых форм. На издание альманахов не требовалось, как на периодические издания, цензурного разрешения. «Это были как бы отдельные номера журналов, издававшиеся не периодически, а от случая к случаю», – определяет их характер Н. Н. Смирнов-Сокольский. Признаком, сохраненным ими от прежних альманахов, был их выход один раз в год. Для большей части альманахов это был вообще выход единственный, лишь немногие, наиболее значительные, насчитывали по нескольку выпусков. В отличие от журналов в них не могли печататься частями произведения большого объема. Большое количество альманахов в XIX в. побудило известного русского критика Виссариона Григорьевича Белинского назвать этот период развития журналистики «альманачным».

Отсутствие демократических свобод, в частности, свободы слова, и неразвитость капиталистических отношений тормозили развитие наиболее оперативного типа изданий – ежедневных газет. Их время придет позднее. Конец века ознаменовался еще одним достижением – выходом первой отраслевой газеты «Санкт-Петербургские врачебные ведомости». Но слово «газета» еще не вошло в обиход. Это тоже произойдет в первой половине XIX в.

В XIX в. наблюдается оживление русской журналистики в связи с общественным подъемом. Общество заговорило о либеральных переменах, конституции, о твердости законов. Наблюдаются подъем национального самосознания, рост числа изданий вольных и литературных обществ. Многие современники начали питать иллюзорные надежды на возможность коренных преобразований. В 1803 г. крепостнический характер предпринятых реформ отчетливо проявился в «Указе о свободных хлебопашцах» (1803) и в Цензурном уставе (1804), который вновь вводил предварительную цензуру и полицейский надзор за прессой. Новое развитие получает журнальная периодика. Журналы, как правило, издавались частными лицами.

В начале XIX в. возникло много новых изданий – около 70. Тиражи их были невелики – от 600 до 1000 экземпляров. Нередко они перекупались или сдавались в аренду. Журнал «Вестник Европы» (1802–1830) был первым европейским типом издания – профессионально сделанный журнал означал превращение журналистики из любительского занятия в профессию. Материал четко делился по отделам и отличался значительным разнообразием («Литература и смесь», «Политика» с подотделами «Общее обозрение» и «Известия и замечания»). Основной целью издания было знакомство русского читателя с западной культурой.

Утверждается альманах как ведущий тип издания: «Полярная звезда» (1823–1825), «Мнемозина» (1824–1825), «Русская старина» (1825). Активно формируется жанр литературного обозрения (А. Бестужев). Именно благодаря прессе идет процесс формирования идей дворянской революционности, декабристы видели основное назначение печати в пропаганде идей вольности и свободы.

Правительственная политика в области печати после разгрома выступления декабристов ужесточается, создается III отделение собственной е. и. в. канцелярии. Примером проправительственной газеты была «Северная пчела», имевшая монополию на политические новости и близость к III отделению ее издателей Булгарина и Греча.

Большим достижением журналистики следует считать становление энциклопедического типа журнала: «Московский телеграф» (1825–1834), «Телескоп» (1834–1836). Н. Полевой стал издавать демократический журнал, рассчитанный на массового читателя. «Телескоп» Н. Надеждина был выразителем тех общественных течений, в которых заключались основы как западничества, так и славянофильства. Он выполнял просветительскую роль в показе особенностей романтизма и формирующегося реализма. Причиной закрытия «Телескопа» послужила публикация «Философических писем» П. Чаадаева, в которых выразилось его новое мировоззрение, согласно которому России для того, чтобы достичь успехов европейского общества на всех его уровнях и участвовать в мировом прогрессе, надо не просто слепо копировать западные формы, а впитать идею социальности и пройти все этапы европейской истории.

Развивается коммерческая журналистика. Большой тираж «Библиотеки для чтения» Сенковского позволял удерживать сравнительно невысокую подписную плату – 50 рублей за год. Это было крайне важно, так как издание адресовалось среднему классу – городским чиновникам, мещанам, младшим офицерам, а также провинциальным помещикам. Это было первое массовое издание.

В 30-е гг. Пушкин издавал несколько журналов, уделяя особое внимание периодической печати и ее роли в отражении и формировании общественного мнения. Он высмеивал продажных журналистов, неоднократно высказывался по проблеме точности и краткости языка прессы. Типологическими особенностями «Литературной газеты» (1830–1831) стали литературно-критические статьи, рецензии, памфлеты. Журнальная маска Ф. Косичкина использовалась Пушкиным для фельетонов и позволяла говорить о нравственном облике журналиста. В «Современнике» (1836) Пушкин разрабатывал принципы эстетики реализма, рассматривал с позиций реализма такие важные вопросы, как народность и общественная роль литературы, историческая обусловленность литературного процесса, понимание истинно прекрасного в искусстве, значение литературной критики. Он много работал как редактор с начинающими авторами – Гоголем, Дуровой, Казы-Гиреем.

В 40-е гг. наблюдается активизация общественной мысли, усиление оппозиционного движения. Основными идейными течениями стали: «западничество» и «славянофильство», «официальная народность». Особую роль в становлении общественного характера русской журналистики сыграл журнал «Отечественные записки» Краевского (с 1839 г.). Благодаря четкой позиции редактора, членов редакции и авторов была организована борьба против крепостничества, теории «официальной народности», проводилась полемика со славянофилами.

В 40-е гг. происходит становление системы взглядов Белинского на журналистику, ее предмет и назначение, природу творчества, жанры, язык, принципы редакторской работы, терминологию. В статье «Литературные мечтания» проявилось главное качество Белинского-критика – повышенная идейно-художественная требовательность к литературе. В качестве основного критерия в оценке художественного творчества выступает требование народности литературы, которому не отвечает большинство писателей. Белинский не только называет явление, но и стремится аргументированно доказать его новизну своими наблюдениями, использует аналитический метод. В своих статьях он поднимает проблему «журнал – читатель» («Ничто о ничем»), говорит о роли отделов критики и библиографии («О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”»), пишет литературно-критические статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе. В статьях «Педант», «Тарантас» и других он полемизирует с изданиями Булгарина, Греча, Сенковского, особенно с «Библиотекой для чтения», а также со славянофильскими изданиями.

Таким образом, среди основных тенденций и итогов развития отечественной журналистики XVIII – первой половины XIX в. следует назвать:

- появление «третьесловных» тенденций в «дворянском» характере литературы и прессы;
- усиление связи литературы с жизнью, вызревание реалистических тенденций в творчестве Державина, Фонвизина, Новикова, Крылова, Радищева, Пушкина, Белинского и др.;
- участие в периодической печати крупных российских политических деятелей, ведущих поэтов и писателей; появление большого числа частных журналов как фактор благотворного влияния на содержание и уровень издательской культуры печатных органов;
- «персональный журнализм»; превалирование журналов над газетами, господство моножурнала;
- преобладание оригинальных материалов над переводными;
- рост числа отраслевых и провинциальных изданий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Методические рекомендации по руководству самостоятельной работой

Самостоятельная работа заключается либо в *анализе статьи* любого изучаемого автора по данному курсу (в рамках указанных тем); либо в написании *реферата*. **Условия:** 1) статья, выбранная для анализа, не должна подробно анализироваться в учебниках; 2) при написании реферата должно использоваться не менее пяти источников по выбранной теме.

Самостоятельная работа должна быть напечатана на компьютере. **Объем** – не менее десяти (для реферата – не менее 15) страниц формата А4 (кегель 14, интервал одинарный, выравнивание по ширине, расстановка переносов, абзацные отступы). К анализу статьи прилагается ксерокопия или компьютерный набор анализируемого произведения. Оформление титульного листа выполняется по обычным правилам. Не забывайте оформлять ссылки и список литературы, которой пользуетесь при написании работы!

Срок сдачи: для студентов очного отделения – до 20 декабря; для студентов заочного отделения – за неделю до экзамена.

Примерная тематика самостоятельных работ (анализ статьи)

1. Власть и общество в публицистике XVIII века (на примере произведений А. С. Сумарокова, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова и др. – на выбор).
2. Особенности жанра «сна» в публицистике XVIII века (на примере произведений А. С. Сумарокова, Н. И. Новикова и др. – на выбор).
3. Особенности жанра «письма» в публицистике XVIII века (на примере произведений А. С. Сумарокова, Н. И. Новикова и др. – на выбор).
4. Идеи просвещения в русской журналистике второй половины XVIII века (на примере произведений А. С. Сумарокова, Н. И. Нови-

кова, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, А. Н. Радищева, П. А. Плавильщикова и др. – на выбор).

5. Композиционные и стилистические особенности патриотической статьи А. П. Куницына.
6. Разработка проблем романтизма в статьях О. Сомова.
7. Своеобразие критической позиции в произведениях Н. М. Карамзина, А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера, Н. А. Полевого, Н. И. Надеждина и др. (на выбор).
8. Жанры декабристской публицистики: обозрение, статья, очерк, памфлет и др. (на примере одного из произведений).
9. Критика «торгового направления» в журналистике 1830-х годов (на примере одного из произведений).
10. Язык и стиль Пушкина-журналиста (на примере одного из произведений).

Примерная тематика рефератов

1. Литературное и политическое редактирование в «Ведомостях».
2. Роль М. В. Ломоносова в развитии русской журналистики.
3. Зарождение новых жанров в русской журналистике XVIII века.
4. Жанровые особенности произведений А. С. Сумарокова в журнале «Трудолюбивая пчела».
5. Положение крепостных крестьян в России (по материалам сатирических журналов XVIII века).
6. Особенности языка и стиля произведений Екатерины II.
7. Характер оппозиционности идей русского Просвещения.
8. Особенности литературной критики «Московского журнала» Н. М. Карамзина.
9. Массонские издания конца XVIII века, их основные идеи.
10. Характеристика отраслевых изданий конца XVIII века.
11. Особенности литературно-критических взглядов декабристов.
12. Журнал «Библиотека для чтения» О. И. Сенковского и причины его популярности.
13. Профессиональные методы воздействия на читателя в «Северной пчеле» Ф. В. Булгарина.
14. Полемика А. С. Пушкина с изданиями Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча.
15. Образ журналиста в публицистике А. С. Пушкина.
16. «Московский телеграф» и «Телескоп» как типы издания: сравнительная характеристика.

17. «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева и его роль в русской духовной традиции.

18. Жанр годового обозрения литературы в русской журналистике первой половины XIX века.

19. Вопросы теории печати в статьях 1830-х годов.

20. Борьба В. Г. Белинского с охранительной прессой 1830-х годов.

Методические указания

к выполнению контрольных работ

Система подготовки журналиста отводит большое место самостоятельной работе студента. Одной из форм ее является контрольная работа. Она выявляет умение применять теоретические знания на практике, помогает проверить усвоение курса перед зачетом или экзаменом. Причем проверяется не столько сумма знаний, сколько умение анализировать художественные тексты, осваивать критическую литературу, грамотно, логически последовательно, выразительно и доказательно излагать свои мысли.

Контрольная работа по дисциплине «История отечественной журналистики» предлагается студентам в каждом семестре. Вот почему важны методические советы по ее написанию. Выполняется и отдается она на проверку преподавателю до завершения сессии, чтобы дать преподавателю время на проверку, а у студента при необходимости будет время на устранение замечаний.

Тема обычно выбирается студентом самостоятельно из предложенного перечня. Предлагаемые темы контрольных сочинений предусматривают:

- ответ на один из узловых вопросов курса, показывающий понимание специфики изучаемого раздела литературы;
- целостный или выборочный проблемный анализ одного или нескольких газетных или журнальных текстов;
- анализ одного или нескольких периодических изданий;
- освещение вопросов поэтических особенностей текста.

Некоторые темы предполагают знакомство с материалами научных дискуссий, аргументированный выбор той или иной концепции.

Написание контрольной работы включает ряд этапов.

Изучение учебной литературы. Самостоятельная работа с учебником, конспектами лекций и материалами практических занятий

поможет уяснить связь темы контрольной работы с проблематикой курса, выделить материал, непосредственно относящийся к теме, сделать выписки.

Освоение материала изданий, текста. Это центральное звено всей работы. Даже если тема не предусматривает непосредственного анализа текстового материала, а касается общетеоретических проблем или спорных вопросов изучения журналистики XVIII в., доказательное их изложение возможно лишь при знании текстов и свободном оперировании примерами из них. Нужна работа с текстом. При неоднократном перечитывании текста обращайтесь внимание на нужные вам по теме аспекты содержания или элементы формы. При этом не следует забывать о диалектическом единстве формы и содержания в периодическом издании. Делайте выписки, лучше всего на отдельных листочках (карточках), на одной стороне, что поможет потом быстро расположить их в нужном порядке. Полезно в верхнем правом углу ставить гриф с указанием темы и раздела, для которого вы подбираете материал. Каждая выписка должна быть документирована: указаны фамилия автора и его инициалы, название цитируемого текста, место и год издания книги, страница. Эти сведения пригодятся при переносе цитат в контрольную работу.

Тексты лучше всего брать по авторитетным изданиям, снабженным научным аппаратом (комментариями, словарями мифологических имен, устаревших слов и т. п.). Лишь при отсутствии в библиотеках таких изданий используйте хрестоматии, указанные в списке общей литературы.

Работа с литературоведческими источниками. Глубоко освоить тему вам помогут научные статьи и монографии (книги, посвященные творчеству одного автора или одной проблеме), рекомендуемые к каждой теме. Из литературно-критических источников также необходимо делать выписки, точно документируя их.

Составление плана. Он необходим, чтобы достичь последовательности в раскрытии темы. Наметки плана следует сделать уже при обдумывании темы, конкретизируя его в процессе изучения текстов и критической литературы и особенно при систематизации конспектов и выписок. Определенную помощь в составлении плана окажут методические указания к теме. Форма его произвольная (не обязательно трехчастная), но пункты его должны точно отвечать раскрытию темы. План желательно поместить перед текстом работы.

Рекомендуемая литература приводится после методических указаний к каждой теме или дана как общая в конце списка тем.

Написание работы и ее оформление. Когда весь доступный по теме материал изучен, можно приступить к написанию работы. Основное достоинство ее – самостоятельность. Материал должен быть осмыслен и переработан в соответствии с темой и изложен своими словами. Цитаты, кроме стихотворных строк, заключаются в кавычки. Стихи цитируются стихотворными строчками, причем каждая начинается с заглавной буквы. Все цитаты строго документируются в сносках: после кавычек ставится отсылочный знак (цифра или звездочка), этот же знак повторяется в конце страницы под чертой, отделяющей текст работы от сносок. Например, в работе вы пишете: «Анализ “Сатиры I. На хулящих учения. К уму своему” позволяет приблизиться к пониманию “трудного Кантемира”»²⁴⁹. Цитата оформляется в нижней части страницы под чертой или концевой сноской.

В цитировании надо соблюдать меру, не превращая всю работу в переписывание какого-либо критического источника или же в компиляцию цитат из нескольких источников, подчас без кавычек. Списанные работы не будут зачтены.

Следует предостеречь и от такой типичной ошибки, как отклонение от темы. Поэтому при раскрытии темы необходимо строго следовать плану, отвечающему теме, соблюдать соразмерность его частей, продумывать логический переход от одного пункта к другому, делать заключительные выводы.

В конце помещается список использованной литературы (пособия из рекомендательного перечня к теме, не использованные в работе, в список не включаются).

Объем сочинения строго не регламентирован, на практике это чаще всего ученическая тетрадь, 10–15 листов формата А4. Не следует стремиться к увеличению объема, наоборот, краткость при четкости выраженных в работе мыслей и доказательности примеров предпочтительнее. Необходимо оставить поля (для замечаний педагога), страницы пронумеровать.

На первом листе или на обложке следует написать:

Контрольная работа по «Истории отечественной журналистики XVIII–XIX вв.», указать название темы, фамилию, имя, отчество студента, курс, форму обучения, наименование института. Необходимо также указать свой почтовый адрес.

²⁴⁹ Николаев, С. И. *Трудный Кантемир* / С. И. Николаев // XVIII век. – Сб. 19. – СПб. : Наука, 1995. – С. 3–14.

ТЕМА 1. Основные достижения периодической печати XVIII в.

Охарактеризуйте условия возникновения периодической печати. Обратите внимание на содержание первых рукописных газет. Почему они не предназначались для массовой аудитории? Отметьте особую роль Петра I в становлении журналистики. Обратите внимание на то, что издание первой русской газеты «Ведомости» отличается от западной системы СМИ, где первые газеты возникали в основном как частная инициатива и служили торгово-коммерческим целям. Какова цель издания «Ведомостей»? Что составляло их содержание?

Покажите роль М. В. Ломоносов в формировании российской журналистики – и не только научной. Найдите материал о его работе как переводчика (важнейшая журналистская профессия в России) и редактора. Расскажите о содержании «Рассуждения об обязанностях журналистов» М. В. Ломоносова.

Новая полоса в развитии журналистики наступила в России с приходом на трон императрицы Екатерины II. Когда и при каких условиях сформировалась сатирическая журналистика? Приведите примеры наиболее значимых публикаций в журналах «Всякая всячина», «Трутень», «Живописец».

Особое явление в российской журналистике представляют издания Н. И. Новикова. Одним из первых он начал писать о политике и экономике, обсуждать проблемы крепостного права и другие острые вопросы. Какие еще издания Новикова стали заметной вехой развития русской журналистики?

Охарактеризуйте также вклад в развитие журналистики одного из перечисленных журналистов: Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина.

ТЕМА 2. Сатирические журналы 1769–1774 гг.

Охарактеризуйте условия, способствующие развитию сатирической журналистики. Екатерина II утвердила тип благонамеренной сатиры. Какую сатиру – «на лицо» или «на порок» – утверждает Новиков? Докажите на примерах.

Определите связь русской и западноевропейской журналистики. Каково воздействие английских журналов «Зритель» и «Болтун» на русскую журналистику? Дайте примеры развития жанра сатирико-нравоучительного эссе (очерка) и памфлета в журнальных публикациях.

Какие явления российской действительности отражены на страницах сатирических журналов из окружения «Всякой всячины» («И то и се», «Ни то ни се», «Полезное с приятным», «Смесь», «Адская почта», «Парнасский щепетильник» и др.)?

Охарактеризуйте журнал «Всякая всячина». Суть полемики о сатире. Какие жанры использовали авторы журналов?

ТЕМА 3. Суть полемики между журналами «Трутень» и «Всякая всячина»

В конце 60-х гг. XVIII в., желая подчинить себе общественное мнение, Екатерина II разрешила частным лицам издавать журналы. Тон должен был задавать журнал «Всякая всячина», издаваемый секретарем царицы Г. Козицким. Но вместо хора похвал царствованию Екатерины многие журналы стали выражать оппозиционные настроения. Боевым органом просветительской публицистики был сатирический журнал Н. И. Новикова «Трутень».

Прочитайте отрывки из журнала «Всякая всячина», определите по ним направленность журнала (с конкретными ссылками в работе на тексты прочитанных отрывков). Раскройте идейную направленность журнала «Трутень», доказывая суждения ссылками на произведения, опубликованные в журнале, и цитатами из них.

Разберитесь в полемике между журналами по вопросу о назначении сатиры. Докажите, что целью предлагаемых «Всякой всячиной» «правил» было отвлечение писателей и читателей от социальной сатиры. Сделайте выводы о смелости издателя «Трутня», переводящего сатиру из морального в социальный план, из абстрактной «улыбательной» в злободневную сатиру «на лица» и конкретные социальные пороки того времени.

Обратите внимание на художественную форму полемики: имитацию читательских писем, обыгрывание Н. И. Новиковым наименования «Всякой всячины» «бабушкой» других журналов.

ТЕМА 4. Жанр письма в сатирических журналах Н. И. Новикова «Трутень» и «Живописец»

Среди многих сатирических жанров в журналах Н. И. Новикова большое место занимают письма. Центральными по значению и художественной выразительности в «Трутне» являются «Копии с отпи-

сок крестьян к помещику Григорию Сидоровичу» и «Копия с помещичьего указа». По словам Н. А. Добролюбова, «эти документы так хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это?»²⁵⁰

Сравните «Копии...» с подлинными крестьянскими письмами, помещенными в «Приложении к разделу “Сатирические журналы Н. И. Новикова” хрестоматии А. В. Кокорева, В. А. Западова. Отметьте, какими средствами стилизации пользуется Н. И. Новиков, чтобы добиться сходства с подлинно крестьянскими письмами.

Покажите, что «Копии с отписок» – это не просто имитация писем крестьян, а умело созданные писателем художественные произведения с большой степенью обобщения, с мастерским использованием иронии и других средств художественной выразительности. (Например, казалось бы, бесхитростная история с выпоротым и оштрафованным Антошкой, перерастающая в обличение и осмеяние основного тезиса екатерининской пропаганды о помещике – якобы отце и благодетеле крепостных крестьян.)

В «Живописце» обратите внимание на переписку с молодым дворянином Фалалеем его родителей и дяди. Раскройте саморазоблачительный характер их писем, покажите, как через них раскрываются участники переписки (их характеры, быт и нравы). Охарактеризуйте приемы, используемые для подчеркивания скотства «господ».

Обратите внимание на сходство участников переписки с персонажами «Недоросля» Д. И. Фонвизина. Как вы относитесь к мнению ряда исследователей о возможном авторстве Фонвизина, а не Новикова, в отношении «Писем к Фалалею»?

ТЕМА 5. Редакционно-издательская деятельность Н. И. Новикова

Журналы Н. И. Новикова представляют собой особое явление в российской журналистике. Они были среди первых изданий, где начали писать о политике и экономике, обсуждать проблемы крепостного права и другие острые вопросы. Журналы Новикова стали заметной вехой развития русской журналистики и способствовали продвижению отечественной литературы к реализму. Выявите независимость программы Н. И. Новикова.

²⁵⁰ Добролюбов, Н. А. Собр. соч. : в 9 т. / Н. А. Добролюбов. – М., 1962. – С. 352.

Выявите просветительский характер издательской деятельности Н. И. Новикова в 70–80-е годы. Найдите примеры, отражающие желание автора способствовать моральному совершенствованию людей, их личному освобождению от пороков, и как результат – исправлению общества в целом. Главный лейтмотив изданий Новикова таков: каждый должен заботиться о своем нравственном перерождении, активно действовать на пользу другим людям.

ТЕМА 6. Д. И. Фонвизин-публицист

В 1788 г. Фонвизин, испытавший царскую опалу после своих выступлений на страницах «Собеседника любителей русского слова», пробует вновь обратиться к читателю и хлопочет о разрешении издавать журнал «Друг честных людей, или Стародум», в чем ему было сейчас же отказано. «Периодическое сочинение, посвященное истине» – вот что стояло в подзаголовке названия журнала. Фонвизин желал говорить с читателем об «истине», бороться против лжи, изливавшейся с высоты престола, открывать глаза людям на истинное положение дел в русском государстве. Объясните смысл названия – «Друг честных людей, или Стародум», докажите, что журнал был своеобразным продолжением пьесы «Недоросль».

ТЕМА 7. Ирония как основной прием сатирического обличения в «Почте духов» И. А. Крылова

Фактором, определяющим художественную законченность «Почты духов» И. А. Крылова, является иронический пафос, пронизывающий произведение. Он возникает из неприятия Крыловым екатерининской действительности, не соответствующей просветительским идеалам. Это определило основной конфликт «Почты духов», реализуемый через осмеяние действительности. А из разных форм осмеяния «самой распространенной... является ирония» (М. М. Бахтин).

Задача работы – показать на примерах из текста мастерство Крылова в использовании различных форм иронии. Проследите, как иронический пафос определил в «Почте духов» систему оппозиций, раскрывающих толкование понятий чести – бесчестия, правосудия – несправедливости, стыда – бесстыдства, пользы – вреда, важного – второстепенного, просвещенного – непросвещенного представителями «этого» (духи) и «того» (люди) света.

Иронический пафос обусловил создание галереи «маскированных людей», лишь играющих, как в театре, определенные роли. Покажите, как умело Крылов срывает маски мнимой честности, благопристойности, благородства, бескорыстия с екатерининских вельмож, непросвещенных дворян, взяточников-чиновников, солдафонов-военных.

Крылов – мастер использования иронии как тропа в языке произведения. Например, «важными» (иронический эпитет) названы никчемные записки, составляемые в «чиновной богадельне», «театральной Лукрецией» – бесстыжей любовницей Припрыжкина (иронический перифраз), алчный вельможа просит у царя «небольшую» область, которая «не более пятисот миль» (оксюморон).

Приведите из «Почты духов» свои примеры иронических эпитетов, сравнений, оксюморонов, перифраз и определите их идейно-художественную функцию. В заключение отметьте значение опыта иронического повествования молодого Крылова для его басенного творчества, памятуя, что, как писал В. Г. Белинский о крыловской басне, «сатира и ирония – вот ее главные качества». «Почта духов» представляется нам единым произведением, несмотря на доказанный М. В. Разумовской заимствованный из Д'Аржана характер цикла философско-рационалистических писем.

ТЕМА 8. И. А. Крылов-журналист

В 1789 г. И. А. Крылов предпринял издание журнала «Почта духов». Он считал, что его журнал должен читаться как единое произведение. Он называл его «собранием писем», перепиской арабского волшебника с водяными, воздушными и подземными духами. Отдельные главы его объединялись общим сюжетом, например, сюжетом, обличающим рабское преклонение перед иностранным. Как и Новиков, Крылов бичует пороки, мздоимство, казнокрадство, взяточничество. Считается, что адресатом всех этих высказываний Крылова была Екатерина II.

Какие две линии можно выделить в тексте? Охарактеризуйте Припрыжкина и Маликульмулька. Найдите в журнале развитие литературной традиции, заложенной журналами Новикова и «Адской почтой». Можете ли вы назвать другие примеры использования «восточного» колорита в творчестве И. А. Крылова?

Какую позицию занимал И. А. Крылов по вопросу о модном воспитании на страницах журнала «Зритель» (1792)?

ТЕМА 9. Н. М. Карамзин и развитие журналистики 90-х гг.

«Московский журнал» (1791–1792) – ежемесячный литературный журнал, считающийся в истории журналистики первым настоящим журналом, где существуют постоянные разделы и рубрики. Его появление можно расценивать особой вехой в развитии журнальной периодики. Главная его задача состояла в пропаганде сентиментализма Карамзина как нового литературного направления. Журнал отличался многообразием материалов, поданных живо и занимательно. Хороший подбор произведений, изящный язык, высокий эстетический вкус – вот что делало это издание журналом нового для России типа.

Расскажите о повести «Бедная Лиза», опубликованной на страницах журнала (сюжет, композиция, стиль и др.).

ТЕМА 10. Журналистская деятельность А. Н. Радищева

Принимал ли участие Радищев в журналистике 60–90-х гг.? Какие мнения существуют в науке об авторе «Отрывка путешествия в*** И*** Т***»? Что может доказывать его принадлежность к Радищеву?

Проанализируйте материалы о журнале «Беседующий гражданин»: состав редакции, разрабатываемые жанры, общественно-политический характер статей, место Радищева. В 1789 г. Радищев поместил в декабрьской книжке журнала «Беседующий гражданин» статью «Беседа о том, что есть сын Отечества».

Сформулируйте ответ на вопрос, прозвучавший на страницах текста: «Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества!» – восклицает Радищев, – но кого можно назвать достойным этого звания?»

Охарактеризуйте жанровые особенности статьи. Насколько жанр наставления, поучения был принят в этом журнале? Каким образом можно связать текст статьи с идеями, образами и настроением «Путешествия из Петербурга в Москву»?

ТЕМА 11. Журналистика начала XIX века

Назовите основные тенденции развития русской журналистики в начале века. В чем конкретно выразилось оживление отечественной журналистики первого десятилетия XIX века?

Охарактеризуйте структуру и тип издания журнала «Вестник Европы» (1802–1830 гг.), политическую позицию журнала при Н. М. Карамзине.

Содержание журнала: защита крепостничества, оценка дворянства, просвещение и образование сословий, идеи мира между народами. Какое место в журнале занимали вопросы литературы и критики? В чем суть полемики по вопросам нормализации русского языка? В. Г. Белинский о Карамзине и его журналистской деятельности. «Вестник Европы» после Карамзина. Что изменилось после начала редакторства М. Каченовского?

Деятельность «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Каково влияние А. Н. Радищева на наиболее радикальных членов общества (М. И. Борн, В. В. Попугаев, И. П. Пнин)? Охарактеризуйте издания общества: «Свиток муз», «Периодическое издание», «Журнал российской словесности». Какое место занимали вопросы политики и экономики в освещении публицистов «Вольного общества»? В какой форме проявился протест против рабства, официальной цензуры в творчестве Попугаева, Пнина и др.? Борьба левого крыла «Вольного общества» с «карамзинистами» и «шишковистами» за развитие русского литературного языка на его народно-национальной основе. В чем суть эволюции «Вольного общества»?

Охарактеризуйте журналы карамзинистов.

Каково состояние газетного дела в начале XIX века? Правительственные меры против прогрессивной журналистики и литературы. Дайте оценку цензурного устава 1804 года. Что собой представляет реакционная журналистика?

ТЕМА 12. Журналистика времени Отечественной войны 1812 года

Охарактеризуйте изменения в системе печати. Позиция газет. Журнал С. Н. Глинки «Русский вестник» (с 1808 г.). Антинаполеоновская пропаганда, защита национальных устоев государства. Листовки Раstopчина.

Какую роль сыграл журнал Н. И. Греча «Сын Отечества» (1812–1815 гг.)? Приведите примеры действенности известий с театра военных действий, показа в журнале подвигов русских солдат, офицеров и партизан, разоблачения военных реляций Наполеона.

Проанализируйте наиболее интересные материалы журнала: патриотические статьи А. Кунницына, басни И. А. Крылова, рисунки

А. Венецианова, И. Терebeneва, деятельность походной типографии Кутузова.

Охарактеризуйте деятельность газеты «Русский инвалид» (с 1813 г.).

ТЕМА 13. Журналистика периода декабристского движения

Какую роль в легальной журналистике и деятельности литературных объединений сыграли ранние дворянские общества? «Вольное общество любителей словесности» как филиал «Союза Благоденствия».

Охарактеризуйте деятельность журнала «Соревнователь просвещения и благотворения», характер журнала и особенности его коллегиального редактирования. Какое место в «Соревнователе» занимает литературная критика? Основные вопросы: разработка проблем романтизма, народности и самобытности русской литературы; статьи О. Сомова, борьба за народную основу русского литературного языка. Роль декабристов А. Бестужева, К. Рылеева и др. в издании журнала «Соревнователь просвещения и благотворения».

Участие декабристов и близких к ним публицистов и литераторов в журнале «Сын Отечества». Хроника международного освободительного движения в журнале. Политические обозрения. Литературно-критическая позиция журнала; гражданский романтизм декабристов.

«Невский зритель» (1820–1821). Участие в журнале К. Рылеева и других декабристов. «Полярная звезда» К. Рылеева и А. Бестужева (1823–1825) – альманах декабристов. Проза и поэзия в альманахе. Обзоры А. Бестужева. Разработка в них основ декабристской эстетики. Защита национального характера русской литературы и принципов гражданской поэзии.

Пропаганда романтизма. Интерес к героическому прошлому русского народа. Показ русского национального характера в произведениях декабристов. Установка на публикацию оригинальных произведений русских авторов. А. Пушкин и «Полярная звезда».

Охарактеризуйте издание А. Дельвигом и П. Плетневым альманаха «Северные цветы». «Мнемозина» В. Кюхельбекера и В. Одоевского (1824–1825). Борьба за национально-самобытное искусство, гражданские мотивы в стихах Кюхельбекера. Участие А. С. Грибоедова в «Мнемозине». Poleмика против сентиментализма и элегического романтизма. Противоречия во взглядах редакторов издания.

Нелегальная публицистика декабристов. Прокламации, связанные с восстанием в Семеновском полку (1820). Агитационная литература для солдат: «Любопытный разговор» Н. Муравьева, «Православный катехизис» Муравьева-Апостола, «Русская правда» П. Пестеля.

ТЕМА 14. Русская журналистика 1820–1830-х гг.

Охарактеризуйте изменения общественно-политической обстановки в стране: усиление политического гнета после расправы Николая I над декабристами, создание III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии для борьбы с вольнодумством, «чугунный» цензурный устав 1826 г., организация официальной печати в целях укрепления самодержавного строя, борьбы со свободомыслием.

«Северная пчела», тип и характер газеты, близость ее издателей к III отделению. Ф. В. Булгарин-журналист. Политическая позиция Н. Греча после 1825 г. Изменение курса журнала «Сын Отечества».

«Библиотека для чтения» (1834–1854) под редакцией О. И. Сенковского. Тип, структура, направление журнала. Состав авторов. Словесность и критика, отношение к полемике. Научный отдел. Защита охранительных начал. Борьба с прогрессивной литературой и журналистикой.

Поиск коммерческой выгоды в журналистике. Методы завоевания аудитории. Н. Гоголь, С. Шевырев, В. Белинский о «торговом направлении» в СМИ. Кризис журнала в 1840-е гг.

ТЕМА 15. Журнал «Московский телеграф» (1825–1834). Журналистская деятельность Н. А. Полевого

Охарактеризуйте программу журнала «Московский телеграф», ее просветительский характер. Роль отдела критики в защите романтизма. Содержание: литературно-критические статьи, материалы на экономические, политические и философские темы, освещение греческих и латиноамериканских событий. Роль П. Вяземского и А. Бестужева в журнале.

Выступление против литературной аристократии в 30-е годы. Борьба Полевого против дворянских привилегий, ограниченность его буржуазного радикализма. Сатирический отдел журнала «Новый живописец общества и литературы», его военно-политическая

направленность и роль в литературной полемике эпохи. Взгляды Н. Полевого на назначение журналистики.

В чем выразилось правительственное преследование журнала? Значение «Московского телеграфа» как энциклопедического издания в истории русской журналистики. Переход Н. Полевого после закрытия журнала в лагерь охранительной журналистики. Н. Полевой и деятели «журнального триумvirата».

ТЕМА 16. А. С. Пушкин – редактор и журналист

Участие А. С. Пушкина в журналах 1820-х годов. «Литературная газета» (1830–1831), типологические особенности издания. Статьи А. Дельвига, П. Вяземского, О. Сомова. Роль Пушкина в «Литературной газете». Борьба против Булгарина и Греча, ее политическое и литературное значение. Жанровое разнообразие материалов в «Литературной газете». Попытки Пушкина издавать политическую газету «Дневник».

Организация журнала «Современник» (1836 г.). Круг сотрудников журнала. Пушкин – редактор и публицист «Современника». Характер и содержание журнала. Статья Н. Гоголя «О движении журнальной литературы...», ее смысл и значение.

Статьи, рецензии, заметки, памфлеты Пушкина. Язык и стиль Пушкина-журналиста. Значение публицистической и редакторской деятельности Пушкина в развитии русской журналистики. Пушкин о журналисте и его роли в обществе.

ТЕМА 17. «Телескоп» и «Молва» Н. Надеждина (1831–1836)

Расскажите об основных сотрудниках журнала «Телескоп». Проанализируйте политические и литературно-критические взгляды Надеждина. Как вы оцениваете борьбу Надеждина за синтез романтизма и классицизма в русской литературе? В чем противоречивость и эклектичность взглядов Надеждина? Какую роль играл Пушкин в «Телескопе»?

Изменилась ли первоначальная концепция «Молвы»? Какова эволюция издания? По какому принципу происходило разделение материала между «Телескопом» и «Молвой»?

Проанализируйте «Философическое письмо» П. Чаадаева, опубликованное в «Телескопе». Пушкин, Герцен и другие деятели культуры о письме Чаадаева. Закрытие журнала. Надеждин после закрытия «Телескопа».

ТЕМА 18. Журналистская деятельность В. Г. Белинского в 1830-е гг.

Белинский о «Современнике». Намерение Пушкина привлечь Белинского к участию в журнале. «Современник» после смерти Пушкина.

Белинский в «Телескопе» и «Молве». Значение статей Белинского «Литературные мечтания» и «О русской повести и повестях Н. Гоголя». Борьба Белинского за народность русской литературы. Пропаганда лучших традиций русской литературы, защита великих русских писателей Крылова, Пушкина, Гоголя от реакционной критики. Борьба с эпигонами романтизма за реалистическое искусство.

Борьба Белинского с охранительной прессой (Булгарин, Греч, Сенковский), с дворянской журналистикой («Московский наблюдатель» первой редакции), с аристократическими взглядами на искусство. Статьи Белинского «Ничто о ничем...» и «О критике и литературных мнениях» «Московского наблюдателя». Становление журнальной концепции Белинского.

«Московский наблюдатель» под редакцией Белинского (1838–1839). Привлечение новых сотрудников. Беллетристика журнала. Статьи о театре. Философская позиция журнала. Проповедь теории разумной действительности и примирения с ней. Закрытие журнала из-за отсутствия подписчиков.

ТЕМА 19. Отечественная журналистика в 40-е годы. Журналы «Отечественные записки» и «Современник»

Охарактеризуйте: кризисные явления в экономической жизни России, активизацию общественности, усиление оппозиционного движения, роль крестьянских волнений начала 40-х годов, основные идейные течения.

«Отечественные записки» А. Краевского (с 1839 г.). Цели и характер издания. Круг сотрудников. Начало сотрудничества в журнале Белинского. Белинский в роли ведущего сотрудника, определившего демократическое направление издания. Борьба «Отечественных записок» против крепостничества, теории официальной народности.

Критика западноевропейского буржуазного общества и парламентаризма в статьях основных сотрудников журнала (В. Белинский «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке», В. Милютин «Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции»). Защита

идей материалистической философии в работах А. Герцена «Письма об изучении природы» и «Дилетантизм в науке».

Белинский о Пушкине. Защита Белинским принципов натуральной школы. Провозглашение Гоголя главой русской литературы. Полемика вокруг «Мертвых душ». Борьба Белинского и Герцена за принципы демократической журналистики. Споры со славянофилами.

Памфлеты Белинского и Герцена. Цензурные репрессии против «Отечественных записок» в связи с деятельностью Белинского. Попытки Краевского ослабить политическую остроту выступлений Белинского. Уход Белинского из журнала. Начало расхождения двух идеологических тенденций: демократической и либеральной.

Издание Некрасовым «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника». Роль этих сборников в утверждении гоголевского направления в русской литературе.

Переход журнала «Современник» к Н. Некрасову и И. Панаеву (с 1847 г.). Состав сотрудников издания. Роль Белинского в «Современнике». Общественно-политическая и литературная программы журнала. Художественная проза «Современника», ее место и значение в истории русской литературы. Публицистика Герцена в «Современнике». Статьи Белинского о русской литературе за 1846 и 1847 гг., их историко-литературное значение. Столкновения с Гоголем по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями». «Письмо к Гоголю». Публицистическое мастерство В. Белинского.

ТЕМА 20. «Славянофильская» журналистика 1840-х годов

Социальный смысл «славянофильства» и «западничества». Отражение в журналистике либеральной и демократической тенденций. Попытки укрепления промонархической печати («Маяк», «Москвитянин»). Противостояние «Отечественных записок» и «Москвитянина» во второй половине 40-х годов. Славянофильские издания («Москвитянин», «Московский сборник»).

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

XVIII век

- Адская почта (1769)
- Ведомости (1702–1917)
- Вечерняя заря (1782)
- Всякая всячина (1769–1770)
- Городская и деревенская библиотека (1782–1786)
- Детское чтение для сердца и разума (1785–1789)
- Доброе намерение (1764)
- Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие (1755–1764)
- Живописец (1772–1773)
- Зритель (1792)
- И то и се (1769)
- Кошелек (1774)
- Лекарство от скуки и забот* (1786–1787)
- Магазин натуральной истории, физики и химии* (1788–1790)
- Месячные исторические, генеалогические и географические Примечания в Ведомостях (1728–1742)
- Московский журнал (1791–1792)
- Московское ежемесячное издание (1781)
- Невинное упражнение (1763)
- Ни то ни се (1769)
- Парнасский щепетильник (1770)
- Поденщина (1769)
- Покоящийся трудолюбец (1784–1785)
- Полезное с приятным (1769)
- Полезное увеселение (1760–1762)
- Почта духов (1789)
- Праздное время, в пользу употребленное (1759–1760)
- Прибавление к Московским ведомостям * (1783–1784)
- Пустомеля (1770)
- Санкт-Петербургский вестник (1778–1781)
- Санкт-Петербургский журнал (1798)
- Санкт-Петербургские врачебные ведомости * (1792–1794)

- Санкт-Петербургские ученые ведомости * (1770)
- Свободные часы (1763)
- Смесь (1769)
- Собеседник любителей российского слова (1783–1784)
- Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах (1762)
 - Трудлюбивая пчела (1759)
 - Трутень (1769–1770)
 - Утренние часы * (1787–1788)
 - Утренний свет (1777–1780)
 - Ученые записки Петербургской академии наук * (1728)
 - Экономический магазин * (1780–1789)

XIX век

- Атений* (1858–1859)
- Библиограф* (1869)
- Библиограф* (1884)
- Библиотека для чтения (1834–1865)
- Будильник ()
- Вестник Европы ()
- Военно-медицинский журнал
- Вокруг Света
- Европеец ()
- Журнал мануфактур и торговли
- Журнал Министерства внутренних дел
- Журнал Министерства государственных имуществ
- Журнал Министерства народного просвещения
- Журнал Министерства путей сообщения
- Журнал полезных изобретений
- Журнал садоводства
- Заволжский муравей
- Записки Императорского Русского географического общества
- Звездочка (журнал)
- Искра (журнал)
- Маяк (журнал)
- Москвитянин

- Отечественные записки (журнал)
- Пантеон (журнал)
- Русская беседа
- Русская речь (журнал)
- Русский вестник (журнал)
- Русское слово (журнал)
- Северный вестник (1804–1805)
- Современник (журнал)
- Сын Отечества
- Телескоп (журнал)

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Учебники и учебные пособия

1. Алексеев, В. А. История русской журналистики (1860–1880 годы) / В. А. Алексеев. – Л., 1963.
2. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII в. / П. Н. Берков. – М. ; Л., 1952.
3. Благой, Д. Д. История русской литературы XVIII века / Д. Д. Благой. – М., 1960.
4. Березина, В. Г. Русская журналистика первой трети XIX века / В. Г. Березина. – Л., 1965.
5. Березина, В. Г. История русской журналистики второй четверти XIX века (1826–1839) / В. Г. Березина. – Л., 1965.
6. Ворошилов, В. В. История журналистики России. Конспект лекций / В. В. Ворошилов. – Санкт-Петербург, 1999.
7. Гуковский, Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. – М., 1998.
8. Есин, Б. И. История русской журналистики (1703–1917) : учебно-методический комплект / Б. И. Есин. – М., 2000.
9. Есин, Б. И. История русской журналистики XIX в. / Б. И. Есин. – М., 1989.
10. Жирков, Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. / Г. В. Жирков. – М., 2001.
11. Западов, А. В. Русская журналистика 1769–1774 годов / А. В. Западов. – М., 1959.
12. Западов, А. В. Русская журналистика XVIII века / А. В. Западов. – М., 1964.
13. Западов, А. В. Русская журналистика последней четверти XVIII века / А. В. Западов. – М., 1962.
14. Ивлев, Д. Д. История русской журналистики XVIII–XX вв. : в 3 ч. / Д. Д. Ивлев. – Рига, 2000.
15. Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX в. – М., 1973.
16. История русской журналистики : хрестоматия. – М., 1991.
17. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. А. В. Западова. – М., 1973.

18. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003.
19. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2005.
20. История русской журналистики XVIII–XIX веков / Л. П. Громова, М. М. Ковалева, А. И. Станько и др. ; под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003.
21. Киселев, А. П. История оформления русской газеты / А. П. Киселев. – М., 1990.
22. Ковалева, М. М. Лекции по истории отечественной журналистики / М. М. Ковалева. – Ч. I: XVIII век – 40-е гг. XIX века. – Екатеринбург, 1996.
23. Козлова, М. М. История отечественных средств массовой информации : учеб. пособие / М. И. Козлова. – Ульяновск, 2000.
24. Очерки по истории русской журналистики и критики : в 2 т. – Т. 1. – Л., 1950.
25. Павлов, В. А. Очерки истории журналистики Урала / В. А. Павлов. – Т. 1. – Екатеринбург, 1992.
26. Русская литература XVIII века / сост. Г. П. Макогоненко. – Л., 1970.
27. Русская литература XVIII века : хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей / под ред. О. М. Буранка. – М., 2007.
28. Русская периодическая печать (1702–1894) : справочник. – М., 1959.
29. Татаринова, Л. Е. Русская литература и журналистика XVIII века / Л. Е. Татаринова. – М., 2001.
30. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М., 2000.
31. Федоров, В. И. История русской литературы XVIII века / В. И. Федоров. – М., 1990.

Исследования,

XVIII век

32. Арзуманова, М. А. Кречетов Федор Васильевич / М. А. Арзуманова // Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред. А. М. Панченко. – Вып. 2 (К-П). – СПб. : Наука, 1999.

33. Бабкин, Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность / Д. С. Бабкин. – М. ; Л., 1966.
34. Бережной, Ф. Ф. К истории печати России / Ф. Ф. Бережной. – СПб., 1992.
35. Березина, В. Г. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» / В. Г. Березина, А. П. Журнал // Вопросы журналистики. – Вып. 2. – Кн. 2. – Л., 1960.
36. Вербицкая, В. В. О некоторых языковых особенностях публицистических переводов Н. М. Карамзина / В. В. Вербицкая // Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск, 1998. – С. 198–204.
37. Глухов, В. И. Н. И. Новиков как писатель-сатирик / В. И. Глухов. – Иваново, 1991.
38. Дербов, Л. А. Н. И. Новиков и русская история (к изданию «Древней российской вивлиофики») / Л. А. Дербов // Из истории общественного движения и общественной мысли в России : в 2 кн. – Саратов, 1968.
39. Добролюбов, Н. А. Русская сатира екатерининского времени / Н. А. Добролюбов // Добролюбов Н. А. Собр. соч. : в 3 т. – Т. 2. – М., 1987. – С. 536–634.
40. Елеонская, А. С. Русская публицистика второй половины XVIII века / А. С. Елеонская. – М., 1978.
41. Западов, А. В. М. В. Ломоносов и журналистика / А. В. Западов. – М., 1961.
42. Западов, А. В. Русская журналистика 1769–1774 годов / А. В. Западов. – М., 1959.
43. Западов, А. В. И. А. Крылов / А. В. Западов. – М., 1951.
44. Западов, А. В. Державин / А. В. Западов. – М., 1952.
45. Западов, А. В. Новиков / А. В. Западов. – М., 1986.
46. Кожин, А. А. О своеобразии художественного повествования (на материале «Почты духов» И. А. Крылова) / А. А. Кожин // Стилистика художественной литературы. – М., 1982.
47. Карамзин, Н. М. Избранное : в 2. т. / Н. М. Карамзин. – М., 1974.
48. Коровин, В. И. Поэт и мудрец. Книга об Иване Крылове / В. И. Коровин. – М., 1996.
49. Кулакова, Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века / Л. И. Кулакова. – Л., 1968.
50. Кулакова, Л. И. Денис Иванович Фонвизин / Л. И. Кулакова. – М. ; Л., 1966.

51. Макогоненко, Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века / Г. П. Макогоненко. – М. ; Л., 1952.
52. Макогоненко, Г. П. Денис Иванович Фонвизин. Творческий путь / Г. П. Макогоненко. – М. ; Л., 1961.
53. Макогоненко, Г. П. От Фонвизина до Пушкина / Г. П. Макогоненко. – М., 1969.
54. Мартынов, И. Ф. Книгоиздатель. Николай Новиков / И. Ф. Мартынов. – М., 1981.
55. Новиков, Н. И. Избранное / Н. И. Новиков. – М., 1983.
56. Новиков, Н. И. Смеющийся Демокрит / Н. И. Новиков. – М., 1985.
57. Орлов, В. Н. Русские просветители 1790–1800-х годов / В. Н. Орлов. – М., 1953.
58. Орлов, П. А. Русский сентиментализм / П. А. Орлов. – М., 1977.
59. Пирожкова, Т. Ф. Н. М. Карамзин – издатель «Московского журнала» / Т. Ф. Пирожкова. – М., 1978.
60. Разумовская, М. В. «Почта духов» и романы маркиза Д'Аржана / М. В. Разумовская // Русская литература. – 1987. – № 1.
61. Рогожин, Н. М. Артамон Матвеев / Н. М. Рогожин // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / под ред. Е. В. Чистяковой ; сост. Н. М. Рогожин. – М., 1989. – С. 146–179.
62. Рублева, Л. И. Русская проза последней четверти XVIII века: история и поэтика : монография / Л. И. Рублева. – 2-е изд., испр. и доп. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2012.
63. Русские сатирические журналы XVIII в. / под ред. Н. К. Гудзия. – М., 1940.
64. Русская проза XVIII века. – Т. 1. – М. ; Л., 1950.
65. Рычкова, Г. П. Жанр сатирического письма в журналах Московского университета 1760-х годов / Г. П. Рычкова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – Л., 1978.
66. Рычкова, Г. П. Сатирическая проза в журнале А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» / Г. П. Рычкова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – Л., 1978.
67. Светлов, Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова / Л. Б. Светлов. – М., 1946.
68. Светлов, Л. Б. А. Н. Радищев : критико-биографический очерк / Л. Б. Светлов. – М., 1958.
69. Смирнов-Сокольский, Н. Русские литературные альманахи и

сборники XVIII–XIX вв. / Н. Смирнов-Сокольский. – М., 1965.

70. Станько, А. И. Русская периодическая печать XVIII века / А. И. Станько. – Ростов н/Д., 1979.

71. Стенник, Ю. В. Русская сатира XVIII века / Ю. В. Стенник. – Л., 1985.

72. Степанов, Н. Л. И. А. Крылов / Н. Л. Степанов. – М., 1949.

73. Сухарева, О. В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I / О. В. Сухарева. – М., 2005.

74. Томсинский, С. М. Первая печатная газета в России (1702–1727 гг.) / С. М. Томсинский. – Пермь, 1959.

75. Черепанов, М. С. Возникновение периодической печати в России / М. С. Черепанов. – М., 1955.

76. Шамин, С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати / С. М. Шамин. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2011. – 348 с.

XIX век

77. А. Н. Радищев и декабристы: Из атеистического наследия первых русских революционеров. – М., 1986.

78. Арзамас: Литературный кружок в Петербурге. 1815–1818 гг. : в 2 кн. – М., 1994.

79. Базанов, В. Г. Очерки декабристской литературы: Публицистика. Проза. Критика / В. Г. Базанов. – М., 1953.

80. Базанов, В. Г. Ученая республика: Вольное общество любителей русской словесности / В. Г. Базанов. – М. ; Л., 1964.

81. Балувев, С. М. Очерки А. Ф. Писемского 1850-х годов / С. М. Балувев. – СПб., 2001.

82. Березина, В. Г. Русская журналистика первой четверти XIX века / В. Г. Березина. – Л., 1965.

83. Березина, В. Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1826–1839 гг.) / В. Г. Березина. – Л., 1965.

84. Березина, В. Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1840-е годы) / В. Г. Березина. – Л., 1969.

85. Березина, В. Г. Белинский и вопросы истории русской журналистики / В. Г. Березина. – Л., 1973.

86. Березина, В. Г. Этюды о Белинском-журналисте и критике / В. Г. Березина. – СПб., 1991.

87. Богомолов, Ю. А. Курьеры муз / Ю. А. Богомолов. – М., 1986.

88. Булацев, Х. С. Пионеры провинциальной печати / Х. С. Булацев. – Л., 1981.

89. Горизонты публицистики: опыт и проблемы. – М., 1981.

90. Громова, Л. П. А. И. Герцен и русская журналистика его времени / Л. П. Громова. – СПб., 1994.

91. Громова, Л. П. А. А. Краевский – редактор и издатель / Л. П. Громова. – СПб., 2001.

92. Дементьев, А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840–1850-х годов / А. Г. Дементьев. – М. ; Л., 1951.

93. Еремин, М. Пушкин-публицист / М. Еремин. – М., 1978.

94. Есин, Б. И. Русская газета и газетное дело в России (задачи и теоретико-методологические принципы изучения) / Б. И. Есин. – М., 1981.

95. Есин, Б. И. Русская дореволюционная газета / Б. И. Есин. – 1702–1917. – М., 1971.

96. Есин, Б. И. Три века московской журналистики / Б. И. Есин, И. В. Кузнецов. – М., 1997.

97. Журналистика и литература. – М., 1972.

98. Зеньковский, В. Начало «славянофильства». А. С. Хомяков / В. Зеньковский. – М., 1948.

99. Из опыта преподавательской работы со студентами-заочниками факультетов журналистики государственных университетов. – М., 1971.

100. Каверин, В. Барон Брамбеус / В. Каверин. – М., 1966.

101. Каменский, З. А. Н. И. Надеждин / З. А. Каменский. – М., 1984.

102. Катков, М. Н. Передовые статьи из газеты «Московские ведомости» / М. Н. Катков // Н. С. Смолкин. Россия и Запад в отечественной публицистике XIX века. – М., 1989.

103. Ковалева, М. М. Лекции по истории отечественной журналистики / М. М. Ковалева. – Ч. 1. – Екатеринбург, 1996.

104. Кошелев, В. А. Пушкин и Хомяков / В. А. Кошелев. – М., 1987.

105. Кулешов, В. И. История русской критики XVIII – начала XX в. / В. И. Кулешов. – М., 1991.

106. Кулешов, В. И. «Отечественные записки» и литература: 40-е гг. XIX в. / В. И. Кулешов. – М., 1959.

107. Кулябко, Е. С. Замечательные питомцы Академического университета / Е. С. Кулябко. – Л., 1977.
108. Лемке, М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия / М. Лемке. – СПб., 1904.
109. Лемке, М. Николаевские жандармы и литература: 1826–1855 гг. / М. Лемке. – СПб., 1908.
110. Лисовский, Н. М. Библиография русской периодической печати. 1703–1900 гг. : в 2 т. / Н. М. Лисовский. – М., 1995.
111. Литературные взгляды и творчество Н. А. Полевого. – М., 2002.
112. Мельгунов, Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»: Хроника, гипотезы, находки / Б. В. Мельгунов. – СПб., 1995.
113. Мельгунов, Б. В. Некрасов-журналист / Б. В. Мельгунов. – Л., 1989.
114. Методика изучения и преподавания истории русской журналистики на факультетах журналистики государственных университетов. – М., 1987.
115. Морозова, В. А. Редактирование. Общий курс / В. А. Морозова. – Ульяновск, 1999.
116. Морозов, В. М. К вопросу об идейно-общественной позиции журнала «Финский вестник» / В. М. Морозов // Ученые записки Карело-Финского ун-та. – 1955. – Т. 5. – Вып. 1.
117. Морозов, В. М. «Финский вестник» в борьбе против литературно-общественной реакции // Ученые записки Петрозаводского ун-та. – 1957. – Т. 6. – Вып. 1.
118. Музыкант, В. Л. Подготовка к творческому конкурсу по журналистике : учеб. пособие / В. Л. Музыкант. – М., 2000.
119. Муравьев, В. А. С. Хомяков / В. Муравьев. – М., 1988.
120. Накорякова, К. М. Редактор в альманахе, журнале и книге начала XIX века / К. М. Накорякова // Очерки по истории редактирования в России XVI–XIX веков. Опыт и проблемы. – М. : ВК, 2004.
121. Николаев, П. А. Сила слова: Русские революционные демократы о мастерстве журналиста / П. А. Николаев. – М., 1959.
122. Новгородская правда. Проспект газеты. – Новгород, 1975.
123. Овсепян, Р. П. В лабиринтах истории отечественной журналистики / Р. П. Овсепян. – М., 2000.
124. Орлов, В. Н. Николай Полевой и его «Московский телеграф» / В. Н. Орлов // Пути и судьбы. – М., 1963.

125. Панова, В. С. «Колокол» Герцена и Огарева об атеизме, религии и церкви / В. С. Панова. – М., 1983.
126. Пирожкова, Т. Ф. Славянофильская журналистика / Т. Ф. Пирожкова. – М., 1997.
127. Протоиерей Владимир Цуриков. А. С. Хомяков: Поэт. Философ. Теолог / Протоиерей Владимир Цуриков. – Джорданвилль, 2004.
128. Прохоров, Е. П. Белинский / Е. П. Прохоров. – М., 1978.
129. Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи / А. И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2001.
130. Реснянская, Л. Л. Газета для всей России / Л. Л. Реснянская, И. Д. Фомичева. – М., 1999.
131. Роот, А. А. Герцен и традиции вольной русской прессы / А. А. Роот. – Казань, 2001.
132. Роот, А. А. «Колокол» возрожденный, 1868–1869 / А. А. Роот. – Казань, 1989.
133. Роот, А. А. «Колокол» (1868–1869) и традиции русской вольной прессы / А. А. Роот. – Казань, 1996.
134. Русская журналистика и литература XIX в. : сб. статей / под ред.: Э. Г. Бабаева, Б. И. Есина. – М., 1979.
135. Русские писатели, XVIII век: Библиографический словарь / С. А. Джанумов, В. И. Коровин, С. Н. Травников и др. ; сост. С. А. Джанумов. – М. : Просвещение, 2002. – 224 с.
136. Сборник материалов к изучению истории русской журналистики / под ред. Б. П. Козьмина. – Вып. 1: XVIII в. и первая половина XIX века. – М., 1952.
137. Станько, А. И. Пушкин – журналист и редактор / А. И. Станько. – Ростов н/Д., 1973.
138. Станько, А. И. Русские газеты первой половины XIX в. / А. И. Станько. – Ростов н/Д., 1969.
139. Станько, А. И. Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII – 60-е гг. XIX в.) / А. И. Станько. – Ростов н/Д., 1986.
140. Станько, А. И. Пушкин-журналист, его размышления и разборы / А. И. Станько. – Ростов н/Д., 1999.
141. Станько, А. И. Журналистика Дона и Северного Кавказа / А. И. Станько. – Ростов н/Д., 1990.
142. Татаринова, Л. Е. Журнал «Московский телеграф» (1825–1834) / Л. Е. Татаринова. – М., 1959.

143. Татаринова, Л. Е. Русская бесцензурная пресса 50–60-х годов XIX века. Издания Вольной русской типографии (Герцена и Огарева) в Лондоне / Л. Е. Татаринова. – М., 1983.
144. Ученова, В. В. Беседы о журналистике / В. В. Ученова. – М., 1985.
145. Ученова, В. В. У истоков публицистики / В. В. Ученова. – М., 1989.

***Хрестоматии, сборники текстов,
справочники, каталоги, словари,
указатели содержания***

146. Андреева, Н. Ф. Русская периодическая печать / Н. Ф. Андреева, М. В. Машкова. – М., 1977.
147. Андреева, Н. Ф. Русская периодическая печать: Общие и отраслевые библиографические указатели (1703–1975) / Н. Ф. Андреева. – М., 1975.
148. Блинова, Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830–1831. Указатель содержания / Е. М. Блинова. – М., 1966.
149. Боград, В. Э. Журнал «Отечественные записки», 1839–1848: Указатель содержания / В. Э. Боград. – М.: Книга, 1985.
150. «Вести-Куранты». 1600–1639. – М., 1972.
151. «Вести-Куранты». 1642–1644. – М., 1976.
152. «Вести-Куранты». 1645–1648. – М., 1980.
153. «Вести-куранты». 1648–1650. – М., 1983.
154. «Вести-Куранты». 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. – Ч. 1, 2. – М.: Языки славянских культур, 2008.
155. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века: указатели к содержанию. – Л., 1987.
156. «Исторический сборник» Вольной русской типографии в Лондоне Герцена и Огарева. – Кн. 1–3. – М., 1971.
157. История российской журналистики. XVIII век: хрестоматия: в 2 ч. / авт.-сост. А. Г. Алтунян. – М., 2002.
158. История русской журналистики: хрестоматия. – М., 1991.

159. История печати: антология / сост.: Я. Н. Засурский, Е. Л. Вартанова. – М., 2001.
160. «Их вечен с вольностью союз»: Лит. критика и публицистика декабристов. – М., 1983.
161. «Колокол», газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева, Женева, 1868–1869: в 2 кн. – М., 1978.
162. Критика 40-х годов XIX века / сост. Л. И. Соболев. – М., 2002.
163. Макашина, Л. П. Русская реклама. Отечественная практика (1703–1919) / Л. П. Макашина. – Екатеринбург, 1995.
164. Масанов, И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. / И. Ф. Масанов. – М., 1956–1960.
165. Машкова, М. В. Русская периодическая печать, 1703–1975 / М. В. Машкова. – М., 1977.
166. Машкова, М. В. Общие библиографии русских периодических изданий, 1703–1954 / М. В. Машкова, М. В. Сокурова. – Л., 1956.
167. Отечественная журналистика XVIII–XIX веков: Тексты. – Екатеринбург, 2001.
168. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: в 2 т. – М., 1980.
169. «Полярная звезда», журнал. Лондон–Женева. 1855–1869: в 8 кн. – М., 1966–1968.
170. Попкова, Н. А. «Московский вестник»: журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827–1830: Указатель содержания / Н. А. Попкова. – Саратов, 1991.
171. Попкова, Н. А. Московский телеграф, издаваемый Н. Полевым. Указатель содержания: в 3 кн. / Н. А. Попкова. – Саратов, 1990.
172. Рак, В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: иностранные источники, состав, техника компиляции / В. Д. Рак. – СПб., 1998.
173. Русская журналистика XVIII–XIX веков: тексты. – М., 1986.
174. Русская литература XVIII века. 1700–1775 / сост. В. А. Западов. – М., 1979.
175. Русская литературная критика XVIII века: сборник текстов / сост., ред., вступ. ст. и примеч. В. И. Кулешова. – М., 1978.
176. Русская критика XVIII–XIX вв.: хрестоматия / под ред. В. И. Кулешова. – М., 1978.

177. Русская литература последней четверти XVIII века / сост. В. А. Западов. – М., 1985.
178. Русская литература XIX в. : хрестоматия критических материалов. – М., 1975.
179. Русская журналистика XVIII–XIX веков: Из истории жанров. – Л., 1969.
180. Русская журналистика в документах: история надзора. – М., 2003.
181. Русская периодическая печать: 1702–1894 : справочник / под ред.: А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черпахова. – М., 1959.
182. Русская периодическая печать: Указатели содержания. 1728–1995 / сост. Н. В. Ниткина ; ред. Н. К. Леликова. – СПб., 1998.
183. Русская сатирическая проза XVIII века. – М., 1986.
184. Русские просветители (от Радищева до декабристов). – Т. 2. – М., 1966.
185. Сатирические журналы Н. И. Новикова. – М. : изд-во АН СССР, 1951.
186. Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред. А. М. Панченко. – Вып. 1 (А–И). – Л. : Наука, 1988.
187. Сочинения Екатерины II / сост., вступ. ст. О. Н. Михайлова. – М., 1990. – 384 с.
188. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Журналистика». Утвержден приказом Минобрнауки РФ от 21.12.2010 г. № 775.
189. Хрестоматия по истории русской журналистики XIX века. – М., 1969.
190. Шмелева, А. С. Периодическая печать России: Журналы и продолжающиеся издания. 1703–1917 : каталог-справочник : в 3 т. – М., 1976.

194. <http://www.elibrary.ru/>
195. <http://media.utmn.ru/library>
196. <http://www.edudic.ru/>
197. <http://www.webknow.ru/zhurnalistika>
198. <http://slovari.yandex.ru/>
199. <http://knigolubu.ru/russian>
200. <http://fisechko.ru>
201. <http://wikipedia.org.ru>

Интернет-источники

191. <http://maxbooks.ru/bakhtiarov/obshestvo.htm>
192. <http://library.ru>
193. <http://lib/pushkinsjdom.ru/>

Учебное издание

РУБЛЕВА Лариса Ивановна

**ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
XVIII–XIX ВЕКОВ**

Учебное пособие

Корректор *В. А. Яковлева*
Верстка *Е. Ю. Иосько*

Подписано в печать 15.11.2012. Бумага «Инасория».
Гарнитура «Times New Roman». Формат 60x84^{1/16}.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100 экз.). Объем 20,5 усл. п. л.
Заказ № 852-12.

Издательство Сахалинского государственного университета
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16, тел./факс (4242) 45-23-17.
E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru, polygraph@sakhgu.ru